

Твоё ИМЯ после ДОЖДЯ

Виктория Альварес

Annotation

1903 года. Профессор Оксфордского университета Александр Куиллс, недавно вернулся домой в Оксфорд после участия в конференциях в Лондоне; молодой и застенчивый Оливер Сандерс работает в своей маленькой комнате в Бейлиол-колледже, окруженный словарями и готическими романами; любитель красивой жизни и женщин Лайнел Леннокс находится в Египте, готовясь осквернить могилу принцессы, чтобы украсть невероятно ценное сокровище. У троих друзей мало общего, но их объединяет интерес к новым наукам, изучающим потусторонние миры и очень скоро жажда познания приведет их в Ирландию, страну, преисполненную легенд, где камням есть что рассказать, а звук дождя похож на женский плач.

•

Твоё Имя после ДОЖДЯ

Виктория Альварес

Автор: Виктория Альварес/Victoria Álvarez
Оригинальное название: Tu nombre después de la lluvia
Название на русском: Твое имя после дождя
Серия «Сонные шпили» # 1/Ciclo de Dreaming Spires #1

Переводчик: Мария Сандовал
Редактор: Наталья Ульянова

Материал предназначен только для предварительного ознакомления и не несёт никакой материальной выгоды!

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Любое копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков — запрещено.

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

1903 года . Профессор Оксфордского университета Александр Куиллс , недавно вернулся домой в Оксфорд после участия в конференциях в Лондоне ; молодой и застенчивый Оливер Сандерс работает в своей маленькой комнате в Бейлиол - колледже , окруженный словарями и готическими романами ; любитель красивой жизни и женщин Лайнел Леннокс находится в Египте , готовясь осквернить могилу принцессы , чтобы украсть невероятно ценное сокровище . У троих друзей мало общего , но их объединяет интерес к новым наукам , изучающим потусторонние миры и очень скоро жажда познания приведет их в Ирландию , страну , преисполненную легенд , где камням есть что рассказать , а звук дождя похож на женский плач .

Пролог

Если бы смерть могла плакать, ее слезы были бы похожи на слезы того существа.

Он знал это с того момента, как услышал ее первый стон. С того самого момента как витражи замка впервые задрожали от вибрации бестелесного голоса, который пронесся по садам. Знал, что пришел его час. Когда Парка[1] пришла за ним, она не была скелетом с косой на плече. Нет, это был голос, только голос и ничего больше... тот самый, с еле сдерживаемыми всхлипами, слабый и могучий одновременно, прорывающийся сквозь раскаты грома, сотрясавшие маленькое поселение на ирландском побережье.

В эту ночь зубчатый силуэт замка вырисовывался на фоне неба как

огромная открытая пасть. Казалось, что панику чувствовали не только люди, но и дома и что даже они ощущали приближение беды.

У старика не было необходимости видеть это собственными глазами. Он почувствовал растущее вокруг него напряжение в тот момент, когда, с вытаращенными от необъяснимого ужаса глазами, ступил босой ногой на пол, вставая с кровати в комнате для гостей, которую для него приготовили. Страх, извиваясь, спускался по стенам, огибая узкие окна, утопая в изломанном узоре плюща, покрывающего замок и направлялся к фундаменту.

— Прочь отсюда, — казалось, говорили окружающие его вещи. — У тебя все еще есть время спастись!

Даже мебель вокруг скандировала как живое существо: — Уходи! — почти умоляла она его, пока он бежал, как безумный, к двери комнаты, спускался по лестнице в вестибюль. — Покинь это проклятое место как можно раньше!

Руки мужчины так дрожали, что он едва мог открыть засовы и замки, замыкавшие тяжелые дубовые двери. Наконец, он смог выбраться наружу и теперь бежал так, как будто за ним гнался сам дьявол. На нем была только ночная сорочка, мокрая от пота, несмотря на то, что на дворе стояла зима, самая холодная из тех, что случались на этом острове.

Шел такой сильный дождь, что трудно было различить что-либо даже прямо перед собой. Его ноги ежеминутно попадали в лужи и скользили по размокшей глине, он дважды чуть не ударился головой об нависающие ветки деревьев. Тем не менее, он ни разу не остановился — он знал, что если поторопится, то сможет добежать до своего дома за четверть часа, и как только попадет внутрь, обнимет жену и дочь, то бояться будет уже нечего. Бестелесный голос продолжит рыдать, но уже для другого человека, возможно даже для члена клана О'Лэри. В глубине души старик хотел именно этого. Какое право имел Голос провозглашать смерть человека, в жилах которого не течет ни капли крови из этого проклятого семейства.

Его сердце стучало все спокойнее с каждым шагом, хотя лицо его все еще походило на маску страха. Он думал, что уже почти достиг цели, еще чуть-чуть и он избежит страшной участи, когда снова услышал за спиной Голос. На этот раз все было гораздо хуже — старик услышал не всхлипы и рыдания, а имя, произнесенное сквозь слезы. Это было его имя.

— Господи, нет... Я не сделал ничего, чтобы заслужить такую ужасную смерть!

Его узловатые колени так дрожали, что почти стучали друг о друга. Он

снова погрузился в глину и ему пришлось протянуть руку, чтобы ухватиться за ветку и подняться. Вдруг молния осветила сады, окружавшие замок. В этот момент старик допустил страшную ошибку — он поддался искушению обернуться и проверить преследует ли его кто-нибудь. Когда он обернулся, ему показалось, что сердце остановилось. В сотне метров от него, на вершине холма, он увидел расплывчатый белый силуэт.

— Господи, не позволяй ему сделать это! Не позволяй ему забрать меня!

Теперь плач раздавался все ближе, несмотря на бушующую грозу. Обессиленный, дрожащий с головы до ног старик попятился и понял, что сойдет с ума, если продолжит смотреть. Поэтому он снова развернулся и продолжил свой бег вниз по склону. Он почти ощущал ледяное дыхание на затылке и прикосновение мертвых рук. Перед глазами появился забор, окружавший его дом. Он не знал как, но ему почти удалось достичь его. От спасения его отделяло лишь несколько метров. С беззвучной молитвой на устах он ускорил шаг....

Старик протянул руки к забору, но так и не смог коснуться его. Внезапно, жар и одышка, которые он ощущал из-за погони, переросли в такую острую боль, что он потерял равновесие. Перепуганный старик открыл рот, но вопль так и не сорвался с его уст.

Существо, приближаясь, продолжало произносить его имя. Человек не ошибся — Голос преследовал его, двигаясь так, как это могли делать только неприкаянные души — проходя сквозь деревья, чтобы сократить расстояние до своей добычи.

Ему повезло, что боль в груди не позволила обернуться еще раз. Он упал ничком на глину, с все еще протянутыми к забору руками и вытаращенными от страха глазами. Но хоть он и не мог двигаться, уши его продолжали напряженно вслушиваться. Он понял, что Оно все приближалось и приближалось, бесшумно и не спеша двигаясь, зная, что добыча уже не ускользнет.

Когда Оно остановилось рядом, старик уже не двигался. Глаза цвета грозы посмотрели на вымокшее под дождем тело. Лежащий в глине старик казался хрупким как никогда, беспомощным как дитя. Прозвучал последний стон:

— Фееерчэээр.

[1] Па́рки — три богини судьбы в древнеримской мифологии . Нона — тянет пряжу , прядя нить человеческой жизни , Децима — наматывает кудель на веретено , распределяя судьбу , Морта —

перерезает нить , заканчивая жизнь человека .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Город сонных шпилей

Глава 1

Локомотив наполнял копотью вечернее небо, словно закрашивая черным цветом акварель графства Оксфордшир, вид на который открывался из окна поезда. Он столько раз проделал этот путь, что безошибочно мог сказать в какой момент покажется тот или иной флюгер на крыше одного из попадавшихся по пути селений, или когда среди все еще покрытых снегом холмов промелькнет маленький пруд. Возможно, кому-то могло показаться скучным видеть столько раз одно и то же, но Александр Куиллс казался более чем умиротворенным. Для него это было доказательством того, что он вскоре прибудет к месту назначения. Домой.

Громыхание поезда, на который Александр сел на вокзале Паддингтон[1], время от времени погружало его в приятную полудрему, так же как и болтовня сидящего напротив Роберта Джонсона, который открыл январский номер журнала «*Light*», чтобы прочитать новости своему приятелю.

— «Несмотря на естественнонаучное образование, или, может, именно благодаря этому, вклад профессора Куиллса в нашей области знаний не может остаться незамеченным, — читал Джонсон, и с этими словами его круглое лицо осветилось улыбкой. Он был похож на гордого отца, которому учитель объявил о том, что его сын — лучший ученик в классе. — Теории, которые он изложил несколько дней назад на Лондонской конференции Сообщества исследователей сверхъестественного, можно считать одними из самых интересных в области спиритизма за последние десятилетия. Похоже, что, наконец, появился новый пророк».

Александр не обращал ни на что внимания и продолжал наслаждаться пейзажем, проносившимся за мутными запотевшими окнами. Он снова был там, где как он точно знал, именно сейчас увидит обесцвеченный временем бронзовый флюгер в форме русалки.

— «Это именно то, в чем мы так отчаянно нуждаемся сейчас, когда людям требуется научное обоснование, чтобы поверить в то, что эти невежды считали невозможным, — продолжал его приятель. — Это то, что профессор Куиллс может предложить человечеству — осязаемая, обоснованная надежда. Это самая достоверная теория из тех, что мы до этого изучали. Все остальные теории в сфере спиритизма меркнут перед

столь скрупулезными экспериментами».

— Этого могли бы и не писать, — прокомментировал Александр, опираясь головой об руку, в то время как взгляд его терялся среди облаков, пробегающих по небу. — Не думаю, что это лучший способ представить меня, особенно учитывая то, что я совсем не медиум.

— Я боюсь, что благородным дамам, участвующим в сеансах спиритизма в кулуарах Мэйфейра [2] и Ковент-Гардена [3], без разницы обладаешь ты этим даром или нет, — заверил его друг, все еще погруженный в чтение газеты. — Единственное что должно их волновать, это насколько изменится положение вещей, если представленные тобой в Лондоне механизмы смогут стать незаменимым атрибутом на любом сеансе. Мне кажется, ты все еще не осознаешь какой переворот совершат твои маленькие устройства.

Он пробежал глазами вторую колонку статьи и зачитал вслух заключительный абзац: — «Мы живем в эпоху, когда развитие технологий стало главной целью всего человечества. Наши читатели хорошо знают, как все мы слепо цепляемся за веру в то, что по ту сторону существует нечто, и что смерть — это еще не конец. Как можем мы теперь не присоединиться к восхвалению нашего профессора, который создал идеальный союз между наукой и верой, предоставил современные технологии к нашим услугам таким образом, что даже самые заядлые скептики поверили — то, во что все мы верили подтвердилось».

Поняв, что Александр даже не думал комментировать что-либо, Роберт наклонился через страницы «*Light*», чтобы понаблюдать за ним с некоторым удивлением. Только теперь он понял, что профессор молчал не из скромности, а лишь потому, что очень устал и хотел поскорее добраться до дома.

Это были очень напряженные дни. Невероятное количество рецензий, новостей и статей, опубликованных о нем специализированными изданиями, могло бы свести с ума любого другого человека. Но только не Александра Куиллса. Только немногочисленные самые близкие друзья знали, что он ни за что не занялся бы этим исключительно из тщеславия. Возможно, сейчас его имя было самым упоминаемым из всех членов distinguished Сообщества исследователей сверхъестественного, но, тем не менее, он по-прежнему оставался все тем же профессором Магдален-колледжа[4] при Оксфордском университете, измотанным после долгих часов проверки результатов экзаменов.

Его взгляд оставался печальным. Александру было тридцать семь, но он выглядел старше своих лет. Возможно, из-за пары седых волос,

появившихся в его бороде и светло-каштановых волосах, или из-за небольших мешков под голубыми глазами, продолжавшими вглядываться в облака через круглые очки в золотой оправе. Он был очень высоким и стройным и до мельчайших черт соответствовал представлениям об истинном британском джентльмене. Своей прирожденной элегантностью и тембром голоса он походил на аристократа, пока ваш взгляд не наткнулся на чернильные пятна на его пальцах.

«Продолжай пытаться охватить больше, чем можешь сделать, — сказал ему однажды приятель с издевкой. — Как если бы можно было перевернуть страницу, работая именно над этим... над машиной для связи с мертвецами!»

Пока друзья болтали, начался мелкий дождик, брызгая водяной пылью на окна. Он не задержался бы надолго, если бы ветер не собрал вместе тучи над их головами. На самом деле, то, что говорили об Англии, было правдой — можно было сесть где угодно на свежем воздухе и в течение часа увидеть смену всех четырех времен года.

— Чертовски холодно этим вечером, — пожаловался Джонсон, безуспешно пытаясь унять дрожь, запахивая поплотнее воротник пальто. — А ведь когда я уезжал в Лондон, мне казалось, что температура в вагоне вполне комфортная. Я почти вижу пар изо рта!

— Прекрати жаловаться, — слегка улыбнувшись, ответил Александр. — Я уверен, что ты согреешься, когда сойдешь с поезда, Роберт. Или, скорее, когда мы расстанемся.

— Любой, кто услышал бы тебя сейчас, подумает, что ты самый недовольный человек в мире. К счастью, мы знали тебя и в лучшие моменты и не верим в это.

Друг Александра был примерно того же возраста, ниже ростом и коренастый, с похожим на полную луну лицом, на котором выделялись большие серые глаза. Они были знакомы много лет, хоть их нынешняя встреча в Лондоне была совершенно случайной. Джонсон находился в Лондоне по делам, связанным с завершением работ в приюте Рединга, которым он заведовал. Александр и Роберт встретились в книжном магазине Хэтчердс и, проговорив около часа, решили поужинать вместе.

Именно тогда Джонсон узнал, что его друг прибыл в Лондон для того, чтобы в Сообществе исследователей сверхъестественного прочитать лекцию о недавно запатентованных устройствах, благодаря которым можно было обнаружить присутствие эктоплазмы[5]. Рассказ друга, так заинтересовал Роберта, что тот решил продлить свое пребывание в Лондоне еще на несколько дней и поприсутствовать на лекциях

Александра. Сейчас, увидев как один из самых влиятельных спиритических журналов Британской Империи, вторил его собственным впечатлениям от выступлений профессора, Джонсон едва сдерживал радость и гордость от дружбы со столь известным ученым. Когда поезд потихоньку отъехал от вокзала Слау[6], на которой остановился на пару минут, Роберт наклонился вперед и спросил как можно тише:

— Можно тебя спросить, что ты предложишь миру в следующий раз? Над чем сейчас работает знаменитый профессор Куиллс? Над каким-нибудь схожим устройством или...?

Александр снова улыбнулся:

— Боюсь, я пока не могу говорить с тобой об этом. Ни один ученый не расскажет о результатах экспериментов, пока не будет полностью уверен в их успешности.

— Да ладно тебе, я не собираюсь рассказывать об этом по всему Редингу[7]. Просто хочется узнать об этом первым на правах старого друга, с которым ты учился в Магдален-колледже много лет назад.

Ответ был довольно расплывчатым:

— Я действительно работаю сейчас над чем-то подобным, но в данный момент эксперимент находится на начальной стадии. Это касается гораздо более амбициозного проекта, чем детектор эктоплазмы. Я работаю над прибором, на усовершенствование которого уйдут многие месяцы или даже годы. Впрочем, необходимость затрачивать столько времени меня мало волнует, так как сейчас мне особо нечем заняться.

— Тебе следует восстановить твою прежнюю должность в Магдален-колледже. — посоветовал Джонсон. — Не думаю, что нынешние исследования сильно противоречат твоим университетским лекциям по физике и энергетике. Я уверен, что студенты скучают по тебе больше, чем ты думаешь.

— Ты знаешь не хуже меня, что пока Джон Клейпол является ректором Магдалена, меня даже на порог колледжа не пустят, — отрезал, помрачнев, Александр.

Джонсон заметил, что его друг неосознанно поигрывал золотым кольцом на правой руке. Грозовые облака, пробежавшие по небу, отбрасывали тень на лицо профессора, и Роберт благоразумно решил промолчать. Наконец, Александр нарушил тишину:

— Как себя чувствует твоя жена? Могу себе представить, что она ждет — не дождется твоего возвращения. Должно быть, нелегко справляться с двумя дюжинами неугомонных детей.

— Конечно, нелегко, но Мэри Джейн уже привыкла, — Джонсон

заговорщицки усмехнулся. — На самом деле, я думаю, что и дома, и в приюте именно она — «обладательница штанов». Наши ребяташки уважают ее гораздо больше, чем меня. Она умеет заставить их слушаться.

Александр был полностью согласен с этим. Любой, кто осмелится дать отпор столь темпераментной даме размером с кита и способностью мгновенно перейти от нежности к ярости, должен обладать поистине бесстрашным сердцем.

— А как Шарлотта? — продолжил он расспросы. — Как она? Как у нее дела?

— Она очень выросла, — хохотнул Джонсон. — Видел бы ты ее, Александр. Через пару месяцев она станет еще выше, чем ее мать. Это невероятно, насколько незаметно бежит время: кажется, только вчера я сажал ее на качели в саду!

— Тебе следует быть осторожнее теперь. В любой момент появятся ухажеры...

Казалось, была найдена очень удачная тема для разговора, потому что Джонсон продолжал с воодушевлением говорить о двух женщинах всей своей жизни следующие полчаса. Когда поезд сбавил ход и подъехал к вокзалу Рединга, уже стемнело. Роберт с трудом встал, сложил «*Light*» и сунул его в подмышку.

— Наконец, мы дома! Лучше поскорее забрать чемоданы, пока остальные пассажиры не устроили тут неразбериху. Тем не менее, я обещаю, — добавил он насмешливо, — что не дотронусь до твоих чудесных приборов, чтобы попытаться удовлетворить свое любопытство.

— Они так хорошо упакованы, что тебе станет скучно еще до того, как ты до них доберешься.

Профессор протянул ему руку, и Джонсон ответил приветливым пожатием.

— Передавай от меня привет Оливеру, когда его увидишь. Скажи, чтобы он приехал к нам на пару дней в начале весны. Наш приют по-прежнему остается его первым домом, хоть и прошло уже семь лет, с тех пор как он оттуда уехал.

— Передам, — пообещал, улыбаясь, Александр. — Уверен, он будет рад принять твое приглашение.

— Когда он приезжал к нам прошлым летом, то рассказывал детям страшные истории, которые произвели на них неизгладимое впечатление. Ребята не смыкали глаз целую неделю! — произнес Роберт, покачивая головой, словно с трудом верил, что парнишка, выросший под его крышей, мог так увлечься готической литературой. — Оливер — это нечто.

Коридор заполнялся людьми, жаждущими получить, наконец, свой багаж. Джонсон открыл дверь, чтобы присоединиться к ним, но, прежде чем выйти, обернулся в последний раз к Александру и произнес вполголоса:

— Приглашение Оливеру распространяется и на тебя, но это не только потому, что я знаю, что ты — его лучший друг. Я искренне считаю, что ты был один слишком долгое время. Это ненормально — так долго заниматься одним и тем же в полном одиночестве.

— Благодарю тебя, Роберт. Но, как я тебе уже говорил, у меня очень много работы.

— Я настаиваю, — ответил ему друг, явно не намереваясь принимать отказ. Тебе лучше согласиться на мое предложение, иначе Мэри Джейн придется поехать за тобой в Оксфорд.

Мужчина исчез в толпе, пытаясь проложить себе путь среди перекрикивающихся между собой мужчин и женщин. Наконец, через несколько минут Александр увидел его выходящим на перрон. Джонсон еще раз обернулся в сторону вагона и помахал рукой, прежде чем продолжить путь к выходу, где он сядет в такси чтобы доехать до приюта в окрестностях Рединга.

Почти сразу же поезд снова тронулся в путь. Александр отвел взгляд от удаляющегося силуэта Джонсона, облокотился на спинку сиденья и, воспользовавшись тем, что место напротив пустовало, вытянул ноги.

«Должен признать, что мне бы понравилось путешествовать вместе с Оливером. И с Лайнелом тоже, хотя, я уверен, они будут издеваться над бедным Джонсоном каждый раз, когда тот откроет рот», — подумал он с легкой иронией.

Оставалось совсем немного до прибытия в Оксфорд, но это время показалось вечностью. Его приятель ошибался, говоря, что он проводит один слишком много времени. Главной проблемой Джонсона было то, что он никогда не мог побыть один... несмотря на то, что о нем думали люди, с которыми он сталкивался ежедневно на улицах города.

[1] **Паддингтон** — крупнейший железнодорожный узел в одноимённом районе округа Вестминстер в северо - западной части Лондона .

[2] **Мэйфейр** — один из самых фешенебельных районов Лондона .

[3] **Ковент - Гарден** — район в центре Лондона , в восточной части Вест - Энда между Сент - Мартинс Лейн и Друри - лейн . Популярное место для шопинга и туристическая достопримечательность вместе с

расположенным здесь Королевским Домом Оперы , также известным , как « Ковент - Гарден ».

[4] **Магдален - колледж** — один из учредительных колледжей Оксфордского университета в Англии .

[5] **Эктоплазма** — от др .- греч . *ἐκτός* « вне » и *πλάσμα* « нечто сформированное » — в оккультизме и парапсихологии — вязкая субстанция загадочного происхождения , которая якобы выделяется организмом медиума и служит затем основой для дальнейшего процесса материализации .

[6] **Слау** — городской вокзал в графстве Беркшир (до 1974 года Бакингемшир), находится примерно на полпути между станциями Рединг и Паддингтон .

[7] **Ре́динг** — город в Англии , выделен в унитарную единицу в центральной части графства Беркшир .

Глава 2

В тысячах километров на восток, сотни цариц и принцесс Древнего Египта спали, убаюканные песками. Луна, взошедшая той ночью над Долиной Цариц [1], покрыла серебром дюны, еще хранившие тепло прошедшего дня, несмотря на то, что ночная мгла принесла за собой холод. Три египтянина перешептывались, свернувшись калачиком в сотне метров от нового места раскопок в долине. Это были трое *феллах* [2], наемные рабочие, днем занимавшиеся выемкой грунта для западных археологов, а по ночам дежурившие по очереди, чтобы ни один чужак не пробрался к месту раскопок гробницы. Они сидели, набросив полосатые покрывала поверх белых галабей [3] и болтали, не сводя глаз с фонаря, зажженного над входом в гробницу, как если бы оттуда могли появиться сфинксы из плоти и крови.

Уже перевалило за полночь, когда внимание одного из них привлекло движение со стороны ближайшей дюны — маленький ручеек песка скользнул по склону. Парень вскочил на ноги, остальные последовали его примеру. Кто-то приближался со стороны реки, подгоняя верблюда, на котором ехал верхом: «*Yalla! Yalla!*», что выдавало нетерпение седока. Буквально через пару секунд появился силуэт крупного мужчины, который по мере приближения проявлялся все четче и четче на фоне дюны. Египтяне узнали его — именно под его руководством они работали вот уже почти месяц. Этого человека звали Лайнел Леннокс, это был один из тех английских археологов, которого оплачивающий все расходы на раскопки граф Ньюберри рекомендовал руководителю работ Теодору М. Дэвису [4].

Хоть Лайнел и не был египтянином, у него были такие же как у них черные глаза и густые волосы, выглядывающие из-под широкополой шляпы. Двадцатисемилетний мужчина был крепкого телосложения, с полными чувственными губами, которые выглядели довольно вызывающе для Англии, в которой он провел добрую часть своей жизни. Сейчас их искажала гримаса плохого настроения, явно вызванного присутствием феллах. Он не предполагал, что в Долине цариц может быть столько народа.

«Да это просто праздник какой-то, — буркнул он, останавливая верблюда рядом со стражами. — И это именно тогда, когда мне меньше всего надо чтобы меня видели...»

— *Masa el khayr*, — поприветствовал он юношу. Он спешил и со вздохом облегчения отдал поводья. Никогда он не привыкнет к этой тряске. — У гробницы есть охрана? (*Masa el khayr* с арабского — *Добрый вечер* — прим.пер.)

— *Aiwa, mudir*. Те же, что и всегда, господин, — ответил тихонько молодой человек. (*Aiwa, mudir* с арабского — *Да, начальник* — прим.пер.)

Лайнел кивнул в ответ. Он похлопал по штанам, чтобы стряхнуть с рук налипший в пути песок и посмотрел в сторону света, горевшего в сотне метров от него. Если охранники действительно те же, то все будет гораздо проще. Главное, придумать историю по правдоподобнее, чтобы они ничего не заподозрили.

Годы любовных походов помогли ему развить прямо-таки талант к импровизациям. Все должно было пройти хорошо этой ночью.

— Не уходите, — сказал он охранником спустя пару минут. — Скоро вернусь, чтобы забрать своего верблюда. Мне надо закончить кое-какие подготовительные работы в гробнице.

— Как пожелаете, *mudir*. Мы останемся здесь на всю ночь.

Отлично. Там тоже не должно быть проблем: суеверный страх египтян перед всем, что касалось царских мумий, не позволял им и шагу ступить в том направлении, в котором собирается идти Лайнел.

С нарочитым спокойствием он пошел по направлению к свету, который мерцал словно маяк среди посеребренных дюн прямо за балками, установленными Дэвисом двумя днями раньше у входа в гробницу. Четыре комнаты, переполненные погребальной утварью и мумия легендарной принцессы, находящееся в одном из саркофагов, покрытых золотыми пластинами, не могли не вызывать искушение у расхитителей гробниц.

Молодой человек провел рукой по давно небритому подбородку, пытаясь придать себе беззаботное выражение лица, и поприветствовал

улыбкой солдат, нанятых начальником на случай того, если присутствия феллахов будет не достаточно, чтобы не подпускать бессовестных воришек. Трое чистокровных англичан не старше Лайнела, сгрудились вокруг маленькой газовой лампы и старой кофеварки, издающей соблазнительный сладкий аромат свежесваренного *ahwa mazboot* (один из вариантов приготовления кофе в Египте — прим.пер.).

— Доброй ночи, ребята, — поздоровался он. — Чертовски холодно!

— И не говорите, господин Леннокс. Мы знали, что жара в пустыне беспощадна, но это уже слишком, — поддакнул один из солдат, пытаясь поплотнее завернуться в одеяло и крепче обхватить чашку с кофе. — Не хотите немного?

— Спасибо, Дэвидсон, но я не могу себе этого позволить. У меня много дел.

— Собираетесь работать посреди ночи? — удивился второй из солдат. — В это время?

— Боюсь, у меня нет выбора, — проворчал Лайнел. — Меня отправил сюда сам Дэвис, обнаружив сегодня вечером, что мы забыли кое-какие инструменты в помещении с саркофагом. И так как завтра придут первые представители органов власти, которые захотели присутствовать на вскрытии пирамиды, то мы не можем себе позволить произвести плохое впечатление. Особенно когда тут постоянно крутятся Скиапарелли и типы из Итальянской археологической миссии, в надежде выяснить что у нас в руках прежде, чем появятся официальные публикации в газетах. Слишком многое поставлено на карту.

— Полагаю, что помимо представителей «*Times*», придут члены Службы древностей [5], — рассуждал Дэвидсон, самый бойкий из ребят. — И, возможно, высокопоставленные чиновники.

— Горстка политиков, считающих себя причастными к археологии, и оттого оскорбленными тем, что их не пригласили, — согласился Лайнел. — Дэвис мне рассказал пару часов назад, что, возможно, придет сам губернатор.

Молодой человек удивленно присвистнул, приподняв брови над большими светлыми глазами.

— Значит, будет не лишним поинтересоваться как у него дела. Он, должно быть, превратился в комок нервов. К рассвету здесь будет целая толпа журналистов!

— Это еще одна причина для того, чтобы все привести в порядок.

Солдаты согласно закивали. Дэвису ничего не оставалось кроме как удовлетворить просьбу Лайнела подойти к склепу.

«Не хочу произвести плохое впечатление», — сказал он ему накануне.

«Я предупредил охрану о том, чтобы они не разрешали никому заходить, пока мы не заберем забытые инструменты. И чтобы это было в последний раз!» — Лайнел с усилием склонил голову перед начальником. Это последний раз, когда он это делает. Если все пройдет так, как он спланировал, то через три дня он будет уже на борту корабля, который доставит его из Александрийского порта в Лондон.

— Оставайтесь с нами, когда закончите, если не очень устали, мистер Леннокс, — попросил Дэвидсон.

— Да, нам очень нравится слушать ваши истории. Остальные археологи кажутся такими же застывшими, как их мумии. Вы еще не дорассказали нам про новобрачную графиню...

Лайнел не смог сдержать усмешку. Бедные парни, ему почти стало стыдно за то, что он собирался сделать втайне от них. Остается надеяться, что никто ничего не заметит.

— Хорошо, — пообещал он со своей лучшей улыбкой на устах. — Но будет лучше, если я как можно быстрее примусь за работу. У вас нет случайно запасной лампы в долг?

Один из солдат пошел поискать лампу в одном из мешков, лежащих у забора. Вскоре он вернулся с маленькой масляной лампой и протянул ее Лайнелу.

— Удачи вам внутри, — сказал он, прощаясь. — И берегитесь проклятий!

Лайнел поднес руку ко лбу, отдавая честь. Пустынный ветер дул как никогда сильно, когда он входил в сумрачный коридор, держа лампу на вытянутой руке, чтобы хорошо видеть, куда наступать. За спиной был слышен гомон солдат, но вскоре он смолк. Когда Лайнел повернул направо, то воцарилась тишина, как если бы стены, построенные тысячи лет назад, не хотели отражать эхо от слов, которые, без сомнения, были бы кощунством.

Внезапно Лайнел остановился на несколько секунд, тяжело дыша. Он был совершенно один.

Спертый воздух все еще ощущался, несмотря на то, что гробницу открыли две недели назад. *«Это запах смерти, который остается после нас, — подумал он, продолжая углубляться в полумрак. — Этот запах не имеет ничего общего с тленом. Лучше поторопиться».*

Мересаменти [6]. Это имя повторялось вновь и вновь на стенах захоронения.

Принцесса Мересаменти, самая известная дочь Неферхе-перура

Аменхотепа, более известного как Эхнатон [7], инакомыслящий фараон, проклятый, который во время своего правления хотел предать забвению прежнего бога Амона, заменив его другим божеством.

Время правления Эхнатона было обагрено кровью, точно также, как и при его любимой дочери. О Мересаменти было известно больше, чем обо всех других принцессах, когда-либо рождавшихся на земле Кемет [8], несмотря на то, что до сих пор не было найдено ее захоронение. И это не потому, что археологи не старались его найти с того момента, как начались первые раскопки Фиванского Некрополя [9]. Для любого, связанного с египтологией, она была почти легендарным персонажем. В Амарнских письменах [10] говорится, что ее лицо было похоже на обманчивый пустынный мираж, а улыбка навевала мысли о гниющей крови из смертельной раны. На всех ее возлюбленных обрушивалось проклятье — страсть, которую они чувствовали к принцессе, заставляла их убивать и умирать.

Даже ее прозвище отражало сущность этой женщины. Возлюбленная ада. Женщина, способная довести мужчин до гибели.

Мерцающее пламя лампы, казалось, оживляло росписи, покрывающие стены склепа. Одна из них так поразила Лайнела, что он остановился перед ней на несколько минут: там была изображена Мересаменти, сидящая с зеркалом в правой руке. Молодой человек поднял повыше лампу, чтобы получше рассмотреть изумительную фреску, которую Дэвис назвал «величайшее сокровище гробницы». Каждый раз, когда Лайнел смотрел на нее, по его телу словно пробежал чувственный разряд. Взгляд его темных глаз застыл на изгибах, угадывавшихся меж складок льняного полотна черного цвета, так редко встречавшегося на погребальных фресках, при этом ей этот цвет подходил как нельзя лучше. Под тяжелым золотым ожерельем со стеклянными бусинами виднелась высокая обнаженная грудь, а в волосах сверкала диадема, украшенная перьями стервятника.

«Как жаль, что мне не довелось познакомиться с ней, — думал Лайнел, будучи не в силах отвести взгляд от ее груди. — Думаю, я родился не в ту эпоху».

Вдруг что-то всколыхнуло пламя лампы. Лайнел снова продолжил путь к саркофагу. Поток ледящего воздуха, берущего свое начало в глубинах гробницы, коснулся пряди его волос. Молодой человек презрительно усмехнулся.

— Да ладно, не время сейчас для фокусов, — тихо проговорил он, продолжая идти, твердо держа лампу в руках. — Если то, что говорят о тебе легенды — правда, то не думаю, что в Египте найдется, хоть один

мужчина, способный вызвать твоё возмущение.

Лайнел предполагал, что помимо четырех саркофагов, покрытых толстыми золотыми пластинами, мумия Мересаменти погребена в закрытом склепе. Не было необходимости в устройствах профессора Куиллса, чтобы понять, что здесь бродит неприкаянная душа.

«Интересно, чтобы в подобной ситуации сделал бы Александр», — подумал он. Любезничал бы с мертвой принцессой? Разумеется, нет. Скорее всего, обвинил бы Лайнела в надругательстве над святыней. Он всегда так делал.

Он второй раз повернул за угол, спустился по очередному лестничному пролету и внезапно оказался в погребальном зале. Здесь покоилась Мересаменти, завернутая в тесные бинты и защищенная сотнями амулетов, спрятанных в каждой складке. Миндалевидные обсидиановые глаза, инкрустированные в крышку саркофага, казалось, посмотрели с недоброй насмешкой, когда Лайнел прошел рядом, едва удостоив ее недоверчивым взглядом. В отличие от распространенного мнения, самым интересным в том зале была вовсе не мумия принцессы, и не бесчисленные предметы великолепной утвари. Совсем напротив, Лайнел остановился у самой дальней стены, на которой тщательнейшим образом был изображен суд Осириса. Именно это он и искал.

Молодой человек поднял лампу, чтобы осветить бесконечную вереницу сложных иероглифов и рассмотреть все как можно лучше.

«Возможно, в чем-то Дэвис был прав — мне стоило научиться распознавать этот язык? — неохотно признал он. — Хотя, это по части Оливера — он один знает больше языков, чем все мы вместе взятые могли бы изучить за всю жизнь. В любом случае, мне нет необходимости расшифровывать какие-либо символы «Книги мертвых» [11], чтобы найти то, что мне нужно». Он пробежал глазами стену еще и еще, изучая желтовато-белую поверхность, пока, наконец, не нашел нужный символ на нижней части стены, на уровне своих стоп. Он с трудом сдержал победную улыбку.

На первый взгляд это было похоже на какое-то веревочное орудие, снабженное более длинной, чем обычно рукояткой, но Лайнел знал, что это не так просто, как кажется. Именно так египтяне изображали сущность человека, его нутро: напоминающий сердце овал внизу с вертикальной линией, имитирующей трахею.

Этот иероглиф читался как «*nefer*», а «*nefer*» означает «красота». Именно это определение, по его скромному мнению, как нельзя лучше подходило для описания прекрасного тела принцессы.

Согласно летописи, о которой было известно лишь самому узкому кругу людей, — Лайнелу ее показали в условиях строжайшей конфиденциальности, — слугам было приказано спрятать под этим символом нечто невероятно ценное.

Никто из археологов группы Теодора М. Дэвиса не верил этим слухам и даже не предполагал, что один из иероглифов гробницы Мересаменти скрывает сокровище. И, разумеется, так и будет продолжаться после того, как Лайнел приложит к этому руку. Стараясь не разрушить старинную роспись, он оперся руками о стену гробницы. В его взгляде читалось вовсе не нетерпение ученого на пороге величайшего открытия, а жажда наживы.

— Прошу прощения, красавица. Сожалею от всего сердца, — он опустил на колени, осторожно поставив лампу рядом с собой, и расстегнул куртку, чтобы достать инструменты, которые он якобы забыл в пирамиде, а, на самом деле, принес с собой. — Как жаль, что обстоятельства сложились именно так, — продолжал он говорить. — Ничего личного.

Расстелив маленькое одеяло у подножия стены, мужчина взял стамеску и молоток. Он знал, что надо действовать, не только тихо, но и быстро. Задержав на мгновение дыхание, Лайнел нанес первый удар по облицовке. Посыпались маленькие белые осколки, еще, еще, потом кусочки побольше. Лайнел не мог сдержать широкую улыбку, поняв, что не ошибся: сырость, повредившая часть росписи, размягчила стену, существенно облегчив ему работу. Через несколько минут образовалось отверстие достаточно большое, чтобы туда поместилась рука. Едва дыша, он осторожно прощупал дыру изнутри и почти сразу его пальцы на что-то наткнулись.

— Вот ты где... — пробормотал Лайнел. Он лег на пол, чтобы было удобнее и сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Затем ухватил за край нечто, похожее на сверток из льняного полотна, чтобы медленно вытащить это из тайника. Лайнел на всякий случай оглянулся через плечо, но, похоже, никто не встревожился из-за ударов молотка. Он был один на один со своей находкой... и с Мересаменти.

Держа в руках найденное сокровище, Лайнел понял, почему Александр Куиллс казался ему самым умным из друзей. Оно было именно там, где предположил профессор, в дальнем уголке забытой гробницы, затаившись на три тысячи лет, чтобы кто-нибудь, наконец, нашел его. Это было зеркало, когда-то отражавшее чарующую красоту Мересаменти, и которое, согласно легенде, принцесса всегда носила с собой. Зеркало, изображенное на той самой фреске, которая так притягивала археологов,

неспособных распознать, что в легендах о его чудодейственной силе было зерно правды.

Зеркало было примерно 20 см в длину, и, судя по издаваемому при тряске звуку, находилось в ящике, завернутом в множество слоев льна для сохранности. У Лайнела не было времени в этом убедиться. Он рассмотрит находку поподробнее через несколько дней, когда уедет в Англию. Улыбаясь в предвкушении выражения лиц Александра и Оливера при виде зеркала, он аккуратно положил его рядом и стал гипсом заделывать проем в стене. Все шло по плану.

— В любом случае, не думаю, что зеркало необходимо тебе прямо сейчас, — продолжал разговаривать Лайнел с разъяренным духом, который, по его убеждению, бродил здесь из зала в зал. — Ты итак вошла в историю как красивейшая из всех существовавших женщин. Так чего тебе еще надо?

Выйдя из склепа, Лайнел потратил пару мгновений, чтобы придать себе спокойное выражение лица, чтобы охрана не догадалась о произошедшем в недрах гробницы. Он прочистил горло, направляясь к выходу с коробкой, завернутой в лен, за пазухой. И, достигнув внешней границы раскопок, весело сказал:

— Ну вот, я провозился дольше, чем планировал, но приложил все усилия, чтобы к утру все выглядело безупречно. Думаю, что даже Дэвис не найдет к чему...

Он хотел сказать «придраться», но слова застряли у него в горле. Он споткнулся обо что-то мягкое прямо на выходе. Поколебавшись несколько секунд, Лайнел поднял повыше лампу. Как только он это сделал, то не смог сдержать вопль ужаса.

Молодой Дэвидсон лежал лицом вниз с кровоточащей раной на затылке. Похоже, что он был еще жив: с его губ сорвался едва слышный стон. Его напарников настигла та же участь — они лежали ничком у ворот, голова одного из них была склонена к плечу другого. Лайнел выругался сквозь зубы. Он собирался наклониться, чтобы попытаться помочь Дэвидсону, но вдруг ощутил, что кто-то приближается к нему за спиной, поэтому резко развернулся, роняя на песок лампу.

Он просто онемел от изумления, поняв, что окружен. Паренек, которого он попросил присмотреть за верблюдом, смотрел на него диким взглядом, пятясь назад, чтобы на всякий случай держаться подальше. В смуглых руках была веревка. Только сейчас Лайнел заметил, что английские солдаты были связаны.

— Что, черт возьми, тут происходит? — произнес он. Голос слегка

дрожал, но больше от ярости, чем от страха перед тем, что его сейчас ждет. — Что вы задумали? Получается, что вы тоже работаете на других?

— По-моему, не только они, Леннокс.

Лайнел повернулся, чтобы посмотреть, кто ему ответил. Феллах тут же воспользовался моментом и схватил его за руки. Попытки вырваться ни к чему не привели. На участке, освещенном висящими у входа в усыпальницу газовыми лампами, появились два других египтянина. Англичанина толкнули так, что тот упал на колени на песок прямо перед темной лошадью, приближающейся шаг за шагом. Подняв глаза, Лайнел увидел закутанную с головы до ног в черное фигуру, осматривающую все вокруг с вершины холма. Незнакомец был одет в балахон подобно жителям пустыни, лицо полностью скрыто платком. Единственное, что можно было разглядеть среди складок, это пристально смотрящие глаза цвета ночи.

Не было никакой необходимости в том, чтобы феллахи продолжали удерживать Лайнела — при всем своем желании он просто не мог сдвинуться с места под влиянием смотревших прямо на него миндалевидных глаз. Человек в черном остановил своего коня так близко, что ощущалось дыхание животного. Складки прикрывающего лицо платка задрожали. Незнакомец явно насмехался над Лайнелом.

— Вы себе не представляете, как я сожалею, что мы познакомились при столь странных обстоятельствах, — сказал незнакомец совершенно спокойно. У него был немного хриплый голос, как бывает у людей с поврежденными голосовыми связками. — Но мне ничего не оставалось, как спокойно ждать, пока вы не выполните свою часть работы. Я вас поздравляю, друг мой, вы отлично справились.

— Боюсь, я понятия не имею, о чем вы говорите, — ответил Лайнел. — Единственное, что я делал в гробнице, это забирал некоторые....

— Некоторые инструменты, которые вы забыли. Именно это вы сказали тем бедолагам. Как жаль, что они настолько вас уважают, что верят всему, что вы им говорите. Даже у стен с тысячелетней росписью есть уши. Я знаю, что вы делали внутри.

— Так значит, стены не только говорят, но и слышат. Какого черта вам от меня надо?

Пронзительные глаза превратились в две узкий щелочки.

— Вы знаете, что мне нужно, Леннокс. Тоже, что и вам. То, что вы сюда вынесли.

— Тысячелетнее очарование Фиванского Некрополя? — ответил Лайнел с иронией. — Если это так, то вам повезло. Вам стоит только оглянуться вокруг, чтобы ощутить...

Он прикусил язык, когда один из феллахов ударил его по затылку, повинувшись знаку всадника. Лайнелу оставалось только снова уставиться на свои колени, утопавшие в песке.

— Не пытайтесь играть со мной, — предупредила черная фигура. На этот раз голос зазвучал спокойно, хоть и по-прежнему хрипло. — Я прекрасно знаю, что вы делали в гробнице Мересаменти. Вы не так глупы, как пытаетесь показаться, Леннокс. Вы терпеливо ждали, пока Дэвис и его люди не будут совершенно очарованы вашими открытиями, чтобы похитить самую важную вещь Мересаменти. И мне без разницы, кто мог поручить вам это, и что вам предложили за доставку в Англию. Я тоже собираюсь предъявить свои права и нет ничего, что может помешать мне уйти не с пустыми руками.

Обездвиженный феллахами, Лайнел не мог помешать обыскать его и достать из-под куртки сверток. Глаза пустынного всадника вспыхнули, как два ярко красных уголька, когда ему передали сокровище. Пока Лайнел тщетно пытался вырваться из рук наемников, незнакомец размотал слои обесцвеченного временем льна один за другим, открыв взору деревянный ящик, предназначенный для хранения самой ценной реликвии Мересаменти. Ящик был сконструирован в форме коптского креста [12] и покрыт золотыми пластинами точно так же, как саркофаги.

Когда, наконец, открыли крышку, Лайнел затаил дыхание. Нечто внезапно отразило свет газовых ламп: тонкий бронзовый диск, казалось, вобрал в себя весь свет. Ручка была выполнена в виде богини Нефтис [13] с большими изогнутыми крыльями, которые образовывали рамку зеркала. Вещица выглядела так, словно только что вышла из-под руки мастера. Ничто не указывало на то, что она три тысячи лет пролежала спрятанная от посторонних глаз в стене гробницы Мересаменти.

— Наконец-то... — прошептал хриплый голос.

Лайнелу показалось, что он даже различил дрожь пальцев, сжимавших рукоять зеркала. Его пронзил болезненный укол зависти. В конце концов, не он первым явил миру драгоценность.

— Наконец-то, ты здесь, — продолжал голос. — Так же прекрасно, как описывали тебя в легендах. И как здорово, что лишь немногие знали о твоём существовании.

Несколько минут спустя деревянный ящик упал в песок, а черный всадник спрятал зеркало в складках своего балахона.

— Было очень любезно с вашей стороны, чрезвычайно любезно, мистер Леннокс. Мне пришло в голову, что вам хотелось бы оставить себе хотя бы ящик в качестве утешительного приза. Он может послужить вам

доказательством того, что зеркало действительно находилось в гробнице. Более того, — добавил он, окидывая взглядом Долину цариц, — разумный человек никогда не оставит его брошенным на землю. Иначе вам придется объяснять Дэвису, почему данный предмет отсутствует в описи.

Два египтянина, удерживавших Лайнела все это время, отпустили его. Наконец, он мог с ворчанием размять затекшие пальцы. Загадочный всадник жестами приказал феллахам исчезнуть, пока не рассвело, оставив на песке ящик. Но Лайнел не собирался так легко сдаваться, он слишком далеко зашел, чтобы позволить кому-то забрать его трофей. Когда мужчина в черном повернулся спиной, направляясь к дюнам, Лайнел выхватил из правого сапога маленький пистолет, который всегда носил с собой. Он схватил пистолет, ругая непослушное тело, и направил дуло в сторону удалявшегося всадника.

Он даже не успел прицелиться. Похоже, незнакомец уловил движение уголком глаз, так как еще до того, как Лайнел смог нажать на курок, тот обернулся и выстрелил из своего собственного пистолета. Выстрел был слышен по всей долине, эхом отражаясь на склонах дюн. Крик, вырвавшийся из уст Лайнела, когда пуля пронзила его плечо, так встревожил коня нападавшего, что тот встал на дыбы и испуганно заржал.

Пошатываясь, молодой человек упал, прислонившись спиной к забору, и ухватился рукой за раненое плечо. Пальцы, зажимавшие рану, тут же обагрились кровью. Пуля попала в ключицу и вызывала страшную боль по всему телу. Сквозь прикрытые веки он наблюдал, как черный всадник приблизился, все еще держа пистолет в руке.

— Очень неосмотрительно с вашей стороны, — проговорил он. — Для вашей же безопасности рекомендую вам не делать больше ничего подобного в нашу следующую встречу. В следующий раз я прицелюсь лучше. И это не угроза, это просто дружеский совет.

Он пришпорил коня, развернулся и через несколько секунд исчез вместе с феллахами. Уводя с собой и верблюда, на котором Лайнел прибыл в Долину цариц. Всклипывая от боли, мужчина потихоньку сполз на песок, прислонив голову к забору и кусая губы так, что они чуть не кровоточили.

Он слышал, как английские солдаты ворочались за его спиной, но даже не обернулся, чтобы проверить, живы ли все трое. Его рубашка превратилась в огромное кровавое пятно, которое просочилось на куртку. Это было не первое его ранение, и он знал, что рана не была смертельной. Ничто из происшедшего не волновало его так, как осознание того, что этот мерзавец скрывался сейчас на горизонте с тем, что он, Лайнел, нашел в недрах гробницы. Он не сдерживал проклятия, рвущиеся с его губ. Зеркало

Мересаменти исчезло. Больше никто не сможет полюбоваться им, как если бы Лайнел и не находил его. Он почти мог слышать как легкий бриз, перемещающий пустынный песок, доносил до него легкий смех. Кто-то насмеялся над тем, что только что произошло.

«Ты уже вошел в историю как самый большой неудачник, — казалось, шептали невидимые губы, так похожие на губы Мересаменти. — Так чего тебе еще надо?»

[1] **Долина Цариц** — известная в древности как «долина детей фараона», — археологическая зона на западном берегу Нила, рядом с Долиной Царей, на противоположном берегу от Луксора (древние Фивы);

[2] **Феллах** — араб.: фермер или крестьянин в странах Ближнего Востока;

[3] **Галабей** — национальная одежда народов Северной и Центральной Африки, длинная (до пят) мужская рубаша без ворота с широкими рукавами.

[4] **Теодор М. Дэвис** — американский юрист, наиболее известный как исследователь египетской Долины Царей в 1902—1914 годы (на фото третий справа).

[5] В 1835 году египетское правительство организовало «Службу древностей Египта» дабы положить конец разграблениям в местах археологических раскопок и спасти бесценные находки.

[6] прим. от редактора: У Эхнатона и Нефертити было 6 дочерей, но ни одной с именем Мересаменти, возможно, автор ссылается на старшую дочь — **Меритатон** (с др.-егип. — «Возлюбленная Атона». Атон — единый бог солнца).

[7] **Эхнатон** — Аменхотép IV Уаэнра Неферхе-перура — фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1353 — 1336 годах до н. э., из XVIII династии, выдающийся политик, знаменитый религиозный реформатор, во время правления которого произошли значительные изменения в египетской жизни — в политике и в религии.

[8] **Кемет** — одно из названий Древнего Египта;

[9] **Фиванский Некрополь** — место на западном берегу Нила, напротив древнеегипетского города Фивы. Некрополь использовался для ритуальных захоронений большую часть эпохи фараонов;

[10] **Амарнские письма** — собрание переписки на глиняных табличках, в основном дипломатической.

[11] **«Книга мертвых»** — сборник египетских гимнов и религиозных текстов, помещаемый в гробницу с целью помочь умершему преодолеть

опасности потустороннего мира и обрести благополучие в посмертии. Особый интерес для исследователей представляет 125-я глава, в которой описывается посмертный суд **Осириса** над умершим .

[12] **Анх, коптский крест** — символ, ведущий своё происхождение из древнего Египта. Известен как египетский иероглиф, а также как один из наиболее значимых символов древних египтян. Также известен как «ключ жизни», «ключ Нила», «бант жизни», «узел жизни», «египетский крест», «крукс ансата» (лат. *Crux ansata*).

[13] **Нефтида (Нефтис, Невтис)** — **богиня** подземного мира, вторая сестра Осириса.

Глава 3

Очень далеко от берегов Нила, в самом сердце Бейлиол-колледжа [1] в Оксфорде, молодой ученый Оливер Сандерс отчаянно сражался со словарями латыни, грудой лежавшими на столе в его комнате. В данный момент спряжения римских глаголов заботили его гораздо больше, чем выстрел в плечо. Он сидел больше четырех часов в одной и той же позе, отчего тело уже затекло. Левой рукой он неосознанно теребил пряди темных волос, собранных в хвост. Другой рукой юноша держал карандаш, которым постукивал по столу. *Labor omnia vincit improbus...* «Терпенье и труд все перетрут». Наверняка римляне были правы, но эта фраза не помогала избавиться от усталости. Еще чуть-чуть и он заснет от скуки.

Недавно Филологическое общество Великобритании связалось с Оксфордским университетом обсудить «Словарь латинских выражений», который планировалось издать через пару лет. Университет согласился принять участие в столь амбициозном проекте, пообещав привлечь к работе своих лучших выпускников по данной специальности. Оливеру достались глаголы от F до M, и он уже несколько дней не переставал спрашивать себя: была ли работа над словарем честью или наказанием. Он работал не покладая рук уже полгода, но до завершения было еще далеко. Он только приступил к букве L!

Оливер зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. Остальные участники проекта работали за тремя большими столами на первом этаже библиотеки Бейлиол-колледжа, Оливер предпочитал трудиться в своей комнате. У него была дурная привычка время от времени витать в облаках и он знал, что его приятели будут смотреть на него с пренебрежением, заметив его любовь к фантазированию. Работая в комнате он, по крайней мере, мог понаблюдать в окно за шатающимися по двору студентами или отключиться от реальности, придумывая готические истории, которые он

время от времени отсылал в газеты, чтобы немного заработать. Комната была очень маленькой, скорее каморка, в которой помещались только кровать, полупустой платяной шкаф, умывальник, несколько полок и письменный стол, за которым Оливер проводил больше времени, чем в любой другой части колледжа. В комнате не было ни одного уголка, не заваленного рукописями, блокнотами и романами, взятыми сто лет назад в библиотеке.

Из-под кровати виднелась дюжина экземпляров газеты «*Dreaming Spires*» («Сонные шпили» [2]), перечитанных столько раз, что, казалось, страницы могут рассыпаться в пыль от малейшего прикосновения.

Парень протер уставшие глаза и продолжил работать. *Litterae non dant panem*. «Словом сыт не будешь». Это, несмотря на заверения преподавателей, не давало ему уверенности в своем будущем.

— Впрочем, это — средневековая латынь, — рассуждал он, пока карандаш проворно скользил по бумаге. — Тогда не было ни Виргилия, ни Овидия [3], которые могли бы ломать копья за умирающих от голода поэтов.

Закончив писать первый параграф, Оливер глянул на следующее изречение, которым ему предстояло заняться. *Litterarum radices amaras, fructus dulces*. «Корень учения горек, но плоды его сладки». Мда, пока никакой сладости не ощущалось, во всяком случае, сейчас.

— На сегодня хватит, — пробормотал Оливер, закрывая книги и бросая на стол карандаш, — а то я скоро по-английски говорить разучусь.

Было чуть больше шести, но уже смеркалось. Он открыл окно и подставил лицо легкому бризу, пробегающему по садам колледжа, чтобы тот освежил ему щеки и ласково потрепал волосы. Его длинная густая шевелюра была предметом косых взглядов со стороны некоторых студентов и преподавателей, но у Оливера не было, ни времени, ни желания сходить, наконец, подстричься. Ему нравился романтический облик, который придавали ему длинные волосы. Того же мнения были и девушки, которых он регулярно встречал в стенах колледжа, но совершенно не замечал их взглядов, будучи постоянно погруженным в свои мысли.

Все говорили, что Оливер больше времени проводил в фантазиях, чем в реальности, но это волновало его также мало, как и мнение других о его волосах. Несколько недель назад ему исполнилось двадцать три года, но выглядел Оливер моложе своих лет. Возможно, из-за невинного взгляда больших, меланхолических карих глаз или из-за подростковой фигуры, которая еще не превратилась в мужскую. Он был длинным и худым как трость, с нервными руками, которые, казалось, успокаивались, только взяв

перо. Слева от носа, нарушая симметрию лица, находилась родинка.

«*Пятно от чернил, попавших мне в кровь еще при рождении*», — как сказал он однажды в шутку Александру Куиллсу.

Оливер, казалось, был несколько рассеянным, словно на грани странного помешательства. Он считал, что это свойственно всем сиротам. Когда растешь не чувствуя своих корней, не имея никого, в ком можно было бы увидеть отражение самого себя, то очень трудно эмоционально относиться к окружающим. Оливер никогда не знал своих родителей, бабушек, дедушек или братьев и сестер, если они у него были. Вместо этого он поднимался на борт «Эспаньолы» и сражался бок о бок с Черным корсаром; пересекал Миссисипи вместе с Джимом и Гекльбери Финном [4]. Никто не мог опровергнуть, что у него было самое счастливое детство.

Роберт Джонсон, директор Редингского приюта, в котором Оливер прожил всю жизнь, заметил, что мальчик с мечтательным взглядом обладал невероятным потенциалом, и решил помочь ему получить полноценное образование. В итоге Оливер получил небольшую стипендию, которая позволила ему поступить в Оксфордский университет в шестнадцать лет. Он хотел изучать классические науки, хоть ему и советовали учиться на адвоката, и, три года спустя получил степень бакалавра с отличием, открывшую ему двери в мир науки. С тех пор он находился в Бейлиол-колледже, который больше походил на дом, чем на приют. И что-то ему подсказывало, что он проведет в этих стенах всю свою жизнь.

Оливер потянулся, расслабляя затекшие мышцы. Он был измотан в тот вечер, и не только от многочасовой работы над словарем. Еще больше его утомляла мысль о том, что работал он именно над словарем, а не сотрудничал с «*Dreaming Spires*».

«Как же я иногда завидую Лайнелу, — подумал он, почесывая затылок. — Я бы тоже хотел иметь возможность уехать в Египет на поиски зеркала легендарной принцессы, вместо того, чтобы бездарно тратить время в этой комнате в компании латинских изречений».

Возможно, в глубине души он мог сделать все по-своему. Возможно, привратник забыл передать ему долгожданное письмо Лайнела. Почувствовав себя лучше, он оперся руками о подоконник и выглянул в окно. Острые шпили Оксфорда четко вырисовывались на фоне солнечного неба, как если бы заправский силуэтист викторианской эпохи только что вырезал их из складок черной бумаги. Это был его привычный вид из окна последние семь лет, и, таковым он и останется еще много лет. Оксфорд — «Город сонных шпилей». *The City of Dreaming Spires*. Вершины, не

способные устоять на ногах, но все еще пытающиеся сопротивляться гравитации, незаметно присматривали за домами и колледжами, за каждым из своих жителей.

Сонные шпили. Он встал на цыпочки, пытаясь разглядеть бродил ли у больших ворот бейлиольский привратник Герберт. Через пару секунд Оливер убедился, что привратник на месте. Тот находился у овального газона в центре двора, с газетой в руках и сигаретой в зубах. Оливер вздохнул с облегчением, схватил свое поношенное черное пальто и выскочил из комнаты. На всех парах сбежал вниз по лестнице, лавируя между старым профессором римского права и парой бакалавров, участвующих в написании словаря. Вышел из здания, известного как Здание Брекенбери [5], в котором находилась его спальня и влился в толпу гомонящих студентов, направлявшихся в столовую.

Оливер перекинул назад свой хвост, чтобы ветер не растрепал ему волосы, пока он шел к уже заметившему его привратнику.

— Добрый день, Герберт. Я увидел вас через окно и подумал, что, может...

— Для вас сегодня ничего не было, — резко ответил привратник. — Если бы у меня было для вас письмо, я бы принес его вам в комнату после завтрака. Я вам уже говорил это сотни раз.

Оливер изо всех сил попытался скрыть разочарование. Но, видимо, безуспешно, так как Герберт покосился на него, шумно переворачивая страницу газеты.

— Я все задаюсь вопросом, чего вам так нейдет? Что вы задумали, Сандерс?

— Ничего, — соврал Оливер. — Я... я жду ответ от одного сообщества, в которое я вступил несколько дней назад. Мне обещали ответить в течение недели...

— Сообщество? Какое еще сообщество? Еще что-то по части латыни?

— Нет, сообщество филателистов и нумизматов. В последнее время не могу не думать о потрясающих монетах первых лет Римской Империи. Вы когда-нибудь задумывались об этом, Герберт? Эти превосходные профили! Эти надписи...

— Этого мне еще только не хватало. Если продолжите в том же духе, то станете...

— Ректором Бейлиол-колледжа? — продолжил фразу Оливер, довольно улыбаясь. — Надеюсь, что это не так, мне никогда не нравилась политика.

— Занудой, — безжалостно поправил его Герберт. — Не успеете

оглянуться, как превратитесь в такого же старика, как и я, начнутся всякие хвори, и все что останется, так это вспоминать, как бездарно вы потратили те возможности, которые давала вам жизнь.

Привратник встряхнул газету, чтобы продолжить чтение. Оливер смиренно покачал головой. Он уже собирался присоединиться к студентам, направлявшимся в столовую, когда заметил, что Герберт читал «*Pall Mall Gazette*».

— Пишут что-нибудь интересное? — как бы невзначай спросил молодой человек.

— Да, не особо, — фыркнув, ответил привратник. — Все время одно и то же, что уже надоело читать. Османская Империя решила подписать договор с Германией о строительстве железной дороги из Константинополя в Багдад. Я не собираюсь ехать ни в одно из этих мест, так что мне на это плевать, — скучающим жестом он перевернул страницу. — Три дня назад Адмиралтейство объявило об инаугурации морской базы в Росайт [6]. Как будто нам не достаточно уже имеющихся. Только гляньте на это: в Нью-Йорке идет строительство отеля «Марта Вашингтон» [7], первый отель исключительно для женщин. Это самая волнующая публикация со времен покойной королевы Виктории, да упокоит Господь ее душу!

— А может, нам удастся туда попасть, — предположил с иронией Оливер, — кто знает, с таким количеством женщин вокруг, я, может, и решусь переосмыслить свою жизнь, как вы мне только что советовали. Если хотите, можете составить мне компанию. Только сообщите мне о своем решении до того, как я куплю себе билет.

Герберт ехидно взглянул на него и продолжил в полный голос:

— А тут изложена хроника последнего спиритического сеанса знаменитой Аннабель Лавлейс, состоявшегося в апартаментах герцогини Харли в Лондоне. Эта дама так часто появляется в прессе, что надоела уже. И, что самое удивительное, люди продолжают верить во всю эту ерунду... — Тон его голоса постепенно утих, пока он пробежал глазами колонку. — Черт подери!

— Что-то случилось? — спросил Оливер, скрестив руки. — Где это произошло?

— В Египте. Вот это действительно интересно. Сами посмотрите...

Он протянул газету Оливеру, который, затаив дыхание, прочитал заголовок, венчавший статью: «Перестрелка в Долине Цариц». Может, именно в этом кроется причина того, что он так и не получил ожидаемое с нетерпением письмо. Он отошел немного вправо, чтобы свет от фонаря

осветил газету и продолжил читать:

«Недавно к нам в редакцию поступила информация о происшествии на берегах Нила. Как стало известно, четыре дня назад произошло вооруженное столкновение прямо у захоронения принцессы Мересаменти Неферхе-перура, обнаруженного всего пару недель назад в Долине Цариц мистером Теодором М. Дэвисом и его группой британских археологов. По всей видимости, в прошлый понедельник около сотни расхитителей гробниц, из расположенного недалеко Курна [8], пробрались к месту раскопок, чтобы осквернить древнее захоронение. Некоторые местные источники утверждают, что, возможно, ответственность за произошедшее лежит на представителях легендарной династии Абд-эль-Расул, которые промышляют набегами в долине с незапамятных времен. Эти мародеры, должно быть, узнали о несметных богатствах, найденных в гробнице, и решили напасть в полночь, надеясь, что в Долине останутся только охранники-египтяне, нанятые сторожить некрополь. К счастью, мистер Дэвис оставил у ворот несколько английских солдат, которые, встретившись лицом к лицу с грабителями, оказали достойное сопротивление, которое обернулось бы настоящей трагедией, если бы не вмешательство одного из британских археологов. Мистер Леннокс, член группы археологов, явивших миру гробницу Мересаменти, прибыл на место раскопок, чтобы убедиться, что все в порядке и находился внутри склепа, когда услышал звуки борьбы. С завидным хладнокровием, заслуживающим восхищения, он, не медля ни минуты, открыл огонь по преступникам, которые поспешили скрыться в дюнах. Мистер Леннокс получил тяжелое пулевое ранение, но, к счастью, своевременная помощь, оказанная врачами мистера Дэвиса, помогла остановить кровотечение археологу, навсегда вошедшего в историю как герой...»

Дочитав статью, Оливер с трудом сдержал дрожь, опасаясь выдать свое волнение. С завидным хладнокровием, заслуживающим восхищения? Храбрый герой, достойный больших почестей? Как Лайнелу удастся всегда выходить сухим из воды? Он даже не археолог! Молодой человек ухмыльнулся. Это разрушило все его планы. «*La Pall Mall Gazette*» не упоминала ни о каком зеркале Мересаменти, но для Оливера все было очевидно. Придется распрощаться с мечтой об открытии.

— Я позаимствую ее у вас, Герберт, — и, не спрашивая разрешения, выдрал газетный лист со статьей и поспешно сложил его.

— Эй! — запротестовал возмущенный привратник. — Я еще не закончил читать!

— Завтра утром я куплю вам новый экземпляр. Или нет, лучше прямо

сейчас дам вам почитать номер «*Dreaming Spires*». Уверен, что вы найдете там что-нибудь интересное.

Он сунул обрывок газеты в карман и побежал в комнату. Герберт наблюдая за удаляющимся Оливером, взъерошил свои каштановые волосы.

— Единственная польза от этих страниц — это возможность растопить камин, — пробормотал привратник. — Для чего еще может служить подобная газетенка?

[1] **Бейлиол-колледж** или **Баллиол-колледж** — один из старейших колледжей Оксфордского университета. Великобритания.

[2] «**Город сонных шпилей**» — «прозвище» Оксфорда, придуманное поэтом Мэтью Арнольдом; «**Сонные шпили**» — названием местной газеты.

[3] **Публий Овидий Назон** и **Публий Вергилий Марон** — древнеримские поэты.

[4] «**Эспаньола**» — корабль из романа «Остров сокровищ»; **Джим и Гекльбери Финн** — герои романа Марка Твена.

[5] **Здание Брекенбери (Brackenbury Buildings)** — здание в готическом стиле, построенное на территории Оксфордского университета. Деньги на постройку нового здания колледжа завещала мисс Ханна Брекенбери, ее герб установлен над главными воротами.

[6] **Росайт** — город в Шотландии, расположенный на берегу залива Ферт-оф-Форт.

[7] **Отель Martha Washington** — в центре Нью-Йорка. ОТЕЛЬ открылся 2 марта 1903 как первый отель исключительно для белых женщин среднего класса.

[8] **Курна** — населённый пункт близ Луксора, Египет.

Глава 4

— Кодуэллс Касл, 5, Фолли Бридж, — объявил кучер, натягивая поводья, чтобы успокоить лошадь. — Мы уже прибыли, сэр, — он соскочил с козел, чтобы выдать багаж Александру. Профессор протянул ему купюру.

— Возьмите это, а сдачу оставьте себе. Небось, решили, что я камни туда положил...

— Не беспокойтесь, сэр, — пробормотал кучер, пожилой человек, который скорее предпочел бы проводить дни в кресле-качалке в своем саду. — Это не первый раз, когда я везу пассажира с таким количеством багажа. К счастью, вам повезло не иметь жены, которая добавила бы к вашим баулам множество своих чемоданов и шляпных коробок!

Кодуэлл Касл — так назывался его дом. Вот уже 14 лет, как Александр

обосновался в этом тихом районе на юге Оксфорда, вдалеке от самых оживленных колледжей. По слухам, именно здесь, в середине XIII века философ, теолог и алхимик Роджер Бэкон приказал обустроить обсерваторию. Впрочем, теперь от нее мало что осталось. Нынешний дом номер пять был построен в XIX веке из красноватого кирпича с балконами из кованого железа. зубчатые стены придавали зданию средневековый вид и привлекали внимание прохожих. Давным-давно были снесены близлежащие постройки, и теперь дом на самом берегу реки Изис казался выше, уже и значительнее.

Александр остановился у входной двери и дернул за звонок. Тут же послышались приближающиеся по лестнице шаги и возглас «Иду, иду» экономки миссис Хокинс, которая, должно быть, увидела его через окно.

— Профессор Куиллс! — воскликнула добрая женщина, открыв дверь. Александр улыбнулся и поздоровался, приподнимая шляпу. — Как я рада, что вы вернулись!

— Я был в Лондоне всего десять дней, миссис Хокинс. Уверен, что в мое отсутствие о вас хорошо заботились. Впрочем, я тоже хотел вернуться поскорее.

Кучер помог дотащить багаж до передней — просторного помещения с высоким цоколем, из которого уходила покрытая гранатовым ковром лестница. Миссис Хокинс приняла у Александра шляпу, не переставая болтать. Профессор слушал ее со смешанным чувством признательности и нежности, сформировавшимся на протяжении десятилетия. Он очень привязался к этой простой, но по своему элегантной женщине, всегда одетой в одежду серого цвета и с волосами, убранными в тугой пучок на затылке. Она словно стала членом семьи, впрочем, не очень многочисленной. В Кодуэллс Касле жили только они двое и племянница Александра, Вероника, очень безрассудная молодая особа двадцати лет, своими проделками заставляющая вздрагивать бедную миссис Хокинс.

— Вы даже не представляете как я рада, что вы снова дома, — сказала экономка, закрывая главную дверь. — Эти дни были настоящим безумием...

— Я беспокоюсь за вас, миссис Хокинс. Вас послушать, выходит, будто произошла вселенская катастрофа, но, как я вижу, стены на месте.

— Ваша Вероника, профессор! Ваша любимая племянница снова вернулась к своим проделкам.

— Да ладно, — ответил Александр, запасаясь терпением. — Что она натворила на этот раз?

— Проще сказать, что она НЕ натворила! — пожаловалась миссис

Хокинс. — Она сведет меня с ума своим поведением! Недавно она закончила писать картину, на которой изобразила Саломею [1], используя в качестве натурщицы саму себя!

Александр, удивленно приподняв брови, посмотрел на возмущенную экономку:

— Саломею? Ту самую, из Нового Завета, дочь Ирода?

— Именно, ту самую, которая приказала обезглавить Иоанна Крестителя и преподнести ей его голову на серебряном блюде!

— Даа, такого я не ожидал. Даже не думал, что ее интересуют библейские сюжеты.

— Если бы дело было только в этом, все было бы проще. Представляете, она изобразила себя стоящей на коленях среди множества подушек, с золотым поясом на талии и в прозрачном одеянии.

— Вы говорите, что она нарисовала себя, в чем мать родила?

— Более того, она посмела отправить эту картину в одну из галерей! — миссис Хокинс умоляющим жестом воздела руки, будто в ужасе от столь бесстыдного для порядочной женщины поступка. — Галерея на Бомонд-стрит посмела выставить ее на всеобщее обозрение в витрине у отеля «Рэндольф». Вы представляете, сколько народа видели картину?

— Да не волнуйтесь вы так, миссис Хокинс. Я уверен, что это всего лишь шалость, скоро все забудется и она возьмется за ум...

— Да, но голове Иоанна Крестителя она придала черты лорда Арчибалда Уэстбэри, сына графа Ньюберрийского. На полотне мисс Вероника держит его за волосы и... — экономка умолкла, пытаясь набраться смелости и подобрать правильные слова, чтобы выразить свое отвращение — ...и целует! В губы!

Александр задумался, снимая перчатки. Последние слова экономки дали ему понять, что ситуация гораздо серьезнее, чем ему показалось в начале. Он уже заметил, что в последнее время его племянница очень сблизилась с будущим графом Ньюберрийским, но ему даже в голову не приходило, что все настолько серьезно и может перерасти в скандал. Он даже думать не хотел об отношении ко всему этому семейства Уэстбэри. Он не мог поверить, что Вероника могла быть столь бесстыдной. Хотя бы ради того, чтобы избавить от дополнительных проблем Лайнела Леннокса, с которым у нее были хорошие отношения, девушке стоило бы вести себя благоразумнее. Все знали, что Леннокс уехал в Египет по поручению графа Ньюберрийского.

«Бесполезно ходить вокруг да около, — повторял себе снова и снова профессор, рассеянно глядя на петлявшую по всему дому лестницу,

уходящую в полумрак и заканчивавшуюся у входа в мансарду племянницы. — Просить Веронику быть благоразумной, это все равно, что пытаться ставить дверь посреди поля. Убедить ее невозможно, несмотря на то, что ее поведение дискредитирует всех нас».

— Боюсь, я ее слишком избаловал, — признался он вполголоса, снимая, наконец, правую перчатку. — Мне следовало быть с ней построже, но, глядя на нее, я вижу перед собой моего покойного брата Гектора. Я все время спрашиваю себя, что бы он сделал на моем месте?

— Уж точно не разрешил бы давать ей краски и мольберт, — решительно ответила миссис Хокинс. — Вам не кажется, что мы должны взять ее в ежовые рукавицы?

— Ни в коем случае. Запрет рисовать ни к чему не приведет. Насколько я помню, последний раз, когда мы попытались это сделать, она начала активнее посещать собрания суфражисток [2] и закончила тем, что стала распространять листовки прямо перед Камерой Рэдклифа [3].

У миссис Хокинс вырвался жалобный вздох. Александр протянул ей сюртук и перчатки и направился в гостиную на первом этаже, чтобы немного отдохнуть.

— Думаю, мне надо что-нибудь выпить, чтобы прийти в себя от всего этого. Составите мне компанию?

— Я бы с удовольствием, профессор, но я лучше накрою вам ужин, чтобы вы успели поесть до полуночи. Со всеми этими неприятностями вы совсем забыли о еде.

Женщина ушла, качая головой с видом великомученицы. Александр ухмыльнулся и открыл дверь в гостиную, уютную комнату, широкие окна которой выходили на реку Изис. Отсюда время от времени был слышен плеск весел, проплывавших мимо баркасов. В большом камине из красного мрамора, занимавшем половину стены, горел огонь, отбрасывающий причудливые тени на Аксминстерский ковер [4]. Над каминной полкой висел написанный маслом портрет женщины в полный рост в прекрасном бальном платье красного цвета. Профессор задержал свой взгляд на портрете, прежде чем направиться к своему креслу и опуститься в него.

Напряжение последних дней и усталость от путешествия на поезде дали о себе знать и навалились на него словно тяжелая мраморная глыба. Александр протянул руку, чтобы взять с маленького столика, стоящего рядом с креслом, квадратную бутылку с бренди. Он налил себе полбокала, и несколько минут наслаждался его великолепным вкусом. Ставя бокал на место, он заметил, что экономка принесла почту и положила ее рядом с графинами, подставками для трубок и маленьким глобусом небесной

сферы.

Александр взял письма, чтобы просмотреть имена отправителей. Пара приглашений на концерт камерной музыки, на выставку экспозиций музея Эшмола [5], на литературное собрание в доме одного из старых магдаленских приятелей... Но среди всего этого было одно письмо, которого профессор давно ждал. «Август Г. Уэствуд» — было написано на конверте. Он сгорал от нетерпения, вскрывая конверт канцелярским ножом. Наконец, он держал в руках пачку тонких рукописных страниц и маленький сложенный вчетверо лист бумаги. Александр решил начать с последнего. Письмо пришло пять дней назад, 02 февраля 1903 года. Его друг Август писал из Уиллингтон Милл, старой фабрики в Северном Тайнсайде, принадлежавшей семье Проктер. Он сообщал о том, что слухи, собранные Сообществом исследователей сверхъестественного подтвердились: с начала прошлого века на территории фабрики обитала неприкаянная душа [6]. Работница Кэтрин Девор, известная как Китти, погибла при трагических обстоятельствах, когда ее волосы попали в механизм на фабрике Проктеров. С тех пор ее душа осталась там, словно в заключении, которому Август положил конец.

«Как видишь, на этот раз все было очень драматично, даже несколько театрально, — писал друг, не скрывая энтузиазма. — У меня такое ощущение, что наш Оливер превратит это в грандиозную статью для следующего номера «Dreaming Spires».

Далее Август сообщал, что скоро прибудет в Оксфорд и остановится в доме сестры до конца февраля. Таким образом, у него будет предостаточно времени, чтобы обсудить все с профессором.

На губах Александра заиграла улыбка. Он был бы чрезвычайно рад провести со стариной Августом хотя бы несколько дней. Они вместе учились в Магдален-колледже и с тех пор сохранили крепкую дружбу, несмотря на то, что теперь Август служил викарием в маленькой церкви Св. Михаила на севере Лондона и не мог отлучаться для встреч так часто, как им бы этого хотелось. Крепкие узы, которые их связывали, не были обусловлены лишь научными интересами обоих. Профессор считал своего друга одним из самых достойных людей из тех, кого он когда-либо знал. С мыслями об этом, Александр запустил руку в конверт и достал записи, о которых говорил друг. Должно быть, Август писал эти страницы в большом волнении, что отразилась на его почерке — он и без того не был идеальным, а теперь и вовсе стал трудночитаемым. Только Оливер способен расшифровать эту галиматью, недаром он читал на греческом, санскрите, арабском, говорил на латыни как римский патриций и владел

еще множеством разных языков. Иногда Александр думал, что «*Dreaming Spires*» ничего бы не стоили без Оливера. Он положил бумаги Августа на стол и взял еще одно письмо в маленьком конверте, явно заклеенном наспех. Помянешь Оливера, он и...

На этот раз это была маленькая записка, написанная в спешке, и страница из газеты. Брови Александра удивленно приподнялись, пока он читал записку:

« Эта статья вышла в « Pall Mall Gazette » сегодня . Если именно в этом состояла идея Лайнела , то нашей бедной газетенке пришел конец . Молюсь , чтобы не было последствий . У меня создалось впечатление , что он слишком увлекся ролью национального героя и меня это беспокоит .

Хозяйка квартиры , в которой он остановился , ничего о нем не знает с начала января . Надеюсь , у него хватит ума прислать нам телеграмму с объяснением происшедшего .

Прощай , зеркало Мересаменти . Не знаю , почему это меня не удивляет .

Надеюсь , скоро увидимся , чтобы я смог пожаловаться по - полной .
ОЛИВЕР .

Р . S . Археолог ? Вот наглец !»

Александр развернул газетную страницу и нашел заголовок, набранный большими буквами: «ПЕРЕСТРЕЛКА В ДОЛИНЕ ЦАРИЦ». Читая статью, он пришел в ярость. Отложив газету, некоторое время профессор оставался неподвижен, но вскоре встрепенулся и дернул звонок. Почти сразу послышался шум открываемой двери и знакомый звук шагов миссис Хокинс.

— Вы звали, профессор? — спросила она. Соблазнительный запах тушеного мяса проник в открытую дверь, дразня обоняние Александра, который до этого момента не осознавал, насколько он проголодался. Это был очень длинный день.

— Будьте любезны, не могли бы вы позвать Веронику?

Миссис Хокинс не знала что ответить.

— Она в своей мансарде, профессор. Она закрылась, чтобы *творить*. Сами знаете, о чем я, — было заметно, что даже мысль о необходимости заглянуть в мастерскую заставляла ее нервничать.

— Я представляю, но это очень важно.

Пухлые руки миссис Хокинс беспокойно теребили передник.

— Хотите, чтобы я попросила ее подготовиться к вашему визиту? Вы знаете о ее отвратительной привычке небрежно относиться к своим вещам. Это не первый раз, когда она проводит дни лишь в комбинации и нижних

юбках, не думая о том, что перемажет все краской...

— Дорогая миссис Хокинс, я не прошу, чтобы вы подготовили мою племянницу к выходу в оперу. Мне без разницы, что на ней надето. Главное, чтобы она вообще была одета, — он снова взглянул на вырезку из «*Pall Mall Gazette*», оставленную на столе. — Она должна кое-что сделать ради меня — выяснить хоть что-нибудь о Лайнеле Ленноксе и как можно раньше.

— А, этим она займется с превеликим удовольствием. Мисс Вероника очень преданна этому бездельнику. К счастью, он видит в ней лишь сестру, иначе...

— Она для него как сестра, — подтвердил Александр, которому уже поднадоела эта болтовня. — Я позаботился о том, чтобы так и было. А теперь, миссис Хокинс, пожалуйста...

Экономка поспешно вышла и поднялась по лестнице, чтобы постучать в дверь Вероники, всем своим видом выказывая недовольство. Голос племянницы был слышен аж в гостиной, пронзительный, как вопли Свенгали, ворона, которого она когда-то подобрала, сбитого машиной. Веронике явно не понравилось, что ей помешали.

Александр провел рукой по лбу. Он чувствовал себя все более уставшим, но надо было прочитать еще одно письмо. Куиллс решил, что успеет его просмотреть, пока Вероника спорит с экономкой. Печать была ирландской, адрес неизвестен, а имя отправителя ни о чем ему не говорило. Что это могло быть? Кто мог ему написать, если он никого не знал с этого острова?

Александр еще не знал, что это письмо перевернет не только его жизнь, но и жизни всех, кто его окружает. Он и представить не мог, что ожидало его вот уже много лет на той земле, преисполненной легенд.

[1] **Саломея** — иудейская царица, дочь Иродиады и Ирода Боэты, падчерица Ирода Антипы; впоследствии царица Халкиды и Малой Армении. Один из персонажей Нового Завета.

[2] **Суфражистки** — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Также суфражистки выступали против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни.

[3] **Круглая Камера Рэдклиффа** является основной достопримечательностью, символом Оксфорда, изображается на сувенирной продукции. Изначально являлась научной библиотекой, ныне — читальный зал Бодлианской библиотеки Оксфордского университета, одной из самых крупных библиотек мира, которая с 1610 г. получает

экземпляр каждой книги, выпущенной в Англии.

[4] **Аксминстерский ковер** — род бархатного ковра с большими вытисненными цветами.

[5] **Музей Эшмола** — Эшмоловский музей искусства и археологии — старейший общедоступный музей в Великобритании (Оксфорд). Это одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете. Славится своим собранием древнеегипетского искусства и графики эпохи Возрождения (Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи). Среди прочих раритетов — Паросский мрамор, скрипка Страдивари «Мессия», собранные Артуром Эвансом (куратор музея в 1884—1908 гг.) древнотиминийской эпохи, экспозиция старинных колец (одно из них, как считается, навеяло профессору Толкину «Властелина колец») и алмаз, якобы принадлежавший королю Альфреду Великому. Музей также располагает богатыми коллекциями старинных монет, средневекового оружия и доспехов. В новогодний вечер 1999 года из музея было украдено полотно Сезанна. Оно до сих пор не найдено.

[6] Квакер Проктер из Уиллингтон-Милл, неподалеку от Морпета, оставил пространные описания событий, происходивших с ним и его семьей в 1831—1847 годах: полтергейст преследовал его в форме шумов, стуков и всевозможных видений.

Глава 5

Четыре кольца из синей керамики. Тяжелый браслет из золота, лазурита, кварца и бирюзы, украшенный скарабеем. Изысканный футляр в форме гроба, содержащий бережно свернутую длинную прядь волос принцессы Мересаменти. Три маленькие деревянные ушебти [1], покрытые иероглифами. При свечах они сияли так, что казались сделанными из золота.

Лайнел Леннокс ощутил, что галстук завязан туже, чем обычно. Пока Теодор Дэвис с своими людьми хлопотал вокруг него, обеспокоенный его раной, Лайнел без проблем припрятал среди своих личных вещей все эти артефакты из покровы Мересаменти. Теперь же, разложив сокровища на великолепном столике из каобы [2], расположенном в библиотеке графа Ньюберрийского, спрашивал себя, как же он мог зайти так далеко! Он даже думать не хотел о том, что его ждет, когда археологи обнаружат пропажу.

Выражение лица старого аристократа, напротив, было далеко от раскаяния. Он взял в руки один из артефактов.

— Это золотой инкрустированный чехол, — пояснил Лайнел. Он стоял скрестив руки, пытаясь внушить уверенность самому себе. — Он предназначен для хранения ароматических растираний, вероятнее всего,

самой Мересаменти. Открыв его, вы почувствуете, что он все еще хранит легкий аромат смолы.

Граф не обратил внимания на его слова. Он поправил очки на тонком носу и поднес сокровище поближе к лицу, чтобы внимательно рассмотреть.

— Он украшен изображением сидящей женщины, — прокомментировал граф.

— Великая царская супруга [3], — подтвердил Лайнел. — возможно, речь идет о Нефертити, так как ее дочь, Мересаменти, никогда не восходила на трон. Возможно, эта вещь принадлежала к амарнскому периоду [4]. В верхней части крышки просматривается солнечный диск Атона [5], лучи которого достигают рук...

— Обычная побрякушка, — прервал его граф, возвращая вещь на стол. — Женский каприз, которых может быть сотни в любом музее.

Лорд Арчибальд Уэстбэри, наследный граф Ньюберрийский, фыркнул, что могло быть расценено как улыбка, хотя выражение его лица было далеким от доброжелательного. Он выглядел безупречно в своей твидовой тройке, белой рубашке с накрахмаленным воротничком и галстукке Ascot из бледно-серого шелка. Сидя подле своего отца, он рассматривал принесенные Лайнелом артефакты, с не меньшим, чем у отца, недовольством. Оба были очень похожи между собой: бледные лица, серые глаза и, в случае Арчибальда, у которого все еще были волосы, большое количество бриллиантина, что совсем не добавляло привлекательности.

Лайнелу никогда не нравился этот петух, мнящий себя выше других только потому, что посещал Сент Джеймс [6] каждый сезон, но Уэстбэри пообещали заплатить ему более чем хорошо, если он согласится на них поработать в Долине Цариц. Тем не менее, Лайнел чувствовал себя не в своей тарелке во время своих визитов. Огромная библиотека, в которой они встречались, казалось, была создана для подавления. Повсюду был расставлен антиквариат, и у Лайнела дух захватывало при мысли о том, сколько все это могло бы стоить на черном рынке. На его взгляд опытного эксперта, почти все они были приобретены нелегально. В скольких коллекциях могла быть каменная голова одного из Царей Ветхого Завета, которую французские революционеры сбросили с фасада Собора Парижской Богоматери в 1893 году [7]?

— Мистер Леннокс, признаться, ваш сегодняшний визит неприятно меня удивил, — промолвил лорд Арчибальд, вертя в руках одну из деревянных ушебти, как если бы это были карманные часы, и он раздумывал купить их или нет. — Когда вы сообщили о своем прибытии в

Оксфорд и желаний непременно с нами встретиться, то мы предположили, что вы привезли из Египта нечто невообразимое. И это все, что вы можете нам предложить?

— А это что? — вдруг спросил граф Ньюберрийский, с трудом наклоняясь к столу и беря в руки один из предметов, завернутых в лён. Лайнелу показалось, что он услышал, как хрустят его суставы. — Похоже на какую-то коробку...

— В форме коптского креста, — подхватил лорд Арчибальд. — Ключ жизни.

Оба приблизили свои длинные носы к артефакту, чтобы получше рассмотреть.

— Несомненно, это анх. Египетский символ бессмертия...

— И все мы отлично знаем, что это означает, — продолжил лорд Арчибальд, словно не слышал слов Лайнела. — Коробки в форме анха использовали для хранения зеркал.

Помолчав несколько секунд, его отец открыл ее и даже бровью не повел, увидев, что она пуста. У Лайнела пересохло во рту.

— Смею предположить, что до вас дошли слухи о том, что произошло...

— Разумеется, мистер Леннокс. Мы подозревали, что может случиться нечто подобное, но не хотели так быстро отказываться от зеркала. До тех пор, пока вы не подтвердите факт его существования.

— У вас его отобрали? — спросил вполголоса граф. — Курнские воры?

Лайнел кивнул. Казалось, рана на плече запульсировала с новой силой под бинтами.

— Должно быть, их было много, чтобы противостоять солдатам Дэвиса и вам.

— Целая орава, — подтвердил Лайнел, сцепив руки за спиной. — Вы оба знаете, что я уже не раз попадал в переделки, но никогда еще я не сталкивался ни с чем подобным. На меня словно напало целое племя!

Уэстбери так долго смотрели на него, что у Лайнела защипало в глазах. Впервые ему пришло в голову, что он недооценил своих «работодателей». Он думал, что будет нетрудно удовлетворить их запросы. Что горсти безделушек с раскопок Дэвиса будет достаточно для выполнения своих обязательств. Но, встретившись с заказчиками взглядом, Лайнел понял, что сильно ошибался. Граф Ньюберрийский со вздохом снял очки.

— На подобное происшествие мы не рассчитывали, мистер Леннокс.

Я не солгу, если скажу, что разочарован. Очень разочарован. А ведь мне вас рекомендовали. Мы полагали, что ваша осторожность сослужит нам хорошую службу, — граф махнул рукой в сторону артефактов. — Но внезапно мы узнаем, что вы не только не привезли нам зеркало Мересаменти, но и умудрились потерять его навсегда. И что нам теперь со всем этим делать?

— Но я не виноват, милорд! — попытался защититься Лайнел. — Я не мог знать о том, что эти головорезы нападут именно тогда, когда я нашел зеркало!

— Но вы могли это предотвратить, — вступил в разговор лорд Арчибальд.

— В меня стреляли. Попали в плечо, а могли попасть парой сантиметров ниже. И тогда никто уже не смог бы украсть для вас даже этого.

Лайнел почувствовал, что краснеет от бешенства. Лорд Арчибальд проследовал к одному из больших окон библиотеки, откуда можно было различить шпили близлежащих колледжей.

— В конце концов, нет смысла ходить вокруг да около. Вы не принесли нам то, что мы просили, стало быть, оплата тоже будет иной.

Это было именно то, чего так опасался Лайнел с момента возвращения в Оксфорд.

— Разумеется, мы покроем ваши расходы на питание и проживание, — продолжил графский сын, не оборачиваясь. — А также расходы на лечение, которое, к счастью, обещает быть недолгим. Похоже, ваше ранение не очень опасно, так что вы вскоре сможете продолжить свое занятие.

— А, может, и подождем, — сказал граф Ньюберрийский, нахмурившись, — пока те немногие сокровища, которые еще остаются скрытыми в недрах земли по всему миру, не окажутся в руках пары бродяг, которые избавятся от них за горсть пиастров.

— У меня в голове не укладывается, насколько вы оба циничны, — грубый выпад Лайнела заставил Уэстбери снова посмотреть на него, на этот раз с некоторым презрением. Лайнел оперся дрожащими руками об стол.

— Вы устраиваете весь этот цирк с покровительством, даете Дэвису просто неприличную сумму для раскопок в Долине Цариц, просите, чтобы я втерся в доверие к археологам, которых вы же сами наняли, и положил вам в руки артефакты, которые вы нелегально хотите оставить себе... И теперь у вас хватает наглости утверждать, что я плохо работаю только

потому, что меня чуть не убили по вашей же вине?

— Хватит драматизировать, мистер Леннокс. Вы были бы не первым иностранцем, убитым в Египте от рук шайки голодранцев. Через неделю цивилизованный мир забудет о ваших приключениях. А пока, конечно, вы герой!

— Вам следовало быть нам благодарным, — согласился с сыном граф. — Это позволит вам отныне увеличить количество клиентов в будущем. Да мы вам одолжение сделали.

— Говоря откровенно, вы слишком задели мои моральные принципы.

Граф Ньюберрийский приподнял брови и фыркнул.

— Не понимаю, как мы могли надеяться, что из этого получится что-нибудь путное. — сказал он почти с отвращением в голосе. — Какой прок от простого расхитителя гробниц.

— Может я и расхититель гробниц, — ответил Лайнел, — но, я вас уверяю, что совсем не прост. Вам следовало бы хорошенько подумать, прежде чем принимать решение.

— Вы нам угрожаете? — почти улыбнулся граф. — Такой плебей как вы?

— Если вы воспринимаете как угрозу мои связи с редакциями четырех оксфордских газет и полудюжиной частных коллекционеров, которым ничего не стоит обнародовать ваши махинации, то да, господа, я вам угрожаю.

Улыбка сошла с губ графа. Он взял было очки, чтобы протереть платком, но, услышав последние слова, замер словно статуя. Казалось, что его глаза метали молнии, когда он произнес:

— Осторожно со словами. Они могут дорого вам стоить, Леннокс.

— Да вы что! — воскликнул Лайнел. — Наверное, я должен задрожать от страха, милорд! Особенно, если угрозы исходят от такого человека, как вы! Сколько, интересно, вы продержитесь, копаясь в пустыне, при сорока градусах в тени даже зимой?

— А это не моя проблема. Я занимаюсь коллекционированием, а не копанием.

— И еще много чем, впрочем, без особого успеха...

Легкий румянец окрасил щеки лорда Арчибальда. Лайнел направился в сторону двери. Не было смысла оставаться дальше в библиотеке.

— Оставьте себе побрякушки своей любимой принцессы, если у вас еще осталась какая-нибудь свободная витрина. Интересно, когда команда Дэвиса обнаружит что произошло с покровом. Я уверен, что успею съездить домой за документом, который вы, к счастью для меня, оба

подписали, заключая со мной соглашение.

— Леннокс! — почти закричал графский сын. Он покраснел еще больше и, направляясь от окна к двери, чуть не перевернул стол и кресло, попавшиеся ему по дороге. — Не смейте нам угрожать! Если наше имя появится в газетах...

— Лорд Арчибальд, вы меня разочаровываете. Вам следовало бы уже привыкнуть к упоминанию в газетах. Только этим утром ваше имя и вашего почтенного отца появилось в трех самых тиражируемых газетах города. Должен вас поздравить: вы потрясающе выглядите на картине «Саломея», которую написала мисс Вероника Куиллс.

Лорд Арчибальд застыл посреди ковра, в то время как его отец недоверчиво переводил взгляд то на него, то на Лайнела.

— Хотя, — добавил молодой человек прежде, чем покинуть усадьбу, — должен признать, что Вероника была к вам милосердна — в реальности у вас не так много волос.

Десятью секундами позже, под пристальными взглядами слуг Уэстбери, наблюдавших за его уходом и встревоженных звуками ссоры из библиотеки, Лайнел прошел к кованым деревянным воротам у входа в имение. Он сам открыл ворота, вышел на улицу и быстро зашагал по Сент Эльдейтс, оставляя позади мрачные окрестности колледжа Крайст Чёрч [8], которые терялись по другую сторону ограды в надвигающихся сумерках. Лайнел был так зол, что даже не смотрел куда идет.

Этот мир аристократов, билетов в оперу, лошадиных бегах в Аскот [9] и приемов в Сент Джеймсе был так далек от социальной среды Лайнела, что он даже не завидовал лорду Арчибальду Уэстбери. Ему никогда не приходило в голову стыдиться своего скромного происхождения. Для Лайнела главным достоинством человека были его личные достижения, а не то где он родился. *«В конце концов, выживают сильнейшие, — повторял про себя Лайнел тем вечером, пробираясь через толпу, наводнившую Хай стрит. — Если в будущем мир изменится, такому хлыщу как лорд Арчибальд будет нечем прикрыться, и он получит по заслугам».*

Лайнел унесся мыслями в далекое прошлое. Его отец, шотландский рабочий, эмигрировал в Италию попытать счастья и женился на неаполитанке, которую выпивка свела в могилу через несколько месяцев после рождения сына. Мужчине ничего не оставалось, как самостоятельно взять на себя заботу о ребенке. Лайнел обожал отца и почувствовал себя самым счастливым человеком на свете, когда тот разрешил ему помогать каждый раз, когда его нанимали копать захоронения древней Этрурии [10]. Именно от отца Лайнел научился понимать тайны, скрывающиеся в недрах

земли, в каждой песчинке, которая ускользала от взгляда обывателя. Ни один из них не был археологом, но их практический опыт мог дать фору многим титулованным выпускникам университетов.

К сожалению, то благословенное время не продлилось долго. Когда Лайнелу исполнилось шестнадцать лет и он вместе с отцом копали маленький некрополь близ Чивитавеккьи [11], эпидемия холеры унесла за собой жизни почти всего населения, прихватив также итальянского археолога и его рабочих, среди которых был отец Лайнела. Леннокс так никогда и не узнал, что стало с телом отца, скорее всего, вместе с остальными бросили в общую могилу, вырытую на территории больницы. Лайнел так никогда и не посмел убедиться в этом лично.

С тех пор Лайнелу пришлось научиться выживать самостоятельно, он брался за любую работу, даже не совсем честную, храня в памяти свое единственное достояние — безвозвратно утерянное счастливое детство. Именно поэтому Лайнел старался прожить каждый день так, как-будто он последний, наслаждался каждой каплей дождя, упавшей ему на лицо, каждым приемом пищи и каждой женщиной, посещавшей его в скромной съемной комнате в переулке Св. Елены.

В глубине души, причем Лайнел никогда в этом не признается, даже самому себе, он так боялся смерти, что единственное, ради чего он мог рисковать жизнью, так это завоеванные им территории. Он сделал это, забирая у Мересаменти ее самую большую ценность. Он шел к этому два года, ведомый тайной, о которой никому не мог рассказать, иначе его сочли бы безумцем.

Фигура в черном с темными глазами, которая однажды уже повстречалась ему на пути и палец на спусковом крючке. Воспоминания о последнем происшествии в Долине Цариц все еще терзали его, пока он шел, оставляя позади освещенные окна Ол Соулс колледжа [12], поворачивая по улице, огибающей Рэдклифф. Молодой человек миновал открытые пространства самых именитых колледжей Оксфорда и свернул в такой узкий переулок, что был вынужден идти почти боком, задевая отсыревшие кирпичные стены. Переулок Св. Елены, так называлась эта улочка, которой не было ни на одной карте Оксфорда. Она была столь глухой и зловещей, что жители прозвали ее Адским переулком. Лайнел с усмешкой подумал, что у графа Ньюберрийского и его сына волосы встали бы дыбом, если бы им когда-либо пришлось наведаться в эту часть города, столь далекую от привычных им кварталов.

Он не хотел признавать, но на каждом повороте столь знакомой улицы, его сердце начинало биться чаще. Когда он смотрел на нищих,

которые стояли вдоль улицы, подпирая спиной расслаивающиеся от сырости стены, с потерянным взглядом и зловонным дыханием, то почти боялся снова встретиться взглядом с парой черных глаз, которые пристально смотрели на него сквозь складки платка. Лайнел был в таком смятении, что даже не обращал внимания на вонь, доносившуюся из подворотен, хотя обычно, проходя по эти закоулкам, он зажимал нос рукой.

«Я становлюсь параноиком», — подумал Лайнел, встряхнув головой. Он завернул за последний угол, отделявший его от дома... и замер, увидев, что кто-то дожидается его на обшарпанной лестнице. Лайнел с трудом сдержал вздох облегчения, поняв, что ожидала его вовсе не сводившая с ума фигура в черном. Потрескавшиеся стеклянные фонари, освещавшие Адский переулок, позволили ему узнать Веронику Куиллс. Она выглядела очень занятой кормлением с руки ворона, который часто сопровождал ее во время прогулок по городу, так что у Лайнела было время прийти в себя и подготовиться к встрече.

Вероника всегда могла заставить его улыбнуться, даже когда ей удавалось одеться более-менее согласно приличиям. Было привычным видеть ее в юбках, совершенно не сочетающимися с блузками, она комбинировала цвета самым экстравагантным образом и никогда не обращала внимания на детали, которые так важны для девушек ее возраста. Она была эксцентрична не только в одежде, но и в мыслях, а этим вечером выглядела особенно нескладно. Она надела длинную темно-синюю юбку (на ней была всего лишь одна капелька краски, что было большим достижением для Вероники), длинное пальто военного покроя, которое делало ее похожей на героиню «Трильби»[13], ярой поклонницей которой являлась девушка. Ворон Свенгали мог бы поручиться за это. Маленькая вязаная шапочка совершенно не сочеталась с пальто, но хотя бы помогала удержать на месте непокорную гриву вьющихся волос, которая обычно удерживалась при помощи любого платка или цветной ленты, попадавших под руку. Лайнел свистнул, чтобы привлечь внимание Вероники. Пухлые губки изогнулись в улыбке, когда девушка увидела вышедшего из тени Лайнела.

— По-моему, это не самое подходящее место для добропорядочной девушки, — Лайнел остановился напротив Вероники, что заставило Свенгали отлететь в сторону, роняя крошки — еще пару лет назад они объявили друг другу войну. — Боже мой, каждый раз, когда тебя вижу, твои волосы все длиннее и прекраснее.

— А ты с каждым разом все менее учтив с дамами, — отшутилась Вероника, падая в его объятия. — Поверить не могу, что ты уже вернулся!

Она обхватила руками его лицо и запечатлела звонкий поцелуй в губы. Лайнел порадовался, что поблизости нет профессора Куиллса. Им с Вероникой приходилось изобретать множество уловок, чтобы никто не догадался об их отношениях. Им пришлось поклясться Александру в том, что между ними нет романтических отношений и профессор успокоился. Если честно, то они его и не обманывали.

— Давно ждешь? — спросил Лайнел, когда они, наконец, разомкнули объятия.

— Часа два, может, три, — Вероника скорчила рожицу. — Но для меня это не проблема. Я принесла с собой блокнот, чтобы было чем заняться. Так что день не прошел зря. Я уже знаю о перестрелке...

Лайнел хмыкнул: новости распространяются со скоростью ветра. Он пошарил в карманах в поисках ключа от дома. Свенгали прыгнул с одного водостока на другой и, в конце концов, устроился на навесе здания с видом горгульи.

— Ты не собирался мне об этом рассказывать? — спросила девушка с недовольством. — Тебе не приходило в голову, что мой дядя и я беспокоимся о тебе?

— Вероника, я в городе всего один день. Мне надо было заняться неотложными делами и ты это прекрасно знаешь, — сказал Лайнел, открывая дверь и пропуская девушку вперед. — Более того, я был уверен, что увижу тебя здесь.

— Вечно ты недооцениваешь серьезность ситуации, — снова улыбаясь, заключила Вероника.

Она пошла вперед Лайнела вверх по лестнице на первый этаж. Он шел следом не в силах отвести взгляд от так хорошо знакомого тела, миниатюрного, как у рано созревшей девочки. Открыв дверь жилища — маленькой комнаты, в которой помещались лишь кровать, шкаф и стул со сломанной ножкой, Вероника расстегнула пуговицы шинели и позволила ему упасть на пол. Затем, подошла к Лайнелу и проделала то же самое с его пиджаком, а потом и с жилетом.

— Ого! Похоже, ты действительно по мне скучала. Вот что я называю «перейти прямо к сути вопроса»...

— Не будь идиотом, — рассмеялась Вероника — Я только хотела собственными глазами взглянуть на то, что с тобой сделали эти головорезы. Я слышала столько версий, что уже не знаю чему верить.

Она заставила его сесть на край кровати, на которой лежал лишь мягкий тюфяк. Ее ничуть не волновала скудная обстановка его комнаты и это было одной из тех черт Вероники, которые так привлекали Лайнела. Ей

было все равно где жить — в роскошном доме дяди со всеми удобствами, или же в этой темной комнате с разводами на стенах, в которой она провела немало времени с тех пор, как они познакомились два года назад в Эшмоленском музее. С того момента она стала его лучшей подругой и любовницей, не говоря уже о том, что она была превосходной союзницей.

Он молча наблюдал за ней, пока она расстегивала пуговицы на рубашке, чтобы проверить его повязку. Вероника сняла шапку, и тяжелая копна каштановых волос щекотала Лайнелу плечо и грудь. Он не ошибся — волосы Вероники стали еще длиннее и, казалось, жили своей собственной жизнью.

— Эта шалость могла дорого тебе обойтись, — сказала девушка пару минут спустя.

— Шалость? Ты серьезно можешь назвать «шалостью» перестрелку, которая чуть не стоила мне жизни?

— Не строй из себя жертву, Лайнел. Меня не обманешь. Если тебя и ранили в Египте, то только потому, что ты сам лез на рожон, как ты всегда это делаешь, влезая в дела, которые тебя совсем не касаются. Что на самом деле произошло в Долине Цариц?

Отступить было некуда, да и не было смысла что-то скрывать от Вероники. Лайнелу ничего не оставалось, как рассказать все как есть. Слушая его рассказ, Вероника снимала старые бинты с пятнами запекшейся крови и накладывала новые, взятые в импровизированной аптечке, которую Лайнел держал на подоконнике. Вероника внимала ему и не смогла сдержать улыбку, услышав, как с каждым разом увеличивается количество курнских головорезов.

— Получается, что кто-то ждал пока ты не достанешь зеркало Мересаменти из его многовекового укрытия, чтобы атаковать. То, что они не сделали этого раньше, означает, что они понятия не имели где оно спрятано. Если бы не мой дядюшка и его вера в то, что в самых фантастических легендах есть зерно истины, открывающее его местонахождение, зеркало по-прежнему оставалось бы утерянным. Археологи мистера Дэвиса никогда бы его не нашли. По правде говоря, это серьезный урон для нашей газеты.

— Не сыпь мне соль на рану, — подал голос Лайнел. — И я имею ввиду вовсе не плечо. Более того, думаю, что я не единственный, кто повел себя как идиот.

— Что ты имеешь в виду? — продолжила расспросы Вероника, накладывая свежую повязку.

Лайнел закусил губу. У него искры из глаз сыпались, когда хоть что-то

касалось его раны. Когда уже, черт возьми, она затянется?

— Лорд Арчибальд. Сам лорд Арчибальд. О чем ты, черт побери, думала?

Вероника хихикнула. Она поправила пару прядей волос, упавших на лицо, тем самым открывая пару пятнышек краски на виске.

— Все мы ошибаемся, — согласилась она. — И ты отлично это знаешь...

— У моих ошибок нет таких волос, словно на них вылили кувшин с маслом.

— Конечно, нет. У твоих ошибок большая грудь и маленький мозг. И любопытная привычка хныкать у тебя под дверью, поняв, что они тебе надоели.

— Это не правда, дорогая. У тебя потрясающая грудь, при этом твой ум даст сто очков вперед многим мужчинам из тех, что я знал, жизнь моя. Полагаю, что ты — исключение, подтверждающее правило, — он нахально положил руки на округлости Вероники, маячившие перед ним все время, пока она его лечила. Девушка рассмеялась. — Нет, правда, что ты нашла в этом ничтожестве?

— Я заблуждалась насчет него. Если хочешь, назови меня романтической, но было время, когда я спрашивала себя — нет ли в Арчибальде чего-то от байроновского героя? Я пришла в восторг от того, что один недостаток может превратить скучного мужчину в прекрасный образец порочности. Разве я могла остаться равнодушной?

— По мне, так он больше похож на образец глупости и тщеславия.

— Но однажды ночью, я обнаружила его в опиумной курительной на задворках, в которую меня пригласили коллеги, чтобы я познакомилась «с богемной жизнью города», — рассказывала Вероника, манипулируя ножницами, чтобы обрезать бинт, который только что обернула вокруг плеча, — и там был лорд Арчибальд, валяющийся на лоскутном одеяле в трансе. Ты можешь представить его себе в таком виде?

«Если честно — нет», — вынужден был признать себе удивленный Лайнел. Жаль, что он не знал об этом, до встречи с графом Ньюберрийским и его наследником. Старый маразматик умер бы от ужаса, узнав об этом.

— Я всего лишь хотела поразвлечься, но Арчибальд видел это по-другому. Пришлось разъяснить ему, что наши отношения — это не более чем приятное времяпрепровождение и это ему совсем не понравилось. Так что я решила компенсировать ему моральный ущерб, превратив его в одну из моих моделей, не спросив у него на это разрешения...

Вероника снова рассмеялась, подошла к окну и задернула занавески.

Когда свет фонарей, освещавших Адский переулок, перестал проникать сквозь мутное стекло, комната погрузилась во мрак.

— Но я совсем об этом не жалею, — заверила она и, глядя в глаза Лайнелу, добавила — Мне же надо было чем-то себя развлечь, пока ты оставил меня без внимания...

Лайнел даже не дал ей закончить. Он встал, заключил ее в объятия и снова упал на кровать, увлекая за собой смеющуюся и лежащую Веронику, которая малоубедительно изображала бурное сопротивление. Он лег на нее, удерживая запястья девушки над головой, и увидел в ее глазах желание, ничуть не уступавшее его собственному. Не было необходимости в словах: оба слишком соскучились, чтобы тратить время на разговоры. Губы Лайнела не спеша проšliсь по шее Вероники. Он не мог скрыть довольную улыбку, почувствовав, что тело девушки выгнулось ему на встречу, требуя продолжения.

— Подожди минутку, я кое-что вспомнила, — вдруг услышал он. Вероника приподнялась на локтях и Лайнелу пришлось на нее посмотреть.

— Мой дядя попросил, чтобы я тебе кое-что передала. Хочет встретиться сегодня днем с тобой, Августом и Оливером там же, где и всегда.

— Мне уже не хватало новостей от него, — пробормотал Лайнел и склонил голову, возвращаясь к декольте.

— Судя потому, что он сказал, дело касается чего-то очень важного. Он попросил меня лично запретить тебе увильнуть. Кажется, для «*Dreaming Spires*» это может...

— Да плевать я хотел на то, что может произойти с «*Dreaming Spires*» сегодня. Я слишком долго ждал, — он откинул ее снова на постель, прижал крепче и накрыл ее губы своими. — Сегодня я не хочу больше ни о чем думать.

Его последней четкой мыслью была о его ране. Впрочем, жар, который оставила пуля в его плече, вскоре уступил жару совсем иного рода, который нравился Лайнелу гораздо больше. Во всяком случае, именно этого хотел молодой человек, прижимаясь к Веронике, ненавидя себя за нежелание признаться в том, насколько сильно завладел им страх....

[1] **Ушебти** — специальные фигурки, изображающие человека, как правило со скрещенными на груди руками, либо с какими-нибудь орудиями труда. Необходимы они были для того, чтобы выполнять различную работу в загробном мире вместо хозяина. Изготавливались ушебти обычно из дерева или мягкого камня — алебастра и стеатита.

[2] **Каоба** — красное дерево.

[3] **Великая царская супруга**, Великая Царица или Главная жена Царя — титул главной царицы в окружении фараона в Древнем Египте.

[4] **амарнский период** — На шестом году царствования Аменхотеп IV, изменивший своё имя на Эхнатон (Полезный Атому), покинул враждебные ему Фивы и основал на восточном берегу Нила новую столицу Ахетатон (Горизонт Атона), в местности, ныне называемой Амарна. Яркий, но недолгий период царствования фараона-реформатора принято условно обозначать как «амарнский период», а в искусстве — как **амарнский стиль**.

[5] **Атон** — В XIV в. до н. э. фараон Аменхотеп IV провёл религиозную реформу, оказавшую существенное влияние на искусство Нового царства. Стремясь ослабить власть жрецов и укрепить свою собственную, фараон запретил все многочисленные старые культы. Единственным и истинным богом был провозглашён Атон — само сияющее на небе солнце. Носитель великой животворной силы, Атон изображался в виде диска с исходящими от него лучами, которые завершались знаком жизни — анхам (крестом с петлёй в верхней части), и воспевался в ликующем гимне: «Утром ты озаряешь землю, прогоняешь мрак. посылаешь лучи света... Вся земля принимается за работу, деревья и травы зеленеют, птицы летают в своих болотах, крылья их величают дух твой... всё живёт, когда ты смотришь на нас...».

[6] **Сент-Джеймский дворец** (англ. St. James's Palace) — один из старейших в Лондоне. Находится на улице Пэлл-Мэлл к северу от одноимённого парка. Построен на месте средневекового лепрозория св. Иакова (Джеймса) из красного кирпича как вторая столичная резиденция Генриха VIII.

[7] Во время Французской революции собор Парижской Богоматери прекратил выполнять функции религиозного сооружения; якобинский Конвент объявил, что «все эмблемы всех царств должны быть стёрты с лица земли». Отдельный приказ Робеспьера предписывал обезглавить каменных царей из Ветхого Завета с фасада собора. Головы иудейских царей нашлись только в 1978 году во время ремонта в подвале Французского банка внешней торговли. К тому времени вновь освящённый и реставрированный в XIX веке собор уже украшали копии осквернённых статуй, поэтому найденные оригиналы представлены в музее Клюни.

[8] **Крайст Чёрч** — один из самых крупных аристократических колледжей Оксфордского университета . Основан в 1525 году кардиналом Томасом Уолси .

[9] **Ипподром Аскот** — один из самых известных ипподромов в Великобритании . Он расположен в маленьком одноименном городке .

[10] **Этрурия** (лат . Etruria , Hetruria) — северо - западная область древней Италии , граничившая на севере с Лигурией , Галлией и землей венетов , на востоке — с Умбрией по реке Тибр , на юго - западе — с Лациумом ; западную границу её составляло названное по имени жителей страны — тирренов — Тирренское , или Тусское , море .

[11] **Чивитаве́ккья** — город в центральной Италии на Тирренском море . Находится в области Лацио в провинции Рим , в 80 километрах к северо - западу от столицы . Город является морским портом Рима .

[12] **Колледж Всех Душ** — официальное название Староста и Коллегия Душ всех Праведных Людей , усопших в Университете Оксфорда — колледж университета в Оксфорде , в Англии .

[13] " **Трильби** " (автор Джордж Дюморье , 1894) — первый английский роман , в котором без предвзятости показана жизнь артистических кругов , называемых богемой . Образ героини и весь тон романа Дюморье отличается целомудрием , необычайной чистотой . Дюморье опровергает ходячее мнение о жизни богемы как о жизни бездумной , беззаботной . (<http://operaghost.ru/trilbi.htm>)

Глава 6

На следующий день, когда звон колоколов раздавался над обесцвеченными габлетами [1] Оксфорда, провозглашая восемь часов вечера, Александр Куиллс, дрожа, толкнул дверь таверны *The Turf*. Он вздохнул с облегчением, попав в знакомые каменные стены. Входя внутрь, он наклонил голову, чтобы не удариться об низко расположенные деревянные балки. Слева, на стойке, была выставлена целая шеренга кувшинов, которые только что начистил один из официантов. Все казалось пропитанным запахом пива, *fish & chips* и свежеприготовленных мясных пирогов, а также ароматом бесшабашности, который привносили целые поколения студентов, посещавших заведение.

Волна ностальгии накрыла его, пока он пробирался сквозь толпу к столику. Именно здесь он встретился с Лайнелом и Оливером два года назад, чтобы сделать им предложение, от которого, как он был уверен, они не откажутся. Он оказался прав: это и произошло, когда он рассказал им об идее создания газеты. Именно здесь они придумали логотип, набросав его на листке, вырванном из блокнота Вероники, присоединившейся к ним в качестве иллюстратора. Август Уэствуд, друг-церковник Александра, согласился помогать «*Dreaming Spires*» с хрониками своих спиритических сеансов. В этом крошечном помещении, наполненном дымом, за

ободренным деревянным столиком, у окна, защищавшего их от самых лютых метелей, они возомнили себя своего рода членами Пиквикского клуба [2], исполнителями сакральной миссии по посвящению своих читателей в новые науки. К сожалению, не все встречи отличались таким же энтузиазмом, как те, первые. Пятеро друзей вскоре поняли, что их газета, привлекавшая на первых порах внимание пары сотен студентов, не могла конкурировать с серьезными изданиями. Несмотря на то, что публикуемые статьи всегда сопровождались научным обоснованием, которым занимался Александр, газета воспринималась читателями как нечто развлекательное. Готические своды Оксфорда, видевшие многое на протяжении столетий, устали обращать внимание на духов, бродящих в тумане, облизывающем тронутые временем каменные плиты. Что сейчас звучало в коридорах, так это эхо последних достижений европейских стран, технического прогресса, бурно развивающегося на континенте, того или иного решения, принятого Палатой лордов. Казалось, что ни у кого не было времени даже пролистать страницы, с таким трудом покидавшие раз в две недели стены почти подпольной типографии, организованной Александром в подвале Кодуэлс Касл. До сих пор никто не знал настоящих имен редакторов, так как статьи подписывались лишь инициалами. Благодаря этой предосторожности, читатели так и не узнали по чьей вине выпускается столь неинтересное чтение.

Александр не обманывал себя, он понимал, что если ситуация не изменится, то «*Dreaming Spires*» недолго осталось биться в агонии. Им необходима была совершенно новая история, отличная от тех, которые они публиковали. Нечто, что привлечет внимание читателей, что будут передавать из уст в уста по всему Оксфорду. Нечто вроде того письма, присланного из Ирландии, повторял себе снова и снова Александр, оставляя позади большой стол с горсткой смеющихся студентов.

— Август! — окликнул профессор мужчину, сидящего за столиком в углу и смотревшего на улицу сквозь мутное окно. Тот улыбнулся и встал, чтобы обнять друга. — Как я рад снова тебя здесь видеть!

Александр всегда считал, что если и есть в мире человек, способный успокоить всех одним лишь своим присутствием, то это Август Уэствуд. Неудивительно, что его просто обожали прихожане лондонского прихода Св. Михаила. Ему только что исполнилось тридцать пять лет, но появившиеся в его коротких волнистых волосах залысины делали его немного старше.

— Ну, что скажешь на счет привидения Кэтрин Девор? — спросил друг после того, как Александр, повесив сюртук на вешалку, сел напротив

и расспросил его о сестре и последних новостях. — Неплохая история, правда?

— Да, действительно, — согласился профессор. — Сегодня утром я ходил в Бэллиол-колледж к Оливеру и отдал ему бумаги, которые ты переправил мне по почте. Видел бы ты, как просияло его лицо, когда он читал о том, как мисс Девор призналась, что это ее сестра зацепила ей волосы за механизм за то, что Кэтрин увела ее жениха.

— Раз уж ты заходил к Оливеру, то наверняка уже поведал ему о том, что собираешься рассказать нам всем. Это нечестно.

— Ничего подобного, — ответил Александр, спокойно зажигая трубку. — Пока никто ничего не знает, и ты даже не представляешь, чего мне стоило сохранить все в тайне. — Маленькое белое облачко дыма проплыло над его головой, когда профессор сделал первую затяжку. — И это также не значит, что тема смерти Кэтрин перестает быть достаточно интересной, — добавил он. — Но делаю ставку на то, что моя информация гораздо интереснее.

— Ладно, в таком случае, я рад, что не придется ждать слишком долго, чтобы услышать твой секрет, — сказал Август, кивая головой в сторону входной двери.

Александр обернулся. Как он и предполагал, в таверну зашли Оливер и Лайнел. Профессор понаблюдал за ними, пока те приближались: Оливер со своими длинными каштановыми волосами, забранными в хвост, небритый Лайнел с черными растрепанными ветром волосами. Он не удивился, увидев, что эти двое спорят — это они делали постоянно, с тех пор, как Александр их познакомил. Никогда он не видел столь разных людей, чтобы при этом они были друзьями, каких поискать.

— Она слишком добра к тебе, — услышал он слова Оливера, пока они пробирались сквозь толпу к столику. — Не понимаю, как она тебя еще терпит, столько зная о тебе. Мне кажется невероятным, что она все еще слушается тебя, учитывая твои поползновения...

— Заткнись, — предупредил его Лайнел прежде, чем они обогнули последний столик на своем пути. Что-то подсказывало ему, что Александру Куиллсу не очень понравится узнать, что их разговор касается его племянницы. — Наконец-то мы здесь! На улице дьявольски холодно!

Оба сняли пальто, повесив их рядом с одеждой Александра и Августа, и сели на принесенные для них стулья. Оливер довольно вздохнул, снимая серый шарф, Лайнел снял перчатки.

— *Salaam aleikum* [3], — поздоровался Лайнел, сомкнув ладони перед собой жестом, претендующим на вежливость или на то, что Лайнел

Леннокс понимал под вежливостью.

— *Aleikum issalaam*, — ответил Александр. — Вижу, ты вернулся в Англию, храня ностальгические воспоминания о Египте. Должно быть, тот еще опыт.

В тоне его голоса улавливалась легкая ирония, которую, казалось, не заметил Лайнел, но отлично расслышал Оливер. Оба скрестили взгляды, пока Лайнел отвечал:

— Могу описать его в двух словах: египетские танцовщицы, — он провел руками сверху вниз, имитируя изгибы женского тела. — Не знаю почему наша страна не торопится импортировать эту красоту, которой я наслаждался в Эзбекском кафе [4]. Клянусь, что я никогда в жизни не видел ничего подобного!

— Рад, что ты так впечатлен местным колоритом. Но я не это имел ввиду.

— А, понял. Еда тоже была неплоха, хотя, иногда я скучал по доброй кружке темного пива. — Лайнел повернулся, чтобы привлечь внимание официанта. — Но у них был отличный лакричный лимонад, по которому я буду скучать еще больше. А еще потрясающий пирог из бобов, *ful medames* [5], который действительно...

— Кончай придуриваться. Ты нас оскорбляешь, — сказал Александр, не глядя на него. Лайнел умолк. Профессор достал из кармана жилета вырезку из «*Pall Mall Gazette*», которую ему выслал Оливер, и положил ее на стол. — Перестрелка в Долине Цариц, согласно прессе, «которая обернулось бы настоящей трагедией, если бы не вмешательство одного из британских археологов»? Ты ничего не хочешь объяснить? Разве не это важно?

— Нифига себе! — Лайнел взял статью и расположил ее поудобнее, пока Август садился поближе, чтобы ознакомиться с содержанием. — Похоже, они немного сгустили краски.

— Сгустили — это не совсем верное слово, — вмешался Оливер.

— Закрой клюв, Твист [6], — остановил его Лайнел. — Тебя никто не спрашивал.

— Но Оливер прав: я поверить не могу, что то, о чем пишет «*Pall Mall Gazette*» — произошло на самом деле, — вступил в спор Август. — Внезапно появились сотни бандитов? Как ты смог им противостоять?

— Ладно, ладно, возможно, их было не сотни. Ты прекрасно знаешь, что журналисты любят...

— Перестрелка действительно была? — настаивал Александр, сверля Лайнела взглядом синих глаз, глядя поверх очков в золотой оправе. —

Перед гробницей Мересаменти?

— Черт возьми, к чему этот военный совет, могу я знать? — запротестовал Лайнел.

— Нет, думаю, это был лишь один выстрел, а остальное — выдумки газетчиков, — заключил Оливер.

Лайнел схватил статью, смял ее в комок и швырнул в лицо Оливеру.

— Ты меня достал, Оливер. Я безумно рад что, проведя целый месяц в аду, в стране безумцев, встречаю столь теплый прием.

— Именно поэтому мы так разговариваем с тобой, — пояснил Александр. Официант подошел к ним, чтобы обслужить, так что пришлось сделать паузу до тех пор, пока он не закончил свою работу. — Все это время мы ничего о тебе не знали, и это нам показалось странным. Вернувшись в Оксфорд, я узнал от Оливера, что ты засветился в прессе из-за нападения на раскопках и ожидал самого худшего. Я надеялся, что ты дашь о себе знать, едва ступив на лондонскую землю, но если бы я не отправил к тебе Веронику, мы бы и по сей день сидели в ожидании новостей.

— У меня возникли проблемы с графом Ньюберрийским, — пробормотал слегка пристыженный Лайнел. Похоже, Александр обладал редким даром заставить его чувствовать себя виноватым с завидной регулярностью, чего не удавалось больше никому. — Старый стервятник отказался платить мне оговоренную сумму. И он, и его сын плевать хотели, что в их усыпальнице была попытка ограбления, и я рисковал жизнью, чтобы защитить ее.

— Если говорить точнее, то это не «их усыпальница», а Мересаменти? — уточнил Александр.

— Да знаю я. Это самая настоящая ведьма, если хотите знать. Я убежден, она стояла у меня за спиной все время, пока я находился в этом проклятом склепе.

Август приподнял брови. То, что неприкаянная душа принцессы XVIII династии могла находиться взаперти более 3200 лет, без того, чтобы ее эктоплазма потеряла форму, показалось ему очень интересным, но он не успел ничего спросить. Официант вернулся с их заказом: кувшин ароматного глинтвейна для Александра, чашечка Earl Grey с большим количеством сахара для Августа, черный кофе для Оливера и пинта темного пива для Лайнела, который не преминул заняться напитком, чтобы выиграть время.

— Что ты сделал своему другу графу, чтобы так его разъярить? — спросил Александр.

— Ничего. — отрезал Лайнел. — Ему не на что жаловаться. Я сделал в Долине Цариц все, о чем он меня просил. Кроме... кроме перестрелки.

Он снова замолчал. Оливер поставил чашку с кофе на стол, наблюдая, как Александр наклонился к Лайнелу и спросил ледяным тоном:

— Оно утеряно? Зеркало Мересаменти, — добавил он, вопросительно взглянув на поднявшего голову Лайнела. — Его забрали расхитители гробниц?

Лайнел глубоко вздохнул. Август, молча, наблюдал за происходящим. Казалось, что шум в таверне притих, и это мешало обсуждать подобные вопросы. Наконец, пошарив в карманах жилета, Лайнел продемонстрировал друзьям пулю. Она засияла зловещим блеском при свете свечей.

— Эта пуля почти покончила со мной. То, о чем говорилось в «*Pall Mall Gazette*» — не было преувеличением, во всяком случае, не все. Выстрелы в Долине Цариц действительно были, но я был единственным, в кого попали, — он положил пулю на потрескавшуюся поверхность стола. Александр, Оливер и Август внимательно смотрели на нее. — К счастью, ее извлек один из членов команды Дэвиса, профессор анатомии из Египетского университета, который прибыл для изучения извлеченной из саркофага мумии Мересаменти, — продолжил свой рассказ Лайнел. — Но это не были расхитители гробниц. Они не забрали ничего, даже не тронули многочисленные драгоценности из гробницы. Единственное, что их интересовало, это зеркало. Именно поэтому они ждали, пока я достану его из тайника.

— Это совсем не похоже на поведение обычных грабителей, — вынужден был признать Оливер, придерживая пулю большим и указательным пальцами.

— Они и не были ими, — заверил его Лайнел. — Это не были обычные грабители. Они точно знали, чего хотели. Возможно, давно это знали. И... они знали меня.

Пуля выпала из рук Оливера. Александр нахмурился.

— Быть такого не может. Никто в Египте не знал о том, что ты собираешься делать в Долине Цариц. В курсе были только мы и граф Ньюберрийский. Как они узнали про зеркало?

Лайнел пожал плечами, поморщившись от боли в плече.

— Силы, которыми обладала Мересаменти, вошли в египетскую мифологию с момента ее смерти. Вопрос не в том, откуда они знали про зеркало, а в том, как они догадались, что именно я найду его. Хотя, у меня есть некоторые догадки.

— Если ты подозреваешь кого-то, хочу, чтобы ты назвал его имя, — сказал Александр.

— Вы помните, что произошло со мной в Италии два года назад, вскоре после того, как я познакомился с вами?

— Разумеется, — усмехнулся Оливер. — Ты растрепал это всему женскому населению города.

— Освежи мне память, пожалуйста, — попросил Август.

— Я участвовал при открытии самого известного этрусского захоронения в некрополе Ольмо Белло. Я слышал об этой усыпальнице с тех пор, как начал участвовать в первых раскопках со своим отцом. Это были легенды, рассказывающие о доверху наполненной золотыми кольцами урне, на которую перед захоронением было наложено страшное заклятие. Если честно, я не особо верил во все эти истории, не более чем археологи, участвовавшие в работе, но я умирал от желания заглянуть в гробницу. К тому же один из моих клиентов попросил меня о небольшом одолжении...

— Чтобы ты принес ему одно из колец раньше, чем находку направят в Национальный музей этрусков [7], — опередил его Александр. — Знаем мы эту историю и уже тысячу раз говорили, что мы думаем о твоём понимании археологии.

Лайнел предпочел проигнорировать шпильку друга.

— Дело в том, что я не смог даже приблизиться к урне. Так же как и в Долине Цариц, я обнаружил, что меня опередили. Фигура в черном, завернутая в накидку и в шляпе, закрывающей лицо. Когда он заметил мое присутствие, то исчез так быстро, словно за ним гнался сам дьявол. Было нетрудно догадаться, что он там делал, тем более, что я никогда раньше его не видел.

— Он не был членом команды археологов? — с интересом спросил Август.

— Нет. Я видел только глаза, прежде чем он вскочил на коня, привязанного к одному из ближайших деревьев, но я уверен, что он не участвовал в раскопках.

— Ты преследовал его? — спросил Александр. — Эту часть истории ты не рассказывал.

— Потому что мне стыдно говорить об этом, — прошипел Лайнел, крутя в руках кружку с пивом. — Разумеется, я его преследовал, но это ни к чему не привело. Он исчез среди болот, словно привидение. Но я не забыл о том, что случилось и теперь знаю почему. Мне суждено было снова с ним встретиться.

Снова воцарилась тишина. Оливер чуть не подавился кофе.

— Ты хочешь сказать, — спросил он, откашливаясь, — что в Египте был тоже он?

— Именно он украл зеркало Мересаменти и подстрелил меня в тот момент, когда я целился в него, — подтвердил Лайнел. — Я совершенно в этом уверен.

— Лайнел, это не имеет никакого смысла. Скорее всего, именно египтяне украли зеркало. Может, они и не банальные расхитители гробниц, но...

— Жизнью клянусь, что я прав. Оба вора — это один и тот же человек. Кто-то с темными глазами, подобными двум уголькам... глаза, которые будут преследовать меня до конца жизни, — прежде чем продолжить, он сглотнул, чувствуя себя не в своей тарелке под взглядами приятелей. — Он годами преследует меня, пусть меня повесят, если я знаю почему. В Ольмо Белло он был быстрее меня. В Долине Цариц он был проворнее меня и это так сводит меня с ума, что я не могу выбросить его из головы.

— Разница лишь в том, что на этот раз он пытался тебя убить, — прокомментировал Оливер.

Он не хотел в этом признаваться, особенно при Лайнеле, что ему стало дурно от мысли, что они могли увидеть в «*Pall Mall Gazette*» лишь некролог своего друга. Они смотрели как Лайнел возвращает пулю в карман жилета, пытаясь скрыть свою обеспокоенность ситуацией.

— Мне плевать что там будет говорить граф Ньюберрийский, — продолжил Лайнел более спокойным голосом. — Того, что он мне заплатит, хватить, чтобы продержаться хотя бы пару месяцев. Но я обещал вам возможность исследовать зеркало прежде, чем я передам его в руки графа. — Он помотал головой, еще больше взлохмачивая свои черные волосы. — Для «*Dreaming Spires*» это было бы успехом.

— Ладно, — промолвил Оливер. — У нас все еще есть история про несчастную Кэтрин Девор, с которой покончила ее сестра за то, что та позарилась на чужое.

Август улыбнулся и успокаивающе похлопал Лайнела по плечу.

— Главное, что ты вернулся живым. Слава богу, что твой таинственный преследователь не попал в цель, а об остальном пока нечего беспокоиться.

— Легко сказать, — буркнул Лайнел, который никогда не был в хороших отношениях с Господом Богом, более того, сильно сомневался в том, что египетские захоронения XVIII династии находились в его юрисдикции. — Ты знаешь не хуже меня, что наша газета переживает не

лучшие времена, если конечно у нее, хоть когда-нибудь были хорошие времена. Вы трое отлично это знаете, — он посмотрел на своих друзей. — Если не сможем продавать больше сотни экземпляров каждые две недели, то все окажется впустую.

— Я рад, что ты заговорил об этом, Лайнел, — ответил Александр. — Я очень этому рад, потому что это имеет прямое отношение к причине, по которой я вас сегодня собрал. Хочу рассказать вам об одном происшествии, о котором узнал вчера вечером. Если мы превратим его в новость, если поработаем все вместе, то это будет просто сенсацией и поможет разом решить все наши проблемы.

[1] **габлеты** — резные фронтоны в готическом стиле .

[2] **Пиквикский клуб** — Сэмюэл Пиквик — главное действующее лицо в первом романе Чарльза Диккенса « Посмертные записки Пиквикского клуба ». Мистер Пиквик — богатый старый джентльмен , эсквайр , основатель и бессменный президент Пиквикского клуба .

[3] **Ас - саля́ му ‘ алейкум** (« Мир вам » или « Мир с вами ») — арабское приветствие , эквивалент слова « здравствуйте ». **Ас - саля́ му алейка** — мир тебе ; **Ва - алейкум ас - саля́ м** — и вам мир . Понятие « салам », однокоренное слову « ислам », первоначально имело чисто религиозное значение и использовалось в смысле « мир с Богом »

[4] **Эзбекия** — улица в Каире

[5] **Фул медамес** (фуль мидамесс) — национальное блюдо в кухне многих арабских стран , традиционно подаваемое к столу на завтрак . Оно представляет собой варёные на медленном огне бобы , которые могут быть приправлены чесноком , лимонным соком и оливковым маслом .

[6] отсылка к Оливеру Твисту — герою романа « Приключения Оливера Твиста » Чарльза Диккенса , о мальчике сбежавшем в Лондон из сиротского приюта .

[7] **Вилла Джу лия** — бывшая загородная летняя резиденция римских пап , ныне — национальный музей этрусского искусства

Глава 7

Реакция на слова Александра была именно такой, как он и предвкушал. Август подался вперед, не выпуская из рук чашку с чаем. Оливер не шелохнулся, но глаза загорелись таким знакомым для его друзей блеском. Лайнел всем своим видом демонстрировал некоторый скептицизм, при этом подзывая официанта, чтобы заказать еще пинту пива. Так что Александр лишний раз убедился, что чутье на приключения

его не подвело и привлекло внимание всей компании. Он улыбнулся, довольный произведенным эффектом, пошарил в карманах и вытащил потрепанный конверт.

— Вернувшись вчера домой, я обнаружил множество писем, собранных миссис Хокинс за время моего отсутствия. Два из них были вашими, — он кивнул в сторону Августа и Оливера, — а остальные — обычные приглашения на общественные мероприятия, на которые у меня никогда не было времени, кроме этого, которое я вам сейчас покажу. — Он продемонстрировал друзьям конверт. — Оно пришло из Ирландии.

Август протянул руку, чтобы взять письмо. Оливер придвинулся поближе, чтобы рассмотреть его.

— «Миссис Лиза Спиллэйн. Килкёрлинг [1]. Дублинское графство. Ирландия», — громко прочитал Август. Почерк привлекал внимание своей округлостью и аккуратностью, как если бы писала девочка-выпускница монастырской школы. — Кто бы это мог быть?

— Понятия не имею, — ответил Александр. — Никогда не знал никакую Спиллэйн.

— Любопытно, — заметил Оливер. — Она не посмела написать свой адрес.

— Видимо, хотела анонимно связаться с Александром, — предположил Лайнел.

— Как же ты ей ответишь, не зная точно где она живет? Я, конечно, понимаю, что в деревне все друг друга знают, но если надо ответить на это письмо...

— Миссис Спиллэйн не хочет, чтобы я отвечал на письмо, — пояснил Александр. Услышав его, друзья примолкли. — Что она хочет, так это, чтобы я как можно скорее приехал в Килкёрлинг и занялся довольно щекотливым расследованием, которое касается не её, а чего-то очень странного, происходящего в округе.

Август жестом попросил всех замолчать, открыл конверт и достал из него два сложенных листа, исписанных тем же почерком. Он прокашлялся и начал читать:

« Киркёрлинг .

01 февраля 1903 года .

Уважаемый профессор Куиллс :

Прошу прощения , что посмела написать вам , хоть мы и не представлены друг другу .

Недавно мне в руки попал номер «Light», в котором была опубликована подробная хроника конференции, проходившей несколько дней назад в

лондонском отделении Сообщества исследователей сверхъестественного. Должна вам сказать, то, что я прочитала о ваших теориях и устройствах, позволяющих связаться с потусторонним миром не прибегая к помощи медиума, очень меня заинтересовало и я подумала, что вы — один из немногих людей, способных нам помочь в создавшейся ситуации.

Разрешите представиться : меня зовут Лиза Спиллэйн , я живу вместе с мужем в маленькой деревушке Киркёлинг , находящейся в двадцати пяти милях к югу от Дублина , на полпути между Гленнагири и Баллибрак [2] , совсем рядом с Уиклоускими горами [3] . Как вы сможете убедиться , едва ступив на наши земли , если примете приглашение и приедете к нам , то , что мы находимся так близко к столице , не мешает Киркёлингу заработать славу одного из самых загадочных мест острова . Земля здесь просто пропитана легендами и суевериями . А уж после произошедшего пару недель назад , мы ждем , не дождемся , чтобы вы , являясь лучшим в данной области , приехали и разобрались с тем , что здесь происходит .

На самой верхушке холма, возвышающегося над деревней, на краю утеса, омываемого волнами моря, которое в наших местах называют Muir Éireann [4], находится крепость Maor Cladaich [5]. От этого старого средневекового замка осталась только тень прошлого. Сейчас уцелело лишь одно строение, которое не раз перестраивалось в последние столетия, чтобы оно не рухнуло окончательно. Тем не менее, там до сих пор живут О'Лэри, потомки древнего клана, который обосновался здесь еще со времен вторжения норманнов. Нынешний, бросающийся в глаза, упадок, коснулся не только замка, но и семьи. На данный момент в живых остались только жена и дочь Кормака О'Лэри, последнего мужчины династии, умершего двенадцать лет назад от пневмонии. Все в Киркёрлинге в курсе финансовых проблем семейства, которые, в конце концов, вынудили выставить Маор Кладейш на продажу, чтобы выплатить долги, и, по мнению жителей деревни, начать новую жизнь в другом месте, где они могли бы забыть великолепие прошлого и трудности настоящего.

Не буду врать , что обитатели замка пользуются популярностью у местных жителей . По разным причинам они не особо общались с соседями с тех пор , как умер любезный мистер Кормак . Если честно , никто не будет по ним скучать , если они уедут . Но есть у О ´ Лэри нечто , что получают новые владельцы Маор Кладейш вместе с замком .

Профессор Куиллс, с незапамятных времен у них есть банши, существо, без которого не обходилась ни одна древняя ирландская

династия, которые дошли до наших дней. Знаю, что большинство англичан воспринимает их как героев волшебных сказок, но богом клянусь, что в нашем случае банши действительно существует. И что самое страшное, время не лишило ее способности предугадывать смерть членов клана.

Две недели назад банши предрекла неминуемую смерть тому, кто провел нынешнюю ночь в Маор Кладейш. Но это совершенно несправедливо, так как дело касается вовсе не одной из двух О'Лэри, а Ферчэра МакКоннала, одного из наших любимейших соседей, несчастного старика, который на свою голову решил навестить О'Лэри и умер от инфаркта через пару часов после визита.

Той ночью по всему графству пронеслась страшная буря и МакКонналу ничего не оставалось, как переночевать в замке Маор Кладейш. Как только рассвело, его нашли у забора, лежащим ничком в грязи, с руками, протянутыми к калитке, от которой его отделяли буквально пару метров и открытыми от ужаса глазами, как если бы он увидел привидение, и, скорее всего, именно это и произошло. Весь Киркёрлинг знает, что это был совершенно здоровый мужчина, в ясном уме и здравой памяти, который не боялся смерти, пока не встретился лицом к лицу с ее посланником.

Что же на самом деле увидел Ферчэр МакКоннал перед смертью? Как могла банши О'Лэри знать, что он может умереть от сердечного приступа, если никогда не было никаких признаков болезни? А самое странное, что беспокоит всех жителей, почему банши пришла именно за ним, а не за членом своего клана? Я вас уверяю, что страх провоцирует множество подозрений среди нас, профессор Куиллс. Страх того, что нечто, ранее угрожавшее только могущественным кланам, теперь примется за нас, которые не сделали ничего, чтобы заслужить такое наказание.

Что касается О'Лэри, то они категорически отказываются брать на себя ответственность за происшедшее с Ферчэром МакКонналом и совершенно не слушают нас, когда мы просим их обратиться к специалисту в этой области, который мог бы помочь взять ситуацию под контроль.

Киркёрлинг не в состоянии находится в таком напряжении столько времени, в ожидании того, что каждую ночь банши будет выходить за пределы владений О'Лэри, чтобы рыдать под окнами заболевших, сопровождать своими стонами наши ежедневные заботы. Нам необходимо, чтобы приехал кто-то вроде вас, профессор Куиллс, чтобы

благодаря своим знаниям и технологиям определил, находимся ли все мы в опасности, или же банши по-прежнему угрожает только обитателям Маор Кладейш, как и должно быть, если только в этом мире существует справедливость.

От всего сердца надеюсь, что мой рассказ привлёк ваше внимание достаточно, чтобы оказать нам честь своим визитом. Если вы все-таки приедете, то, уверяю вас, вы можете рассчитывать на любую помощь с нашей стороны. Мы действительно словно блуждаем в потемках и ждём, не дождемся, пока кто-нибудь не выведет нас к свету и надежде.

Искренне ваша,
ЛИЗА СПИЛЛЭЙН ».

После прочтения письма воцарилось молчание. Клирик задумался на некоторое время, прежде чем сложить письмо и вернуть его Александру вместе с конвертом. Оливер выглядел возбуждённым, его глаза излучали невероятное волнение.

— Теперь я понимаю, почему ты напустил столько таинственности, Александр, — произнес он, — это письмо словно манна небесная. Это именно то, что нам нужно!

Александр кивнул. У него давно уже погасла трубка, но он даже не заметил. За последние двадцать четыре часа он перечитал письмо миссис Спиллэйн полдюжины раз, и каждый раз оно производило на него одинаковое впечатление. Он предчувствовал, что написанное в письме — правда и если он решит поехать в Киркёрлинг, то это станет величайшим достижением из всех, которые когда-либо публиковались в «*Dreaming Spires*». Спасение газеты было на расстоянии вытянутой руки.

Лайнел кашлянул, чтобы привлечь внимание друзей. Он был единственным, на кого письмо не произвело особого впечатления.

— Я понимаю, что мы все сейчас наброситесь на меня, но, что такое эта банши?

— Это дух в женском облике, — поспешил ответить Оливер прежде, чем кто-либо ещё успеет открыть рот. — Это одно из самых известных существ в ирландском фольклоре. Мне кажется, её имя происходит от гэльского *bean sídhe*, что означает «женщина из загробного мира»...

— Да не нужны мне твои филологические изыски. Ты мне конкретнее объясни что это такое.

— Это НЕ привидения. Они не ведут себя как неприкаянные души. Они никогда не общаются с живыми даже при помощи медиумов. По традиции, каждая из них принадлежит одному из могущественных

ирландских кланов, которым они служили испокон веков. Они появляются только тогда, когда приближается беда и провозглашают своим плачем приближающуюся смерть...

— Традиционно, банши — это своего рода глашатаи Смерти, — объяснил Александр Лайнелу, удивленно приподнявшему брови. — Когда кто-нибудь встречается с одной из них, это означает, что человек умрет в считанные часы.

— Они бродят по укрытым туманом окрестностям с длинными распущенными по плечам волосами, с запутавшимися в них веточками, словно сказочные феи, — продолжил Оливер с потерянным взглядом мечтателя. — Иногда поднимаются в воздух, чтобы заглянуть в окна комнаты, где лежит больной, который, услышав всхлипывания, понимает, что жить ему осталось недолго. Поэтому они пользуются дурной славой, хотя на самом деле они...

— Самые несчастные из потусторонних существ, как я погляжу, — вставил слово Лайнел.

— Мне они кажутся завораживающими, — продолжил Оливер. — Хотел бы я, чтобы на английской земле тоже обитали такие причудливые создания. Наши неприкаянные души ни в какое сравнение не идут с прекрасной женщиной с волнистыми волосами в развевающейся тунике.

Август усмехнулся, отпивая чай. Лайнел откинулся на стуле, покачиваясь на задних ножках.

— В голове не укладывается, что вы верите в такие вещи. Ладно Оливер, который до сих пор верит в бабушкины сказки, — Оливер пихнул Лайнела так, что тот чуть не перевернулся вместе со стулом, но вовремя ухватился за край стола. — Но вы-то двое? — он кивнул в сторону Александра и Августа, — Вы же взрослые люди, которые всегда предпочитали науку романтизму. Вы правда думаете, что банши существуют?

— А почему бы и нет? — ответил Александр, скрестив руки на груди. — Ирландцы абсолютно уверены в их существовании. Смею сказать, что эти люди больше чем другие связаны с потусторонними феноменами.

— Александр, брось, все это — не более, чем обман, детская сказка...

— Ушам своим не верю, о чем ты говоришь? — раскритиковал его Оливер. — «*Dreaming Spires*» опубликовала дюжины статей о неприкаянных душах, заколдованных домах, проклятиях, полтергейсте... И никогда еще ты так яростно не подвергал сомнению то, о чем мы писали. Банши тоже существуют!

— Ты сам говорил, что убежден в том, что дух Мересаменти

сопровождал тебя в гробнице, — добавил Александр. — Тебе это не кажется таким же странным?

— Мы говорим о совершенно разных вещах, — запротестовал Лайнел. — Все знают, что духи существуют. Привидения — это не более чем люди, застрявшие в этом мире, потому что не успели завершить свои мирские дела. Наука, парапсихология и даже медиумы доказали их существование. Но существо из загробного мира, добровольно приближающаяся к смертным только из-за их богатства, чтобы предсказать им, когда они перейдут в лучший мир? Извините, но я не вижу в этом никакого смысла.

— Вспомни цитату Шекспира из «Гамлета» — «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», — напыщенным голосом добавил Август. — Если бы для того, чтобы поверить, нам надо было увидеть, то вся работа «*Dreaming Spires*» не имела бы смысла.

Лайнел умолк, сохраняя при этом недовольный вид. Александр смотрел на него несколько секунд, затем перевел взгляд на Оливера. Юноша взял письмо миссис Спиллэйн и перечитывал его так жадно, что глаза, казалось, выскакивали из орбит.

«Он явно умирает от желания начать писать об этом, — догадался профессор. — История с зеркалом Мересаменти наверняка сильно разочаровала его».

— Ладно, думаю, что лучшим способом проверить правдоподобность этого письма — это поехать в Ирландию, — объявил профессор. — Мне кажется, что эта история стоит того, чтобы ей заняться. Если никто из вас не захочет ко мне присоединиться, скажите прямо. Я, без сомнений, туда поеду.

— Я тоже поеду с тобой, — без колебаний воскликнул Оливер, — можешь на меня рассчитывать, Александр.

— А у тебя не будет проблем с Бейлиол-колледжем? Возможно, мы не скоро вернемся в Оксфорд. И если ты до сих пор не закончил свой словарь...

— Начиная с сегодняшнего дня, поработаю сверхурочно, — ответил Оливер, — но этого я ни за что не пропущу.

Александр кивнул. Он с улыбкой потрепал Оливера по плечу, который выглядел все более эмоционально, и снова повернулся к Лайнелу. Тот вздохнул:

— Полагаю, у меня нет выбора. Не позволю, чтобы вы развлекались без меня.

— Вот это другой разговор, — воскликнул Оливер, с энтузиазмом стукнув кулаком по столу.

— Но это совсем не значит, что я вам верю, — не сдавал позиций Лайнел. — Поедем, займемся этой историей, в которую мало кто поверит, но она поможет нам увеличить продажи «*Dreaming Spires*». Для меня этого вполне достаточно.

— Когда мы приедем в Ирландию, я припомню тебе эти слова, — предупредил Оливер, — Ставлю что угодно, что ты больше других влезешь в это дело, особенно, если столкнешься лицом к лицу с *баниши* клана О'Лэри.

— Если это и вправду дух, фея или что-нибудь еще в этом роде, то не думаю, что мне есть от этого какая-то польза, — лукаво улыбаясь, ответит Лайнел, — предпочитаю женщин из плоти и крови.

— Август, твоя помощь нам тоже понадобится, — обратился Александр к клирику, тот кивнул в ответ.

— Я так и предполагал. Не волнуйтесь, я сообщу вам обо всем, что разужнаю об этих существах. Не могу надолго оставить приход, чтобы поехать с вами, но как только у вас будет точный адрес в Ирландии, дайте мне знать, чтобы я мог вам писать.

— Отлично. Для тебя будет отличным заданием разобраться, что это за существо и как выйти с ним на связь. Также не будет лишним, если ты поговоришь со своими друзьями-медиумами и узнаешь, сталкивался ли кто-то из них с *баниши*. Например, эта Аннабель Лавлейс, которая постоянно появляется в прессе...

— Хорошая идея, — согласился Август, задумавшись. — Сейчас она — самый известный медиум в Лондоне. Я напишу ей, чтобы узнать, что она думает об этом случае.

— Это та рыжая, с которой мы пересекались прошлой осенью на площади Пикадилли [6]? Хотел бы я, чтобы ты представил ее мне в личном кабинете..., — предложил Лайнел с хитрым блеском в глазах.

— Лайнел, прекрати, ты неисправим? — пожурил его Оливер. — Некоторые мужчины ведут себя не так, как ты. Не у всех мозги расположены ниже пояса.

— Да что ты знаешь о настоящих мужчинах, Твист? Поговорим об этом после того, как ты поцелуешь хотя бы одну женщину, вот тогда я смогу серьезно воспринимать твое мнение на эту тему.

— Думаю на этом наше собрание можно считать закрытым, — сказал Александр, прежде, чем Оливер смог ответить на колкость друга. Он встал и протянул руку, чтобы взять сюртук. — Нам предстоит много дел, если мы хотим, чтобы эта новость осталась нашей. Мы не можем позволить, чтобы другие газеты нас опередили.

Все встали. Лайнел изобразил покорность, надевая перчатки, не обращая внимания на ярость в глазах смотревшего на него Оливера.

— Сначала Египет, теперь Ирландия. Похоже, это будет незабываемый год, — он повернулся и пошел к выходу из таверны, остальные последовали за ним. Они были рады покинуть, наконец, заведение, особенно Август, который терпеть не мог табачный дым. — Когда выезжаем?

— Как можно раньше. Думаю, лучше всего на следующей неделе, — ответил Александр. — Давайте соберемся завтра в Кодуэллс Касл, и спокойно обсудим план действий. Как насчет ужина?

Август не мог прийти, так как у него уже были запланированы неотложные дела, но остальные с радостью согласились. Снаружи стало еще холоднее, чем когда они только пришли в «*The Turf*». Поднялся такой сильный ветер, что даже из Адского переулка было слышно как трещат деревья на кладбище Холлиуэлл.

— Сегодня ветер будто стонет, — сказал Август, пока они шли по улице. — Интересно, голос банши О'Лэри звучит также?

— Скоро мы об этом узнаем. Впрочем, надеюсь, что ее голос не станет предвестником смерти для кого-то из нас, — ответил Александр, улыбнувшись. — Мы просто обязаны вернуться живыми в Оксфорд, чтобы рассказать о своем открытии.

— Да, и чтобы убедиться в том, что «*Dreaming Spires*» не пойдет ко дну, — добавил Лайнел. — В противном случае мне придется посвятить себя выкапыванию трупов с кладбища Холлиуэлл для студентов медицинских колледжей. Люди уже разучились ценить труд искателей сокровищ.

Лайнел помахал на прощание друзьям и ушел в сторону своего дома. Александр, Август и Оливер видели, как он шарит в карманах в поисках ключа.

— Вы, так же как и я, отлично знаете, что вовсе не скептицизм чуть не заставил его отказаться от поездки, — сказал Оливер, как только Лайнел скрылся из виду. — Сейчас он напуган как никогда.

— Да, я тоже обратил внимание, как менялось выражение его лица, когда он слушал наш рассказ о глашатаях смерти, — произнес Александр. — Нападение стрелка в Долине Цариц повлияло на него больше, чем я думал.

— Думаете, что его действительно кто-то преследует? — спросил Август.

Оливер пожал плечами, хоть и не мог скрыть своего беспокойства. Александр задумался, убирая погасшую трубку в карман жилета.

— Кто знает, — ответил он, наконец. — Лайнел всегда отличался от остальных. Он не выбирает легких путей и вполне мог нажить себе врагов.

— В этом случае для него будет лучше поехать с нами в Ирландию, чтобы уехать подальше от всего этого, — согласился Оливер. — Когда мы вдвоем вернемся с историей О'Лэри, то Лайнел поймет, наконец, что он в безопасности и все изменится...

[1] **Киркёлинг** — возможно автор имеет в виду Killiney (Киллини) — пригород в Ирландии , в графстве Дун - Лэаре - Ратдаун .

[2] **Гленнагири** — пригород в Ирландии , находится в графстве Дун - Лэаре - Ратдаун . Местная железнодорожная станция была открыта 1 ноября 1867 года . Баллибрак — юго - восточный пригород Дублина . Находится в графстве Дун - Лэаре - Ратдаун . Расположен к югу от Киллини и северо - восточнее пригорода Лохлинстаун .

[3] **Горы Уи́ клоу** — горный хребет на юго - востоке Ирландии . С 1991 года территория Уиклоу получила статус национального парка

[4] **Muir Éireann** — Ирландское море .

[5] **Maor Cladaich** (Маор Кладейш) — с гэльского — морской страж . (вымышленный замок)

[6] **Площадь Пикадилли** (Пикадилли - серкус) — площадь и транспортная развязка в центральном Лондоне , район Вестминстер .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вода , камень и кровь

Глава 8

Справа — горы, настолько укрытые туманом, что можно было различить лишь вершины; слева — темная гладь Ирландского моря, доставившего их к этим берегам. Невероятное многообразие оттенков, о котором они и мечтать не могли в Англии, так как даже не представляли, что зеленый цвет может быть таким зеленым.

Перед их взором раскинулся таинственный и суровый Киркёрлинг — только такой и могла быть земля, связанная с потусторонним миром. Оливер нервно сглотнул.

— Мда, по крайней мере, местечко кажется довольно уединенным и очень живописным...

— Спокойное поселение, которое, должно быть, переживает непростые времена по вине банши, — добавил Александр. — Я рад, что мы приехали заняться этим делом.

— Дыра, в которой мы все сдохнем от скуки, если не произойдет хоть что-нибудь интересное, — вставил слово Лайнел. — Здесь не происходило

ровным счетом ничего с того момента, как здесь высадились норманны. Похоже, что время здесь остановилось.

Не прошло и пяти часов с тех пор, как они ступили на ирландскую землю, но их с лихвой хватило, чтобы осознать — они гораздо дальше от Оксфорда, чем говорили географические карты. Они проехали на поезде до Ливерпуля, где пересели на корабль, доставивший их в Дублин. Далее они пробрались через несметную толпу, чтобы сесть на дилижанс, направляющийся на восточное побережье острова, останавливаясь в каждой деревушке графства. Киркёрлинг был последней остановкой, и там уже они действовали под руководством Оливера, единственного из них понимающего гэльский, совершенно недоступный Александру и Лайнелу.

Пока они шли через полузатопленные дождем поля, неся на себе поклажу — аппаратуру профессора они упаковали в Кодуэллс Касл и отправили морем, как только узнали где остановятся — Александр развлекал их рассказами о здешних местах, расположенных между морем и горами. Он рассказал, как с вторжением норманнов в XII веке знатные кланы О'Тулов, О'Бирнов, О'Лэхари перебрались на юг после поражения в битве с Генрихом II, королем Англии, герцогом Нормандии и Аквитании и графом Анжуйским. Они смогли укрепиться в Уиклоуских горах, впрочем, ненадолго — вскоре английская корона взяла реванш и поставила Ирландию в зависимость от своих монархов.

— Это могущественная земля, обремененная своей величественной историей, с которой мы обошлись очень несправедливо, — продолжал свой рассказ профессор, любясь окружающим пейзажем. — Не знаю, осознаете ли вы масштабы катастрофы, произошедшей в середине прошлого века, когда вредители уничтожили весь урожай картофеля на острове...

— В Италии я познакомился с одной семьей, которая была вынуждена эмигрировать по этой причине, — ответил Лайнел. — По-моему, они потом уехали в Канаду, чтобы начать все с нуля.

— Многие так поступили, — подтвердил Александр. — В основном люди уехали в США, чтобы начать жизнь заново. Некоторые отправились в Австралию и занялись там скотоводством. Происшедшее было настоящим бедствием. Ирландия не заслуживала той нищеты, которая до сих пор присутствует в отдаленных от столицы уголках. Я считаю их жителей настоящими героями.

Прибытие в Киркёрлинг подтвердило его слова. Деревушка оказалась гораздо меньше, чем они себе представляли — она едва насчитывала сотню домов из грубо отесанного камня, почти всегда лишенных хоть

какой-то шпукатурки, с дырами в стенах, служившими, по всей видимости, окнами и дымоходами одновременно. Крыши были покрыты соломой, подгнившей от частых дождей и поросшей всевозможной сорной травой, среди которой иногда попадались один-два пробившихся к свету цветков. Нагруженные багажом друзья шагали к центру деревни, если его можно было так назвать, проходя мимо жителей, пытающихся с помощью примитивных лестниц устранить последствия последней бури. Одна девушка, с трудом сохраняя равновесие, балансировала на последней перекладине, а мальчик подносил ей охапки соломы, которым они пытались прикрыть прорехи в крыше, обнажавшие внутренние перекрытия дома. Справившись с работой, они заговорили между собой на гэльском. Увидев трех незнакомцев, девушка испугалась и чуть не упала, но вовремя ухватилась за лестницу. Миссис Спиллэйн не преувеличивала — в глазах каждого читался ужас, о котором говорилось в письме, страх того, что в любой момент разрушится тонкая грань между мирами живых и мертвых.

Друзья быстро обнаружили открытое пространство между домами — пахнущую рыбой и селитрой крошечную площадь, которая выполняла роль местного рынка. Несколько человек снимали парусину с каркаса, за которыми путешественники со вздохом облегчения разглядели нечто, похожее на паб, настолько маленький, что в таверне «*The Turf*» поместилось бы три или даже четыре таких. Тем не менее, это был паб, в котором они могли, наконец, расположиться.

— Не бог весть что, но на пару дней сгодиться, — с оптимизмом прокомментировал Александр. Он обогнул парочку ящиков с овощами, продвигаясь в сторону паба. — Нет смысла стучать в двери, чтобы спросить адрес миссис Спиллэйн — через пару часов стемнеет, а нам еще надо добраться до замка Маор Кладейш, чтобы познакомиться с его обитателями.

На выцветшей от времени вывеске буквами, стилизованными под кельтские, было написано «Золотой горшок». Они с трудом протиснулись в помещение, стараясь не задеть дверной косяк чемоданами, и обнаружили, что название было более чем претенциозным. Не было там никакого золотого горшка, а лишь небольшая комната с покрытым опилками полом и унылыми стенами с рекламными плакатами. Вдоль одной из стен тянулась барная стойка, сделанная из того же темного дерева, что и круглые столики для посетителей. В настоящий момент в баре находился высокий мужчина средних лет с широкими плечами и редкими рыжеватыми волосами и девушка, судя по внешности, явно его дочь. Оба тихо переговаривались между собой, начищая стойку, едва видневшуюся

из-под пузатых бочонков пива «Бимиш», «Мёрфис» и «Смитвикс», от вида которых Лайнел чуть не захлебнулся слюной. Он умирал от жажды с тех пор, как они покинули Дублин.

И отец, и дочь выглядели такими же растерянными, как и их соседи при виде незнакомцев. Чужаки явно появлялись здесь от силы пару раз в год.

— *Háigh!* — с некоторой долей настороженности поприветствовал их хозяин. — *An bhféadfainn cabhrú leat?* (Добрый вечер! Чем могу вам помочь? — пер. с ирл. — прим. ред.)

Александр обеспокоенно повернулся к Лайнелу, тот пожал плечами.

— Кажется, у нас есть филолог, да? — Лайнел пихнул в спину Оливера, чтобы тот вышел вперед. — Давай, покажи на что ты способен. Я умираю от желания выпить.

Оливер вздохнул, опустил свою сумку и подошел поближе.

— *Tráthnóna mhaith duit. Is mise Oliver Saunders. Is iriseoirí muid, mé féin agus mo chairde.* — Он повернулся к друзьям и указал на них рукой — *Beidh muid ag fanacht sa bhaile seo ar feadh cúpla seachtaine. An bhfuil seomra le haghaidh dúinn?* (И вам добрый вечер. Я Оливер Сандерс. Я и мои друзья — журналисты. Мы остановимся в этой деревне на несколько дней. У вас есть свободные комнаты? — пер. с ирл.)

Девушка открыла рот от удивления. Ее отец посмотрел на них с возросшим интересом.

— Англичане? — спросил он через пару секунд. — Журналисты, говорите?

— Мы остановимся в деревне на пару недель, — повторил Оливер, чтобы его друзья тоже поняли разговор, — и хотели бы узнать есть ли у вас свободные комнаты.

Мужчина бросил тряпку на стойку. «*Lig dom pas a fháil*» (Позволь мне пройти — пер. с ирл.), — сказал он тихонько дочери, чтобы она дала ему пройти. Девушка отошла в сторону, не отрывая взгляд от Оливера — возможно, она впервые видела мужчину с такими длинными волосами.

«А она ничего», — подумал Лайнел, пытаясь представить прелести, скрытые под простым платьем неопределенного цвета. Ей было около восемнадцати лет, максимум двадцать, но в кротком взгляде глаз цвета моря читалась некоторая подозрительность, выработанная благодаря тому, что девушке пришлось взрослеть прямо здесь, за стойкой бара, учась лицом к лицу сталкиваться с множеством клиентов. Толстая рыжеватая коса, из которой выбилась пара прядей, была перекинута через правое плечо, и, казалось, отражала солнечные лучи, проникавшие через окно.

— Моя дочь Фиона, — представил ее хозяин паба. Девушка покраснела как спелый помидор. — А я — Доннхад Лоулесс. Добро пожаловать в мой дом, хотя, если честно, у нас давно никто не останавливался. Почти все наши клиенты — это посетители, заходящие пропустить пинту-другую пива после работы.

— Думаю, это будет приятным разнообразием, — сказала Фиона вполголоса. — Папа, можно мы....

— На верхнем этаже есть несколько комнат, которые вам подойдут. Не надейтесь найти там гостиничных удобств. Мы простые люди. Обычно используем эти комнаты как склад, но за пару часов мы подготовим их для вас. У нас есть пара вполне удобных матрасов, — было заметно, как мужчина старается медленно проговаривать каждое слово, чтобы им было понятнее. — Не хотите ли пока что-нибудь выпить? Пару пинт лучшего местного пива?

Лайнел не смог сдержать вздох облегчения, но, прежде, чем они приняли приглашение, девушка бесшумно как кошка проскользнула к отцу, положила руку ему на плечо и сказала вполголоса, даже не подумав перейти с английского на гэльский:

— Пара часов это слишком мало! Ты же знаешь, что Джемима не вернется до вечера, а одна я не справлюсь со всеми этими матрасами, пока ты обслуживаешь посетителей!

— Можете не торопиться..., — вмешался Оливер, пытаясь сгладить ситуацию.

— Не волнуйтесь, — успокоил их Доннхад. — Мы позаботимся о том, чтобы вам было где отдохнуть до вечера, пока комнаты не готовы. Фиона говорила о моей дочери Джемиме. Она старшая и единственная, кто не работает с нами в пабе. Она прислуживает в Маор Кладейш, старой крепости на вершине холма и никогда не возвращается рано...

— Маор Кладейш? — перебил его Александр. — Замок семьи О'Лэри?

Доннхад моргнул. Фиона наблюдала с возрастающим любопытством.

— Совершенно верно, джентльмены, именно о нем я и говорю. Меня совсем не радует, что моя девочка проводит столько времени в этой развалине, которая может рухнуть в любой момент.

— Именно туда мы и направляемся, — разъяснил Александр. — Мы хотели поговорить с миссис О'Лэри сегодня днем. Что вы можете нам о ней рассказать? Думаете, она примет нас после всего, что случилось в Киркёрлинге пару недель назад?

— Вы имеете ввиду смерть Ферчэра МакКоннала после того, как он

отужинал в замке?

Казалось, что в комнате возникло напряжение. Друзья осознали, что слишком открыто заговорили о столь деликатных делах.

— До нашей редакции дошли слухи о случившемся. Похоже, никто не может объяснить, как здоровый как бык мужчина вдруг упал замертво...

— Мы тоже не понимаем, — мрачно ответил Доннхад. — Я вас уверяю, что это стало большой потерей для всех нас. Ферчэр МакКоннал был одним из самых уважаемых посетителей. Всегда садился вон за тем столом, — он кивнул головой на противоположную сторону паба, — всегда готовый сыграть партийку-другую в карты перед уходом домой. И неважно, что он был одним из самых богатых людей в округе. В обращении он был простым, как обычный рыбак. Очень вежливый. Всегда угощал всех, когда жеребилась одна из его кобыл, а это случалось очень часто...

— Теперь я понимаю, почему его смерть так расстроила местных, — пробормотал Оливер.

— Это уж точно, — проворчал Лайнел. Мысль о том, что долгожданное пиво так и останется лишь на словах, испортила ему настроение. — У него была куча денег, чтобы угощать всех желающих. Даже банши, должно быть, была рада знакомству с ним!

Из рук Фионы выскользнул стакан, который она пыталась повесить над стойкой. У нее вырвался тихий вскрик, который не имел никакого отношения к разлетевшимся во все стороны осколкам. Девушка во все глаза уставилась на Лайнела. Оливер засопел.

— Ты как всегда... тактичнее некуда. Начинаю думать, что было бы лучше оставить тебя в Оксфорде.

— Умоляю, не обращайтесь внимания на моего друга, мисс, — попытался успокоить девушку Александр, ободряюще улыбаясь. — Надо сказать, он настроен несколько скептически в отношении к...

— Откуда вы узнали про банши О'Лэри? — едва слышно проговорила Фиона.

— Ладно... На самом деле, именно из-за этого мы и приехали сюда. Как и сказал мистер Сандерс, мы действительно журналисты, и мы хотели бы разобраться, что на самом деле произошло той ночью и пролить свет на эту темную историю. Доказать, что это не просто легенда, что банши существует.

— Разумеется, она существует, — фыркнул Доннхад. — К несчастью для нас. — Он побледнел. Пот струился по его высокому лбу и мужчина вытер его уголком фартука. — Я догадывался, что вас не цены на картошку интересуют. Вы — специалисты новейших наук?

— Более-менее, — более оптимистично улыбнулся Александр.

— Вы и вправду хотите узнать причину смерти Ферчэра МакКоннала? Это, скорее, задача для детективов, разве нет? Или то, что вам нужно, так это поймать банши?

— Не думаю, что это возможно, — поспешил пояснить Оливер, заметив, что Фиона дрожала как осиновый лист. — И тем более мы не собираемся тревожить это существо, *mo chara* (мой друг — пер.с ирл.). Мы просто хотим понять, что это и как оно могло просуществовать здесь на протяжении веков. Я обещаю, что вам ничего не угрожает.

Девушка порезала палец, и Оливер достал платок, чтобы забинтовать рану. Лайнел закатил глаза: если бы какая-нибудь девушка смотрела на него так, как сейчас Фиона смотрит на Оливера, то он давно уже нашел бы любой предлог чтобы, сопроводить ее наверх. Но Оливер никогда ничего не замечал.

— Ладно, — сказал Александр, глядя в окно, как сумерки сгущаются над рынком. — Полагаю, нам пора выразить наше почтение миссис О'Лэри, пока не стемнело. — Лайнел попытался протестовать, но Александр не обратил на него внимания — еще будет время напиться. — Так мы не будем тут надоедать, пока нам готовят комнаты. Спасибо вам за ваш рассказ, друг мой.

— Вам не за что благодарить. Будьте осторожны.

— Постараемся не нарваться на неприятности ни для вас, ни для нас, — Александр кивнул друзьям, чтобы они проследовали к выходу. Доннхад последовал за ними. Фиона осталась внутри, оборачивая платок Оливера вокруг порезанного пальца, чемоданы они оставили на покрытом опилкам полу. — Вы говорили, что холм, на котором стоит Маор Кладейш, совсем близко?

— Даже слишком близко, на мой взгляд, — буркнул ирландец, — посмотрите налево.

Трое друзей дружно повернули головы в указанном направлении. Сначала они разглядели только церковь недалеко от площади — строение из темного камня, пережившее немало реконструкций, но, тем не менее, все еще грозившее обрушиться. Через пару секунд мужчины поняли, что холм, о котором говорил Доннхад, находится прямо позади церкви. Склон был весь покрыт зеленью, среди которой то и дело виднелись каменные кресты, украшенные кельтским орнаментом. Нужный холм оказался кладбищем Киркёрлинга, изумрудно-зеленое полотно, казалось, соединяло небо и землю. За кладбищем, на самой вершине горы, возвышаясь над утесом, который друзья видели по дороге в Киркёрлинг, виднелся

расплывчатый силуэт...

— Это зубчатые стены Маор Кладейш. Остатки старой средневековой крепости, выдавший лучшие времена, хотя, в случае О'Лэри любое прошлое лучше настоящего, — объяснил Доннхад вполголоса. — Вы должны пройти через ограду — не волнуйтесь, моя дочь Джемима всегда оставляет ворота открытыми. Никто в здравом уме даже не думает посетить это место, а уж тем более обокрасть.

— Ну, значит, нас примут со всеми почестями, — воскликнул Лайнел. — Какая удача!

Похоже, его настроение ухудшалось с каждой минутой, впрочем, ни Оливер, ни Александр не обратили на него внимания. Профессор обернулся к Доннхаду, вспомнив кое-что:

— Еще один вопрос прежде, чем мы уйдем. Вы знакомы с миссис Спиллэйн?

— Спиллэйн? — удивился Доннхад. — Никогда не слышал такой фамилии.

— Вы уверены? — переспросил Оливер, недоуменно переглянувшись с Александром. — Мы думали, что в Киркёрлинге живет женщина по имени Лиза Спиллэйн.

Хозяин паба отрицательно покачал головой. На его лице не было ни капли сомнения:

— Должно быть вы ошиблись. Это очень маленькое поселение, джентльмены, здесь все друг друга знают, и я уверяю вас, что никогда не слышал ни о какой Спиллэйн. По-моему, здесь даже нет ни одной женщины по имени Лиза. Должно быть, это какая-то ошибка.

Александр замолчал и пожал плечами. У них еще будет время разобраться с этим. Они попрощались с Доннхадом, и пошли к горе, поднимаясь по склону кладбища. Там друзья встретили несколько старух, которые искоса посмотрели на чужаков, не переставая молиться, стоя на коленях перед могилам близких. Через окно церкви был слышен хор, поющий гимн, строки которого они слышали, даже оставив кладбище далеко позади. Когда мужчины добрались до ограды замка, о которой упоминал владелец паба, над их головами пронеслась стая грачей. Птицы затерялись в ветвях деревьев, которыми заросли сады, окружавшие замок. Сад так разросся, что побитые морскими ветрами зубчатые стены замка были едва видны. При ближайшем рассмотрении, то, что окружало территорию, оказалось не оградой, а остатками древней стены, построенной одновременно с замком. Местами в стене зияли проломы, обрушившиеся камни покрылись вековым мхом, некоторые дыры были кое-

как заделаны железными прутьями, а в дверном проеме болталась расшатанная дверь. Как и говорил Доннхад, не пришлось никого звать, чтобы им открыли. Оливер слегка поднажал и дверь со скрипом повернулась на ржавых петлях.

— Жуть какая, — сказал он вполголоса, пока они шли через сад. С наступлением темноты, тишина накрыла друзей словно покрывалом, которое будто оживило тени, зажившие своей собственной жизнью. Казалось, что из темноты наблюдают тысячи глаз. — Прямо в дрожь бросает, — продолжил Оливер. — Вам не кажется, что что-то следует за нами с тех пор, как мы вошли через калитку? Что-то или кто-то?

— Я чувствовал тоже самое тогда, в гробнице Мересаменти, — добавил Лайнел. — Думаю, нам следует к этому привыкнуть.

Все трое не раз бывали в домах, считавшихся обывателями заколдованными, и лишь в некоторых случаях слухи подтверждались. Переступив порог Маор Кладейш, они почувствовали нечто совершенно иное, как если бы в каждой частичке пыли, танцующей над их головами, сконцентрировалась агония неприкаянной души, вынужденной обитать именно здесь.

Журналисты, молча, продолжили свой путь к замку, который все четче вырисовывался за ветвями деревьев. Сады резко ушли вправо, где участок земли спускался по крутому склону, превращаясь в скалистый обрыв. Здесь не было ни крепостной стены, ни железных прутьев: единственным, что могло защитить от возможного падения вниз на острые скалы, об которые били волны, был здравый смысл. Оливер почувствовал, как сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда из темноты вдруг показались каменные лица. Женские скульптуры, расставленные в саду, казалось, преследовали их по пятам, глядя широко открытыми глазами без зрачков. Одна из скульптур накренилась, готовая вот-вот упасть, пролетающая мимо пара грачей коснулась крыльями ее шеи, направляясь к замку. Взмолнованный Оливер спрашивал себя, почему территория замка выглядела более зловещей, чем кладбище, через которое они только что шли, с его крестами и лампадами.

— Ты знаешь что-нибудь об этом замке? — спросил он у Александра, ускоряя шаг, чтобы не отстать. — Тебе удалось отыскать что-нибудь интересное о его строительстве?

— Немного, — признал профессор. — Я искал информацию в библиотеке перед выездом из Оксфорда, но единственное, что нашел, так это то, что вначале здесь была деревянная крепость, построенная для защиты побережья от набегов пиратов. Кажется, однажды произошел пожар и на руинах старой крепости возвели новую, каменную...

— Старая, как мир, история, — вставил слово Лайнел. — А «Маор Кладейш» что-нибудь значит?

— «Морской страж» на гэльском, — не задумываясь, ответил Оливер. — Я думал про это, когда Александр впервые рассказал нам об этом месте, но мне даже в голову не приходило разобраться в истинном значении названия. Пока не увидел, насколько близко от обрыва находится замок.

Они снова повернули, и их взору открылся вид на замок. Окружающие его тисы не позволяли рассмотреть все детально, но, тем не менее, стало заметно, что от старой крепости уцелела лишь сторожевая башня, в которой и жили сейчас О'Лэри — тяжелая квадратная постройка из скрепленного известкой серого камня с парой бойниц. Последние отблески заката отражались в высоких окнах, расположенных на фасаде, слишком узких для того, чтобы можно было разглядеть украшающий их орнамент.

— Большинство замков острова было построено после вторжения норманнов, но в случае Маор Кладейш, речь идет о внутреннем здании, — объяснил Александр, наклонившись, чтобы не оцарапать лицо ветвями деревьев. — Первоначальная постройка была дополнена более светлым камнем, как и зубчатая стена, которую облюбовали все эти грачи, думаю, все это датируется XII-XIII веками. Часовня, выстроенная наверху башни, — он показал на поблекшие руины, — должно быть, относится к тому же времени.

Уже можно было разглядеть вдалеке большие кованые ворота, увитые буйно разросшимся вьюном. Волнение Оливера все возрастало, пока он шел за своими друзьями. Он уже хотел было спросить у Александра, не было ли рва вокруг замка, как вдруг его внимание привлекло какое-то движение со стороны аллеи у обрыва. Сначала он подумал, что это грачи пролетели от дома к саду, но потом разглядел, что там было на самом деле: что-то белое, бесшумно скользящее меж деревьев.

Нечто, слишком похожее на платье.

Оливер резко остановился. Он уставился на лоскуты белой ткани, видневшиеся по ту сторону зарослей, раздвинул руками ветки, чтобы попытаться подойти и разглядеть получше, но, осознав, что это, не смог сдвинуться с места.

Посреди аллеи стояла женская фигура. Это была женщина с длинными светлыми волосами, с белой, как снег кожей, широко раскрытыми как у совы глазами. Фигура, казалось, застыла подобно каменным статуям, которые они видели в саду. Она спокойно стояла, вытянув руки вдоль тела, не отрывая взгляда от Оливера.

— Твист, что ты, черт возьми, делаешь? — услышал он голос Лайнела.
— Ты язык проглотил?

Оливер открыл рот, но не смог произнести ни слова. Казалось, кровь застыла в его жилах, как только он встретился глазами с тем созданием. Фигура была такой белой, что казалась сотканной из тумана. Единственным цветовым пятном была серая накидка, наброшенная на плечи.

— Оливер? — на этот раз это был голос Александра. Оливер услышал хруст упавших веток под ногами вернувшихся за ним друзей. — Куда ты полез? Ты нашел что-то интересное?

Оливер шумно сглотнул. Видение тоже заметило приближение двух других мужчин. Оливер увидел, как призрак поднял крошечные, как у ребенка ладони и набросил на голову капюшон. Парень сделал несколько шагов вперед, но увидел, что фигура исчезла. Контур ее плаща затерялся в зарослях так, как если бы его никогда там не было.

«Как привидение», — подумал ошеломленный Оливер. Он был готов прыгнуть следом, когда почувствовал на плече руку Александра.

— Что случилось? — спросил профессор, внимательно разглядывая Оливера. — Ты такой бледный, словно тебе поставили пару пиявок.

Оливер потряс головой, приходя в себя. Он провел по лбу дрожащей рукой.

— Знаю, вы подумаете, что я сошел с ума... совершенно сошел с ума.

— Об этом мы и раньше думали, — сострил Лайнел, — просто не говорили об этом, чтобы не связываться. Что случилось-то?

— А то, что я только что видел её. Банши О'Лэри действительно существует и... — он снова нервно сглотнул и продолжил, — ... она посмотрела мне прямо в глаза.

Глава 9

Несколько мгновений друзья молча смотрели на Оливера, пытаясь по выражению его лица понять, не шутит ли он. В конце концов, Лайнел первым нарушил молчание:

— Ты только что столкнулся лицом к лицу с банши, — и это был не вопрос.

— Она была там, Лайнел, прямо там, на аллее, — бормотал Оливер, указывая рукой направление. — Она смотрела на меня так, словно читала мою душу, будто знала обо мне все, в том числе и точное время моей смерти...

Услышанное так озадачило Лайнела, что ему и в голову не пришло

подшутить над приятелем. Александр также не улыбнулся, а продолжал вглядываться в глаза побледневшего парня.

— По-моему, ты был так взволнован от возможности увидеть настоящую ирландскую банши, что выдал желаемое за действительной, — наконец промолвил Александр. — Я не говорю, что тебе все померещилось, просто, скорее всего, это было что-то безобидное, например, отблеск заходящего солнца меж деревьев.

— Александр, ты прекрасно знаешь, что в этом нет никакого смысла. Вы всегда считали меня фантазером, но клянусь, что я бы никогда не дал себя обмануть отблеском света. Говорю тебе, она была там.

Он пролез еще глубже в заросли, раздвигая ветки руками, и Александру с Лайнелом ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Здесь, — остановился вдруг Оливер. — Именно здесь, под этими деревьями. Она как-будто бы шла по направлению к Маор Кладейш с противоположного конца сада, — он повернулся, пытаясь разглядеть, что находилось за тисами, но было так темно, что ничего не было видно дальше пяти метров, — со стороны обрыва.

— Может, она любит порыбачить в свободное время, — ехидно предположил Лайнел.

Оливер пронзил его взглядом, который мог бы разрубить пополам алмаз.

— Как выглядела эта предполагаемая банши? — примиряюще поинтересовался Александр.

— Блондинка, похожая на фею с длинными шелковистыми волосами.

— То есть она принимает облик молодой девушки? Любопытно, действительно любопытно. Не знаю почему, я представлял ее в виде худой старухи со скелетообразным лицом.

— Нет, Александр, в ней не было ничего ужасного. И не было на ней изодранного савана. Она была одета в белое платье и серую накидку с капюшоном, который набросила на голову, услышав ваши шаги...

— Ага, значит, она не показывается всем подряд. Похоже, она довольна избирательна с публикой, — прокомментировал Лайнел со все возрастающим скептицизмом, похлопывая Оливера по плечу. — Прямо не знаю, поздравить тебя или посочувствовать.

— Да я и сам не знаю, — тихо ответил Оливер, — я не понимаю, что сейчас чувствую. Предполагается, что я должен быть в ужасе от увиденного, но... — он умолк.

Александр и Лайнел переглянулись и профессор спросил:

— Хочешь сказать, ты почувствовал нечто большее, чем страх? Что ты

имеешь ввиду?

— Что она прекрасна, хоть и необычной красотой. Я никогда не видел ничего прекраснее.

Лайнел фыркнул — у него явно закончилось терпение. Похлопывания по плечу превратились в толчок.

— Ну все, эта капля переполнила мою чашу. Даже не смей продолжать в том же духе. Ради Бога, можешь превратить банши в одну из твоих муз, — он пихнул Оливера, направляя его обратно к Маор Кладейш, — но я ни в коем случае не позволю тебе сходить с ума по призраку.

— Ты о чем вообще? Что заставило тебя подумать, что я...

— Как будто мы тебя не знаем. Можешь беситься сколько хочешь, но мы оба знаем, что у тебя слюни текут при мысли о ней. Все как в твоих готических сказках. О чем будет следующая? О медиуме, влюбленной в привидение?

— Лучше нам позвонить в дверь, пока не стало слишком поздно, — предложил Александр. Он продолжал обеспокоенно смотреть на Оливера, но юноша был так смущен и взволнован тем, что увидел или тем, что он думал что увидел, что профессор решил не дергать его дальнейшими расспросами. Во всяком случае, до возвращения в «Золотой горшок» после разговора с хозяйкой замка.

Они поднялись по ступенькам к воротам. По центру висело толстое бронзовое кольцо, и Александр дважды постучал им в дверь.

— Я знаю, как ты можешь выбросить из головы все эти глупости, — услышал он за спиной голос Лайнела, пока они ждали, чтобы им открыли дверь. — Что тебе нужно прямо сейчас, так это замутить с женщиной из плоти и крови, которая заставит забыть о бестелесных созданиях, сводящих тебя с ума. Сегодня же попрошу Фиону Лоулесс составить тебе компанию, когда мы с Александром пойдем спать. Я уверен, что своими прекрасными голубыми глазами она...

Лайнел не успел закончить фразу. Глаза, точь-в-точь такие, как он только что описывал, показались в приоткрывшейся на пару сантиметров двери. Разумеется, глаза принадлежали лицу, а лицо — телу. Девушка лет двадцати выглянула на улицу.

— *Cad ba mhaith leat?* (Что вам угодно? — ирл.) — спросила она, чтобы скрыть свое замешательство.

— Добрый вечер, — поздоровался Александр. — Полагаю, вы — Джемима Лоулес.

Глаза превратились в щелочки.

— Это я и без вас знаю. А вам-то это откуда известно? Вы, собственно

говоря, кто?

— Мы — постояльцы «Золотого горшка» на ближайшие несколько дней, — объяснил ей профессор, слегка поклонившись. — Ваш отец сказал, что вас можно найти в Маор Кладейш.

Джемима Лоулесс задумалась на несколько секунд прежде, чем отворить им дверь. Девушка была одета как и подобает горничной в богатом доме — темно-синяя форма, белый передник и чепец с выцветшим кружевом.

— *Dia dhaoibh*, (Здравствуйте — ирл.) — поздоровалась она в ответ. — Да благословит вас Бог. — И, бросив взгляд на Оливера, добавила, изображая кокетливый книксен, — к вашим услугам.

Она была достаточно похожа на Фиону для того, чтобы уловить семейное сходство, но, тем не менее, между сестрами имелись существенные отличия. Джемима была меньше ростом, но с более округлыми формами, соблазнительно выделяющимися под бесцветным платьем. Старшая сестра также была рыжеватой блондинкой, но ее буйные непослушные кудри едва удерживались чепцом. Светлые глаза смотрели вызывающе, а на полных губах играла насмешка. Подбородок слегка выдавался вперед чуть больше, чем у Фионы. Она могла быть такой же красивой, как и Фиона, но некоторая чрезмерность ее черт выглядела почти вульгарной.

Лайнелу она показалась более чем аппетитной. Появление совсем не субтильной нимфы в проеме двери вернуло ему хорошее расположение духа, особенно, когда он вспомнил, что ночевать она приходит домой в Киркёрлинг к отцу и сестре.

— Боимся, показаться вашей хозяйке невоспитанными, появившись вот так, не будучи представленными, — продолжил профессор, пока девушка пропускала их в дом, — но у нас не было времени — мы только что прибыли и...

— Вы хотите встретиться с Рианнон, моей хозяйкой? — спросила Джемима, скептически приподняв бровь. — Если честно, не думаю, что ей захочется вас принять.

— Почему вы так считаете? — спросил Оливер, проходя внутрь.

Должно быть, когда-то это был оружейный дворик замка, над которым позже построили тяжелые готические своды. У северной стены добавили лестницу, ведущую на первый этаж.

— Вообще-то она никогда никого не принимает, впрочем, к ней никто и не приходит, — ответила Джемима, пожав плечами. — Она не самая популярная персона. Если честно, мне и самой интересно, зачем вы

пришли.

— Боюсь, мисс, что это касается только вашей госпожи, — сказал Александр.

— Ни к чему быть таким нелюбезным, друг! — воскликнул Лайнел, глядя как Джемима сморщила нос. — Не обращайтесь на него внимания, мисс Лоулесс. У вас есть такое же право знать о причинах нашего приезда в Киркёрлинг, как и у миссис О'Лэри. Раз уж мы собираемся заняться этим исследованием, то стоит быть вежливыми со всеми свидетелями...

— Ах! — глаза Джемимы заблестели. — Вы хотите разобраться, что произошло с МакКонналом! Как же быстро долетели новости до Англии!

— Думаю, будет лучше, если ты позволишь мне вести этот разговор, — прервал их Александр, бросая на Лайнела укоризненный взгляд. — Для начала мы займемся хозяйкой, принявшей у себя в тот день усопшего МакКоннала, а уж потом теми, кто последним видел его живым в Маор Кладейш. Если тебе не нравятся мои методы, то лучше помолчи.

Лайнел смиренно склонил голову. Джемима усмехнулась, искоса поглядывая на него, и повела их по лестнице на верхний этаж. Сразу было видно, что то, что Лиза Спиллэйн писала Александру о плачевном экономическом состоянии О'Лэри, соответствовало истине. Коридор, по которому их вела Джемима, выглядел блеклым, с голыми каменными стенами, на который висела лишь пара побитых временем шпалер и несколько светлых рам, в которых до недавнего времени находились картины.

«Остался лишь едва заметный след прежнего величия клана, — подумал профессор, заворачивая за угол. Его шаги приглушались ковром, который, словно нить Ариадны, вился по средневековому лабиринту. — Должно быть, для семьи очень больно осознавать, что настали тяжелые времена. Держу пари, что за последние годы половина их наследия оказалась в руках беспринципных антикваров».

— Это здесь, — объявила Джемима, останавливаясь возле двери. — Это гостиная хозяйки, здесь она проводит большую часть времени. Думаю, что сейчас она занимается шитьем.

Она распахнула дверь, даже не потрудившись спросить разрешения. Друзья увидели маленькую, но уютную комнату, явно более современную, чем холл. Стены были покрыты бледно-зеленым шелком; портьеры, поддерживаемые оплетенными серебряными нитями кольцами, были на тон темнее. В одном углу стояла арфа, в другом — маленький столик, на котором лежали письменные принадлежности из розового дерева, а у зажженного камина — несколько кресел и пара диванов.

Владелица Маор Кладейш сидела в одном из кресел и штопала, как понял Александр, старинное бальное платье. Она даже не подняла глаз от своей работы — видимо, привыкла к тому, что ей мешают.

— *Cá mhéad uair a dúirt mé leat glaoch roimh dul isteach?* (Сколько раз я просила тебя стучать прежде чем войти? — ирл.) — вздохнула она.

— К вам посетители, госпожа, — объявила Джемима по-английски.

Миссис О'Лэри подняла голову. Появление трех незнакомцев обескуражило ее. Джемима, воспользовавшись ситуацией, выскользнула за дверь. Несколько секунд женщина молча смотрела на них, потом отложила платье на подлокотник и воткнула иголку в игольницу, лежащую у ее ног в корзинке для рукоделия.

— Ну, надо же, какой сюрприз! — поднимаясь, тихо сказала она. — Я не ожидала посетителей сегодня, впрочем, не только сегодня...

Ей было около сорока, но ее красоте позавидовали бы и двадцатипятилетние. Светлые волосы были забраны в сеточку и украшены серебряной диадемой. Холодные как две льдинки серые глаза светились недюжинным умом — Александр понял, что эта женщина не так проста. Она была одета с изысканной простотой — единственным украшением был серебряный медальон, которые обычно носят богатые вдовы, чтобы иметь при себе частичку умерших членов семьи. Александр поклонился ей.

— Рад познакомиться с вами, госпожа. Я — профессор Александр Куиллс, а это, — он указал на своих спутников, — мистер Лайнел Леннокс и мистер Оливер Сандерс.

— Приятно познакомится, — поздоровался Лайнел самым официальным тоном, в то время как смущенный Оливер усиленно рассматривал свои ботинки.

— Взаимно, — ответила женщина. Она указала им на один из диванов, чтобы они оставили там свои пальто, хотя весь ее вид говорил о том, что их нахождение в Маор Кладейш, по меньшей мере, тревожит ее. — Но, боюсь, сегодня я не смогу принять вас как подобает, так как вы не известили меня о своем визите заранее. Мне нечем вас угостить. Понимаю, что это очень невежливо с моей стороны, но...

Александр с трудом изобразил улыбку. Смысл ее слов был более чем понятен, впрочем, он не дал себя смутить.

— Не волнуйтесь об этом. Я понимаю, что нам следовало бы связаться с вами прежде, чем ехать в Киркёрлинг, но дело, приведшее нас сюда, показалось нам слишком деликатным, чтобы можно обсуждать его письменно. Мы столько слышали о Маор Кладейш и Рианнон О'Лэри, что хотели...

— Рианнон Бан И Лэри, — внезапно отчеканила она. Александр посмотрел на нее с таким удивлением, что она вынуждена была пояснить — Это мое имя в замужестве и как вдовы. Фамилия моего мужа была О'Лэри, а моя — Бан И Лэри.

— Да, именно так говорят в Ирландии, — объяснил присутствующим Оливер. — Фамилия незамужней девушки начинается с «Ни» если...

Он прервался на полуслове. Его внимание привлекло нечто белое, только что появившееся в поле видимости. Когда Оливер повернулся в том направлении, то вскрикнул — там снова стояла банши. На ней уже не было серой накидки с капюшоном как в саду, но белоснежный наряд, золотистые волосы и светлые глаза, в которых Оливер увидел приглашение на тот свет, были те же. Никто не слышал ее шагов, возможно, она последовала за ними в замок. Она спокойно стояла под сводами гостиной с тем же потерянным выражением лица, что и в саду.

— Оливер, — тихо позвал его Александр, увидев, что юноша застыл на месте, — что с тобой? Неужели снова? ... — он развернулся и увидел то самое видение, которое оставило Оливера без слов.

С ним чуть не произошло тоже самое. Лайнел воскликнул:

— Черт возьми! Это... это... правда! — это было все, что он смог произнести.

Какое-то время никто не знал что делать. Разумеется, приятели отправились в Ирландию, чтобы встретиться с этим существом, но они и представить не могли, что увидят его едва ступив на земли О'Лэри. Они не успели и шагу сделать — хозяйка замка подошла к банши сама.

— Итак, полагаю, что я могу попроситься с перспективой, провести спокойный вечер, — к замешательству троицы, Рианнон обогнула стоящие у огня кресла, подошла к банши и взяла ее за руку. — Джентльмены, позвольте представить вам мою дочь, Эйлиш О'Лэри, впрочем, как объяснил мистер Сандерс, — она кивнула в сторону Оливера, — так как она не замужем, ее фамилия — Ни Лэри.

Мать что-то тихо сказала по-гэльски и девушка, которую все приняли за банши, кивнула головой, позволяя провести себя к камину. Увидев ее поближе, Оливер понял, почему ошибся. Эйлиш Ни Лэри могла быть женщиной из плоти и крови, но... при этом она совершенно не походила ни на одну из виденных ранее. То, первое впечатление создалось не только благодаря светлым волосам и бледной коже, но и огромным глазам, двум серебристым дискам, которые, казалось, могли поразить на месте одним взмахом ресниц. В ней, несомненно, было нечто эфемерное, в ее длинных волосах, волнами ниспадающих на бедра, с двумя прядями, поднятыми от

висков и, переплетаясь, образующими своего рода диадему; в белом, явно вышедшем из моды и почти средневековом платье с широкой юбкой, которое они видели пару минут назад среди деревьев; в скрытых кружевными перчатками крошечных ручках.

Оливер знал, что Ирландия — это самый магический остров в Европе, но даже не подозревал, что ее народ мог так походить на фей, гномов и эльфов, которыми он так восхищался на страницах сказок в библиотеке приюта. Он ощущал себя застигнутым врасплох, словно Уолтер Хартрайт, встретившийся лицом к лицу с Дамой в Белом[1]. Он не мог осознать, что то, что он видит — реально, что это не игра воображения. Лайнел пихнул его локтем, чтобы заставить очнуться, но Оливер продолжал смотреть на нее, едва ли не с открытым ртом, пока Рианнон усаживала дочь рядом с собой.

— Прошу прощения за беспокойство, — она жестом пригласила их есть. — Мне следовало бы предположить, что стук дверей встревожит мою дочь. Она не привыкла к...

— Вы тот, кого я только что видела в саду, — вдруг произнесла мисс О'Лэри так тихо, что присутствующие едва расслышали ее. — Он так смотрел на меня, словно я — привидение. Точно также, как сейчас.

— Это... это действительно так, — смог, наконец, промолвить Оливер, после того, как Лайнел снова толкнул его локтем прямо в ребра. — Боюсь показаться невежливым, но я подумал...

— Что? — спросила удивленная миссис О'Лэри. — Вы уже знакомы?

— Только визуально, — влез в разговор Лайнел, поняв, что его друг не в состоянии реагировать адекватно, будучи в состоянии наивысшего волнения. — Когда мы собирались постучать в дверь, мистер Сандерс сообщил, что увидел кого-то среди деревьев.

Миссис О'Лэри посмотрела на дочь, нахмутив брови. Ей явно не понравилось, что та бродит вне замка, но девушка не обратила на это внимания. Эйлиш, не отрываясь, смотрела на Оливера.

— А вы думали, что я кто? — поинтересовалась она. — Или, точнее, вы думали что я что?

Молодой человек понял, что отступать уже некуда. Миссис О'Лэри продолжала хмурить брови, хоть и перевела свой взгляд с Эйлиш на Оливера.

— Я думал, что... Мне показалось, что я нахожусь перед сверхъестественным существом, — наконец, смог прошептать Оливер, — перед банши, о которой говорят все вокруг.

Лайнел в смущении почесал кончик носа, но, к его удивлению, губы

девушки изогнулись в улыбке, которая озарила ее лицо.

— В жизни не слышала ничего более романтического.

«О, Боже, да они два сапога пара», — с ужасом подумал Лайнел. Он откашлялся, прочищая горло, и попытался вернуть разговор в прежнее русло.

— Да, мы чрезвычайно рады, что мисс О'Лэри оказалась из плоти и крови, но мне кажется, что дело не в...

— Напротив, — оборвала его миссис О'Лэри, — именно это и привело вас в мой дом. Вас интересует банши, верно? — она повернулась к Александру. — Что еще вам нужно от меня помимо нашего духа?

Мисс О'Лэри тоже повернулась к профессору. Когда ее глаза перестали буравить Оливера, тот, наконец, почувствовал, как в голове проясняется.

— Ладно, — начал Александр, — не буду отрицать, что поводом к нашему путешествию стала информация о том, что, возможно, существует некая сущность, которая, как мы поняли, все считают собственностью вашего клана...

— Именно так, — подтвердила его слова миссис О'Лэри. — Наша банши существует, в этом можете даже не сомневаться. Многие из нас слышали ее плач.

— Также мы наслышаны о ее способностях, воспетых местным фольклором. Мы знаем, что традиционно считается, что этот плач объявляет о чьей-либо смерти...

— Говори за себя, — пробормотал Лайнел, — Святой Фома не единственный, кому надо было увидеть, чтобы поверить.

Миссис О'Лэри не обратила на него внимания. Она положила руки на свое шитье.

— Могу ли я спросить, если это не будет слишком невежливо, почему вы так в этом заинтересованы? Почему три англичанина так волнуются о том, что делает наша банши?

— Именно это я и собирался вам объяснить, когда ваша дочь присоединилась к нам, — пояснил Александр, слегка наклонившись вперед. — Последние пару лет мы с друзьями работаем в «*Dreaming Spires*», газете, выходящей дважды в месяц и посвященной паранормальным явлениям. Недавно я получил письмо из Киркёрлинга, в котором ваши соседи рассказали о существе, обитающем в вашем замке. Это показалось мне чрезвычайно интересным, отличным от всего того, что мы видели в Англии, а смею вас заверить, что мы видели немало странного, миссис О'Лэри. История о вашей банши и окружающей ее

тайне так нас заинтриговала, что мы решили сесть на корабль и как можно быстрее приехать в Маор Кладейш. Мы уверены, что нашим читателям эта история будет так же интересна, как и нам.

— А также, разумеется, обстоятельства смерти Ферчэра МакКоннала...

Слова миссис О'Лэри молнией пронзили и без того наэлектризованную атмосферу между ней и Александром. Профессор замешкался, не зная что сказать. Столь суровый тон хозяйки обескуражил его.

— Ну... да, полагаю, что это тоже будет интересно... Как мы поняли, он умер сразу после визита в ваш замок. Если слухи верны, то именно банши объявила о его смерти...

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните. Очень умно с вашей стороны, профессор Куиллс, но я вынуждена отказать вам в вашей просьбе. Нам не нужна еще большая огласка.

Она произнесла это таким категоричным тоном, что несколько секунд никто из троих мужчин не знал как реагировать. В конце концов, Лайнел и Оливер подошли к Александру, словно дети, ищущие отцовской поддержки. Профессор изо всех сил пытался скрыть свое смятение, но тщетно.

— Мне кажется, вы неправильно меня поняли, миссис О'Лэри, мы просто...

— Я поняла вас лучше, чем вы думаете. Я догадалась обо всем, едва увидев вас на пороге моей комнаты. Я уже давно перестала верить в добрые намерения визитеров, и, уверяю вас, что не намерена изменять своим принципам и теперь.

— Мама... — попыталась вмешаться мисс О'Лэри.

— Стоит признать, что вы были изобретательны, но неужели вы думаете, что проведя здесь всю свою жизнь, я не вижу, когда кто-то хочет меня использовать?

— Никто не собирается вас использовать, — попытался защититься Лайнел. Оливер, казалось, был слишком удивлен, чтобы участвовать в разговоре. — Ради всего святого, послушайте нас. Все что мы хотим, так это чтобы мир узнал о вашей истории!

— Меня это совершенно не волнует, — возразила она, — и еще меньше меня волнует, что в конце концов ваши читатели подумают тоже самое, что и все ирландцы: каждый, переступивший порог этого дома — умрет.

— Все когда-нибудь умрут, — произнес, наконец, Оливер. Обе О'Лэри повернулись к нему. — Наша судьба предначертана с момента рождения

знаками, которые лишь немногие могут расшифровать. Я не верю, что то, что банши провозглашает о чьей-либо смерти, делает ее виновной в этой смерти. Я также не верю, что наши читатели так подумают. В этом нет никакого смысла, любой скажет вам тоже самое.

— Тоже самое говорил мне мой отец, — снова вмешалась мисс О'Лэри. — Когда я, напуганная историями о банши, появлялась в его библиотеке босая, в ночной рубашке, он усаживал меня на колени и говорил, что страх смерти — страшнее самой смерти. Разумеется, я плохо понимала смысл этих слов, но звук его голоса успокаивал меня.

Заметив взгляд матери, девушка осеклась и умолкла, склонив голову.

— Это очень волнительно, дорогая Эйлиш, но, думаю, не стоит продолжать этот разговор, — мать потрепала по плечу покрасневшую от смущения девушку. — У нас и без того много проблем в последнее время, нам ни к чему еще одна.

— Вы о чем? — быстро спросил Александр. — Вы имеете в виду, что соседи обвиняют вас в случившемся с МакКонналом?

— Хватит, профессор Куиллс. Я не обязана вам что-либо объяснять.

— Мы только хотим помочь вам. Говорю от всего сердца, миссис О'Лэри: вам нечего бояться. Мы приехали не для того, чтобы только собрать информацию и опубликовать ее в скандальной хронике. Клянусь, «*Dreaming Spires*» никогда не работал и никогда не будет работать в подобном стиле, — Александр немного помолчал, пока Рианнон смотрела на него, нахмутив лоб. — Я не знаю, как еще убедить вас, что наши помыслы чисты. Если не хотите верить мне...

— Хватит, — повторила миссис О'Лэри, подняв руку. — Хватит, я сказала.

Она так быстро встала, что платье, отброшенное на подлокотник, соскользнуло на пол. Она дернула висевший у окна колокольчик и тут же послышались приближающиеся к гостинной шаги. В дверях появилась полная женщина средних лет: испачканные мукой щеки и передник позволяли узнать в ней кухарку. Она казалась смущенной от встречи с англичанами.

— Мод, проводи мисс О'Лэри в ее комнату, — приказала ей хозяйка, — и попроси Джемиму прийти — именно она должна была отозваться на звонок.

— Я бы рада ее позвать, но не знаю, куда она запропастилась. Еще четверть часа назад она должна была спуститься и помочь мне с ужином, но так и не появилась. Никогда еще не знала столь ленивой девчонки.

Она подошла к кушетке, подняла Эйлиш и, шепча что-то по-гэльски,

попыталась увести ее в комнату. Девушка, ошарашенная попытками матери выгнать визитеров, застыла на месте и, казалось, не слышала слов кухарки.

— Что ж, похоже именно мне придется проводить вас к выходу, — сказала миссис О'Лэри. Она жестом приказала им следовать за ней и журналистам ничего не оставалось, как подчиниться. — Я вас уверяю, мне очень жаль, что приходится выпроваживать вас в столь грубой форме, но у меня нет настроения и дальше выслушивать вас. Если мы продолжим говорить о банши, я сойду с ума.

Они были вынуждены проследовать за ней к выходу из гостиной. Оливер не смог удержаться и, обернувшись, бросил прощальный взгляд на мисс О'Лэри. Девушка стояла у дивана, бледная словно призрак, со светлыми, как у феи, волосами. Она смотрела им вслед с такой грустью, что Оливер был готов вернуться к ней, но Лайнел схватил его за рукав пальто и потащил за собой.

Миссис О'Лэри распахнула тяжелые ворота Маор Кладейш и отошла в сторону, позволяя друзьям выйти. Казалось, ничто не могло изменить мнения хозяйки замка, но Александр не хотел уходить ни с чем. Особенно после того, как он увидел в глазах Рианнон то, что она тщательно скрывала даже от самой себя — страх.

— Думаю, что могли, мы уже сказали, — сказал профессор. — Но если вы вдруг передумаете, напоминаю, что мы остановились в «Золотом горшке». Ближайшие несколько дней наше предложение еще будет в силе.

— Вам лучше не терять времени, сесть на ближайший корабль и вернуться в Англию, — ответила миссис О'Лэри устало. — Я благодарна вам за искренность, но, поверьте, вам нечего здесь делать. — Александр заметил, что ее руки дрожали, а глаза словно потускнели. — Уезжайте, — вдруг тихо добавила она, — уезжайте, пока не поздно. Вы не представляете как мы с дочерью мечтаем убраться из этого проклятого места.

Прежде, чем они успели спросить, что она имела ввиду, женщина исчезла за закрытыми дверями, оставив их в одиночестве за пределами Маор Кладейш.

[1] « *Женщина в белом* » роман Уилки Коллинза .

Глава 10

Некоторое время друзья стояли в тишине, таращась на закрывшиеся прямо перед носом кованые ворота. Они слышали шаги возвращавшейся в дом миссис О'Лэри. Ее башмаки стучали по каменным плитам с той же твердостью, с какой она дала свой отказ. Если они и надеялись, что в последний момент она передумает, то напрасно.

— Ну вот, — произнес, наконец, Александр, — больше нам здесь делать нечего.

— Подожди минутку! — запротестовал Лайнел. Он спустился вслед за профессором по раздолбанным, умиравшим у ворот ступенькам и схватил его за плечо, чтобы остановить. — Ты ведь не всерьез это говоришь, не так ли? Собираешься отказаться от написания статьи только потому, что эта женщина, ностальгирующая по эпохе феодализма, не хочет нам помочь?

— Нам необходимо иметь клан О'Лэри на нашей стороне, Лайнел. Если никто из обитателей замка не согласится с нами сотрудничать, то мы не сможем ничего сделать. Возможно, нам удастся собрать какие-нибудь интересные сведения, если мы опросим всех жителей одного за другим, но это не пойдет ни в какое сравнение с тем, что мы могли бы выяснить у хозяев банши...

— Должно быть, ты шутишь. Я отказываюсь верить в то, что после всех усилий, приложенных тобой и Оливером, чтобы убедить меня приехать в Ирландию, наше приключение закончится прямо здесь и сейчас.

Профессор не ответил и продолжил спускаться по лестнице. Оливер следовал за ним и выражение его лица не предвещало Лайнелу ничего хорошего.

— Потрясающе, — пробурчал Лайнел себе под нос. Он в последний раз обернулся к замку, бросая на него сердитый взгляд, возможно, надеясь, что Рианнон Бан И Лэри смотрит на них из окна. — Нечего сказать, обнадеживающее начало.

«Я бы многое отдал за то, чтобы Вероника была здесь с нами», — вдруг подумал он, спускаясь вместе с друзьями по тропе, идущей от ворот Маор Кладейш. Они молча спустились по склону холма, внимательно смотря под ноги — стало так темно, что ничего не было видно. Единственным освещением были отблески луны на ограде. «Она бы позаботилась о том, чтобы здесь не было так скучно. Впрочем, когда нет Вероники, всегда найдутся Джемимы».

Наконец, они вышли с территории владений О'Лэри, пересекли кладбище Киркёрлинга, на котором уже не было молящихся стариков и, толкнув дверь, вошли в «Золотой горшок». При входе в помещение, у них создалось странное ощущение, что пока они ходили в замок, их размеры сильно уменьшились. Здесь было столько народу, что поначалу они застыли в дверях, наблюдая, как посетители сновали от одного стола к другому. В дальнем углу сидел белобородый старик и играл меланхоличную мелодию на такой старой скрипке, что, казалось, еще немного и она

рассыпется у него в руках; несколько человек играли в карты; гул множества говорящих на гэльском голосов был слышен за пределами паба и терялся среди крестов местного кладбища.

Удивительно, но ни музыка, ни разговоры не помогали создать непринужденную, расслабленную атмосферу. Когда трое незнакомцев начали осторожно прокладывать себе путь среди толпы, голоса потихоньку стихли и те немногие жители, которые еще не знали о прибытии чужаков, смотрели на них во все глаза.

К счастью, их появление заметил Доннхад Лоулесс. Он тут же вышел из-за стойки и повел гостей за зарезервированный для них столик в самом спокойном углу у окна, выходившего на базарную площадь. Недалеко от столика находился камин, так что путники могли быстро согреться в ожидании ужина. Посетители вернулись к своим делам, не забывая время от времени поглядывать на чужаков. Было очевидно, что никто в Киркёрлинге ни капли не доверял только что прибывшим англичанам.

К счастью, друзья были слишком уставшими, чтобы обращать внимание на столь холодный прием. Появление улыбающейся румяной Фионы с тремя пинтами пенящегося пива «Бэмиш» привело их в чувство. Тем более, что помимо пива девушка принесла три ломтя хлеба с великолепным желтым маслом.

— Это местный пресный хлеб, — объяснила она. — Ешьте скорее, пока хлеб горячий — он черствеет в мгновение ока. Как все прошло у О'Лэри?

— Совсем не так, как мы ожидали, но в глубине души все еще надеюсь, что все будет хорошо, — ответил ей Александр, протягивая руку за ломтем хлеба. — Боюсь, что им совсем не понравилась перспектива того, что мы будем болтаться по территории замка.

— Потомки знатных семейств всегда такие, — поддакнула Фиона. — Они не успокоятся, пока вы не вернетесь в Англию. Для них вы — нарушители спокойствия.

— Только ли для них? — спросил Лайнел, кивая в сторону посетителей паба.

Пара рыбаков, сидящих за соседним столиком, быстро отвернулись, пытаясь скрыть, что наблюдали за чужаками. Их лица были так испещрены морщинами, что на первый взгляд казалось, что кто-то накинул на них рыболовную сеть.

Фиона улыбнулась, откидывая назад косу.

— Я вас уверяю, в этом нет ничего личного. Просто нам необходимо немного времени, чтобы привыкнуть к вам. Поймите, что сейчас вы —

предмет обсуждения для Киркёрлинга. — Она помолчала немного и нерешительно обратилась к Оливеру тихим голосом: — Я постирала ваш платок, мистер Оливер. Большое спасибо за то, что одолжили мне его.

Она вытащила из кармана передника аккуратно, сложенный в виде треугольника платок. Лайнел пихнул Оливера локтем. Тот сидел, отрешенный, не замечая ничего вокруг, даже хлеб, которому его друзья давно отдали должное.

— Ааа... эээ... Спасибо, мисс Лоулесс, но можно было и не возвращать его...

— А как ваш палец? — вкрадчиво спросил Лайнел.

— Гораздо лучше, — Фиона протянула руку, чтобы все увидели повязку на указательном пальце. — Боюсь, что работа с утра до ночи за стойкой не способствует быстрому заживлению, но я рада, что легко отделалась.

— Я только что вспомнил, что хотел с вами поговорить, — вдруг сказал Александр. Фиона с интересом посмотрела на него. — Насколько мы поняли, в Киркёрлинге живет некая Лиза Спиллэйн. Сегодня днем мы спросили о ней вашего отца, но он утверждает, что это какая-то ошибка и не знает никого с таким именем.

— И я не знаю, — признала девушка. — Впервые слышу это имя. А уж если мой отец никогда о ней не слышал, то можете быть уверены, что здесь такой точно нет. Никто не знает жителей деревни лучше, чем владелец паба.

Доннхад жестом позвал ее обратно за стойку. Друзья смотрели вслед девушке, удаляющейся от них огибая столы и табуреты. Пространство вновь наполнилось множеством голосов. Некоторое время они, молча, пили и ели, обдумывая слова Фионы и вспоминая свой визит в Маор Кладейш. Александр впервые пробовал пиво «Бэмиш» и обратил внимание, что оно было таким густым, что напоминало горькие сливки. Лайнел залпом выпил свое пиво и со вздохом поставил на стол пустой кувшин.

— На счет того, чтобы следовать нашему плану, — продолжил профессор так, словно и секунды не прошло, как они прервали свою дискуссию, — мне это кажется слишком рискованным. Миссис О'Лэри воспримет это как оскорбление с нашей стороны.

— Ей совершенно ни к чему об этом знать, — заверил его Лайнел. — Я тебя уверяю, она даже не узнала бы, что мы были в ее владениях, если бы не постучали в ворота.

— И как ты предполагаешь проводить наше расследование при такой секретности?

— Да с твоими же машинами, черт тебя подери! Все что тебе надо — так это отправить Веронике письмо, чтобы она поторопилась с отправкой. Мы можем съездить в порт Дублина, чтобы забрать груз. Мы привезем аппаратуру в Киркёрлинг на том же дилижансе, что прибыли сюда и никто в замке не узнает, что и зачем мы собираемся делать. Я уверен, что благодаря густым зарослям, из замка Маор Кладейш не видно ничего из того, что происходит в садах.

Александр хранил молчание.

— Да ладно тебе, Александр, не будь таким щепетильным, — продолжал настаивать Лайнел. Он наклонился к столу, чтобы произнести полупрошептом: — Знаешь, это не первый раз, когда мы влезаем в подобные авантюры. Ты забыл про Мересаменти и ее зеркало?

— Это не имеет ничего общего с тем, что ты учудил в Египте, — ответил профессор, вскинув брови. — Граф Ньюберрийский безо всяких угрызений совести внедрил тебя в команду Дэвиса, чтобы ты обворовал место раскопок, которым он же сам и покровительствовал. Ситуация с О'Лэри совершенно иная. Возможно, Рианнон Бан И Лэри не очень любезно с нами обошлась, но не настолько бессовестно, как твои предыдущие заказчики. Она совсем не заслуживает такого предательства, как ты предлагаешь. Оливер, а ты что скажешь?

— Мы уже давно потеряли Оливера, — недовольно прокомментировал Лайнел. — По-моему, его душа осталась в Маор Кладейш, кружась вокруг одетой в белое блондинки с лицом блаженной. Оставь его в покое, пусть пофантазирует в свое удовольствие еще немного.

Оливер оставил на краю блюда недоеденный кусок хлеба. Он сидел с отрешенным взглядом, его внимание даже не привлекла неразбериха, устроенная двумя парнями, заставившими скрипача пить пиво из двух кувшинов одновременно.

— Я тоже думаю, что это будет слишком с нашей стороны. — неожиданно вступил в разговор Оливер, — Тем более, что мы не знаем как будем объясняться с миссис О'Лэри, если она увидит в печати нашу статью. По-моему, она была излишне резка, отказывая нам.

— Да провались они в ад все эти запреты! Вы никогда не слышали о том, что лучше просить прощения, чем разрешения? Вы действительно собираетесь так быстро сдать?

Никто ему не ответил. Лайнел фыркнул, беря пустой кувшин, чтобы попросить у Фионы еще пива. Обернувшись, он заметил, что в паб только что вошла Джемима в выцветшей соломенной шляпке и наброшенной на плечи шали. Ее младшая сестра в этот момент направлялась к посетителям

с подносом, уставленным дымящимися тарелками с ужином. Лайнел не смог сдержать улыбку, увидев, как Джемима выхватила из рук Фионы поднос и бедром отпихнула ее в сторону, не обращая внимания на возмущение сестры.

— Привет! — поприветствовала она англичан, с грохотом ставя поднос на стол. — Я знала, что найду вас умирающими от скуки! Ну, у вас сейчас и лица!

— Дорогая Джемима, ваше появление как нельзя кстати, — сказал ей Лайнел, придвигая еще один табурет, чтобы девушка села рядом. — Мне в помощь нужен практичный ум, который вместе со мной убедит этих неблагодарных, что мы должны продолжить наше дело.

— Не может быть! — Ответила Джемима с усмешкой, садясь за стол. — Дайте угадаю: гарпия отказалась принимать вас в замке и теперь вы не знаете, что с этим делать. Вы и вправду хотите сдаться, не пошевелив и пальцем?

Она развязала ленты, сняла шляпу и положила ее на стол, выпуская на свободу длинную пышную гриву волос, которую пляшущие отблески камина окрасили в огненно-красный цвет.

— Никто не говорит о поражении, мисс Лоулесс, — ответил Александр, которому явно не понравилось столь языкастое создание. — Это дело касается наших принципов. Ваша хозяйка не хочет, чтобы мы явили миру произошедшее с Ферчэром МакКонналом в ее владениях. Мистер Леннокс, напротив, предлагает нам проникнуть в сад подобно вору, чтобы провести наше расследование без ведома миссис О'Лэри. Вы считаете, что это достойное поведение?

— Какая разница, достойное или нет, если дело касается чего-то важного? К тому времени, как «*Dreaming Spires*» опубликует статью, вы будете уже очень далеко от Киркёрлинга, — заметив удивленные взгляды, Джемима дерзко пояснила: — И не надо на меня так смотреть. Я слышала ваш разговор с моей госпожой.

— Ага, то есть вы тоже не можете удержаться от подслушивания под дверь? — спросил Лайнел, похлопывая ее по коленке. — Эта девушка с каждым разом нравится мне все больше!

Джемима громко рассмеялась, чем привлекла внимание посетителей и Фионы. Александру показалось, что та посмотрела на старшую сестру с досадой.

— Вам лучше хоть немного поесть. Такие мужики как вы, не могут питаться только хлебом с маслом, — она сбросила задержавшиеся на ее колене пальцы Лайнела, впрочем ее улыбка ясно говорила, что она не

против, чтобы его рука продолжила свой путь наверх, если бы вокруг не было столько народу. Она расставила перед ними принесенные сестрой тарелки. — Это *colcannon*, традиционное местное блюдо — пюре из картошки, капусты, масла, соли, перца и сливок в качестве специального семейного ингредиента. Надеюсь, вы любите картошку, иначе скоро смотреть на нее не сможете.

— Вы не против выпить с нами пивка, пока мы тут разговариваем? — спросил Лайнел.

— Если честно, то не против. Вы не представляете, какого это каждый день ходить туда-сюда. Дайте мне кувшин и я принесу еще пива. — Джемима с легкостью встала и пошла к стойке. Она почти сразу вернулась с двумя полными кувшинами, отбиваясь от двух развеселившихся парней, оравших песни во все горло.

— Пью за ваши гробы. Чтоб их сделали из столетнего дуба, который мы завтра с вами же и посадим, — произнесла девушка.

— Потрясающе! — расхохотался Лайнел, пока девушка возвращалась на свое место за их столом. — Такого я еще не слышал, но уже никогда не забуду. Хотя эти «гробы» звучат жутковато.

— Парка всегда ждет нас и надо любить, пока она не забрала всех нас.

Сказав это, Джемима перевела взгляд с Лайнела на Оливера, который опять погрузился в свои мысли и сидел с непроницаемым лицом. Он думал о мисс О'Лэри и о том, какими разными могут быть женщины одного возраста. Оливер отвел взгляд, когда Джемима с напускным спокойствием медленно провела указательным пальцем по верхней губе, вытирая пивную пену.

— Странно, что миссис О'Лэри не разрешает вам оставаться ночевать в Маор Кладейш, — нарушил тишину Александр. — Замок достаточно велик, чтобы можно было выделить вам с кухаркой место в служебных помещениях.

— Да я в жизни там не останусь, — воскликнула Джемима. — Даже за все золото мира. К счастью, моей хозяйке и в голову не приходит предложить мне нечто подобное.

— Почему вы в этом так уверены? — улыбнулся Лайнел. — Она думает, что все хотят ее обворовать?

— Если б дело было в деньгах, то в Маор Кладейш можно было держать все двери нараспашку, так как никто не посмел бы взять даже ложку, — съязвила Джемима. Она сунула палец в тарелку Лайнела и затем медленно облизала его. — Нет, дело в том, что им нечем кормить еще один рот. Вы не обошли замок, чтобы посмотреть, что находится на заднем

дворе, так ведь?

Все трое отрицательно покачали головой.

— Ну так вот, раньше вся территория позади замка была занята конюшнями, а теперь там крошечная ферма, которая едва обеспечивает питанием обитателей замка. О'Лэри держат там корову, пару коз, дюжину кур и небольшой надел земли, на котором выращиваются овощи, в основном, картофель. Время от времени, особенно когда им удастся избавиться от какого-нибудь предмета старины в Дублине, хозяйка просит меня купить рыбу и моллюсков на рынке. Как правило, это форель, сердцевидки и мидии, изредка лосось. Как вы понимаете, я не собираюсь вечно соблюдать Великий пост. Предпочитаю горячий ужин с отцом и Фионой, хотя... — добавила она, с опаской взглянув на сестру, — с каждым днем я нахожу ее все более легковерной и простодушной.

— Вы невероятно практичны для своего возраста, — задумчиво промолвил Александр.

— Да уж, если честно, меня удивил ваш ответ, — согласился с ним Лайнел, поднося ложку ко рту. — Я почти ждал, что вы скажете, что боитесь банши, поэтому не ночуете в замке. Вы в нее не верите, не так ли, Джемима?

— Конечно, верю, — ответила девушка, пожав плечами, — так же, как верю в то, что Бог существует, что солнце встает и садится каждый день и что сейчас на дворе зима.

— На счет первого я не совсем уверен, — прокомментировал Лайнел, потряхнув головой.

— А почему вы обвиняете сестру в легковерности, если и сами не сомневаетесь в существовании банши? — неожиданно для всех поинтересовался Оливер.

Джемима улыбнулась тихо ответила:

— Да потому, что Фиона верит в Фей из Рахонан, призрака Даниэля Кроули и в *Шелки*[1], которая вышла замуж за Тома Мура, а потом вернулась в океан, отыскав свою тюленью шкуру[2]. Вот только она никогда никого из них не видела, — она так низко наклонилась к Оливеру, что он ощутил ее дыхание. — А вот я *слышала* банши.

Она вновь выпрямила спину, явно крайне довольная собой. Александр приподнял бровь. Ему все сложнее было верить в ее рассказы.

— Вы слышали, как плачет банши, — повторил он как можно спокойнее.

— Лишь однажды, — невозмутимо подтвердила Джемима, явно не замечая скепсиса в его словах. — Много лет назад, когда я была совсем

маленькой. Но с тех пор я не раз слышала ее бормотание. Не надо быть медиумом или кем-то еще в этом роде, чтобы распознать ее голос. Она каждую ночь бродит по садам Маор Кладейш, шепча что-то непонятное, теряющееся в вое ветра.

— Подождите, банши не только плачет?

Оливер казался таким ошарашенным, что Лайнел подумал о том, сколько же ирландского фольклора должен был прочитать юноша с тех пор, как Александр объявил им о путешествии.

— Банши всегда плачет, когда кто-нибудь из обитателей замка находится на грани смерти. Но, сами понимаете, это случается не каждый день. Все остальное время она бродит по округе, как любой другой дух.

— Невероятно, — сказал Лайнел. На этот раз Джемима уловила сарказм в его голосе и наступила ему на ногу, чтобы тот не издевался. — Не скажете ли кто умер в тот раз?

— Кормак О'Лэри, разумеется. Муж моей хозяйки, пусть земля ему будет пухом.

Джемима оперлась на плечо Оливера, чтобы привстать и, протянув руку, указала на одну из больших фотографий, украшавшие стену у камина наряду с закопченными дымом плакатами с виски «Митчелл», «Коуэн» и «Данвилл». Александр встал и надел очки, чтобы получше рассмотреть их. Это был моментальный снимок явно отмечающих что-то трех мужчин, сделанный у входа в «Золотой горшок». Самый низкорослый из них держал правой рукой огромную рыбину и победоносно улыбался. В центре стоял отец Джемимы, Доннхад Лоулесс, гораздо более стройный и с большим количеством волос, чем сейчас. Стоящий слева мужчина, был, безусловно, самым элегантным из всех — высокий, лет шестидесяти, с густыми темными усами того же цвета, что и буйная шевелюра, контрастировавшая с кротким, мягким взглядом. Кто-то подписал фотографию: *«25 мая 1891 года, после конкурса»*.

Джемима ткнула пальцем в стекло, указывая на мужчину слева:

— Это было 12 лет назад, когда мне только исполнилось 8. По-моему, это последняя прижизненная фотография Кормака О'Лэри. Вскоре он так сильно заболел, что врачи не смогли ему помочь. Он умер от пневмонии.

— Да, об этом нам уже рассказывали, — подтвердил Оливер.

— Я была в Маор Кладейш в ту ночь, когда он умер, — продолжила Джемима. — Моя мать в то время была кухаркой у О'Лэри. Она часто брала меня с собой, чтобы я помогала ей с посудой. Я помню, что отцу не нравилось, что она так рискует и подвергает риску меня. Его опасения частично подтвердились, так как моя мать тоже умерла через пару

месяцев. — Девушка помолчала немного и добавила: — Впрочем, это произошло в этом доме и без всякой плачущей банши. Какое-то время я пыталась снова услышать ее, стоя у окна в моей комнате, но тщетно.

— Ага, то есть банши провозглашает смерть только членов клана О'Лэри, — сделал вывод Лайнел. — Хотя, недавняя смерть Ферчэра МакКоннала показала, что никто из жителей Киркёрлинга не может чувствовать себя в безопасности.

— МакКоннал — это тот, кто справа, — показала Джемима, — тот, кто держит рыбу в...

Она умолкла, почувствовав, что Лайнел тянет ее за плечо, чтобы она обернулась. При упоминании имен Кормака О'Лэри и Ферчэра МакКоннала, в шумном пабе воцарилась тишина. Рыбаки за соседним столом время от времени поглядывали на столик англичан. Три угольщика, с которыми разговаривал Доннхад, застыли с открытыми ртами, как и хозяин паба. За стойкой, словно статуя застыла Фиона, не замечая, что пиво выливалось через край заполняемого кувшина. Лайнел закашлялся. Такое напряжение смущало его.

— Что-то случилось, друзья? — спросил он с напускным весельем. — Мы сделали что-то...

— Мы слышали, что вы упомянули банши, — тихо сказал один из рыбаков.

Фиона нервно сглотнула. Она поставила кувшин на стойку, вытерла руки о передник и быстро подошла к отцу. Доннхад слегка побледнел.

— А что не так? — возмутилась Джемима. — С каких пор это запрещено? Вы боитесь, что она придет к вам, если упомянете ее имя?

Ропот пробежал в толпе посетителей паба. Фиона тихонько ойкнула.

— Джем, я тебя умоляю... Хоть сейчас не лезь в то, что нас...

— Разумеется, оно нас касается, — отрезала старшая сестра. Она сделала шаг вперед, вставая между Оливером, Лайнелом, Александром и своими соседями. — Мне надоело разговаривать шёпотом. Мне надоело, что каждый раз, когда мы собираемся, в воздухе висит тема, о которой все боятся говорить. Все мы, собравшиеся здесь, знают, что происходит в Киркёрлинге по вине банши...

— И все-таки тебе лучше помолчать, Джемима, — прошептал самый молодой из посетителей.

— Называть подобные вещи своими именами — плохая примета, — поддакнул один из его друзей. — Так что попрдержи язык.

Джемима сняла башмак и запустила остряку прямо в лицо. Парень удивленно вскрикнул и все, кто был рядом с ним, на всякий случай быстро

отошли подальше.

— Тебе не мешало бы сделать тоже самое, Шон. Потому что если ты этого не сделаешь, то станешь следующим, чью смерть проплачет банши, которую ты так боишься!

Шон схватил башмак и собирался вернуть его Джемиме тем же способом, что и получил, но вмешался Доннхад. Он встал перед дочерью, раскрыв руки.

— Ладно, ладно, успокойтесь уже, — проворчал он, забирая башмак из рук парня, не спускавшего глаз с Джемимы. — Нет причин драться. Разве мы не взрослые люди?

— Некоторые взрослее, чем другие, — вставил слово молчавший до этого рыбак.

— Лучше бы тебе покрепче держать в узде свою дочь. У нее слишком длинный язык, — добавил другой рыбак.

— В этом я с вами согласен, — вздохнул хозяин паба. — Но Джемима права — нет смысла бояться произносить чье-либо имя, даже если мы опасаемся его обладателя. Сегодня снаружи нет никакой банши!

— Это не гарантирует того, что она не появится в самый неожиданный момент, — вдруг произнес надтреснутый голос из дальнего угла помещения.

Все повернулись в направлении голоса. Старик, игравший на скрипке только что слез со своего табурета, держа инструмент в руках. Его борода была испачкана пивной пеной, но в глазах не было и тени опьянения.

— Для вас легко воспринимать все это в шутку, — сказал он Джемиме, потихоньку двигаясь по направлению к ней. — Вы еще слишком молоды. Вы слышали ее всего один-два раза максимум. Вы даже не представляете, как стыла кровь в наших жилах, когда мы узнавали, что в Маор Кладейш заболел один из О'Лэри, — он покачал головой. — Знать, что кто-то из обитателей замка находится на грани смерти, что в любой момент туман донесет до нас рыдания ... Это просто сводило нас с ума. Я не удивлюсь, что и О'Лэри тоже. По-крайней мере, одна из них точно не в себе.

Гул согласия прокатился по «Золотому горшку». Лайнел бросил быстрый взгляд на Александра и они вместе посмотрели на покрасневшего от негодования Оливера.

— Когда ты в последний раз слышал ее крики, Кевин? — спросил Шон.

— Недавно, когда погиб МакКоннал и тогда, двенадцать лет назад, перед смертью Кормака О'Лэри. Но и раньше я не раз ее слышал. Когда умер его брат, например. И когда его отец и мать погибли при

кораблекрушении. История О'Лэри не очень-то радостная.

— А еще мы слышали ее, когда один из дальних родственников клана погиб, упав с лошади, — вступил в разговор один из стариков, — примерно в 1860-м.

— Причем это не совсем крики, — продолжил Кевин, — это, скорее, плач, который звучит то громче, то тише. Словно сотни разных голосов сливаются в один. Слова разобрать невозможно, а вот боль явно различима. Я бы сказал, что она по-настоящему страдает, когда умирает кто-то из клана, которому она принадлежит...

— Можно узнать, что тут происходит? Это что еще за собрание?

Голос, доносившийся со стороны входа в «Золотой горшок», был сильным и ясным и явно принадлежал привыкшему распоряжаться человеку. Услышав его, все одновременно развернулись. В дверях стоял высокий, крепкий мужчина в темно-зеленой униформе с черными пуговицами на груди. Джемима затаила дыхание.

— Это инспектор Фитцуолтер, местный представитель власти, — шепнула она Лайнелу.

Инспектору было не более сорока, но его величественный вид сделал бы честь и ветерану. Шлем, украшенный знаком Королевской Ирландской Полиции едва позволял разглядеть черты лица. Единственное, что поняли англичане, так это то, что глаза были темными. Густые бакенбарды почти достигали рта, искаженного гримасой недовольства.

— Садитесь. Не знаю, зачем вы все встали, но я не собираюсь устраивать никакой проверки. А что касается вас, мисс Лоулесс, то лучше бы вам обуться, а то простудитесь.

Джемима быстро отобрала у Доннхада свой башмак, пытаясь не наступить при этом на опилки. Инспектор, скрестив руки на груди, молча разглядывал Александра, Оливера и Лайнела с плохо скрываемым интересом.

— Я задаюсь вопросом: почему никто не сообщил мне о том, что наше население слегка увеличилось?

— Это мои постояльцы, — объяснил Доннхад. — Они прибыли в пять вечера в Киркёрлинг и попросили комнаты на пару недель.

— Понимаю... — ответил инспектор. — Англичане. И именно в такое время.

Александр услышал, как Лайнел нервно сглотнул. По понятным причинам он не очень-то уютно себя чувствовал в присутствии полиции. Профессор вышел вперед и протянул руку для приветствия с самым любезным видом.

— Рад познакомиться с вами, инспектор. Я — профессор Александр Куиллс, а это мистер Леннокс и мистер Сандерс, — Фитцуолтер склонил голову, изобразив приветствие. — Мы журналисты и прибыли в Киркёрлинг написать статью о существе, по слухам, обитающем в этих краях и провозглашающем смерть.

— Я так и думал, что дело в этой банши, — сказал инспектор, — это единственный возмутитель спокойствия в здешних местах. Как видите, я произнес ее имя, — добавил он, видя реакцию присутствующих. — Я день и ночь боролся с этим атавизмом, но никто даже слушать меня не хочет. Может, хоть ваш визит поможет.

И снова по пабу пронесся еле слышный гул голосов, хотя, казалось, что никто не смеет и рта раскрыть в присутствии инспектора Фитцуолтера.

— А что у вас за газета? — продолжил расспросы инспектор. — Не из тех изданий, которые в погоне за сенсацией выворачивают напоказ грязное белье, не заботясь о сохранении достоинства тех, о ком пишут?

— Ни в коем случае. «*Dreaming Spires*» — это серьезная газета, инспектор, хоть и занимается исследованием паранормальных явлений. Нашим тиражам, конечно, далеко до «*Times*» или «*Pall Mall Gazette*», но мы очень гордимся нашими принципами.

— Ну ладно, в таком случае, нам больше не о чем говорить. Если миссис О'Лэри не возражает против ваших методов и вы не будете будоражить население, то действуйте.

Александр предпочел умолчать об отказе миссис О'Лэри от сотрудничества. Ни к чему было делать это достоянием общественности, к тому же все что им остается, так это последовать планам Лайнела.

— Думаю, вам здесь понравится, — продолжил свою речь Фитцуолтер, окидывая взглядом помещение. — Лоулесс — хороший человек и поможет вам, чем сможет. Надеюсь, вы увезете в Англию приятные впечатления о нашей общине.

— Не хотите ли выпить с нами пива, инспектор? — предложил Оливер.

— Спасибо, мистер Сандерс, но до конца моей смены еще два часа. Может, в другой раз, — он надел шлем и направился к выходу. Посетители паба расступались перед ним словно воды Красного моря перед Моисеем. — Вряд ли я чем-то смогу вам помочь. О банши я знаю только то, что мне рассказали. Меня перевели в Киркёрлинг одиннадцать лет назад. До этого я служил в Лисмор графства Уотерфорд. Боюсь, я все еще новичок в такого рода делах. Доброй ночи, господа. — Мужчина вышел из «Золотого

горшка» и влился в поток ледяного ветра, навевающего мысли о духах, бродящих по извилистым улочкам Киркёрлинга.

Потихоньку разговоры возобновились, посетители вернулись к своим столикам, кое-кто продолжил игру в карты, но атмосфера в пабе неумовимо изменилась.

Журналистам не удалось больше поговорить с Джемимой. Отец приказал ей удалиться на кухню и помочь сестре мыть посуду, впрочем, все поняли, что он просто хотел убрать ее с глаз долой, пока она еще чего-нибудь не учудила.

— Кажется, этот инспектор Фитцуолтер — неплохой человек, — сказал Оливер, беря ложку, продолжив есть совершенно остывшую еду.

— Да уж, поначалу я подумал, что он хочет посадить нас всех за решетку за то, что взбаламутили всю деревню, — задумчиво произнес Александр. — Но он на удивление адекватно воспринял наши намерения. Завтра надо будет зайти в участок. Я попрошу Доннхада объяснить, как до него добраться.

— Я что, единственный, кто заметил, что он и бровью не повел, узнав, что мы занимаемся паранормальными явлениями? — бросил Лайнел, а остальные отрицательно покачали головами и обменялись заговорщицкими взглядами.

А в это время, в дальнем углу паба, старый Кевин снова взял в руки скрипку и начал играть, но на этот раз не смычком, а пальцами. Его взгляд был устремлен на кучи опилок у стойки бара. Его пальцы перебирали струны и извлекали звуки, совершенно отличные от предыдущих. Это были дребезжащие ноты, идущие то вверх, то вниз с каждым движением руки. Словно голос безымянной женщины, плач которой тонет в тумане, спускающемся с Маор Кладейш.

[1] *Шёлки (Сёлки)* — мифические существа из шотландского и ирландского фольклора (в Ирландии их называют роаны), морской народ , прекрасные люди - тюлени . Легенда имеет сходство с русской сказкой (Царевна - Лягушка).

[2] Феи из Рианона , Даниэль Кроули и Шелки — герои сборника сказок « Рассказы о волшебных существах и призрачном мире » (1895) автор Джереми Кёртин .

Глава 11

Комнаты, подготовленные Доннхадом, были простыми, словно монастырские кельи, но в ту ночь они так устали, что почувствовали себя как дома, когда, наконец, смогли подняться наверх из паба. Посетители

тоже вскоре покинули «Золотой горшок», хотя снизу еще долго доносился звон кувшинов, которые намывал хозяин и звук девичьих голосов. Фиона бранила сестру за недостойное поведение, но Джемиму нисколько не волновал вызванный ее разговорами о банши переполох. Наконец, около одиннадцати, все звуки стихли и дом погрузился в тишину, нарушаемую лишь доносящимся издалека шумом морских волн.

Оливер этой ночью спал плохо. Когда ему, наконец, удалось все-таки уснуть, то на него обрушился целый калейдоскоп беспокойных видений. Он видел, как бегают по садам Маор Кладейш, пытаясь что-то найти, но безуспешно. Он даже не понимал что или кого преследовал. Оливер пытался найти дорогу через сад, исцарапанные ветвями деревьев руки болели, ноги запутывались в зарослях ежевики, которая, казалось, пыталась утащить его куда-то. Гора была переполнена странными формами жизни, которые теперь выходили на поверхность из ее недр; жизнь, зараженная смертью, набиравшая силу в течение веков в стенах замка. Он даже начал задыхаться во сне, пытаясь сопротивляться этой сущности, которая еще чуть-чуть и примет угрожающие размеры..., но, вдруг, Оливер увидел её.

В крошечном кусочке света возвышалась статуя женщины. Ползущие плети растений из уважения оставили для нее этот маленький, не заросший участок земли и изваяние выделялось среди перекрученных стволов вязов, словно сияние нимба. Оливер замедлил шаг, заметив, что ее облику не хватало той безмятежности, которую он заметил накануне на остальных скульптурах.

Она... Она плакала.

Потоки слез стекали из-под закрытых век, увлекая за собой крошечные частички камня. Каждая слеза оставляла глубокую борозду, которая открывала взору спрятанную под каменной маской белую кожу. Внутри скульптуры находилась женщина из плоти и крови. Оливер нервно сглотнул и протянул руки по направлению к статуе. У него чуть не остановилось дыхание, когда он увидел, что женщина открыла глаза. Серые глаза. Настоящие, живые глаза, которые Оливер отлично помнил.

Эйлиш Ни Лэри смотрела на него, но не могла даже пошевелиться — тело все еще было заключено в каменные латы.

«Поторопись», — казалось, умоляли ее глаза. — «Забери меня отсюда как можно скорее. Я задыхаюсь здесь заживо. Меня душат. Меня убивают».

Прежде, чем Оливер успел среагировать, щупальца плюща обвили его лодыжку. Падая, он не смог сдержать крик. Неведомая сила отшвырнула его

назад, в заросли, отдаляя от Эйлиш и от отчаяния в ее окаменевших глазах.

Когда Оливер, наконец, проснулся, то почувствовал, что на самом деле задышался. Ошарашенный, он был вынужден полежать какое-то время, чтобы унять сердцебиение. Он чувствовал, что дыхание обжигало горло. У него никогда не было подобного кошмара — страшного, но при этом с таким четким посланием.

Пока Оливер лежал, церковные колокола пробили семь часов утра. Он думал, что было гораздо раньше. Наконец, ему удалось собраться с силами и сесть на краю кровати, потирая глаза. Окончательно придя в себя, Оливер встал и открыл ставни.

Действительно, солнце недавно взошло. Из окна едва было видно море, с которого доносились крики чаек, уже давно начавших свой день. Лайнел и Александр наверняка еще спали. Лайнел уж точно храпел в соседней комнате. Оливер решил, что не стоит сидеть сложа руки. Он умылся, как мог, расчесался, вытащил из дорожной сумки чистую одежду и, подхватив пальто и шарф, вышел из спальни.

Оливер с облегчением обнаружил, что, несмотря на ночной кошмар, внизу все оставалось на своих местах. Он обнаружил Доннхада, который, посвистывая, сметал с пола опилки.

— Да благословит нас бог день грядущий! — воскликнул хозяин, увидев спускающегося по лестнице Оливера. — А вы ранняя птичка! Если бы я знал, что вы так рано встанете, то завтрак был бы уже готов, но Фиона еще ничего не приготовила!

Из кухни доносился стук горшков, запах сосисок и бекона. У Оливера заурчал желудок при воспоминании об аскетических завтраках в Бейлиол-колледже.

— Не беспокойтесь, мистер Лоулесс. Я уверен, что мои спутники еще не скоро к нам присоединятся, — он с трудом подавил зевок. — Дорога была очень длинной и утомительной.

— Надеюсь, мои девочки вам не мешали, — продолжил Доннхад самым серьезным тоном. — Постоянно им твержу, чтобы не болтали по ночам, но они меня не слушают. Просто мы не привыкли иметь постояльцев...

— Не ругайте их из-за нас. Думаю, все мы переволновались из-за вчерашнего.

Доннхад потрянул головой, словно отрицая важность произошедшего, но выглядело это не очень убедительно. Было видно, что он пытается держаться как можно естественнее, как если бы не было ничего особенного в упоминании банши О'Лэри в стенах его дома. Оливер

подумал, что лучше оставить его одного. Наверняка, паб скоро наполнится любопытными посетителями, жаждущими подробностей — новость о прибытии англичан молнией облетела окрестности.

— Пойду-ка я прогуляюсь и подышу свежим воздухом, — заявил он.

— Это пойдет вам на пользу, — согласился ирландец. — Утром, пока не все еще встали, Киркёрлинг прекрасен. Идите, осмотритесь вокруг.

Оливер помахал на прощанье рукой и пошел к выходу. Открыв дверь, он почувствовал, как лицо обдувает поток холодного воздуха, который после такой тяжелой ночи показался живительным. Молодой человек постоял какое-то время у паба, позволив свежему воздуху заполнить его легкие, пока он оглядывался вокруг. Солнце — маленькое, оранжевое, с ореолом ватных облаков вокруг, поднималось над линией горизонта. Обитатели Киркёрлинга вставали не так рано, как Оливер — лишь несколько лодок виднелись в прибрежной зоне, да пара-тройка крестьян шли по направлению к площади, чтобы разложить на прилавках рынка свой нехитрый товар. Один из них скользнул взглядом по Оливеру и приложил руку к шляпе в приветственным жестом. Похоже, Фиона была права — скоро все привыкнут к их присутствию в деревне.

Оливер размышлял обо всем этом, засунув руки в карманы и обмотав шею шарфом, и услышал, как ему показалось, голос Фионы, доносящийся из паба. Обернувшись, Оливер увидел, что на самом деле это была Джемима, которая разговаривала на гэльском со своим отцом, завязывая ленты шляпы под подбородком. Заметив присутствие Оливера, девушка, не дослушав Доннхада, подошла к юноше и поздоровалась с сияющей улыбкой на лице.

— Мистер Сандерс! Должно быть, это знаменитая британская пунктуальность, о которой говорит весь мир.

— Пунктуальность здесь ни при чем, мисс Лоулесс. Я плохо спал и не было смысла и дальше вертеться без сна в постели, — объяснил ей Оливер. — А вы всегда так рано встаете?

— Что мне еще остается? — недовольно сказала Джемима. Она накинула на плечи шаль, которую сняла накануне вечером, вернувшись из Маор Кладейш. — Хозяйка хочет, чтобы я приходила в замок как можно раньше. Не понимаю к чему такая спешка, если мисс О'Лэри никогда не встает раньше 8.30, но лучше не возражать пока они все еще могут мне платить. Я не могу упустить эту работу.

Джемима поднесла руку к шее и вытащила из под шали прижатые к спине пряди волос. Затем она подхватила ошеломленного Оливера под локоть и развернула его в сторону Маор Кладейш.

— Ладно, побудьте немного джентльменом и проводите меня. Так у нас, наконец, будет возможность познакомиться поближе.

Нельзя сказать, что эта идея очень понравилась Оливеру, но у него было так мало опыта с женщинами, что он не посмел отказаться. Как сказала девушка, это было бы не по-джентльменски.

— Хорошо, но только до ворот. Мне не стоит заходить туда.

— Так боитесь банши? — пошутила девушка. — Даже при свете дня?

— Стах здесь совершенно ни при чем. Вы же знаете, что мы обещали миссис О'Лэри не входить в ее владения...

— Ах, как это благородно с вашей стороны! — рассмеялась Джемима. Она похлопала Оливера по плечу, когда они проходили через кладбищенские ворота. — Вы всегда такой правильный и официальный... Совершенно не похоже на парней Киркёрлинга. Да и вообще, ни на одного из тех, кого я когда-либо знала. — Она мечтательно вздохнула. — Если бы можно было соединить ваше лицо, волосы и манеры с дерзостью мистера Леннокса, то получился бы мужчина моей мечты!

Накануне они шли по кладбищу почти на закате и скудный свет заходящего солнца не позволял обратить внимание на детали. Теперь же Оливер мог разглядеть множество выглядывавших из густой травы крестов из песчаника, обросших мхом как и женские статуи в саду Маор Кладейш, которые материализовались в кошмарном сне минувшей ночью. Захоронения сильно отличались от тех, что он видел в Англии. Кладбища всегда казались Оливеру очень поэтичным местом и весной, когда солнце начинало пригревать, он мог часами гулять по кладбищенским тропам, особенно в Холлиуэлл, находящемся недалеко от таверны «*The Turf*». Но ни одно из виденных им погостов не казалось ему столь уединенным как то, которое он сейчас осматривал — маленькое полузаброшенное деревенское кладбище, на котором не было похоронено ни одной знаменитости. Было что-то языческое в этих высоких крестах, обдуваемых морским бризом. Кресты были своеобразной формы, с каменным кольцом, проходящим через все стороны креста, и украшены переплетающимися кельтскими мотивами, а в случае больших крестов и библейскими сценами.

По правую сторону склон спускался к самой воде, и терялся в волнах Ирландского моря. Белые пенные ленты темно-синего этим утром моря раз за разом облизывали ближайšie к воде надгробные камни. Оливер задумался: как же выглядит этот пейзаж во время прилива? Он представил себе плачущие кладбищенские кресты среди морской стихии...

Усилием воли он отбросил воспоминания о ночном кошмаре, чтобы Джемима не заметила его смятения. К счастью, девушка болтала без

умолку и за несколько минут умудрилась рассказать все о ее ежедневном взаимодействии с семейством О'Лэри. Что привлекло его внимание, так это глубокая антипатия, которую испытывала Джемима к дочери хозяйки, которую сплетница окрестила как «избалованное создание, занятое лишь тем, что добавляет мне работы своими капризами».

— Например, после завтрака ей взбредает в голову сыграть на арфе, и она просит меня принести ей папки с партитурами. Я иду искать их, а когда возвращаюсь, то она заявляет, что передумала и просит вынести в сад мольберт, чтобы она могла порисовать при свете дня. Пока я привожу в порядок палитру и кисти, она говорит, чтобы я не тратила на это время, так как она решила почитать. Да я бы предпочла целый день замок подметать, чем проводить время с этой девицей, — фыркнула она и наклонилась, чтобы сорвать пару цветочков, выросших между двумя могильными плитами, и вставить их себе в шляпку. — Она как ребенок, который не хочет покидать свой иллюзорный мир. Даже не знаю, как я все это терплю!

Оливеру пришлось прикусить губу, чтобы не выступить в защиту Эйлиш. Он считал, что Джемима просто сходит с ума от зависти к привилегированному положению своей подопечной. Мисс О'Лэри показалась ему такой милой и беспомощной в день знакомства, что он даже представить себе не мог, что кто-то может так плохо о ней отзываться.

— Вы сказали, что она любит проводить время в библиотеки?

— Да она вообще странная, — настаивала Джемима. — Никогда таких не видела. Чтобы девушка ее возраста предпочитала проводить время в окружении покрытых пылью талмудов?

— Если что-то кажется необычным, то не стоит называть это странным — заметил Оливер, — А странное вовсе необязательно должно быть плохим. Мне кажется, что в мире слишком много одинаковых людей. Мое внимание всегда привлекали необычные явления.

Он почувствовал, как Джемима уставилась на него. Было в выражении ее лица нечто, говорящее о том, что все его чувства к Эйлиш слишком очевидны.

— Послушайте меня, мистер Сандерс: мисс О'Лэри странная в худшем понимании этого слова. Никто в Киркёрлинге не хочет даже приближаться к ней.

— Но почему? — запротестовал Оливер. — Что она вам такого сделала, чтобы все ее презирали?

— Да никто ее не презирает. Я даже не могу сказать, что она никому не нравится. То есть, мне-то она и правда не нравится, а вот остальным...

Джемима сбавила шаг. Они были уже совсем рядом с воротами Маор Кладейш, а девушка не хотела так скоро расстаться с Оливером. Впрочем, если все, о чем они говорили — это Эйлиш Ни Лэри... Но Оливер не собирался отступать.

— Должно быть что-то еще, — настаивал он. — Я не верю, что такое отношение может быть исключительно из-за ее принадлежности к самому могущественному клану острова. Все говорят, что О'Лэри переживают непростые времена. Вам не кажется, что правильнее было бы помочь им? Что могло произойти с мисс О'Лэри, что все соседи так ее боятся?

Впервые в отношении Эйлиш был упомянут страх, но, судя по взгляду Джемимы, Оливер попал в цель.

— Я точно не знаю что произошло, мистер Сандерс. Я была еще совсем ребенком...

— Расскажите мне правду, — попросил Оливер. — Умоляю вас, мисс Лоулесс. Я уже устал от недомолвок.

Джемима издала смешанный вздох недовольства и смирения, взяла Оливера за руку и они остановились посреди кладбищенской тропы.

— Что-то произошло давным-давно. Вскоре после смерти Кормака О'Лэри. Мисс О'Лэри было всего семь-восемь лет — ей лишь недавно исполнилось восемнадцать. В то время мать еще разрешала бродить где вздумается.

— А теперь не разрешает покидать Маор Кладейш, не так ли?

— Так. И все из-за того, что произошло тогда. Мой отец никогда не рассказывал об этом ни мне, ни Фионе. Говорил, что мы слишком малы, чтобы понять, но иногда мы слышали разговоры стариков. Мы обнаружили, что дело связано с одним из взрослых парней, — Джемима выдержала паузу и прошептала: — он сделал нечто, за что его посадили в Дублинскую тюрьму.

У Оливера не дрогнул ни один мускул, пока он слушал рассказ Джемимы, а вот сердце стучало все быстрее, также как во сне. Это не могло быть тем, о чем он подумал...

— Вы хотите сказать, что... парень что-то сделал с ней... Какой кошмар! — воскликнул он.

— По-моему, вы все неправильно поняли, — сказала Джемима. — Это не то, о чем вы подумали, мистер Сандерс. Мисс О'Лэри обвинила его в том, что он сделал что-то страшное, но не с ней.

Оливер не знал, что и сказать. Он продолжал смотреть на Джемиму в упор.

— Это ужасно, — продолжила Джемима, обхватив плечи руками. —

Невиновный был обвинен ею в преступлении, которого не совершал. Никто не объяснил мне, что там произошло.

— Это очень странно, — пробормотал Оливер. — Какая выгода от всего этого для мисс О'Лэри?

— А об этом знает только она сама, но происшествие взбудоражило весь Киркёрлинг. Люди, узнавшие о случившемся начали болтать, что она одержима дьяволом. Другие говорили, что она и есть дьявол. Ладно, я ее каждый день вижу и, хоть я ее на дух не переношу, но, справедливости ради, должна признать, что она совсем не похожа на дьявольское отродье. Единственное, что могу подтвердить, так это то, что она ... она безумна.

Она так резко произнесла последние слова, что Оливер не сразу среагировал.

— Безумна? — наконец смог вымолвить Оливер. — Что вы имеете ввиду?

— Она слишком много знает про нас, мистер Сандерс! То, что знать не должна!

— Но вы же сами сказали, что Эйлиш много читает. Разве странно, что она является образованной женщиной.

— Она знает не о том, что в книгах пишут, а все о нас. Она всегда знает о том, как и с кем я провожу время. Я уже говорила вам, что ей не разрешено покидать Маор Кладейш!

Джемима внезапно покраснела и последние слова получились несколько скомканными. Оливер выпустил ее руку и продолжал смотреть на Джемиму невидящими глазами. Он что-то вспомнил. Фразу, которую произнес старый скрипач в «Золотом горшке», говоря о рыданиях провозглашающей смерть банши: *«Это просто сводило нас с ума. Я не удивлюсь, что и О'Лэри тоже. По-крайней мере, одна из них точно не в себе...»*

Оливер сглотнул, с каждым мгновением смущаясь все больше. Джемима воспользовалась ситуацией и подошла еще ближе. Она снова взяла его за руку и прошептала:

— Ради вашего же блага, не приближайтесь к ней. Не думайте больше о ней, какой бы беззащитной она не казалась. Все, кто имеет к ней хоть какое-то отношение — страдают так или иначе. Не зря ее держат взаперти...

— Благодарю вас за беспокойство, мисс Лоулесс, но, думаю, мне ничего не угрожает, кроме черной магии, — ответил он вполголоса. — Миссис О'Лэри все равно больше никогда не позволит мне подойти к своей дочери. Через несколько дней я вернусь в Оксфорд так, как если бы

мы никогда не были знакомы.

«Но я никогда не смогу перестать думать о ней, — сказал себе Оливер, чувствуя странный укол в сердце. — Теперь, когда я узнал, что мой идеал действительно существует». К счастью, Джемима не заметила, как омрачилась его лицо. Она смотрела куда-то поверх плеча Оливера, и вдруг с силой сжала его руку.

— Посмотри на них! Да они целую вечность не выходили из дома!

— Что? О ком вы говорите? — спросил Оливер, оглядываясь вокруг.

— Видите двух женщин, только что вошедших на кладбище? Которые направляются к самому большому склепу рядом с церковью?

Оливер сразу понял о ком речь. Две женщины — пожилая и среднего возраста — пересекали кладбище, держа друг друга под руку. Обе носили глубокий траур. На старшей была такая густая вуаль, что невозможно было разглядеть черты лица. Издалека женщины казались сиаемскими близнецами, настолько близко они прижимались друг к другу, направляясь к указанному Джемимой склепу.

Сооружение напомнило Оливеру английские кладбища своим готическим фронтоном и закрытой на цепь покосившейся дверью. Вдруг его внимание привлекло слово, выгравированное на карнизе: *МакКоннал*. Оливер затаил дыхание. Он почувствовал, как шепчущие губы Джемимы касаются его левого уха:

— Старуха — это Брианна, вдова МакКоннала, а вторая — его младшая дочь.

— Вот так совпадение! — удивленно ответил Оливер. — Вчера вечером, мы сидели в пабе и рассуждали остались ли в деревне родственники Ферчэра, которых можно было бы расспросить о происшедшем.

Женщины МакКоннал представляли собой любопытное зрелище: в своих черных одеждах они выделялись на фоне церковной стены, словно две вороны на заснеженной ветке. Джемима не спускала с них глаз.

— Надо же, я и не думала, что они все еще в Киркёрлинге! Никто не видел их после смерти Ферчэра МакКоннала и все думали, что они уехали в Дублин к родственникам Брианны. Я вот думаю, собираются ли они оставить свой дом за собой или выставят на продажу, как надеются некоторые соседи, — Джемима еще сильнее сжала руку Оливера, чтобы привлечь его внимание. — Вы хотите с ними поговорить? Попытайтесь вывести что-нибудь интересное?

— Не думаю, что это подходящий момент для расспросов, мисс Лоулесс, — возразил Оливер, — и месяца не прошло с момента похорон...

— Да знаю, знаю, — буркнула Джемима, плотнее заворачиваясь в шаль, защищаясь от порывов дующего со стороны моря ветра. — Это было всего лишь предположение. В любом случае мне пора идти в Маор Кладейш. Я и так сильно опаздываю!

Оливер вздохнул с облегчением и даже не попытался изобразить сожаление от расставания, когда девушка приподнялась на цыпочках и чмокнула его в щеку.

— Удачи вам в ваших расспросах! — И, прежде чем покинуть территорию кладбища, обернулась, чтобы добавить: — И не забудьте, что я вам сказала о некой персоне! Последуйте моему совету!

«Я последую ее советам только если решу вести себя в неприемлемой для меня манере, — подумал Оливер, убирая со лба взлохмаченные ветром пряди темных волос, — Хватит на сегодня Джемимы!»

Он не собирался атаковать дам вопросами, как предлагала ему девушка. Оливер предполагал, что они проходят сейчас через тяжелые испытания и боялся беспокоить их, чтобы не нарваться на холодный прием. Он медленно подошел к боковой стороне церкви, где располагались четыре склепа, принадлежащих знатным семьям. Рядом со фамильным склепом МакКонналов находился склеп О'Лэри, отличавшийся от остальных наличием герба из серого камня с изображением корабля и льва. Именно здесь покоился муж Рианнон Бан И Лэри, в нескольких метрах от своего друга, которому довелось умереть в его доме. Именно здесь покоился отец Эйлиш, странной Эйлиш, всеми отвергаемой безумной девушки.

Оливеру пришлось сделать над собой усилия, чтобы выкинуть из головы слова Джемимы. Он не хотел, чтобы ее ядовитый язычок отравил образ Эйлиш. Он пошел дальше и остановился недалеко от двух женщин, вытащивших четки, чтобы помолиться перед могилой МакКоннала. Он услышал тихий вздох его дочери, взгляд которой блуждал по окружающему пейзажу с выражением грусти на лице. Внезапно она заметила чье-то молчаливое присутствие. Женщина чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности, увидев одетого в черное незнакомца, который наблюдал за ними, стоя среди могил.

— Дорогая, что случилось? — Брианна МакКоннал удивилась не меньше дочери, увидев молодого человека. — Кто вы? Что вам нужно?

Обе выглядели так, будто были готовы обороняться, и Оливер пожалел, что подошел. Да еще и без поддержки Александра.

— Прошу прощения за беспокойство, я просто хотел поприветствовать вас, но, боюсь, только испугал, — он выдавил улыбку. — Уверяю вас, я — не неприкаянная душа кого-нибудь из похороненных здесь.

Дочь Ферчэра МакКоннала выдохнула с облегчением, но ее мать все еще не успокоилась.

— Ваше лицо мне незнакомо, молодой человек. Не помню, чтобы я видела вас в Киркёрлинге.

— Совершенно верно, миссис МакКоннал. Я только вчера прибыл из Оксфорда. я приехал на несколько дней с друзьями для проведения некоторых исследований.

— Каких еще исследований? — спросила старуха, откидывая назад вуаль, чтобы лучше рассмотреть Оливера.

Оливер удивился: женщина оказалась не так стара, как он думал. Возможно, скорбь по покойному мужу заставляла ее идти сгорбившись. У нее были маленькие темные глаза, блестящие, словно две бусины и совершенно белые волосы, собранные кверху и закрепленные гребнем из серебра и агата. Она очень походила на свою дочь, которой было около сорока — ее волосы вскоре побелеют также, как и у матери, судя по рано поседевшим прядям на висках. На лице Брианны было написано растущее любопытство, а вот у дочери Оливер заметил странное волнение. Юноша заметил, что после его слов женщина побледнела. Брианна схватила Оливера за руку, при этом ее четки забренчали.

— Это Мэри, моя младшая дочь, — представила она дочь, — о чем вы хотели с нами поговорить?

— Боюсь, что это длинная история. В двух словах мы делаем репортаж для «*Dreaming Spires*», газеты, специализирующейся на паранормальных явлениях. Недавно до нас дошла информация о том, что произошло с вашим мужем во время визита Маор Кладейш.

Он боялся, что его слова могут поставить женщин в неудобное положение, но к его удивлению, миссис МакКоннал лишь кивнула. Недоверие все еще не до конца исчезло из ее маленьких глаз, оглядывавших его с ног до головы, остановившись на мгновение на устаревшем покрое пальто и растрепанных концах шарфа.

— Ваша газета хочет опубликовать статью о том, как банши О'Лэри провозгласила смерть моего мужа, когда он находился в стенах замка, правильно?

— Если вы не против, конечно, — поспешил объясниться Оливер. До сих пор ему в голову не приходило, что они даже не подумали про МакКонналов. Когда обсуждались возможные последствия донесения до общественности обстоятельств происшествия, то говорили они только про О'Лэри, не думая, что это затронет так же и остальных участников трагедии. — Мы ни в коем случае не хотим вторгаться в вашу личную

жизнь и доставлять вам неудобства своими расспросами, миссис МакКоннал. Я понимаю, что боль утраты...

— Мальчик, не смешите меня, — ответила Брианна МакКоннал. — Я похоронила мать, трех братьев и мертворожденного сына еще до того, как вы появились на свет. Поверьте, я уже вполне привыкла к утратам.

— Матушка, сделайте милость, придержите язык, не говорите так! — перебила ее дочь.

— И почему это, интересно, я должна это сделать? Смерть Ферчэра разбила мне сердце, но это не значит, что я должна превратиться в умалишенную или инвалида. Я устала от того, что все мне соболезнают и говорят со мной вполголоса. Мне надоело, что все меня жалеют.

Ее дочери ничего не оставалось кроме как замолчать. Впрочем, взгляд, который Мэри бросила в сторону Оливера, ясно дал понять, что ей тоже все это надоело.

— Надо же, вы не представляете, как я рад... какое облегчение, что вы согласны с нами сотрудничать, — заверил Оливер. — Только не думаю, что это место подходит для подобных разговоров.

— Разумеется, нет. Через несколько минут начнется девятичасовая месса, здесь будет толпа, которая тут же начнет сплетничать. Вы даже не представляете, во что вы влипли, деточка. — Брианна открыла маленькую черную сумочку и вытащила оттуда визитку. — Вот, возьмите. Приходите навестить нас, когда пожелаете. Можно даже прямо сегодня, если вы не против.

— Желательно, после трех, — уточнила дочь. — Сегодня к нам собирались зайти кое-какие родственники. С тех пор как умер отец, наш дом превратился в салон приемов. Не думайте, что мы против вашего присутствия на мессе, просто остальные МакКонналы могут что-нибудь заподозрить.

— Я отлично все понимаю, — кивнул Оливер, убирая в карман визитку. Он все еще не верил в свое везение. — Вы не представляете, как я благодарен за вашу любезность.

Дочь Ферчэра МакКоннала еле заметно улыбнулась, а ее мать уже направилась к церкви, кивнув на ходу на прощание. Казалось, что Брианна горбится намного меньше, чем накануне. Оливер дождался, пока они скроются из виду и со всех ног помчался в «Золотой горшок».

Глава 12

Друзья отреагировали именно так, как и предполагал Оливер. Они посчитали, что то, что удалось встретиться и поговорить с МакКонналами

едва переступив порог паба, свидетельствовало о начале удачного дня. Впрочем, надо было много чего успеть прежде, чем нанести визит.

Так как не было смысла возвращаться в Маор Кладейш, чтобы миссис О'Лэри снова закрыла дверь у них перед носом, журналисты решили посвятить день опросу как можно большего числа жителей о трагедии Ферчэра МакКоннала, насколько это возможно сделать не отрывая людей от ежедневных забот.

Это было длинное, полное разочарований утро, как они убедились, собравшись вновь в «Золотом горшке». Несмотря на то, что благодаря всесторонней поддержке Лоулессов недоверие жителей Киркёрлинга слегка пошатнулось, — никто не собирался откровенничать с англичанами по поводу банши. Как сказал накануне Шон, в которого Джемима швырнула башмаком, считалось плохой приметой называть своими именами подобного рода создания. Все, что журналистам удалось, так это увидеть совершенно непроницаемые лица, да услышать пару невнятных комментариев о полупрозрачном силуэте, время от времени появлявшемся в садах Маор Кладейш.

Старый Кевин был единственным, кто пролил хоть какой-то свет на всю эту историю, причем, даже его слова трудно было назвать точными сведениями. Судя по тому, что он рассказал в своей хижине на берегу моря скептически настроенному Лайнелу, в ночь, когда утонули родители Кормака О'Лэри, банши рыдала точно так же, как и перед смертью Ферчэра МакКоннала. С тех пор прошло полвека, но Кевин отлично помнил, как он с друзьями прогуливался недалеко замка, когда вдруг показалось нечто белое, похожее на женский силуэт.

Когда они, наконец, вышли из ступора и преодолели свой страх в достаточной мере для того, чтобы подойти поближе к ограде, существо скрылось из вида в тени садов. Разумеется, когда несколько часов спустя деревню облетела новость о гибели четы О'Лэри в открытом море, у приятелей пропало малейшее желание снова приближаться к Маор Кладейш из страха встретить то существо еще раз.

— Его место в аду, — продолжал Кевин, не переставая перебирать сети, над которыми он работал, когда Лайнел зашел в его дом, — Впрочем, как и самих О'Лэри, как мертвых, так и живых. Это проклятая династия, которой нет спасения, и если у англичан есть хоть капля здравого смысла, то лучше им поскорее покинуть остров, пока неудача не перекинулась и на них.

Разумеется, никто не прояснил им кто такая эта таинственная Лиза Спиллэйн, написавшая письмо Александру. Пошутив, что это, наверное,

тоже какой-нибудь дух, мужчины распрощались с Лоулессами и снова вышли на холод, чтобы отправиться к дому МакКонналов. Судя по адресу на визитке, дамы жили в престижном квартале с внешней стороны деревни. Дом находился на площади, на которой возвышался каменный крест, похожий на те, которые англичане видели на ирландском кладбище.

Жилище МакКонналов ни за что не привлекло бы внимание где-нибудь в столице, но на фоне облезлых лачуг Киркёрлинга трехэтажный особняк с мансардой очень даже выделялся.

— Неплохо, совсем неплохо. Как минимум выглядит гораздо комфортабельнее полицейского участка. — Александр указал на маленькое здание на противоположной стороне площади с прилепившейся к нему маленькой конюшней. — Судя по тому, что мне рассказал Лоулесс за завтраком, этот Фитцуолтер не так прост, как кажется. Надеюсь, мы сможем нанести ему визит, чтобы познакомиться поближе.

— Не имею ни малейшего желания знакомиться с ним поближе, — пробубнил Лайнел. — Напоминаю, что он полицейский и мы не знаем какими методами они тут, в Ирландской королевской полиции, работают.

— Типичный ответ того, у кого совесть нечиста, — вставил слово Оливер.

Лайнел направил на него гневный взгляд и спросил:

— И чем же он так непрост? Ты обнаружил в его прошлом темную историю?

— Что-то вроде этого, — признал Александр, зажигая трубку, пока друзья усаживались у подножия креста. — Впрочем, ставлю на то, что эта история является достоянием общественности Киркёрлинга. Помните, он сказал нам, что он из Лисмора, в Уотерворде?

— Да, насколько я понимаю, это довольно далеко отсюда, на другом конце острова, — сказал Оливер.

— Лоулесс рассказал мне, что пятнадцать лет назад в Лисморе произошел кровавый инцидент. Ирландское Республиканское Братство[1] попыталось внести смуту, организовав целую серию восстаний среди сельского населения, поддержкой которого они хотели заручиться в борьбе за независимость. Эти конфликты принесли множество жертв среди крестьян. Фамилия одного из главарей Лисморских ополченцев — Фитцуолтер, — объяснил профессор и добавил, чтобы вывести из ступора Оливера и Лайнела: — Только это не инспектор, а его брат Патрик.

— У инспектора Фитцуолтера есть брат-революционер? — удивился Оливер.

— Был, — пояснил Александр. — В то время наш приятель носил

звание лейтенанта, так что ему пришлось арестовать и поместить в камеру собственного брата, к которому закон не выказал ни малейшего снисхождения. Лоулесс рассказал, что Патрик повесился незадолго до суда.

Оливер застыл в изумлении. Лайнел присвистнул. Когда они только познакомились с Фитцуотером, тот показался им живым воплощением безопасности и чувства долга. Им даже в голову не пришло, что в его прошлом был столь болезненный эпизод.

— Какой ужас! — прошептал пораженный до глубины души Оливер. — Как он мог такое сделать? Ведь это был его брат!

— Долг превыше всего, смею предположить, — вздохнул Александр. — Преданность королеве, которая правит с соседнего острова. Тем не менее, я даже злейшему врагу не пожелаю пройти через то, что он прошел.

Приятели подождали в тишине пока Александр докурит трубку, обдумывая услышанное. Когда Куиллс уже собрался убрать трубку в карман, дверь МакКонналов открылась и из дома вышли две женщины, одна средних лет, а вторая — молодая и явно беременная, в сопровождении мужчины, который опирался на трость, хоть и выглядел слишком молодым, чтобы в ней нуждаться. Все трое носили глубокий траур с элегантностью, более присущей Дублину, откуда они, скорее всего, и были родом, а не крошечному приморскому селению. Горничная, разодетая на манер Джемимы, стояла в дверях и ждала пока троица сядет в автомобиль, припаркованный у полицейского участка. Скорее всего, она, была предупреждена о визите англичан, поэтому, увидев их, сделала приглашающий жест рукой. Девушка пропустила их в дом, приняла верхнюю одежду и провела к крутой лестнице.

Мужчины молча проследовали за ней, удивленные, что будучи намного меньше Маор Кладейш, дом отличался изысканностью, которой так не хватало замку О'Лэри. Здесь не было ни пустых пыльных прямоугольников на стенах, ни голых полов. Все пространство было ухожено, заставлено мебелью, застелено коврами, ощущался легкий аромат старины. Проследовав за всеми в гостиную, высокие окна которой выходили на площадь, Оливер подумал, что обстановка очень соответствует Брианне МакКоннал.

Еще одна горничная только что убрала скатерть и, слегка поклонившись, вышла. Хозяйка дома ждала их в широком, похожем на трон, кресле, положив руки на колени. Ее дочь находилась рядом и первой подошла к визитерам. Похоже, она нервничала не меньше, чем утром.

— И все-таки, вы пришли, — сказала она, словно не могла в это поверить.

— Присаживайтесь, — пригласила Брианна МакКоннал, указывая на кушетки по другую сторону стола. — Я увидела через окно, как вы пересекаете площадь.

Оливер поприветствовал дам и, когда они сели, Брианна распорядилась принести для гостей свежесваренный чай. Пока его разливали в маленькие хрупкие чашки из лиможского фарфора, мужчины смогли разглядеть обстановку гостиной. Здесь тоже присутствовал легкий налет старины. В камине горел огонь, большие зеркала на стенах были прикрыты черной тканью в знак траура. За спиной Брианны, между зеркалами, висел портрет покойного Ферчэра МакКоннала. Он выглядел точно также, как и на фотографии, которую им показала Джемима в «Золотом Горшке». Небольшого роста, сухощавый, с бледной кожей, темными редкими волосами и привлекающей внимание доброй улыбкой.

— Никто не назвал бы его привлекательным мужчиной, не так ли? — услышали они голос вдовы. — Но у него было золотое сердце. Любой из наших соседей сказал бы тоже самое.

— Насколько мы поняли, он был одним из самых популярных жителей Киркёрлинга, — подтвердил Александр. — Вы можете гордиться вашим мужем, миссис МакКоннал. Тот факт, что даже бедняки сожалеют о смерти богатого, много говорит о человеке. До сих пор мы не слышали о нем ничего плохого.

Брианна взволнованно кивнула в знак согласия. Ее тонкие пальцы перебирали украшающие шею четки.

— Не только бедняки, но и самые влиятельные люди тоже. Смеею сказать, что даже в Маор Кладейш его оплакивали почти также, как и здесь.

Услышав эти слова, Оливер застыл, не донеся до рта чашку с чаем.

— Вы имеете ввиду О'Лэри? — удивленно спросил он. — Мы знаем, что ваш муж был в очень хороших отношениях с прежним хозяином замка, но не думали, что эти отношения распространялись и на его вдову и дочь. Вы говорите так, словно они считали мистера МакКоннала членом своей семьи.

— В какой-то мере это, наверное, действительно так и было, — прокомментировал Лайнел. — Раз уж он ужинал у них в день смерти, то у них должны были быть как минимум хорошие отношения.

Брианна снова кивнула, но в ее взгляде промелькнула легкая тень.

— Похоже, вы хорошо делаете свою работу. Той ночью, той проклятой ночью, о которой я не могу забыть, мой муж ужинал с Рианнон Бан И Лэри в замке на холме. Но, думаю, до сих пор никто не рассказал вам о том,

почему он это делал.

Воцарилась тишина. Выдержав театральную паузу, Брианна продолжила:

— Вот уже год как Маор Кладейш выставлен на продажу. До сих пор не нашелся никто, кто мог бы заняться этой старой развалиной...

— Не удивительно, — встрял Лайнел, — особенно, имея ввиду, что покупатель замка получит в придачу банши О'Лэри.

— Да уж, надо быть по-настоящему безрассудным, чтобы взять на себя подобную ответственность, — согласился Оливер.

— Мой муж и собирался стать тем безрассудным, мистер Сандерс. Он хотел заняться замком.

Оливер чуть не уронил чашку. Он уставился на пожилую даму, в то время как та спокойно поправляла гребень в своей прическе.

— Ваш муж хотел этот замок? Но почему?

— А я постоянно спрашивала его об этом, — вздохнула она. — С тех пор, как он заявил, что хочет его приобрести. Он приводил нам с дочерью множество доводов: и сколько раз он там был, и сколько чудных воспоминаний о дружбе с О'Лэри он несет, и что мы должны поддержать Рианнон и Эйлиш в трудные для них времена...

— Отец всегда говорил мне, что хотел замок не для себя, — вдруг вступила в разговор мисс МакКоннал: ее робкий голос походил на чириканье воробья. — Ему взбрело в голову купить его для Лиама. Для его новой семьи.

— Лиам — это мой внук, — объяснила Брианна. — Возможно, вы видели его выходящим из дома со своей женой Кэтлин и моей второй дочерью Эйлин. Кэтлин вот-вот должна родить. Очень жаль, что мой муж не дождался этого события. До сих пор они жили в Дублине, но Ферчэр хотел, чтобы они переехали в Киркёрлинг, в новый дом, где наши правнуки смогут сделать свои первые шаги. Наша деревня находится достаточно близко от Дублина, чтобы Лиам мог продолжать свою карьеру финансиста. К сожалению, этим планам не суждено сбыться...

— Я не уверена, что Кэтлин нравилась эта идея, хоть она и не возражала открыто, — уточнила Мэри. — Должно быть, ей внушала ужас сама мысль о том, чтобы родить в таком зловещем доме. Я бы на ее месте точно испугалась. Это все равно, что сознательно нарываться на неприятности

— К счастью, дорогая, тебе это не грозит, ни в Маор Кладейш, ни где-либо еще.

Мисс МакКоннал покраснела, но ничего не сказала. Александр

задумался, помешивая чай и рассматривая невидящим взором арабески на ковре.

— А что думала обо всем этом сама Рианнон Бан И Лэри? — спросил он, наконец. — Она была согласна с тем, что самое ценное наследие клана ее мужа перейдет в ваши руки?

— Никогда не знала, о чем там думает Рианнон, — ответила Брианна с еле заметным раздражением в голосе. — Ферчэр был уверен, что, в конце концов, она согласится на его предложение, но он не рассказывал мне всего. Эти кланы продолжают жить в Средневековье, вы даже не представляете, как им больно покидать земли, завоеванные их предками. Ферчэр полагал, что с Рианнон будет нетрудно договориться, так как ее происхождение не столь благородно, как у ее мужа. Вам никто не рассказывал где откопал ее О'Лэри? — она ехидно усмехнулась, когда они англичане покачали головой. Глубоко вздохнув, она продолжила: — Ей не было и двадцати, когда Кормак привез ее сюда. Видели бы вы ее тогда — красивая, светловолосая, но при этом вся такая из себя несчастная.

— Я уверена, что несчастной она была явно не по вине своего мужа, — сказала мисс МакКоннал. — О'Лэри всегда казался мне очаровательным. Джентльмен с головы до ног. Он обращался с ней так, как-будто она — величайшая ценность.

— Так вот, дело в том, что появившись в Киркёрлинге со своим обликом дохлой мухи, через пару месяцев Рианнон отлично обосновалась в замке. О'Лэри даже не заметил, как все решения в отношении Маор Кладейш принимала его жена. Мэри права, сказав, что он возвел ее на пьедестал, хоть и был почти в три раза старше нее. Кроме того, не прошло и девяти месяцев, как она родила наследницу, так что нельзя сказать, что она не выполнила свои супружеские обязательства, — старуха помолчала, перебирая руками четки. — Помню, что всякое болтали, когда родилась маленькая Эйлиш.

— Да, но, все-таки, не так как сейчас, — добавила ее дочь, присаживаясь на подлокотник кресла Брианны. — В то время она была очаровательной малышкой. Никто и предположить не мог ни то, что она вырастет такой странной, ни то, что создаст столько проблем в Киркёрлинге.

Оливер со стуком поставил чашку на блюдце и открыл было рот, чтобы потребовать разъяснений, но Лайнел его опередил:

— Все это кажется мне крайне интересным, но совершенно не объясняет то, что произошло в Маор Кладейш. Как бы не была привязана миссис О'Лэри к замку, не понятно почему она изо всех сил пытается его

сохранить. Все говорят, что у них финансовые проблемы.

— Да, и достаточно серьезные, насколько мне говорил Ферчэр, — поддакнула Брианна.

— Вы не в курсе, подписал ли ваш муж перед смертью какой-либо документ в отношении собственности на замок? — поинтересовался Александр. — Может, какой-либо договор или что-то в этом роде?

— Нет, — не колеблясь ни секунды, ответила вдова. — Это единственное утешение, что мне осталось.

— То есть, вы не заинтересованы в дальнейших переговорах?

— О покупке дома на холме? Дома, о котором говорят, что он проклят вместе с его обитателями? Дома, в котором умер мой Ферчэр? — в ярости воскликнула Брианна. — Я не соглашусь, даже если мне скажут, что под каждой статуей зарыт клад. Я поклялась, что ноги моей там не будет, пока я жива.

— Понимаю ваше решение, — ответил ей Александр. — Но хотел бы знать, согласны ли вы с теми слухами, которые бродят в Киркёрлинге относительно Маор Кладейш? Вы боитесь банши?

Было очевидно, что Брианна не ожидала такого вопроса, по крайней мере, сформулированного с такой прямоотой. Изогнув бровь, она взглянула на Александра.

— Да и нет, — ответила она после недолгой паузы. — Верю, что банши существует, профессор Куиллс. Только полный идиот будет отрицать очевидное, услышав столько раз ее плач по ту сторону деревни. Но я также верю, что подобного рода духи принадлежат конкретному клану, а не месту, где жили его предки. Это не наследство, от которого можно избавиться, подписав пару бумаг. Если обе выжившие О'Лэри покинут Киркёрлинг, банши последует за ними. Она будет преследовать их во всех уголках мира, потому что они — ее хозяева, ее единственная связь с миром живых. Не думаю, что ее можно купить или продать.

— И при этом вы утверждаете, что замок вам и даром не нужен, — ухмыльнулся Лайнел.

Брианна снова помедлила с ответом. Она опустила глаза, посмотрев на свои сцепленные руки, а когда вновь взглянула на визитеров, то показалось, что вдова постарела на десять лет за несколько секунд.

— Мой муж умер посреди грязной раскисшей от дождя дороги с выражением ужаса на лице, который я никогда не забуду, — сказала Брианна так тихо, что ее дочь, встревоженная переменой в голосе, вынуждена была наклониться, чтобы расслышать слова. — Врач утверждает, что мой муж умер от остановки сердца, но я знаю, что он

очень ошибается. У Ферчэра никогда не было проблем с сердцем.

— Но он был довольно пожилым человеком, миссис МакКоннал, с ним могло произойти что угодно.

— Нет, — повторила женщина, нет, профессор. Знаю, вы думаете, что старуха выжила из ума, но я уверена в том, что говорю. Банши не возвестила о его смерти. Банши лишила его жизни, она убила его. Банши появилась пред моим мужем, чтобы напугать до смерти. — Вдова провела рукой по уставшим глазам и прошептала: — Она не глашатай смерти, она — сама Смерть, она — сам Дьявол.

— Прошу извинить мою мать, — пробормотала побледневшая вдруг мисс МакКоннал, — эти дни были для нее сущим кошмаром. Слишком много потрясений...

Никто не сдвинулся с места, пока женщина поднимала мать с кресла. Казалось, все силы покинули Брианну, которая продолжала шептать:

— Можете делать все, что вам угодно, можете продолжать со своим расследованием, но все-таки, попробуйте прислушаться к совету старухи, которая вскоре последует в могилу за своим мужем: лучше вам уехать отсюда. Это проклятый замок, сто раз проклятый, — повторила она. — Если бы он был моим, то я смешала бы его земли с солью, чтобы там больше ничто и никогда не возросло, ни живое, не мертвое. Клянусь, я бы там камня на камне не оставила.

С этими словами Брианна, наконец, позволила дочери увести себя из гостиной, оставляя своих гостей наедине с их мыслями.

[1] Ирландское Республиканское Братство или Фенианское братство — Фении (от др . - ирл . fíán — легендарная военная дружина древних ирландцев) — ирландские мелкобуржуазные революционеры - республиканцы 2- й половины XIX — начала XX веков , члены тайных организаций « Ирландского революционного братства » (ИРБ), основанного в 1858 году (с центрами в США и Ирландии). Сам термин был впервые использован Джоном О ' Махони применительно к американской ветви Ирландского Республиканского Братства . Организации ИРБ распространились в 1860-1870- х годах в Ирландии , Великобритании , а также среди ирландских эмигрантов в США , Канаде , Австралии и др . Основной целью фениев было создание независимой Ирландской республики путём тайно подготовленного вооруженного восстания . Деятельность фениев отражала протест народных масс Ирландии против английского колониального господства , в частности против усилившегося во 2- й половине XIX в . сгона ирландских

арендаторов с земли .

Глава 13

Уход Брианны был столь неожиданным, что они не знали как реагировать. Мужчины недоуменно переглянулись.

— Так, и что мы только что услышали? — нарушил, наконец, молчание Александр.

— История миссис МакКоннал не имеет никакого смысла, — жестко ответил Лайнел, протягивая руку, чтобы взять поданое служанкой печенье. — Допустим, я почти поверил в *существование* банши после опроса многочисленных очевидцев, но то, что она обладает способностью убивать одним своим присутствием???

Он надкусил печенье, разглядывая портрет Ферчэра МакКоннала, который вдруг показался не столь доброжелательным, как раньше. Отблески пламени камина искажали его черты точно так же, как и до этого черты Брианны. Улыбка казалась теперь натянутой, почти неестественной. Александр продолжал молчать, держа в руках лиможскую чашку.

— Существуют потусторонние создания, способные убивать взглядом. Например, василиски. В греческой мифологии упоминаются Медуза Горгона и Персей, использовавший крылатые сандалии и шлем-невидимку, чтобы с ней справиться. Ему удалось победить Горгону с помощью сверкающего щита, который дала ему Афина, — тихим голосом пояснил Оливер. — Персей знал, что если посмотрит Медузе в глаза, то окаменеет.

— Спасибо за урок мифологии, но мы не собираемся встречаться с существом, превращающего в камень, — грубо оборвал его Лайнел. — Если бы то, что рассказала нам эта женщина было правдой, то банши, скорее, убила бы нас вызвав остановку сердца.

«Это было бы быстрее, чем от выстрела в упор, — подумал он про себя, чувствуя под повязкой легкое жжение раны, которая еще не до конца затянулась. — И гораздо достойнее».

— У нас еще будет время обдумать, как разобраться с этим созданием, если однажды встретимся с ней лицом к лицу, — успокоил его Александр и поставил чашку на стол. — Что действительно важно, так это информация о том, что МакКоннал хотел завладеть замком. Вам не показалось странным, насколько вдова ненавидит О'Лэри? Вы заметили с каким выражением лица она говорила о Рианнон?

— Ревность? — предположил Лайнел. — Возможно, что дружеские чувства, которые наш приятель Ферчэр испытывал к О'Лэри распространялись и на постель хозяйки замка?

— Нет, — отрезал Александр так уверенно, что Лайнел удивленно приподнял бровь. — Не думаю, что дело в этом. Хоть тебе и трудно в это поверить, но существует много чего помимо секса...

— Меня приводит в бешенство каждый раз, когда мисс О'Лэри называют умалишенной, — еле слышно прошептал Оливер. — Кажется, все жители этой проклятой деревни решили опорочить мои воспоминания о ней, которые я хочу унести с собой.

— Оливер, да поняли мы уже, что ты в ухажеры набиваешься к мисс О'Лэри, — заверил его Лайнел, и посмотрел на Александра самым выразительным из своего репертуара взглядом: — Так что там еще бывает помимо секса?

Когда Лайнел произносил последние слова, в гостиную вошла мисс МакКоннал. Она выглядела измученной после произошедшего инцидента с матерью, но, услышав разговор англичан, покраснела. Александр встал с кресла.

— Все в порядке? — обеспокоенно спросил он. — Я надеюсь, это не из-за нас она...

— Не волнуйтесь за мою мать, — ответила мисс МакКоннал. Она медленно подошла к креслу, на котором перед этим сидела Брианна, и снова села на подлокотник, словно ничего не случилось. — Я уже говорила вам, что она переживает нелегкие времена. Наш дом был переполнен людьми. Думаю, ей надо побыть одной, привести в порядок мысли, принять, наконец, кончину мужа. И поплакать, поплакать как все мы. Ни к чему заковывать себя в броню, которой не верит никто, кроме нее. В глубине души она такой же человек, как и я.

Она умолкла на какое-то время. Встала, чтобы задернуть темно-синие шторы — уже начало темнеть.

— Вы получили мое письмо, — вдруг сказала она, не отрывая взгляда от пустынной площади.

Александр замер, обдумывая слова Мэри. Осознав смысл сказанного, он, пораженный, посмотрел на женщину.

— Хотите сказать, что это вы...? — вымолвил он.

— Не может быть, — пробормотал удивленный Оливер. — Отправителя письма зовут Лиза Спиллэйн. Ваша мать представила вас как Мэри МакКоннал!

— Да, именно так меня окрестили, — согласилась она, покраснев еще больше. — Но я не посмела подписаться своим настоящим именем. И вряд ли моя мать отправила бы не подписанное письмо, да еще с такими подробностями о смерти моего отца. Лиза Спиллэйн — это имя я

использовала в детстве, подписывая сказки, которые придумывала втайне от всех. Мой, своего рода, псевдоним.

— Ничего себе, да у вас настоящий талант к придумыванию правдоподобных историй, — съехидничал Лайнел. — Вы даже написали, что живете с мужем!

Мэри МакКоннал опустила голову.

«Похоже, это ее привычный жест. Вся жизнь со склоненной головой, вся жизнь в тени», — догадался Александр.

— Надеюсь, вы не подумаете про меня плохо за этот обман. Я даже не думала, что вы серьезно отнесетесь к этой истории. Но я не знала, что еще можно было сделать, чтобы облегчить боль моей матери и покончить раз и навсегда с этой всеобщей одержимостью банши, бродящей по окрестностям. Я прочитала о ваших успехах в журнале *«Light»*, профессор Куиллс, — наконец, она посмела посмотреть ему в глаза. — Это было потрясающе. Вы не представляете, как я восхищаюсь такими мужчинами, как вы, которые не боятся называть вещи своими именами даже тогда, когда мало кто в это верит.

— Я очень благодарен вам за то, что связались со мной, мисс МакКоннал. Вы даже не представляете, насколько, — заверил ее Александр.

Мэри МакКоннал улыбнулась и ее лицо изменилось до неузнаваемости. Казалось, оно осветилось изнутри.

— Что ж, возможно, это слишком преждевременно, но я, все-таки, спрошу. Вы уже пришли к какому-либо выводу насчет банши? Как же нам ее поймать?

— Поймать? — удивленно переспросил Лайнел и переглянулся с друзьями. — Разве это возможно?

— Сильно сомневаюсь в этом, — медленно ответил Александр. — Особенно учитывая, что это не обычный дух. Думаю, что сначала мы должны выяснить причины ее появления, почему она решила объявить о смерти Ферчэра МакКоннала, если он не принадлежит к ее клану, а просто пришел в Маор Кладейш с визитом.

— Или почему она убила его, по версии моей матери, — добавила Мэри МакКоннал.

— Если банши действительно сделала это лишь за его присутствие в замке той ночью, то дело может оказаться куда более щекотливым, чем мы думаем, — вступил в разговор Оливер.

— Более щекотливым, Твист? Что ты имеешь в виду? — спросил Лайнел.

— Да просто... Вам не кажется любопытным тот факт, что первым человеком, смерть которого провозгласила банши, помимо членов клана О'Лэри, стал тот, кто хотел заполучить замок? Как вы думаете, почему она решила это сделать?

Лайнел сразу понял, о чем говорил Оливер.

— Потому что для нее это что-то личное. Она не хочет допустить, чтобы замок перешел в чужие руки. Миссис МакКоннал рассказывала нам, что банши сопровождает владельцев замка из поколения в поколение.

Мэри МакКоннал поднесла руку к шее испуганным жестом.

— Если то, что вы говорите — правда, — промолвила она, — то решение отца — свело его в могилу. И как бы мне не хотелось обвинить О'Лэри в том, что случилось, тем не менее, я не могу не пожалеть их. Боюсь, они навсегда прикованы к своим руинам. Никто не позарится на этот проклятый дом!

— Может, так и есть, — задумчиво произнес Александр. Лайнел и Оливер перевели взгляд с Мэри на Александра. — И, может, ваше письмо — это последняя возможность попытаться сделать хоть что-то.

К удивлению своих друзей, он стремительно встал, словно собирался ринуться в бой. Его лицо выражало непоколебимую решительность.

— Думаю, нам лучше прямо сейчас отправиться в Маор Кладейш.

Глава 14

Они попрощались с Мэри МакКоннал, пообещав вновь встретиться с ней дома, если позволит Брианна, либо в «Золотом горшке», если придется делать это в тайне. Журналисты снова пересекли Киркёрлинг. Лайнел и Оливер тащились позади Александра, пытаясь не отстать.

— Может, объяснишь нам, наконец, что ты задумал?

— Я не уверен, что это сработает, Лайнел, — ответил профессор, пока они проходили через кладбище, повторяя маршрут, который прошел Оливер под руку с Джемимой. Только на этот раз они миновали ворота и шли по владениям О'Лэри до самого замка. — Это настолько рискованная идея, что это может выйти нам боком. Тем не менее, мы должны попытаться. Как ради газеты, так и ради О'Лэри.

Пока они находились в доме МакКонналов, поднялся сильный ветер, и теперь плющ, покрывающий, словно короста, стволы деревьев и садовые скульптуры, казалось, дрожал от страха. Оливер тоже вздрогнул, когда увидел каменные лица, так похожие на те, что он видел в кошмарном сне.

— Кажется, мы решили больше сюда не возвращаться...

Он не хотел признаваться самому себе, но возможность вновь увидеть

Эйлиш Ни Лэри невероятно взволновала юношу.

— Беру свои вчерашние слова обратно, — ответил Александр. В конце тропы только что показался замок, виднеющийся сквозь колыхавшиеся от все усиливающихся порывов ветра ветви. — Я не могу ничего обещать, но если мое предложение покажется миссис О'Лэри интересным, то мы как никогда приблизимся к разгадке нашей истории.

Оливер и Лайнел переглянулись. Они поняли, что расспрашивать бесполезно и прибавили шаг. Наконец, англичане достигли ворот и Александр дважды постучал.

Им пришлось ждать почти пять минут. Они уже, было подумали, что в Маор Кладейш никого нет, когда, наконец, одна из створок скрипнула на ржавых петлях и показалась голова толстой кухарки Мод, как называла ее миссис О'Лэри. Казалось, что она была сильно удивлена, вновь увидев их.

— Прошу прощения за столь беспокойный день, — поприветствовал ее Александр, тяжело дыша после пробежки. — Мы хотели бы еще раз поговорить с вашей хозяйкой.

— Ее сейчас нет дома, — озадаченно пробормотала кухарка.

— Нет? — удивленно спросил Александр. — Она уехала из Киркёрлинга?

Мод покачала головой. Она спустилась по ступенькам и показала рукой направо, в сторону сторожевой башни.

— Она на заднем дворе, вместе с дочерью и Джемимой... Они что-то говорили насчет кур.

— Спасибо, — мгновенно ответил Александр и жестом пригласил Лайнела и Оливера следовать за ним.

Они оставили в дверях все еще недоумевающую кухарку и пошли по едва различимой тропе, ведущей на задний двор Маор Кладейш. Журналисты не замедлили найти то, что искали: импровизированная конструкция с соломенной, как у деревенских хижин, крышей, прилепившаяся к стене замка словно фурункул. Дверь была открыта и оттуда были слышны женские голоса, сливавшиеся со звуком ветра. Когда мужчины вошли, на них обрушился концентрированный запах дюжины птиц, которые кружили вокруг Рианнон. Она стояла посреди курятника, проверяла насесты и передавала найденные яйца Джемиме, которые та складывала в передник. В это время мисс О'Лэри сидела на ограде и царапала что-то в тетради, лежащей у нее на коленях, ничуть не заботясь о том, что ее серое платье может испачкаться по вине сновавших у ее ног птиц. Когда визитеры вошли, Рианнон и Джемима разговаривали на гэльском, но, заметив их присутствие, Джемима воскликнула:

«Посмотрите, кто вернулся!» и обе О'Лэри повернулись в сторону прибывших.

Рианнон уронила руку, которой шарила в насестах. На ее щеках выступили красные пятна, глаза метали молнии. Александр легко догадался почему: для человека, подобного ей, было настоящим оскорблением то, что ее застали в облике крестьянки, несмотря на то, что даже повязанная на голову косынка ничуть не умаляла ее достоинства и поистине королевского величия.

— Да уж, это именно то, чего мне сегодня не хватало. Нам повезло, Джемима. Если вы пришли нам помочь, то мы с удовольствием предоставим вам передники.

Александр не смог сдержать улыбку. Именно такой реакции он и ожидал.

— Я понимаю, что вы не очень-то рады снова нас видеть, миссис О'Лэри...

— Я совершенно не рада видеть вас, — без обиняков ответила Рианнон. — Мне казалось, я ясно выразилась, что вы — нежеланные гости в моем доме. Зачем вы вернулись?

— Затем же, что и вчера. Только теперь я представлю все в гораздо более выгодном свете, как для вас, так и для вашей дочери.

— Боже мой, какая забота! Сгораю от желания услышать ваше предложение!

Мисс О'Лэри слезла с ограда. Она, как и прежде, не обращала внимания на разговор: ее серые глаза смотрели на Оливера так пристально, что тот застыл на месте.

— Ну же, говорите что хотели, — настаивала Рианнон. — Впрочем, боюсь, за прошедшие двадцать четыре часа я не изменила своего мнения — на кону наша честь.

— Никто не говорил, что ваша честь будет под угрозой. Скорее, это будет спасением для вас всех. Единственным выходом в сложившейся ситуации.

В ответ на его дерзкие слова Рианнон побагровела еще больше и возмущенно вскинула брови.

— Послушайте меня, — продолжал Александр. — Понимаю, что мы оскорбляем вас, явившись вот так, без приглашения и не спросив вашего мнения о том, что мы собираемся делать. Знаю, вы считаете, что если за пределами Киркёрлинга станет известно о том, что случилось в Маор Кладейш, то вы никогда не сможете избавиться от этой собственности, так как это отпугнет потенциальных покупателей. Я предлагаю вам написать

статью о банши, не упоминая о вашем соседе. Мы напишем только то, что вы позволите.

Рианнон помолчала несколько минут, и, наконец, ответила:

— Признаю, что ваше нынешнее предложение сильно отличается от вчерашнего. Только пока мне не очень ясно, какая нам от этого выгода.

— Реклама, — вступил в разговор Оливер, понявший замысел Александра. — Реклама, которая расскажет всем о Маор Кладейш по ту сторону моря. Возможно, в Ирландии у замка дурная слава и поэтому никто не осмеливается его купить, а вот в Англии ситуация совершенно иная. Подумайте о том, сколько народу привлечет романтическая легенда о неприкаянной душе, бродящей по замку!

— Вообще-то, это не неприкаянная душа, вы уже в курсе, — посчитала необходимым напомнить Рианнон. — Я не представляю, кто может посчитать ЭТО романтическим...

— А вот я всегда именно так и считала, — неожиданно вмешалась Эйлиш. — Многим нравится преодолевать страх, читая легенды о заколдованных домах. Помнишь американскую историю «Кентервильское приведение», в которой семья купила дом, несмотря на то, что в нем обитал дух, терроризировавший предыдущих владельцев?

Оливер был готов расцеловать ее. Рианнон нервным движением провела рукой по голове, снимая косынку, в то время как куры непрерывно кудахтали, путаясь у нее под ногами.

— Если вы все еще сомневаетесь, мы можем показать на что способны, — вмешался Лайнел. — Мы можем отправить письмо в редакцию «*Dreaming Spires*», чтобы они напечатали в следующем номере заметку о том, что мы скоро опубликуем историю о самом загадочном доме Ирландии. Доме, который — вы не поверите — продается прямо сейчас! Через пару дней у вас с руками оторвут Маор Кладейш, миссис О'Лэри.

— По-моему, вы слишком самоуверенны, — перебила его Рианнон, по-прежнему хмуря брови. — Как-то мне не верится, что «*Dreaming Spires*» может привлечь столько...

— У нас есть связи в других газетах, — прервал ее Александр. — Некоторые из них — национального уровня. Это значит, что они могут оказать нам услугу и перепечатать нашу статью со ссылкой на оригинал. Только представьте, что может произойти, если «*Pall Mall Gazette*» упомянет о вашей истории? Или даже сам «*Times*»?

Рианнон нервно сглотнула. Прежде чем журналисты смогли добавить что-либо еще, Эйлиш подошла к матери бесшумно, словно тень.

— Ты всегда говоришь, что мы задыхаемся в Киркёрлинге, что мы должны начать новую жизнь в другом месте. Почему бы не попытаться использовать эту возможность?

Рианнон задумчиво погладила девушку по голове. Женщины смотрели друг на друга, не отрываясь, несколько мгновений. Это был молчаливый диалог между матерью и дочерью, из которого трое мужчин и Джемима были полностью исключены. Наконец, Рианнон нарушила молчание, сказав:

— Я уверена, что в итоге пожалею об этом. Но вы правы в том, что мы не можем продолжать жить заточёнными в этом каменном гробу, в который превратился Маор Кладейш. Ирландцы, как вы уже, наверное, заметили, очень суеверны. Не думаю, что после того, что произошло здесь с МакКонналом, хоть кто-то посмеет ступить на эти земли, — она вздохнул, сложила свою косынку и положила ее в карман передника. — Думаю, нам лучше вернуться. Мы слишком взбудоражили кур.

Троица друзей поняла, что это было завуалированное «Я согласна», поэтому они радостно заулыбались за спиной Рианнон. Она жестом пригласила их следовать за ней и открыла грубую деревянную дверь в той же стене замка, к которой примыкал курятник. Вереница полуразрушенных ступеней вела на кухню.

— Можете остаться с нами, пока ведется расследование, разумеется, — сказала Рианнон, заводя руки за спину, чтобы развязать передник. Она бросила его в корзину для грязного белья, стоящую под большим деревянным столом, заставленным щербатой кухонной утварью. — Джемима, иди в дом твоего отца и прикажи доставить сюда их багаж. Я скажу Мод, чтобы она приготовила комнаты.

— Миссис О'Лэри, не стоит так беспокоиться, — запротестовал Александр. Его напарники также выглядели несколько обескураженными. — Мы даже в мыслях не держали остановиться здесь. Мы думали жить в Киркёрлинге...

— Чтобы каждый вечер соседи одолевали вас вопросами? — холодно ответила Рианнон. — Чтобы все вокруг были в курсе того, что происходит в моем доме? Нет уж, благодарю покорно. Избавьте меня от этой перспективы.

— То есть мы превратимся в ваших узников? — спросил развеселившийся Лайнел.

— В какой-то мере. Не забывайте, что будете работать на меня, так что нравится вам или нет, но именно я ставлю условия. Это мое последнее слово.

Оливер улыбнулся. Эйлиш прикрыла свои губы тетрадью, но радость в глазах выдавала ее с головой. Александр кивнул.

— Хорошо, только у меня тоже есть одно условие: пока мы находимся здесь, разрешите взять на себя расходы на наше содержание. Я не позволю, чтобы из-за нас вам пришлось кормить еще три рта.

— Не говорите глупостей, профессор Куиллс. Я и сама более чем в состоянии...

— У вас сейчас непростые времена, — напомнил ей Александр. — А нам это не принесет никаких дополнительных финансовых затрат. Я уверен, мои друзья согласятся со мной. Так нам будет гораздо комфортней. — Оливер кивнул, Лайнел, которого никогда не волновали подобные щепетильные вопросы, молча согласился, чтобы поддержать остальных. Александр повернулся к Джемиме. — Мисс Лоулесс, я должен дать вам еще одно поручение прежде, чем вы уйдете. Поговорите со своим отцом, чтобы помимо багажа нам доставили хороший запас провизии. Прежде всего, мясо, рыбу и фрукты. Так мы дадим небольшую отсрочку несчастным курам.

— Картошку можно не привозить, — добавил Лайнел. — Как-нибудь проживем без нее.

Джемима, сдерживая смех, накинула на плечи шаль и вышла из кухни. Александр протянул руку Рианнон.

— Договорились? — спросил он. Женщина помедлила немного с ответом.

— Договорились, но только на несколько дней. Даже не мечтайте, что если все пойдет так, как вы задумали, то мы будем у вас в долгу и позволим остаться тут навечно.

— Какая жалость! — прокомментировал Лайнел, вальяжно прислонившись к стене. — А мы уж было нацелились заделаться вашими верными защитниками. Рыцари Круглого стола Сэр Персиваль, сэр Галахад и сэр Борс — денно и нощно на страже четырех прекрасных беззащитных дам!

— Пятерых, — печально улыбнувшись поправила его Рианнон. — Кажется, вы о ком-то забыли.

И, словно в подтверждение ее слов, буря, сотрясавшая Маор Кладейш, встряхнула ветви растущих вокруг деревьев и их шорох напомнил женский голос... шепот некоего создания, которое требовало для себя место, как в мире живых, так и в мире мертвых.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Маор Кладейш

Глава 15

Почти пробило полночь, когда Лайнел как можно бесшумнее покинул отведенную ему Рианнон спальню. Он прислушался, доносятся ли какие-нибудь звуки из комнат Оливера и Александра, но по другую сторону дверей стояла полная тишина. Лайнел оживился услышанным и осторожно пошел по погруженному во тьму коридору, пользуясь изредка пробивающимся сквозь тучи лунным светом, чтобы не споткнуться о многочисленные доспехи — молчаливых стражей, расставленных в каждом углу.

На самом деле, замок был в еще более плачевном состоянии, чем показалось сначала, и это была одна из основных причин, почему он не мог спать. Разве можно уснуть под выцветшим балдахинном, напоминавшим Лайнелу кладбищенский покров, в спальне с каменными стенами, в которой невозможно не дрожать от холода, как ни разжигай камин. К счастью, благодаря решению Александра взять на себя расходы на содержание во время их проживания в Маор Кладейш, они хотя бы смогли насладиться отличным ужином. Раз уж в замке теперь проживало на три человека больше, Рианнон распорядилась чтобы Джемима оставалась ночевать в комнате для прислуги вместе с Мод. Обе закрылись на кухне и приготовили великолепного копченого лосося со сливочным маслом, которого подали ровно в восемь часов в унылой столовой на первом этаже под готическими сводами, похожими на тяжелую окаменевшую паутину.

Интересно, что Оливер вовсе не разделял мнение Александра и Лайнела о поблекшем убранстве Маор Кладейш. Во время ужина он обозревал все восторженным взором, а когда Рианнон провела их в зеленую гостиную, в которой принимала визитеров днем раньше, его восторг возрос еще больше. Там хозяйка дома подала им выпить и попросила свою дочь сыграть для гостей на большой золоченой арфе. Не сказавшая до сих пор и пары слов Эйлиш, сняла перчатки, провела пальцами по струнам и запела. Все присутствующие обратились в слух, даже Лайнел отложил опустошение своего бокала до окончания выступления. Девушка, без сомнения, была невероятно талантлива: ее руки мастерски причесывали волосы арфы, ее голос, прерывистый в начале, возвысился над шумом ветра, как если бы древние кельтские барды пели через нее. Эйлиш пела «*Caoineadh Airt Uí Laoghair*», в которой рассказывалось о жене, рыдающей над телом своего мужа, убитого английским офицером в графстве Корк. Для незнающих гэльского Лайнела и Александра исполнение девушки было лишь приятным

времени препровождением, а вот для Оливера оно стало важным поворотным моментом в жизни — он, к сожалению или к счастью, понял, что влюблен.

Лайнел не переставал вспоминать блаженное выражение лица друга, когда они прощались перед тем, как разойтись по комнатам. *«Бедный парень»*, — думал он, поворачивая на одну из покрытых ковром артерий, ведущих в холл, в тот момент, когда пробило полночь. Он неслышно посвистывал, оставляя за спиной доспехи, щиты с гербами, мечи и оленьи рога, украшавшие стены. *«Он не слушает, если мы скажем, что он зря теряет время. Это увлечение не оставит после себя хороших воспоминаний. Это будет одним из величайших разочарований в его жизни»*.

У Лайнела были свои, скрытые от остальных, причины для посещения замка. Он был уверен, что хозяйка замка не будет в восторге, если он хорошенько тут все осматривает на предмет ценных вещей, принадлежавших клану ее мужа. Времяпрепровождение в Киркёрлинге вполне себе походило на приятный отпуск, но Лайнел не забывал, что по возвращении в Оксфорд ему снова придется искать источники дохода, раз уж с графом Ньюберрийским ничего не вышло. Было бы неплохо убедить Рианнон отдать ему то, что ему понравится для перепродажи. Разумеется, за проценты.

Мужчина спустился по лестнице, держась за стену, чтобы не упасть и вдруг оказался в верхней части холла. Немногие оставшиеся картины и выцветшие гобелены не особенно вдохновляли искателя наживы. *«Здесь обязательно должно быть что-то ценное, — сказал он сам себе, направляясь к центру зала. — Рианнон не могла успеть продать все за годы, прошедшие после смерти мужа. Если бы ее имя часто мелькало на дублинских торгах, я бы об этом обязательно знал»*. Вдруг, что-то прервало ход его мыслей. Лайнел притих и даже сдержал дыхание: он только что услышал нечто странное. Нечто, похожее на стон. Лайнел нервно сглотнул и огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что находился в холле один. Никого не было и никто его не преследовал. Но звук не был плодом его воображения. Лайнел снова что-то услышал, на этот раз еще ближе: ни с чем несравнимый плач женщины, бродящей по замку из стороны в сторону. Странное бормотание донеслось до его ушей, и мужчина почувствовал, как по его телу побежали мурашки. Кажется, что-то было в той комнате, рядом с которой он остановился.

Лайнел попятился и коснулся спиной один из висевших на стене гобеленов. Его покрывшиеся холодным потом руки вцепились в тяжелые складки, словно они могли помочь ему удержаться на ногах. Планы

нажиться на антиквариате Рианнон выскочили у него из головы, все, что он сейчас ощущал, это панический ужас перед чем-то, что в его воображении вовсе не было связано с банши, а приняло облик закутанного в балахон человека, направившего дуло пистолета прямо в сердце Незнакомца, который на этот раз уж точно не промахнется. Лайнел чуть не подпрыгнул на месте, когда снова услышал стон, на этот раз со стороны садов. Искатель приключений понял, что не может ждать сложа руки, пока его таинственный враг завершит то, что начал в Италии и продолжил в Египте.

« Я не позволю ему убить себя как труса . Если хочет влечь мне пулю между глаз — прекрасно , только пусть он это сделает , глядя мне в глаза , чтобы воспоминания об этом преследовали его всю жизнь . Хотел бы я стать привидением после смерти ».

Лайнел бросился к входной двери, но, как он и предполагал, Рианнон заперла ее на ночь, и не было никакой возможности ее открыть. Лайнел выругался и вошел в маленькую комнату справа от холла. Возможно, ранее здесь обитала экономка замка, судя по веренице колокольчиков на стене. К счастью, здесь было не очень прочное на вид окно — сильному мужчине хватило меньше минуты, чтобы высадить его и выйти наружу. Спрыгнув с подоконника, Лайнел обнаружил, что пока они ужинали, на гору опустился густой туман, и мужчине пришлось вытянуть вперед руки, чтобы понимать куда идти. Ситуация начинала вызывать у него больше ярости, чем страха.

— Где ты прячешься, дьявольское отродье? Чего ты ждешь? Я не собираюсь тебя всю ночь искать! — заметив, что голос стихает, Лайнел, запыхавшись, остановился посреди тропы, ведущей на задний двор замка. — Ты все еще там? В чем дело, ты слишком робка, чтобы...

Слова застряли у него в глотке. Лайнелу показалось, что у него остановилось сердце, когда он увидел в нескольких метрах от себя женский силуэт, виднеющийся меж скрученных стволов вязов. Ему пришлось схватиться за одну из нависавших над ним веток, чтобы не упасть.

Банши не сдвинулась с места даже тогда, когда Лайнел, после долгих колебаний, попытался с ней заговорить. Клубящийся вокруг них туман сглаживал очертания, но Лайнел разглядел, что на ней была белая или светло-серая одежда. Он сделал шаг ей навстречу, потом еще один и понял, что банши его не замечает. Она закрыла лицо ладонями и беззвучно плакала, туман окутывал ее волосы, покрывающие плечи словно накидкой.

И вдруг, произошло нечто, почти парализовавшее Лайнела. Скачущий с ветки на ветку воробей сел на цветочную корону, украшавшую голову видения, клюнул пару раз в лоб и полетел дальше в сторону крепостной

стены Маор Кладейш. Лайнел почувствовал себя полным идиотом. То, что он принял за банши О'Лэри, оказалось одной из садовых скульптур. Это была проклятая каменная статуя, которая не могла бы ответить на его вопросы, даже если бы он кричал.

«Эта история сведет меня в могилу, — сказал он себе, чувствуя, как краснеет от стыда. — Даже представлять не хочу, как бы смеялись надо мной Александр с Оливером».

— Мистер Леннокс, что вы тут бродите в такой холод?

И снова Лайнел ощутил, как у него участился пульс, но, обернувшись, увидел, что и на этот раз с ним разговаривал вовсе не призрак. Оказалось, он остановился совсем рядом с дверью на кухню, рядом с которой сидела Джемима в ночной рубашке, шалью на плечах и сигаретой в руке. Никогда Лайнел не думал, что будет так радоваться встрече с ней.

— Как вы можете оставаться такой спокойной? — воскликнул Лайнел, у которого до сих пор слегка дрожали ноги. — Разве вы ничего не слышали? Она плачет уже почти четверть часа!

— Это вы про кого? — спросила Джемима, удивленно приподняв бровь.

— Про кого же еще, про банши, конечно! Говорю вам, я слышал ее! Я был в холле и вдруг услышал ее рыдания, и мне показалось, что она в доме, но когда я услышал ее снова, я понял, что звук идет снаружи и...!

— Она не рыдала, мистер Леннокс, — спокойно ответила ему Джемима.

Лайнел посмотрел на нее, вытаращив глаза. Она издевается над ним?

— По-моему, сейчас не до шуток, Джемима. Я знаю, что банши была здесь.

— Разумеется, она была здесь, — согласилась девушка. — Но она не рыдала. Во всяком случае, совсем не так, как перед чьей-то смертью. Можете быть спокойным.

— Это были именно треклятые рыдания. Не будете же вы утверждать, что у вас все ее звуки каталогизированы?

— Не настолько, конечно, но одно дело ночные бормотания, и совсем другое — жалобный плач накануне чьей-либо смерти. Вы хоть слушали меня вчера в пабе? — спросила Джемима Лайнела несколько обвиняющим тоном. — Каждый раз когда я выходила из Маор Кладейш, чтобы идти ночевать в доме отца, я все время слышала ее также как и сегодня. А когда умер мистер МакКоннал, она плакала совсем по-другому. Это действительно были рыдания. Слышали бы вы! Просто мороз по коже.

Лайнел еще немного сомневался, но Джемима выглядела настолько

уверенной в том, что говорила, что он, наконец, позволил себе выдохнуть. Было большим облегчением узнать, что никто не предрек его кончину в ближайшие пару часов. Впрочем, это не гарантировало избавления от преследователя. Тем не менее, он ощущал такой душевный подъем, что был готов подхватить Джемиму на руки и кружить с ней по саду.

Присмотревшись поближе, Лайнел заметил, что девушка в плохом настроении, точно таком же, как и накануне, когда визитеры прощались с ней и Мод прежде, чем удалиться в гостиную вместе с Рианнон. Днем Джемима была весела и болтлива, как обычно, но во время сервировки ужина ее настроение резко испортилось, и у Лайнела были догадки о причинах таких перемен.

— Я знаю, что уже слишком поздно, чтобы болтаться по улице среди тумана, но я удивлен, что и вы все еще не спите. Всех нас ждут напряженные дни.

— Я не могла уснуть и решила выйти покурить, — ответила Джемима, рассеянно крутя сигарету меж пальцев. — Старый Кевин дал мне пару сигарет на прошлой неделе, но если моя хозяйка увидит меня курящей в замке, то живьем с меня шкуру спустит. Она не выносит запах табака.

Пока они разговаривали, сигарета закончилась, так что девушка со вздохом поднялась, раздавила окурок ногой и пнула его так, что тот улетел в заросли.

— По-моему, с вами что-то происходит...

— Бывали дни и получше, — кивнула Джемима, избегая взгляда Лайнела. — Не волнуйтесь, скоро пройдет. Здесь мне хоть не надо терпеть присутствие Фионы.

Лайнел, не отрываясь, смотрел на пляшущую на спине девушки бахрому шали, пока Джемима заходила на кухню. Он последовал за ней, стараясь не шуметь.

— Вы будете смеяться надо мной, но на мгновение я подумал, что слышу рыдание не банши, а женщины из плоти и крови. А когда увидел у двери вас, то подумал, что плакали вы. Впрочем, теперь я вижу, что ошибался.

Как он и предполагал, девушка застыла на месте, так и не закрыв дверь.

— Прошло много лет с тех пор, как я плакала в последний раз. С чего бы мне плакать теперь?

— Ну, думаю, что ни одной женщине не понравится наблюдать, как мужчина, в которого она влюблена, падает у ног соперницы, — попытался спровоцировать ее Лайнел.

Услышав его слова, Джемима покраснела. Она проверила, хорошо ли задвинут железный засов с неуместной энергичностью, и только после этого подошла к Лайнелу, мечая молнии яростным взглядом. В кухне царила почти полная темнота, единственным источником света была свеча, которую Джемима оставила на столе прежде, чем вышла в сад.

— Для начала, я вовсе не влюблена в мистера Сандерса, если вы имели ввиду именно это. Я разве что слегка с ним пофлиртовала...

— Это был довольно бесстыдный флирт, — заявил Лайнел, — по-моему, все жители Киркёрлинга заметили, как выставляли ему напоказ свою грудь. — Увидев, что Джемима открыла рот от изумления и ярости, добавил с улыбкой: — Я вас уверяю, это было потрясающее зрелище. По-моему, никто из присутствующих в пабе не жаловался...

— Да вы настоящий мерзавец! — воскликнула Джемима, швыряя ему в лицо забытое Мод подпорченное яблоко. Лайнел тихо засмеялся и поймал его на лету. — В чем я меньше всего сейчас нуждаюсь, так это чтобы мне бредили раны. Но раз уж вы заговорили об этом... Вы и правда думаете, что мистер Сандерс влюблен в мисс О'Лэри?

— Да, я действительно так думаю, — ответил Лайнел, разглядывая яблоко на предмет его съедобности. — Я впервые в жизни говорю подобное с уверенностью. Я слишком хорошо его знаю.

— Да, но почему именно она? Потому что из хорошей семьи? Или он считает ее красивой?

— По многим причинам, Джемима, — ответил Лайнел, возвращая на место яблоко. — Оливер всегда был романтиком, идеалистом с головы до ног. Он живет в мире, который не совпадает с его представлением о плохом и хорошем, так что он предпочитает жить в своем собственном мире. Ему кажется, что если он воздвигнет вокруг себя невидимый барьер, то никто не сможет причинить ему боль. Оливер грезит наяву и фантазирует. К сожалению, он пришел к выводу, что в реальном мире не существует идеальной любви как в романах, поэтому пару лет назад он перестал надеяться и искать. Парню вполне хватало его книг, рукописей и искусства. И вдруг, приехав в Маор Кладейш, встречает мисс О'Лэри в садах и путает ее с банши, которую ранее возвел на алтарь женской красоты. А уж когда оказалось, что мисс О'Лэри — реальна настолько, что, кажется, чувствует к нему тоже самое, что и он к ней, судя по ее взглядам. Мало того, она тоже обожает Оскара Уайльда!

Лицо Джемимы так напоминало огорченного ребенка, что Лайнел не мог сдержать улыбку. Он обошел вокруг стола, подошел к девушке и убрал с ее лица непокорный локон.

— Да не волнуйтесь вы так, — вкрадчиво продолжил Лайнел. — Они лишь потеряют зря время. За пару недель мы соберем всю необходимую для написания статьи информацию и вернемся в Оксфорд... на этом роман закончится.

— Вы так думаете? — произнесла Джемима с искрой надежды в глазах.

— Я совершенно в этом уверен. Эти отношения ни к чему не приведут, и так будет лучше для Оливера. Он вернется к своей прежней жизни и превратит мисс О'Лэри в идеал. Возможно, он обессмертит ее в одном из своих готических рассказов для «*Dreaming Spires*». Он будет невыносим, вновь и вновь говоря о ней, но мы, как его друзья, выдержим и это. Более того, глупо надеяться, что миссис О'Лэри сочтет Оливера достойной партией для своей дочери.

Джемима выглядела сбитой с толку. Она так внимательно слушала Лайнела, что не заметила, насколько медленно тот заправляет локон ей за ухо.

— Что вы имеете в виду? Разве мистер Сандерс не благородный джентльмен?

— Да бог с вами, с чего вы это взяли? — чуть не рассмеялся Лайнел. — Нет, конечно! Он — круглая сирота, Джемима! И если бы Филологическое общество Великобритании не доверило ему работу над благословенным словарем латинских фраз, ему даже помереть было бы негде. Его комната в Бейлиол-колледже поместилась бы в четвертой части этой кухни! Вы и вправду думаете, что он может себе позволить жениться на Эйлиш?

Джемима не знала что и сказать. Услышанное повергло ее в такой шок, что Лайнел понял — в ее радужных мечтах о совместной жизни с Оливером явно присутствовал крепкий дом, экипаж и парочка слуг.

— У меня просто нет слов! — призналась она, хотя выражение ее лица говорило, скорее, об облегчении. — Мне очень жаль, что у него столь скромные перспективы на будущее, но я рада, что вы мне об этом рассказали. Надеюсь, что они хотя бы неплохо проведут время вместе... ну, вы понимаете о чем я.

— Разумеется, я понимаю, — плотоядно ухмыльнулся Лайнел, — но не думаю, что до этого дойдет.

— Да неужели. Думаете, она не позволит? — спросила повеселевшая Джемима.

— Думаю, что он не захочет. Разве я вам только что не сказал, что Оливер — идеалист? Зачем ему спать с мисс О'Лэри зная, что это никогда

не повторится снова?

Джемима задумалась: подобные вещи ускользали от ее понимания.

— Ну, ради того, чтобы сделать это хоть раз. Чтобы вернуться домой зная, что водрузил свое знамя... — и сама же рассмеялась от своей метафоры.

Лайнел тоже рассмеялся. Легкий храп напомнил им, что Мод спала совсем рядом с кухней. Лайнел подошел к Джемиме поближе, чтобы не было необходимости говорить громко, при этом не заметил, чтобы это доставило девушке какие-то неудобства.

— К счастью для тебя... Думаю, можно называть тебя на «ты», раз уж мы добрались до этой стадии, не правда ли? — девушка кивнула, не переставая улыбаться. — К счастью для тебя, не все мужчины подобны твоему обожаемому Оливеру. Некоторые из нас предпочитают наслаждаться настоящим и... водружать наши знамена.

— Да что ты говоришь, — ответила Джемима тем же провокационным тоном. — Значит, я должна еще больше радоваться тому, что ты дал мне понять насколько вы с Оливером разные.

Ветер продолжал завывать вокруг замка и бормотание банши разносилось по садам словно туман, достигая каждого растения, каждой скульптуры, но Лайнел уже не обращал внимания. Его страх трансформировался в облегчение, а облегчение — в потребность чего-то, что позволит ему ощутить себя живым. Таким же живым, как в последнюю проведенную с Вероникой ночь...

— Жизнь мужчины так коротка... не думаю, что стоит терять время на... — начал было он, но закончить свою мысль не смог. Не успел он возразить, как Джемима толкнула его в ближайший угол и Лайнел приземлился на сложенные там мешки с мукой. Он удивленно поднял глаза и увидел ее насмешливый взгляд.

— Не трать свои силы на пустую болтовню, — тихо произнесла она, снимая шаль и кидая ее на стол. — Не надо мне ничего объяснять.

Лайнел попытался ответить, но умолк, когда Джемима сняла ночную рубашку. Его взгляд блуждал по изгибам ее обнаженного тела, скользил по гладкой коже, казавшейся оранжевой в отблесках свечей, остановился на контурах больших округлых грудей, вызывавших Лайнела на молчаливый поединок, в котором у мужчины не было никакого шанса. По мере приближения девушки, дышать Лайнелу становилось все труднее. Она наклонилась к нему и рыжие кудри упали на ее лицо.

— Ты думаешь, что сможешь вести себя здесь так, как того ждет моя хозяйка? При том, что я буду все время рядом? Способен ли ты быть столь

же благородным как Оливер?

— Джемима, не провоцируй меня, — предупредил Лайнел вполголоса. Он был возбужден как никогда, но не мог забыть о том, что они не одни и если Рианнон узнает об этом, то тут же вышвырнет его из замка. — Я никогда не сомневался в твоём таланте соблазнения. То, что Оливер не обратил на тебя внимания — дело совсем не в тебе, а в нём, в его принципах. Любой другой мужчина на его месте зубами сорвал бы с тебя одежду, я и сам бы это сделал, если бы не...

— К счастью для меня, мне не придется слишком далеко идти до этого мужчины, — прошептала Джемима. — К счастью этого мужчины, ему не придется срывать с меня одежду — на мне сейчас не очень-то много надето...

Лайнел, наконец, понял, что позволил завести себя слишком далеко. Руки Джемимы ласкали его шею, опустились на грудь и остановились на пряжке ремня. *«Кто кого в итоге использует?»* — подумал он, привлекая ее к себе. Девушка заурчала от удовольствия, когда он приник к ее шее и удвоила усилия расстегивая его ремень. Их тела начали источать жар, вожделение грозило свести Лайнела с ума, если он не поддастся своим инстинктам. *«Это именно то, что мне сейчас нужно. Это единственное, что поможет забыть о том, что я все еще на волосок от смерти»*.

Влажные губы Джемимы прижались к его губам, окончательно сведя к нулю его способность мыслить рационально. На мгновение, прильнув к девушке, о которой он забудет как только вновь ступит на землю Оксфорда, Лайнел подумал, что у него получилось. Получилось забыть о преследовании глашатая Смерти, о фигуре в черном, превратившейся в его тень.

Но даже стоны Джемимы не смогли заглушить отзвуки голоса, доносящегося из садов, исполняя реквием по Лайнелу Ленноксу.

Глава 16

На следующий день, во время своего первого завтрака в Маор Кладейш, друзья решили составить план своих дальнейших действий. Александр предложил, чтобы каждый отвечал за определенный сектор работы. Лайнел, пребывавший в необычайно приподнятом настроении, вызвался изучить территорию крепости и выяснить, не скрывается ли в замке что-то, что могло удерживать здесь банши. Профессор объявил, что напишет информационную статью и отправит ее Августу, чтобы тот разослал ее в другие газеты и опубликовал на страницах *«Dreaming Spires»* вместе со статьями, подготовленными к печати еще до их отъезда в

Ирландию. Что касается Оливера, то он собирался заняться именно тем, что он больше всего любил и ему не терпелось приступить к делу.

Библиотека О'Лэри располагалась на втором этаже сторожевой башни. Она была почти такой же просторной, как и столовая, а из окна во всю стену открывался вид на сады со стороны утеса. Вдоль стен стояли шкафы переполненные книгами, некоторые из которых были такими старинными, что хранились в стеклянной витрине, ключ от которой был только у Рианнон. Оливер развязал галстук, бросил его на стол, стоящий у подоконника, и раздвинул тяжелые шторы, чтобы насладиться упоительным видом из окна.

Чтобы почувствовать запах моря, не было необходимости открывать окно. Рассвет рассеял последние клубы тумана, все еще прятавшегося в глубине сада, и в этот момент небо было столь же кристально чистым, как и морская гладь — две полосы лазури словно смотрели друг на друга. Почти четверть часа провел Оливер у окна, позволяя дерзким лучам солнца согревать своими касаниями его лицо, пока маленькие часы на столе не провозгласили десять утра. Юноша вернулся на землю и решил взяться за дело как можно скорее.

Легко сказать! Оливер не представлял с чего начать. Он оставил на столе принесенную с собой кожаную папку с чистыми листами бумаги и карандашами и подошел к первой веренице полок у ближайшей к двери стены. Его взгляд скользил по полному собранию сочинений Вальтера Скотта, антологии Чарльза Диккенса, триумvirату сестер Бронте[1], драмам Уильяма Шекспира в шелковых бордовых переплетах, комбинирующими с цветом штор...

Ирландская поэзия, в которой он не очень-то разбирался, занимала немало места рядом с мраморным бюстом Шеридана Ле Фаню[2], который, казалось, хмурил брови каждый раз, когда на него смотрел Оливер. Проводя пальцем по переплетам, он добрался до сборника рассказов Оскара Уайльда и вытащил том с полки, чтобы рассмотреть получше... и вдруг встретился с парой серых глаз, смотревших на него с другой стороны стеллажа.

— Мисс О'Лэри! — Встреча оказалась столь неожиданной, что томик Уайльда выпал из рук и Оливеру пришлось нагнуться, чтобы поднять его. — Простите, я никак не ожидал...

— Это вы должны меня простить, — тихо произнесла девушка. — Мне следовало сразу сказать, что я здесь.

Она обошла стеллаж бесшумно, словно приведение. Оливер оставался неподвижен, пока девушка не оказалась прямо перед ним. При свете дня

она показалась ему еще более упоительной с солнечными лучами, запутавшимися в ее длинных светлых волосах, ниспадавших по спине. Она была той же, что и накануне, но в то же время... выглядела более земной, намного более реальной. Казалось, утренний свет одарил ее живостью, которой ей так не хватало до настоящего момента. Теперь эта женщина уже не казалась сном, она была столь же осязаемой, как и томик Уайльда, который Оливер молча вернул на полку, не сводя глаз с Эйлиш. Прекрасную именно благодаря своему несовершенству.

— Я подумала... Моя мать сказала, что вы все утро проведете в библиотеке, и я подумала, что могла бы вам помочь найти то, что вам нужно.

— Благодарю вас. На самом деле, у вас великолепная библиотека.

— Да, — улыбнулась Эйлиш, потирая руки, облаченными в перчатки — она казалась такой же смущенной, как и Оливер. — Я все время повторяю матери, что это лучшее, что у нас есть. Единственное, ради чего стоит здесь оставаться.

— Вам не нравится в Маор Кладейш? Я понимаю, что вам не дает покоя банши, но ведь здесь так красиво!словно в самых мечтательных снах.

— Или в ночном кошмаре. Кто бы мог подумать?

Девушка обогнула глобус, стоящий у стеллажа, чтобы подойти поближе к Оливеру. Юноша почувствовал, как складки ее светло-зеленого платья коснулись его руки, когда Эйлиш наклонилась, чтобы посмотреть на корешки книг, по которым он водил пальцем.

— Вы ищете что-то конкретное?

— Я и сам точно не знаю. Что угодно, где упоминается банши: кельтские легенды, книги об ирландском фольклоре... — Оливер пожал плечами. — Хотел бы выписать сведения об этом создании, описания, накопившиеся за несколько веков в местной литературе. Если получится собрать и структурировать информацию о банши, это поможет нам лучше разобраться с ситуацией.

— Вам нужна научная фантастика или свидетельства реальных людей, видевших ее?

— Думаю, второе, по-крайней мере, сейчас. Как рассказал накануне вечером профессор Куиллс, обычно именно я пишу истории, публикуемые на страницах «*Dreaming Spires*». Предполагается, что я несу ответственность за...

Эйлиш стояла с потерянным взглядом. Она казалась столь отстраненной, что на мгновение Оливер вспомнил слова Джемимы на

кладбище о состоянии рассудка девушки, но тут же с облегчением отшел эти мысли, так как, похоже, Эйлиш просто собиралась с мыслями. Наверное, выражение его лица не особо отличалось, когда он пытался вспомнить, откуда именно он почерпнул те или иные сведения, которыми была напичкана его голова. Наконец, мисс О'Лэри сняла перчатки, бросила их рядом с галстуком Оливера и начала говорить:

— Даже мы, ирландцы, никак не можем прийти к согласию по поводу внешности подобных существ, так что можно найти самые разные мнения. Здесь, например, банши описывается как молодая и красивая девушка, завернутая в ветхую простыню, которую видят стирающей белую окровавленную одежду в пруду с красной от крови водой. — Эйлиш вытащила один из самых толстых томов и вручила его Оливеру. — А в одной из сказок она появляется в виде морщинистой старухи в черном плаще, — она вытащила еще одну книгу и бросила ее поверх предыдущей, так что Оливеру пришлось проследить, чтобы все не упало на пол. — В некоторых источниках банши — это даже не женщина. Говорят, что в одном из кланов графства Лимерик[3] есть нечто похожее — призрачная карета, мчащаяся по землям на полной скорости, словно в предсмертной агонии. Сканланы из Бэлликнокейна[4] утверждают, что в их случае речь идет о высоком столбе света, светящем словно из-под земли. Иногда это огненный шар, кружащий по комнате, зеркало, разбивающееся само по себе, кукующая посреди ночи кукушка, белая сова, колокол...

Говоря все это, девушка вытаскивала с полок книги одну за другой. Эйлиш открыла было рот, чтобы сказать что-то еще, но внезапно остановилась, и, повернувшись к Оливеру, увидела, что тот еле стоит на ногах пытаясь удержать многочисленные тома. Она подхватила несколько книг прежде, чем они могли упасть.

— Простите, пожалуйста! — она снова покраснела как девочка. — Я так бестактна!

— Не волнуйтесь, — немного растерянно сказал Оливер. — Это превзошло все мои ожидания, — он явно имел в виду не только книги. — Похоже, мне придется провести немало времени в библиотеке. Я понятия не имею что со всем этим делать!

— Давайте сядем за стол и спокойно все пролистаем. Времени у нас предостаточно.

Последующие полчаса они сидели, склонив головы над книгами, разложенными Эйлиш на столе так, чтобы солнечный свет падал на страницы, которые слишком долго простояли во тьме книжных полок. Девушка читала вслух наиболее интересные отрывки, а Оливер записывал

их, заполняя страницу за страницей заметками. Он быстро понял, что без помощи девушки он потратил бы на эту работу гораздо больше времени.

Оливер предполагал, что Эйлиш унаследовала свою любовь к литературе от Рианнон, работавшей в дублинской библиотеке, где и познакомилась с Кормаком О'Лэри. Оливер провел в библиотеках больше времени чем где-либо еще и знал, как распознать человека, который чувствует себя среди книг как рыба в воде: деликатность, с которой она переворачивала страницы; осторожность, с которой открывала старинные тома, чтобы не повредить переплет; как рассматривала следы, оставленные временем на выгравированных заголовках; как еле заметно вдыхала специфический запах типографской краски среди которого они оба выросли...

Солнце танцевало на ее светлых ресницах и на фарфоровом личике, которого не коснулись сотни сражений прочитанных и перечитанных в этой комнате. Она приоткрывала рот, когда что-то вдруг привлекало ее внимание, беззвучно проговаривала слова, открывавшиеся ее взору, при этом белоснежные зубки виднелись меж бледных губ...

— Какое оно? — вдруг спросила девушка, крутя в руках карандаш и не спуская при этом глаз с читаемой в этот момент книги. — Место, откуда вы родом.

Оливер был так поглощен любованием девушкой, что не сразу услышал ее вопрос.

— Оксфорд? — наконец выговорил он. — Вы никогда там не были?

— Я никогда в жизни не покидала этот остров, — в ее голосе промелькнула тень сожаления, то ли в адрес Рианнон, то ли к обстоятельствам ее юности. — Когда я была маленькой, мама иногда говорила, что мне было бы полезно сменить климат, но... мы так никогда этого не сделали. Так и не нашлось подходящего момента. Я часто говорю ей, что если нам все-таки удастся продать Маор Кладейш, то не стоит переезжать в Дублин как она хочет. Я устала все время видеть один и тот же горизонт, каким бы красивым он вам не казался.

Она оперлась подбородком на руки, наблюдая за пенящимися волнами. Несколько чаек кружили над садом и Эйлиш следила глазами за их полетом, словно хотела улететь вместе с ними.

— Думаю, Оксфорд вам бы понравился, — произнес Оливер после нескольких мгновений молчания. — Он не слишком большой, так что не заблудитесь. Если вы любите книги, то вам точно не будет скучно — вам обязательно понравится посещать старые университетские библиотеки, а уж прогулки по окрестностям — это просто чудо, особенно весной.

— Я уверена, что весна там — это настоящий рай, — сказала девушка, грустно улыбнувшись. — Впрочем, не думаю, что мне это необходимо, чтобы почувствовать себя счастливой. Мне будет вполне достаточно ознакомиться с Оксфордом в любое время года, хоть в дождь, хоть в жару... — она откинулась на спинку стула, продолжая говорить мечтательным тоном. — Снег, падающий, словно сахар на купол Рэдклифа среди зимы, наверняка выглядит просто невероятно. Вы — счастливчик.

Оливер открыл было рот, чтобы возразить, но не смог вымолвить ни слова. Как Эйлиш могла знать, как выглядит Оксфорд зимой, если она сама только что сказала, что никогда там не была? Может, в библиотеке были книги об этом городе?

— Я вам завидую, — девушка вдруг посмотрела на Оливера. — Я все бы отдала, чтобы родиться мужчиной как вы. И не только из-за неудобств с корсетом.

— Что бы вы хотели сделать? — улынулся Оливер, положив локти на стол.

— Поступить в университет, научиться всему понемногу, стать писателем, нарисовать акварелью каждый упомянутый вами колледж, и чтобы никто не посмел выгнать меня оттуда.

— Не думаю, что кто-нибудь выгнал бы вас, — засмеялся Оливер, но тут же вновь принял серьезный вид. — Вчера мне показалось, что мы прервали вас в момент творчества. Когда мы вошли в курятник, у вас на коленях была тетрадь.

— Это всего лишь разрозненные идеи, — пожала плечами Эйлиш. — Совершенно несравнимо с тем, что вы пишете для «*Dreaming Spires*». Мысли, приходящие ко мне в голову во время прогулок по садам, какие-то стихи... ужасные, смею вас уверить, прежде чем вы попросите их прочитать, — поспешила уточнить она, когда на лице Оливера расплылась улыбка. — А еще мне нравится писать музыку для стихов. Некоторые из них не мои, а известных поэтов, вроде «Caoineadh Airt Uí Laoghair», которую я исполняла вам накануне вечером...

— Мне очень понравилось, — заверил ее Оливер тихим голосом. — Вы себе не представляете, какое наслаждение я получил... На мгновение мне даже показалось, что я находился в присутствии самого Ошин[5].

Девушка в смущении закрыла лицо руками, и Оливер снова рассмеялся.

— Учиться в консерватории, — вдруг сказал он, наклонившись поближе к девушке. — Играть на арфе в Пемброк. Или стать частью смешанного королевского хора.

— Да! — воскликнула Эйлиш. — И, наконец, научиться играть на фортепиано!

— Я не видел ни одного в Маор Кладейш, и, если честно, это меня удивило...

— У нас никогда его не было. Кажется, мой отец считал арфу самым самобытным инструментом, — она нежно улыбнулась, вспоминая Кормака О'Лэри. — Вы не представляете, как я мечтаю о том, чтобы прикоснуться к клавишам! В Киркёрлинге было только одно фортепиано — у незамужней сестры мистера Рэндалла, сельского учителя. Когда я была маленькой, то иногда сбегала из Маор Кладейш, чтобы подглядывать за ней через окно гостиной. Я могла слушать ее часами. Особенно мне нравились ноктюрны Шопена. Не знаю, расширила ли она свой репертуар за последние годы. В детстве со мной кое-что произошло и мне больше не разрешали...

Ее голос угасал, словно свеча. Оливер снова вспомнил о рассказе Джемимы. Он словно слышал ее раздраженный голос: *«Люди, узнавшие о случившемся, начали болтать, что она одержима дьяволом. Другие говорили, что она и есть дьявол...»*

Что-то словно надломилось: с этого момента атмосфера в библиотеке изменилась, несмотря на то, что солнце теперь заливало всю комнату, а чайки все так же кружили, касаясь волн.

Эйлиш посидела еще немного без движения и, наконец, встала. Вдалеке послышался голос Рианнон, ругающей Джемиму за то, что та распевает все утро и теперь у хозяйки жутко разболелась голова.

— Вы так скоро уходите? — спросил Оливер, не в силах скрывать свое разочарование.

— Так будет лучше, — ответила Эйлиш, не смея смотреть ему в глаза. — Мне бы не хотелось, чтобы моя мать нашла меня здесь. Она слишком консервативна в том, что касается отношений между женщиной и мужчиной. Мне стоит уйти в свою комнату.

Ее грусть причинила Оливеру больше боли, как если бы его ударили. Но он не мог ничего сделать, чтобы удержать ее, так что пришлось лишь наблюдать, как Эйлиш надевает перчатки и протягивает ему руку для рукопожатия.

— Рада была пообщаться с вами, мистер Сандерс. Хотя я, наверное, только помешала. Без меня вы бы продвинулись в своей работе гораздо дальше.

— Не стоит беспокойства, — ответил Оливер, удерживая в своей руке маленькую ладошку чуть дольше, чем следовало. Их взгляды встретились и

он, наконец, прошептал: — Сможем ли мы вновь поговорить? Хотя бы тайком?

— Конечно, да. Наверное. Всегда, когда я не буду отнимать у вас время. Ваши друзья...

— Мне все равно, что подумают мои друзья. Они не похожи на меня так, как вы.

Губы Эйлиш дрогнули, но она лишь улыбнулась и кивнула. Прежде чем исчезнуть за дверью, она тихо сказал:

— До встречи!

Когда дверь за девушкой закрылась, над библиотекой повисла могильная тишина. Оливер долго стоял там, где они расстались. Из глубины дома доносился голос Джемимы, жаловавшейся Мод на плохое настроение хозяйки; слышались шаги Рианнон, ходившей туда сюда, наводя порядок на нижнем этаже; Александр спрашивал где можно оставить письмо, но ничто не могло заставить Оливера выйти из своего внутреннего мира, пока его глаза не уловили зеленое пятно за оконным стеклом.

Через заднюю дверь замка вышла Эйлиш и, раскинув руки для равновесия, начала спускаться к утесу. Шлейф ее платья скользил по корням и упавшим веткам вязов. Она остановилась на самом краю — ее волосы развевались на ветру словно знамя, а глаза словно пытались преодолеть море, отделявшее ее от города сонных шпилей. От свободы, в которой ей отказывали всю жизнь.

Оливер глубоко вздохнул, опираясь пальцами о стекло, словно пытаясь ухватить руками этот образ прежде, чем будет поздно для них двоих. Слишком поздно.

[1] *триумвират Бронте — три сестры — Шарлотта , Эмили и Энн Бронте .*

[2] *Джозеф Шеридан Ле Фаню (1814-1873) — ирландский писатель , продолжавший традиции готической прозы . Автор классических рассказов о привидениях .*

[3] *Графство Лимерик расположено на юго - западе Ирландии на плодородной равнине , ограниченной с севера руслом и эстуарием реки Шаннон , а с юга , востока и запада — невысокими горами .*

[4] *Бэлликнокейн — населенный пункт в графстве Лимерик .*

[5] *Оссиан (англ . Ossian), правильное Ойсин (Oisín), а в соответствии с ирландским произношением , Ошин , — легендарный кельтский бард III века . От его лица написаны поэмы Джеймса Макферсона и его подражателей .*

Глава 17

А в это же время Лайнелу тоже пришлось столкнуться с некоторыми проблемами, связанными с женской сущностью, но не столь приятными. При этом они были связаны не с банши, о которой Александр просил произвести некоторые археологические изыскания, а с гораздо более реальной женщиной из плоти и крови.

Лайнел не был настолько глуп, чтобы поверить, что пристрастия Джемимы изменились так стремительно. Она действительно больше не строила глазки Оливеру, особенно с тех пор, как тот стал все чаще проводить время с мисс О'Лэри, но, тем не менее, Лайнелу было очевидно, что девушка предложила ему себя от отчаяния. К счастью или к несчастью, он еще не определил, сказать то, что Джемиме понравился полученный опыт, было бы ничего не сказать. После встречи на мешках с мукой последовала еще одна в комнате Лайнела, а потом еще следующей ночью. Потом у Джемимы стало привычкой появляться в его комнате как только Рианнон освобождала ее от работы. А иногда, игнорируя бдительность Мод, искала встречи с ним в самых неожиданных местах, появляясь без кружевной накладки на голове, но обязательно с повязанным передником.

Разумеется, сопротивление подобным предложениям не являлось отличительной чертой такого человека, как Лайнел, особенно если они исходили от такой соблазнительной, раскованной обладательницы превосходящего все ожидания мастерства, но, тем не менее, со временем ситуация начала его тяготить. Когда Джемима предлагала себя, все его намерения прояснить ситуацию развеивались словно дым, но как только наваждение проходило и он приходил в себя лишь в постели рядом с девушкой, он все яснее понимал, что с каждым разом будет все сложнее избавиться от девушки перед возвращением в Оксфорд. Причем в первую очередь его занимали вовсе не опасения ранить чувства девушки, а то, что она решит последовать за ним лишь бы уехать из Киркёрлинга. Лайнел видел, что Джемиме давно наскучило ее монотонное существование, но уехать она могла бы только вместе с мужем, а уж в такой ситуации до мысли о превращении в миссис Леннокс был лишь один шаг. На пятую ночь, проведенную в Маор Кладейш, уже засыпая, он услышал ее шепот:

— Ах, как бы мне хотелось испробовать эти пуховые перины, о которых говорит весь мир! Это, должно быть, похоже на облака! Ты не знаешь, продают ли их в Оксфорде?

— Полагаю, что да, — ответил слегка удивленный Лайнел. — Почему ты спрашиваешь?

— Да так, не бери в голову... Я просто думала о том, что мы будем делать через пару недель...

Вскоре после этого Джемима уснула, а Лайнел провел всю ночь, таращась в темноту широко открытыми глазами, как у испуганной совы. И с чего она взяла, что он собирается брать ее с собой?

Пара ее комментариев по поводу «голубков», как Джемима называла Оливера и Эйлиш, дали ему понять, что с каждым разом девушка все больше и больше радовалась тому, что ее первое увлечение не зашло столь далеко. Любопытно, но этого длинноволосого молодого человека с манерами джентльмена вовсе не интересовало то, что так привлекало внимание соседей Джемимы. Никто не видел чтобы Оливер прикасался к Эйлиш, а когда он смотрел на нее, то в сиянии его глаз не было и намека на похотливые мысли. Должно быть, он единственный в своем роде!

— У меня бы тоже их не было, если б я была мужчиной: она вся из себя такая бледная и костлявая, — прокомментировала Джемима однажды ночью, отдыхая под боком у Лайнела после того, как тот заявил, что слишком устал, чтобы пойти по третьему кругу. — К счастью, у тебя иные предпочтения. Я в том смысле, что тебе нравится то, что должно нравиться нормальному мужику. К счастью для меня, мисс О'Лэри довольствуется своим поэтом-доходягой, — она обняла повернувшегося к ней спиной Лайнела и поцеловала его в щеку. — Вряд ли мы будем часто встречаться с ними в Оксфорде, правда? Мне будет очень неудобно пересекаться в чайных салонах с той, которая раньше была дочерью моей хозяйки...

— Я тебе гарантирую, что тебе не придется с ней сталкиваться — изрек Лайнел. Вот уже четверть часа он боролся с желанием завернуться с головой в одеяло. — А теперь, если тебе не трудно, дай поспать, а? Хотя бы пару часов?

— Ой, прости! Спи сколько хочешь. Это просто эффект новизны первых дней, — она поцеловала его еще раз, другой, третий. — Когда мы будем в Оксфорде, обещаю, я сделаю тебя самым счастливым мужчиной в мире. Ты даже не представляешь, как я хочу уехать!

«Я тоже, — подумал Лайнел той ночью, представляя как посмеялись бы Александр и Оливер, узнав о происходящем. — Я тоже... но без тебя».

В конце концов он пришел к выводу, что лучше пока сконцентрироваться на деле, а уж потом дать от ворот поворот Джемиме. В Маор Кладейш еще было чем заняться, особенно это касалось работы на земле, в которой его друзья не особо разбирались. Археология являлась прерогативой Лайнела и он полагал, что Рианнон уяснила — он собирается ходить по ее владениям там, где ему вздумается. Воспользовавшись тем,

что хозяйка не обозначила ему границы дозволенного, Лайнел решил посвятить утро обходу владений, вооружившись чертежами поместья, пытаясь определить опытным взглядом возможные места для раскопок. Лайнел был уверен, что банши была связана не с О'Лэри, а с их владениями. Ему случалось работать на итальянских виллах, считавшихся заколдованными, и всегда, с первым же ударом кирки о землю, обнаруживались многочисленные археологические свидетельства каких-нибудь зверских преступлений на почве страсти.

К его разочарованию, Рианнон эти предположения показали чепухой.

— Все это выглядит слишком драматично. Я думала, что поэтическая часть исследования — дело исключительно мистера Сандерса. Вы правда думаете, что предки моего мужа имели обыкновение спать с ножом под подушкой?

— На самом деле, это не так уж и лишено здравого смысла как кажется, — возразил слегка задетый за живое Лайнел. — Я не раз слышал, как профессор Куиллс рассказывал кровавые истории про другие замки.

— Могу себе представить про какие. Наверняка он рассказывал вам о замке Лип[1] и о том, как О'Кэрроллы приказали при строительстве использовать раствор, замешанный на крови О'Баннионов, поверженного накануне вражеского клана. Эту историю все знают, но и она мало похожа на правду. Насколько мне известно, О'Лэри никогда не были вовлечены в подобные междоусобные распри. Наш главный враг находился по ту сторону моря, а не на острове, — заявила она со злостью.

Лайнел предпочел пропустить мимо ушей эти слова. В глубине души он понимал почему Рианнон отказывалась верить в его теорию — никому бы не понравилась вероятность того, что каждую ночь он спит в окружении трупов.

— Раз уж вас так интересует то, что связано с Маор Кладейш и его предысторией, то лучше вам познакомится с Росом Уиверном, — продолжала говорить Рианнон, — это наш старый садовник, пользовавшийся абсолютным доверием моего мужа.

— Даже не знаю, насколько садовник может разбираться в подобных вещах.

— Вы ничего не потеряете от разговора с ним, мистер Леннокс. Я попрошу Джемиму отнести ему записку, чтобы он пришел в замок сегодня же. Сейчас он редко к нам приходит, так как слишком стар, чтобы продолжать работать с прежним ритмом. Он предпочитает оставаться в Киркёрлинге со своей сестрой и племянниками, вместо того, чтобы

ночевать в доме, который мой муж приказал построить для него в саду.

Рос Уиверн оказался восьмидесятилетним стариком, который явно заслужил право достойно состариться в окружении своей семьи. Когда Лайнел подошел к садовнику в сад, тот стоял, наклонившись к только что распустившимся клематисам и вдыхал аромат лепестков, держа их с такой нежностью, словно это была едва вылупившаяся из кокона бабочка. Это был выдающийся экземпляр — высокий, гораздо выше чем могло показаться сначала. Фланелевые штаны были для него слишком коротки, а долговязые руки, выглядывавшие из рукавов куртки, казалось, не знали что им делать теперь, когда они уже не могли держать лопату. Лайнелу даже показалось, что голова старика с его густой седой бородой, волнами спускавшейся на костлявую шею была похожа на скульптурную голову старого римского патриция.

Как и предполагалось, Уиверн был явно не в восторге от того, что ему пришлось подняться на холм без какого-либо конкретного поручения от миссис О'Лэри.

— Хотите поговорить о доме? А кто я такой, чтобы рассказывать вам о нем? — с подозрением спросил старик Лайнела, когда тот объяснил Уиверну зачем его позвали. — Замок никогда не принадлежал ни мне, ни моей семье, я не более чем слуга.

— Меня интересует не сам Маор Кладейш, а земли, на которых он расположен, — ответил Лайнел. — Я уже несколько дней рисую план поместья, но хотелось бы прояснить пару моментов. Миссис О'Лэри предположила, что вы — именно тот, кто знает здесь каждую пядь.

Лайнел попытался сыграть на самолюбии, но понял, что это не пройдет с таким, как Уиверн. Панибратское похлопывание по плечу ему также явно не пришлось по вкусу — единственное, что садовник любил и ценил в жизни, были его работа, инструменты, растения и Кормак О'Лэри, к которому относился с нескрываемым восхищением. Проговорив с Уиверном почти полчаса, Лайнелу удалось вытянуть только то, что факт столь долговременного проживания под сенью замка вовсе не означал, что старику удалось проникнуть куда-то, что было бы скрыто от посторонних глаз ни в самом Киркёрлинге, ни в Маор Кладейш. Казалось, что жизнь растений стоила для него гораздо больше, чем жизнь обитателей замка. Даже если бы кто-то из потустороннего мира вздумал бродить среди живых, пытаясь напугать его до смерти, как это произошло с Ферчэром МакКонналом, то и это тронуло бы Уиверна меньше, чем возможность заставить трепетать своим дыханием новорожденные цветы.

Да, разумеется, он не раз слышал причитания банши. Да, он слышал ее

рыдания и в ночь смерти старого хозяина замка, и когда умер МакКоннал. Нет, он никогда ее не видел, хотя пару раз, когда еще жил в своей хижине, ему мерещился женский бесплотный силуэт. И он никогда не приближался настолько, чтобы различить черты лица — не имел привычки вступать в близкие отношения с потусторонними существами.

— *Врата Тир на Ног*[2] всегда открыты для них, и никто не может быть застрахован от вероятности быть утащенным в полумрак, — объяснил Уиверн с такой уверенностью, что на Лайнела это почти произвело впечатление. — Нет ничего странного в том, что никто их не видит днем. Я уверен, что они умеют исчезать как это делают духи, выходящие из склепов во время праздников Самайн и Белтейн [3]. Может, сама земля поглощает их словно дождевую воду.

Лайнел не собирался выслушивать байки. Это, скорее, по части Оливера; а его поле деятельности было более приземленным.

— А что вы можете рассказать про упомянутый склон? Натыкались ли вы при обработке земли на археологические артефакты, следы захоронений, кости?..

— Я уже понял о чем вы, но, боюсь, что нет. Маор Кладейш всегда был крепостью, с тех пор как целую вечность назад из-за пожара рухнула старая башня, защищавшая от пиратских набегов.

— Я слышал, что вы говорили нечто подобное моему другу, — сказал Лайнел, засовывая руки в карманы и окидывая взглядом строгую вертикаль башни, нарушенную пристроенной после вторжения норманнов[4] часовней. — Кто-нибудь из клана погиб при пожаре? Или, может, кто-то еще как-то трагически погиб и это впервые привлекло внимание банши?

— Как мы можем об этом знать? С тех пор прошло почти десять веков, — нахмурившись, буркнул Уиверн.

Лайнел вынужденно признал его правоту, хоть и не смог скрыть разочарование.

— Давайте пройдемся вместе. У меня еще много вопросов, а если мы останемся тут стоять, то застеем.

Уиверн не возражал и они не спеша пошли по саду. За последние дни столько всего произошло, особенно среди простыней, что у Лайнела не было времени обратить внимание на первые признаки пробуждающейся весны. Он удивился, заметив, что унылые заросли, среди которых он преследовал банши несколько ночей назад, приобрели совершенно новый оттенок, а местами даже пытались проклюнуться розовые бутоны. Еще чуть-чуть и постаменты покроются цветочным ковром, а бурые извивающиеся плети, цепляющиеся за одеяния каменных скульптур,

зазеленеют листвой. *«Жаль, что никто из нас, — подумал Лайнел, глядя в карту, — не сможет насладиться этим зрелищем перед отъездом из Киркёрлинга».*

Вдруг он остановился посреди тропы, бегущей между стволами, покрытыми вьющимися клематисами. Его палец, которым Лайнел отслеживал свой путь на карте, тоже остановился. Каменные скульптуры. Мужчина осмотрелся и увидел одну из них буквально в пяти метрах, а потом еще одну, грозившую вот-вот обвалиться вместе с восточной стеной.

«Они расставлены по саду в хаотичном порядке или это только кажется на первый взгляд?» — подумал Лайнел.

— А не было ли на этом холме кладбища?

— Да сколько уже можно повторять? — воскликнул Уиверн. — Эти земли всегда принадлежали О'Лэри. До постройки замка здесь не было ничего.

— Я не говорю про общественное кладбище. Я имею ввиду семейные захоронения, принадлежащие О'Лэри. Это вполне в традициях викторианской эпохи.

— Все может быть, но в Киркёрлинге это не так. Все О'Лэри похоронены вместе с остальными прихожанами. До начала прошлого века их хоронили в стенах церкви, но отец мистера О'Лэри приказал заложить склеп для своих потомков. Он находится у церковной стены, рядом с усыпальницей МакКонналов. Вы наверняка их видели — они привлекают внимание.

— Нет, у меня не было на это времени, — пробурчал Лайнел, недовольный тем, что у него на глазах рассыпается только что выстроенная линия для исследования. — Чего я не понимаю, так это какого дьявола здесь понаставили столько скульптур. Когда-то они, может, и были красивы, но сейчас выглядят скорее пугающе. К тому же они все уже разваливаются.

— Они были подарком мистера О'Лэри жене, — объяснил Уиверн. — Когда он привез ее сюда, то хотел чтобы она чувствовала себя как в дома и затеял перестройку наиболее разрушенных частей поместья. Приказал прорубить огромное окно в библиотеке, отремонтировать крышу северной части и привести в порядок прилегавшую к той части замка территорию, — мужчина указал на стену, к которой прилепился убогий курятник. — Вам стоило бы приехать лет двадцать назад, чтобы оценить как все изменилось. Раньше поместье походило на настоящие джунгли.

— Оно и сейчас не очень-то расчищено, — заметил Лайнел. — Клянусь, весь этот плющ, покрывающий фасад, просто умоляет о паре

хороших садовых ножниц.

Уиверн предпочел не обращать внимания на эти слова. Он подвел Лайнела к маленькой кованой беседке. Строение было разрушено почти до основания и железные прутья торчали из влажной после дождя земли, словно длинные змея с пятнами ржавчины. Внутри находилась очередная скульптура: женщина с заплетенными в косы волосами, перекинутыми на грудь и спускавшимися до самой талии. Она была одета в богатые средневековые одежды, которые были уже едва различимы под пятнами мха, покрывавшего складки. Девушка с грустью смотрела на ворона, устроившегося у ее ног.

— Это героини самых известных ирландских легенд, которыми хозяин хотел поприветствовать свою жену, — объяснял Уиверн, скрестив на груди руки. — Мы оба присутствовали в тот самый день, когда привезли все эти изваяния, так что у нас было время, чтобы поговорить о них. Он рассказал мне, что это — Дейдре де Ольстер[5]. Вам это имя ни о чем не говорит, но ее история известна каждому ирландцу. Еще до рождения, один друид предсказал, что ее красота будет смертельна для любого мужчины, посмевшего взглянуть на нее, что короли и благородные рыцари будут сражаться и умирать за Дейдре. Именно это и произошло. Вообще-то, ее имя на гэльском означает «боль».

Лайнел с трудом подавил усмешку. Ему были абсолютно безразличны страдания несчастной Дейдре, а вот покрытая мхом фигура ворона напомнила ему Веронику Куиллс и ее Свенгали. Пока Уиверн вел его в другую часть сада, Лайнел размышлял, чем же сейчас она занималась. Он почувствовал легкий укол ностальгии по Оксфорду, по покинутым по ту сторону моря делам, по Веронике и ее причудам. Ему и в голову не приходило, что он мог соскучиться по их беседам после утешения пожара страстей. Несколько дней назад он написал своей подруге письмо и отвез его на сельскую почту, которая находилась рядом с полицейским участком на той же площади, что и дом МакКонналов. Именно там он столкнулся с Брианной МакКоннал, когда старуха возвращалась из церкви. Впрочем, судя по взгляду, который она бросила в сторону Лайнела, новость о том, что они остановились у О'Лэри давно достигла ее ушей. При этом Брианна явно считала этот факт настоящим предательством, особенно после всего того, что она рассказала о Рианнон.

Лайнел выкинул из головы все эти размышления, когда садовник остановился перед статуей, которую молодой человек сразу узнал: это была именно та, прикрывающая руками лицо, с цветочным венком на волнистых волосах. Та, Лайнел аж покраснел от своих воспоминаний, которую он

принял за банши пару ночей назад.

— Это Фионнуала, ясновидящая. Она предупредила рыцаря по имени Кейран О'Лэхари, что если он выступит на войне против норманнов, это приведет к жесточайшему поражению. Кейран не захотел ее слушать, но все произошло именно так, как предупреждала бедная крестьянка. Вернувшись, он приказал покончить с ней, так как именно она навлекла несчастье. А вот та, — Уиверн указал иссушенным пальцем за плечо Лайнела — это Изольда, Изольда Тристана, которая ради любви предала короля Марка и поплатилась за этот грех своей жизнью. Если приглядеться повнимательней, то можно рассмотреть, что она все еще держит в руках остатки каменного основания кубка, из которого они оба испили любовное зелье [6]. Еще одна грустная история.

— Начиная радоваться, что ни разу в жизни не влюблялся, — высказался Лайнел. — Все эти драмы, убийства и смерти... нет, это не для меня.

Старик перестал разглядывать Изольду и впервые медленная улыбка нашла дорогу сквозь морщины и густую бороду.

— Вы слишком самоуверенны. Никогда не зарекайтесь.

— Я серьезно, — настаивал Лайнел. — Какой смысл страдать из-за какой-то юбки, как все эти герои?

— Возможно, это были не «какие-то» юбки, — поддел его Уиверн, не прекращая улыбаться.

— Может и так, только именно это и стало их главной ошибкой. Ничего этого не произошло бы, удовлетворись они первой же попавшейся бабой. По-крайней мере, насладились бы жизнью без всех этих... Какого черта вы улыбаетесь? — спросил Лайнел, заметив как сотрясается борода Уиверна в беззвучном смехе.

— Делаю ставку на то, что однажды вы все-таки влюбитесь. И когда это произойдет, вы обнаружите в себе способности творить такие глупости, что сразу вспомните мои слова.

«Хоть и толку мне от них никакого не было, — подумал молодой человек, наблюдая, как садовник удаляется вниз по склону. — Боюсь, в мифологии мы нужных ответов не найдем». Он поправил широкополую шляпу, от которой отвалилась тесьма с пряжкой во время беготни за банши, и направился в сторону замка, но почти сразу вдруг остановился, как вкопанный.

Они сидели на железной скамье очень близко друг к другу, в окружении целого моря исписанных рукой Оливера бумаг. Его друг читал Эйлиш одну из самых страшных легенд, найденных в библиотеке. Девушка

неотрывно смотрела на Оливера так, словно тот был воплощением всех ее грез. Лайнел решил войти через другой вход, чтобы не мешать.

И, разумеется, пересекая Маор Кладейш, он не мог отделаться от мысли, что Дейдре, Фионнуала и Изольда не были и не будут единственными женщинами в Ирландии, умершими ради любви. Оставалось лишь просить бога о том, чтобы Оливер не стал свидетелем того, как последняя представительница О'Лэри заслужит чести пополнить пантеон мучениц. Лайнел был готов молиться за то, чтобы она никогда не превратилась в легенду.

[1] Лип (Леп , англ . Lear) — Замок Лип в Оффали , в Ирландии , как говорят , один из самых проклятых замков в мире . Замок действительно кишит привидениями и демонами . Построен в конце XV века семьёй О ' Баннон , предположительно на более раннем ритуальном месте древних кельтов и изначально носил имя ирл . Léim Uí Bhanáin . Однако , О ' Банноны были лишь вассалами на этой земле , поэтому юридически владельцами замка был клан О ' Кэрролов . [http :// otstraxa . su /2014/04/zamok - lip /](http://otstraxa.su/2014/04/zamok-lip/)

[2] Тир на Ног (ирл . Tír na nÓg , др . - ирл . Tír inna n - Ós) — в кельтской мифологии « остров юных », страна вечной молодости , остров вечной молодости — место , в котором все , по преданию , оставались молодыми , где нет болезней , а климат всегда не жарок и не холоден , нет голода и боли ; место жительства Племян богини Дану .

[3] **Бе́лтейн** (также Белтайн , Белтане , Бялтане , др . - ирл . Bel (l) taine , ирл . Bealtaine (/ b'altən'ə /), гэльск . Bealltainn , англ . Beltane) — кельтский праздник начала лета , традиционно отмечаемый 1 мая . Также название месяца май в ирландском , шотландском и других гэльских языках . **Самайн** — кельтский праздник окончания уборки урожая . Знаменовал собой окончание одного сельскохозяйственного года и начало следующего . У кельтов samhain или родственные слова издавна обозначают третий месяц осени . В шотландском (гэльском) языке Samhain или an t - Samhain — название месяца , аналогичного ноябрю . В современном ирландском языке an tSamhain (саунь) — ноябрь .

[4] Захватив в VIII веке Шетландские , Оркнейские и Гебридские острова , норманны начали грабительские набеги (продолжавшиеся около 200 лет) на ирландскую территорию , и вскоре перешли к созданию поселений в Ирландии . В 798 г . норвежцы поселились в районе Дублина , а с 818 г . приступили к колонизации южного побережья . В 1014 г . вблизи Дублина у Вольвего луга (ныне Клонтарф) норманны и союзные им

сепаратисты были полностью разгромлены .

[5] В мифологии ирландских кельтов Дейдре — объект пророчества друида Катбада . Друид предсказал , что она станет самой прекрасной девой во всей Ирландии , но принесет своей стране только горе и гибель . Зная о второй части этого пророчества , некоторые ирландцы хотели и даже пытались убить ее сразу же после рождения . Однако Конхобар МакНесса , узнав о пророчестве и о дивной красоте Дейдре , приказал оставить ее в живых и решил сам жениться на ней , когда будущая красавица подрастет . Когда девушка выросла , она не пожелала выходить замуж за Конхобара , который к тому времени успел уже состариться , а захотела стать женой Наоиза и бежала с ним .

[6] Легенда о Тристане и Изольде — сказание это возникло в районе Ирландии и кельтизированной Шотландии и впервые было исторически приурочено к имени пиктского принца Дростана (VIII век). Оттуда оно перешло в Уэльс и Корнуолл , где окрасилось рядом новых черт . В XII веке оно стало известно англо - нормандским жонглёрам , один из которых около 1140 года переложил его во французский роман (« прототип »), до нас не дошедший , но послуживший источником для всех (или почти всех) дальнейших литературных его обработок .

Глава 18

Возможно, Александр слишком много о себе возомнил, думая, что завоевал доверие миссис О'Лэри. Когда он услышал, что во время проведения исследования они могут расположиться под ее крышей, то опрометчиво подумал, что топор войны зарыт. Вскоре Куиллс понял, что Рианнон всего лишь заключила с ними своего рода временный пакт о ненападении, а пока лишь присматривается, чтобы решить стоит ли им доверять и действительно ли ей нужна помощь.

Сдержанный, как истинный оксфордс, Александр решил не обращать внимание на полные недоверия взгляды, которые время от времени бросала на него хозяйка, а также на то, что где бы он не находился во время своих изысканий, Рианнон была тут как тут, появляясь словно из ниоткуда. Было забавно, как она спрашивала у него то, что являлось прерогативой Оливера и Лайнела — для нее они были не более чем пара сующих везде свой нос бездельников, развлекающихся игрой в потусторонние миры.

С Александром все обстояло совсем по другому. Может, дело было в близкой возрастной категории, может его статус ученого внушал больше доверия и подразумевал большую ответственность, но Рианнон явно считала, что из трех постояльцев он был единственным, от кого было

понятно чего ожидать. Поэтому, она не собиралась спускать с них глаз до тех пор, пока не убедится, что они действительно на ее стороне, а не из тех, кто напросился в ее дом с целью воспользоваться ее добротой и доверием. Так что Рианнон оставалась самой собой: холодная, как лёд, подозрительная к любым вопросам и готовая в любой момент выпустить когти для защиты своего логова и детеныша от любой опасности.

Тем не менее, Александру удалось нащупать тему, которая притупляла подозрительность женщины — Кормак О'Лэри. Похоже, МакКонналы ничуть не преувеличивали, говоря, что покойный супруг Рианнон возвел ее на пьедестал. Интересно, что сама Рианнон никогда не говорила про мужа, даже не упоминала его имени, но если кто-то произносил имя О'Лэри в ее присутствии, то она застывала, словно ночной туман над обрывом. Она надолго замолкала, а когда заговаривала вновь, то меняла тему и лишь блеск в глазах выдавал ее волнение.

— Иногда, особенно если Эйлиш нет рядом, роль хозяйки Маор Кладейш кажется мне истинным наказанием, — призналась она однажды профессору, столкнувшись с ним в одном из коридоров третьего этажа. Они стояли у каменного парапета террасы, выходящей в сад, с моря дул легкий бриз, развевая золотистые волосы Рианнон. — Знаю, вы подумаете, что я, будучи хозяйкой такого поместья, не смею жаловаться, но, когда оглядываюсь назад, то не узнаю саму себя. Это настолько далеко от того, что я представляла себе в юности, так странно даже для меня...

Она говорила изменившимся голосом — едва шептала, словно боялась, повисить его в Маор Кладейш, что стены могут услышать ее слова и посчитать предательницей.

— Было бы странно, если бы вы чувствовали себя иначе, — ответил Александр. — Столкнуться лицом к лицу с такими финансовыми трудностями не каждому под силу.

— Я имела ввиду вовсе не деньги, — возразила она. — Деньги волнуют меня меньше всего. У моих родителей никогда их не было, да и для О'Лэри пора процветания закончилась задолго до того, как меня включили в генеалогическое древо семьи, так что я никогда не знала как живут сильные мира сего. Это служит мне утешением в моей нынешней ситуации.

— Думаю, вы неверно меня поняли, миссис О'Лэри. Я вовсе не обвинял вас в материализме. Просто думаю, что ваша жизнь была бы намного легче, если бы не...

— Если бы я не предала свои идеалы? Это я и сама поняла давным давно, профессор. Существуют вещи гораздо более болезненные, чем

потеря имущества из-за своры кредиторов. Потеря себя опустошает гораздо сильнее.

Когда она ушла, эхо ее последних слов еще долго резонировало в голове Александра. Он подумал, что на несколько мгновений удалось заглянуть в тщательно скрываемые уголки ее сознания, увидеть еле заметную тень признания, просвет сквозь многочисленные слои, в которые была укутана ее душа, словно драгоценный камень, блеск граней которого выдает его присутствие на дне замерзшего пруда.

Из уважения к хозяйке, Александр попросил миссис О'Лэри помочь в написании обещанной заметки о Маор Кладейш, и Рианнон восприняла это с такой серьезностью, как если бы была настоящим редактором «*Dreaming Spires*». Они посвятили этому занятию все утро, чтобы придать статье заранее оговоренный формат, без упоминания о МакКоннале и его странной гибели. Когда все было готово, профессор вручил направлявшемуся на почту Лайнелу адресованный Августу Уэствуду конверт. Лондонский партнер должен был передать копии статьи знакомым газетчикам. Во втором письме Александр просил Веронику тщательно упаковать и выслать изобретенные им машины. При этом, в конце письма была сделана приписка о том, что, он прекрасно знает необузданный характер племянницы, поэтому любое предостережение не будет лишним.

К счастью, долго ждать не пришлось — посылка прибыла 17-го марта, в день, когда вся Ирландия оделась во всевозможные оттенки зеленого в честь Дня Святого Патрика. Было очевидно, что почтальону вовсе не улыбалась необходимость лезть на склон с тяжелыми сундуками, вместо того, чтобы напиваться в «Золотом горшке». Александр задобрил его щедрыми чаевыми, а сам так и остался в дверях вскрывать письмо от Вероники, прибывшее вместе с оборудованием. Оно было таким же взбалмошным, как и все, что выходило из под пера девушки, а в уголке красовался набросок углем, изображающий миссис Хокинс, воздевающую руки к небесам на очередную проделку художницы. А в конце письма имелся постскриптум для Лайнела, в котором дядя абсолютно ничего не понял. Возможно, использовался шифр, ключ к которому ускользал от его понимания. Он очень удивился почему Вероника пишет что-то в письме для Александра вместо того, чтобы написать напрямую Лайнелу, как она всегда делала? В итоге профессор решил, что это не его дело — у Вероники наверняка имелись веские причины поступить именно так. Он вернулся в замок, чтобы спасти Рианнон от Эйлиш и Мод, которые просили ее помочь украсить лестницы сотнями крошечных трилистников,

собранных в саду. Миссис О'Лэри вздохнула с таким облегчением, что Александр с трудом сдержал улыбку. Куиллс закрыл входную дверь и начал на пару с Рианнон поднимать баулы вверх по лестнице.

— Боже мой, такое ощущение, что там свинцовые шары, — простонала она, остановившись на втором этаже, чтобы передохнуть. — Мы что, будем таскать ваши аппараты по всему Маор Кладейш, чтобы идти по следу банши?

— Не волнуйтесь, я сам этим займусь, — успокоил он ее. — Где я могу их разместить?

— Думаю, лучше всего запереть аппараты на ключ в одной из комнат этого этажа. Они переполнены всяким хламом и пылью, но так мы хотя бы будем уверены, что никто не рухнет при попытке сдвинуть их с места. Полагаю, голубая гостиная подойдет как нельзя лучше.

Голубым в этой гостиной было только название, или, по крайней мере, так показалось Александру, когда Рианнон открыла одну из дверей в конце коридора. Это была довольно большая комната с окнами, выходящими на заднюю часть поместья. Обои на стенах, возможно когда-то и были голубыми, как и обивка мебели, но... первые были так запущены, что ключьями свисали со стен, а предметы мебели еще много лет назад была покрыты белыми простынями, что делало их похожими на сборище привидений. Рианнон была права — это именно то, что им нужно.

— Знаете, и все-таки вы меня весьма заинтриговали, — призналась Рианнон, пока Александр принялся открывать первый баул. — Никогда бы не подумала, что у меня будет возможность своими глазами увидеть что-то подобное.

— Не ждите слишком многого — на первый взгляд в них нет ничего особенного, — предупредил ее профессор. Он только что убедился, что Вероника в кои-то веки последовала его указаниям — ящик был выложен ватой, которую Александр сдвинул в сторону, чтобы открыть то, что было в центре, — вот он.

— Мне это напоминает один из этих проекторов, которые используются для кинематографических показов, — заявила женщина, внимательно изучив хитроумное приспособление.

— В принципе, у них действительно много общего. Хотя в данном случае речь идет не о проекторе, а, скорее, о некоем спинтарископе[1].

Они вдвоем вытащили машину длиной около метра и водрузили ее на стол. Аппарат был похож на обшитый металлическими пластинами ящик на четырех ножках и с видоискателем с одной стороны.

— Аппарат, который вы сейчас видите, работает на тех же законах

физики, которым следовали и другие ученые, например, Уильям Крукс[2], для наблюдения за светящимися радиоактивными частицами. Если бы Оливер был здесь, держу пари, он объяснил бы, что его название происходит от греческого *spintharis*, что означает «искра»...

— Как он работает? — с всевозрастающим интересом спросила Рианнон.

— Очень просто. Внутри этого ящика с одной стороны находится флюоресцентный экран из сульфида цинка с примесью серебра. — Александр указал Рианнон на соответствующую часть машины. — Рядом с экраном кладется небольшое количество радиевой соли, реагирующей на определенную субстанцию, которую спиритологи называют «эктоплазма».

— Вы хотите сказать, — произнесла Рианнон, подходя еще ближе, — что когда эта машина находится там, где, возможно, присутствует какая-то сущность, то радиевая соль выдает какую-то реакцию на экране? Но каким образом это можно распознать?

— При помощи этой линзы, — ответил Александр, показывая на маленький видоискатель с другой стороны спинтарископа. — Я уже говорил, что эта штука не сильно отличается от кинематографических проекторов. Только в нашем случае мы видим не изображение в движении, а нечто неразличимое невооруженным взглядом. Человеческий глаз, как правило, не может распознавать излучение, производимое эктоплазмой. Это подвластно лишь некоторым медиумам, при рождении получившим способность общаться с духами. — Александр похлопал по ящику. — В мире спиритологии есть множество шарлатанов, но, тем не менее, то что они делают, можно объяснить с точки зрения науки. Это доказано благодаря моему другу Августу Уэствуду, обладающему этим даром. Когда я сконструировал свой спинтарископ, мы вдвоем перевезли его в дом на окраине Оксфорда, имевший славу заколдованного. И там действительно обитала затерянная душа: Август почувствовал ее, как только вошел в дом, а в аппарате возникла вспышка света. Радиевая соль среагировала на эктоплазму.

— А духи... эктоплазмы, как вы их называете, оставляют после себя следы своего присутствия? — Рианнон выглядела такой заинтересованной, что Александр почувствовал некое удовлетворение. — Ваша машина может их зафиксировать?

— Совершенно верно. Я вижу, что вы неплохо все это воспринимаете.

— Нет, я совершенно не обладаю научным складом ума, я — чистый гуманитарий и всегда им была, я же работала в библиотеке. Цифры меня никогда не привлекали. — Она наклонилась перед аппаратом, чтобы

посмотреть в показанный Александром видоискатель. — Можно посмотреть? Всего пару секунд...

— Полагаю... полагаю, что можно, — ответили немного встревоженный профессор, — хотя прежде, чем вы это сделаете, должен вас предупредить, что, возможно...

— Стойте, я что-то вижу прямо сейчас, профессор! Мерцающий голубой свет!

— Я так и думал, — вздохнув, ответил Александр. Рианнон отпрянула от визора, побледнела, а ее взгляд обеспокоенно забегал по комнате.

— Это было именно так, как вы и описывали: яркая голубая вспышка двигалась из стороны в сторону. Только это была не одна вспышка, а две. Два разных свечения.

— Я знаю, — тихо произнес профессор, — но не волнуйтесь, это была не ваша банши.

— Что значит не моя банши? Какой же еще дух может быть прямо тут, в этой комнате?

— Никакой, Рианнон. Не стоит заострять на этом внимание, право слово. Просто...

— Но ведь если эта соль среагировала, значит здесь есть духи!

Александр глубоко вздохнул. К удивлению Рианнон, он аккуратно взял ее за правый локоть и отвел от спинтарископа.

— Боюсь, что все время происходит один и тот же феномен. Вы же знаете, что это экспериментальная модель. Возможно, я положил слишком много радиевой соли при сборке. Поэтому всегда, когда кто-нибудь смотрит через визор, думает, что видит материализацию эктоплазмы. Эти голубые вспышки всегда присутствуют в аппарате, независимо от места или времени расположения. Просто надо иметь это ввиду, чтобы не пропустить более интенсивный свет, показывающий присутствие настоящего духа.

Рианнон недоверчиво глянула на него. Объяснение Александра не имело никакого смысла. Как человек, разработавший такое сложное устройство, мог допустить столь глупую ошибку в расчетах? Профессор подумал, что не стоит углубляться в объяснения и предпочел сменить тему:

— Остальные, присланные моей племянницей аппараты, являются разновидностями спинтарископов с разными характеристиками. Они работают с разными типами солей и не настолько чувствительны как тот, который я вам только что демонстрировал. Но я подумал, что они тоже могут нам пригодиться.

— Чем больше будет инструментов, тем лучше, — заключила миссис

О'Лэри, хоть и с некоторым недоверием. В конце концов мы понятия не имеем, что из себя представляет эта банши.

Рианнон посмотрела на свои руки. В голубой гостинной было столько пыли, что кончики пальцев стали почти черными, после того как она оперлась об пол, присаживаясь на корточки у спинтарископа.

— Я был бы рад предоставить вам свой платок, но, кажется, я его потерял, — промолвил Александр.

— Не беспокойтесь, — спокойно ответила она, — в последние годы мне пришлось привыкнуть к тому, что иногда мои руки становятся грязными, как у крестьянки. Я столько времени провожу в огороде...

Она отряхнула руки о свое черное платье и от ее движений взору Александра открылся серебряный медальон на ее шее. Он обратил внимание, что, по всей видимости, во время манипуляций с баулом, медальон за что-то зацепился и приоткрылся. Оказалось, что внутри был спрятан вовсе не локон, а крошечный портрет акварелью мужчины примерно одного возраста с Александром, с бледным аристократическим лицом, тщательно уложенными напыженными светлыми волосами. Александр успел уловить все это буквально за одно мгновение, пока Рианнон отряхивала руки, и не мог не задуматься об увиденном, пока упаковывал аппарат обратно в ящик и собирал разлетевшуюся повсюду вату.

— Вы очень тоскуете по отцу мисс Эйлиш?

Услышав его слова, Рианнон замерла.

— Почему вы спрашиваете? Разумеется, я по нему скучаю. Все, кто его знал — скучают. Его преждевременный уход стал настоящей трагедией.

— Полагаю, очень трудно остаться вдовой в вашем тогдашнем возрасте. Хотя у вас всегда было утешение в виде Эйлиш, похожей на отца, как одна капля воды на другую. Во всяком случае, мне так показалось, когда я увидел портрет. — Он кивнул в сторону медальона. — Должно быть, он открылся, когда вы помогали мне с баулом. Надеюсь, миниатюра не испачкалась.

Пальцы Рианнон инстинктивно обхватили медальон. Она даже не взглянула на него, а лишь сжала пальцы и захлопнула подвеску с тихим щелчком. Через несколько секунд молчания, она еле слышно произнесла:

— Иногда, когда я просыпаюсь в своей постели, мне с трудом верится в то, что все это происходит со мной. Не могу понять почему господь бывает так жесткосердечен, распоряжаясь судьбами людей? Как он мог забрать у меня любовь всей моей жизни, когда я только начала познавать ее? Знаю, что никогда не смогу прийти в себя после этой потери, как бы я ни старалась...

— Как я вас понимаю! — заверил ее Александр, не сводя глаз с ее лица. — Когда брак основан на любви, то смерть человека, с которой мы решили соединить свою жизнь, причиняет такую боль, словно часть тебя хоронят вместе с ним.

— Да, именно это я и имею ввиду. Впрочем, существует множество разновидностей, как брака, так и любви, — согласилась с ним Рианнон и добавила: — Вы женаты, профессор?

— Да, когда-то я был женат, но не хотел бы об этом вспоминать. — Куиллс встал, неуверенной походкой подошел к аппаратуре так, чтобы не было видно его лица.

— Прошу прощения за бестактность, — проговорила женщина, придя в себя от первоначального удивления. — Я вовсе не хотела вторгаться в вашу личную жизнь. Я и не предполагала, что..

— Что в моей жизни может быть что-то еще, кроме науки? — на этот раз Александр почти улыбался, но это была грустнейшая в мире улыбка. — Тем не менее, это имело место быть, но очень давно, целую жизнь назад. Если я и понял что-то за последние годы, так это то, что, чтобы мы не делали, прошлого не изменить.

— Как бы нам этого ни хотелось, — тихо добавила Рианнон. Поколебавшись немного, она подошла к Александру, положила ему руку на плечо и спросила: — Что произошло?

Пальцы профессора понемногу остановились, перестали непрерывно поглаживать поверхность спинтарископа, словно в них закончилась энергия.

— Боюсь... это слишком сложно. Слишком долго рассказывать. Лучше отложим это до более подходящего момента. Я уже привык нести эту ношу.

— Как вам будет угодно, — ответила Рианнон. Несомненно, ее рука слегка подзадержалась на плече Александра. Ее неизменная маска хладнокровия ничуть не помогла скрыть насколько женщина была впечатлена подобным признанием. — Думаю, что где-то в глубине души у нас с вами гораздо больше общего, чем я ожидала от прекрасного незнакомца, — продолжила она почти шепотом. — Боль потери всеобъемлюща. Вам так не кажется? Ничто не может ее смягчить, кроме времени, но даже оно не помогает, когда не остается ничего, что напоминало бы о том, что когда-то ты был счастлив...

— У вас все еще есть дочь, Рианнон. Ваша очаровательная Эйлиш все еще жива.

Рианнон умолкла, а профессор продолжил с дрожью в голосе:

— Моя Роксана исчезла навсегда, как и ее мать, как и все, что когда-то

имело для меня значение. — Он сглотнул, проводя рукой по лбу. — А теперь, если вы не возражаете, не могли бы мы...

Рианнон убрала руку с его плеча. Кивнула и последующие полчаса не задала ни единого вопроса. Она предоставила профессору возможность выбрать тему для разговора и он продолжил распаковывать артефакты, подробно объясняя принцип их работы с тем же отчаянием, с каким раненое животное забивается как можно дальше в нору, чтобы никто не видел его страданий.

[1] Спинтарископ (от греч .(греческий) *spintharis* — искра и *skopeo* — смотрю), демонстрационный прибор для визуального наблюдения α - частиц . Падая на экран , покрытый сцинтиллирующим веществом , α - частица вызывает слабую световую вспышку , которую можно наблюдать глазом . С . — родоначальник сцинтилляционного счётчика .

[2] Уильям Крукс — английский химик и физик , член и президент Лондонского Королевского общества , от которого он в 1875 году получил Королевскую золотую медаль . В числе других его наград — медали от Французской академии наук , Дэви и медаль Копли .

Глава 19

В течение последующих дней, Рианнон помогала Александру обходить территорию замка с его спинтарископами. Машины весили столько, что для удобства пришлось воспользоваться столиком на колесах, что, впрочем, не помогло избежать трудностей при подъеме аппаратов с этажа на этаж по крутым винтовым лестницам. Тем не менее, усилия не были напрасны — им удалось зафиксировать отчетливый след даже раньше, чем они предполагали. Самым удивительным было то, что признаки появления банши были обнаружены вовсе не в садах, а в самом замке! Этому не было никакого объяснения, ведь за столетия, прошедшие с момента первого появления банши, никто и никогда не видел ее внутри Маор Кладейш. Согласно историям, которые Оливер собрал в библиотеке с помощью Эйлиш, банши всегда с большим уважением относились к семьям, которым служили. Никто никогда не слышал о том, чтобы они пересекали порог дома живых, это не было их территорией обитания. Тем не менее, реакция, зарегистрированная аппаратурой, не оставляла сомнений: верхние этажи крепости являлись зоной повышенной активности потусторонних сил.

Но самое невероятное было еще впереди. Это настолько не укладывалось в голове, что они почти забыли про свои эксперименты. Заметка, которую Александр отправил Августу, была опубликована как в

«*Dreaming Spires*», так и в других газетах. Не прошло и недели, как начали приходить письма.

— Вам почта, госпожа, — объявила Джемима утром, когда хозяйка вышла из голубой гостиной в сопровождении Александра, чтобы попытаться счастья с очередным спинтарископом.

Рианнон подумала, что речь идет об очередном послании от мистера Морана, адвоката О'Лэри, который, узнав об изысканиях англичан в Маор Кладейш, без конца расспрашивал свою клиентку о ходе расследования. Узнав, что на конвертах английский штемпель, а точнее из Кембриджа, она остолбенела.

— Профессор, пожалуйста, подойдите и взгляните на это, — еле слышно попросила она Александра.

Он перестал толкать столик, немного встревоженный ее реакцией. Когда он посмотрел на адрес на конверте, то удивился не меньше, чем Рианнон.

— Невероятно. Сработало! Получилось именно так, как мы хотели!

— А для меня есть что-нибудь? — спросил идущий по коридору Лайнел. Его начало раздражать то, что Вероника не ответила ни на одно его письмо. Заметив присутствие Джемимы, он ускорил шаг, чтобы она не успела его перехватить. — Почему у вас такие бледные лица? Что-то случилось?

— Реклама сработала, — довольно улыбаясь, ответил Александр. — Мы смогли привлечь внимание потенциальных покупателей!

Прежде, чем Лайнел успел среагировать, Рианнон убежала в голубую гостиную, прижимая письмо к груди. Когда она вернулась, ее обычно бледные щеки пылали.

— Вы были правы, профессор. Нам написал один... один важный господин из Кембриджа, который узнал из газеты, что замок продается... Хочет знать сколько мы просим... — она нервно сглотнула. Александр, заметив, что она вся дрожит, осторожно проводил ее до стула. — Он готов купить замок. Готов купить, несмотря на то, что знает о ней... о нашей банши!

— Он хочет его купить именно из-за банши, моя дорогая Рианнон, — по-прежнему улыбаясь, заверил ее Александр. — Удачи!

— Даже не думайте отвечать ему прямо сейчас, — предупредил Лайнел.

— О чем вы говорите? — удивилась Рианнон. — Почему я не должна этого делать?

— Это преждевременно, ведь это только начало того, что нас ждет.

Подождите немного, прежде чем отвечать этому господину. Возможно, вы получите более выгодные предложения, да и вообще... — он взял конверт из дрожащих рук Рианнон. — Оно из Кембриджа. А мы, оксфордцы, терпеть не можем Кембридж.

Рианнон поверить не могла в то, что слышала, но последующие дни подтвердили слова Лайнела. Во вторник в Маор Кладейш прибыло еще одно письмо, снова из Англии, но на этот раз из Брайтона[1], в среду — из Эдинбурга и Бата[2]. В четверг удивление возросло еще больше — оказалось, что и до самой Ирландии дошла информация о легендарной банши и привлекла внимание двоих человек из Белфаста и Голуэя[3]. Но главный сюрприз прибыл в пятницу.

— Бостон, Массачусеттс, Соединенные Штаты Америки, — объявил Лайнел входя в столовую, где Александр, Оливер, Эйлиш и Рианнон собрались к завтраку. — Понятия не имею, как они смогли связаться с нами так быстро, учитывая, что между нами океан. Но, уже очевидно, что мы вошли в историю.

Он бросил письмо на стол перед Рианнон. Она молча рассматривала почтовые штемпели на марках. Ее дочь, собиравшаяся намазать тост джемом, тоже застыла, не зная как реагировать.

— Есть еще четыре письма, — продолжил Лайнел, демонстрируя всем конверты. — Два из Лондона, одно из Дублина и еще одно... ВНИМАНИЕ! из Парижа! Кто-то прочитал нашу заметку в Париже!

— В Париже есть кто-то, ожидающий следующий номер «*Dreaming Spires*»? — тихо произнес Оливер, ошеломленно глядя на Александра.

— Похоже на то, — улыбнулся профессор.

Последующие полчаса все говорили одновременно, устроив такой балаган, что даже Мод, покинув кухню, пришла посмотреть, что происходит.

— Это самое невероятное из того, что до сих пор происходило со мной, — произнесла Рианнон, перебирая конверты снова и снова. — Бог свидетель, что я не питала особых надежд на успех вашего плана, так что теперь мне остается лишь принести свои извинения. Похоже, современным людям не хватает острых ощущений...

— ...или же у них проблемы с психикой, — заключил Лайнел, сидевший справа от Рианнон. — Это так же очевидно, как и то, что день — это день, а ночь — это ночь. К счастью для нас!

Рианнон кивнула, все еще ошеломленная. Она поднесла чашку чая к губам, но к тому моменту тот настолько остыл, что женщина не смогла сдержать гримасу отвращения.

— Думаю, пришло время ответить на эти письма, — вступил в разговор Александр.

— Я тоже так думаю. Хорошо, что мы решили подождать с ответами несколько дней, теперь же мы не можем пренебрегать будущим владельцем Маор Кладейш, заставляя его ждать слишком долго. — Рианнон снова пригубила чай, уставившись на поднос с белым пудингом[4], стоящий в центре стола рядом с тостами. — Теперь уже ни к чему заниматься коллекционированием почтовых марок.

— Вы шутите? — усмехнулся Лайнел. — Когда-нибудь они будут стоять целое состояние!

— Вы уже решили, где будете жить после того, как покинете Маор Кладейш? — спросил профессор. — Собираетесь и дальше жить в Ирландии?

Рианнон посмотрела на него поверх чашки прежде, чем поставить ее на стол.

— Пока не знаю. Я всегда хотела вернуться в Дублин, город, где я родилась, но теперь я уже не очень-то в этом уверена. Что-то подсказывает мне, что если мы останемся на острове, то не сможем избавиться от клейма, которое банши поставила на всех поколениях О'Лэри. Все будут показывать на нас пальцем, и не важно, где мы будем жить, в Киркёрлинге или в столице, — она скрестила пальцы под подбородком и тихо добавила: — Возможно, Англия будет не самым худшим вариантом.

Оливер украдкой коснулся ногой крошечной туфельки Эйлиш. Девушка замерла, услышав слова матери, и, перекладывая с места на место столовые приборы, бросила на Оливера такой взгляд, что тот не смог сдержать улыбку.

— Думаю, в Оксфорде вам понравится, — выдержав паузу, прокомментировал Александр. — Жизнь там не такая напряженная, как в Лондоне, где ритм жизни покажется вам слишком необузданным после многих лет в столь уединенном месте как Киркёрлинг. И, разумеется, там вы всегда сможете рассчитывать на нашу поддержку.

— У нас еще будет время подумать об этом, — сказал Лайнел, наливая себе стакан апельсинового сока. — Сейчас главное — сбыть Маор Кладейш за максимальную цену. И мне пришла в голову отличная идея.

— Мне уже страшно, — пробормотала Рианнон. — В чем состоит ваша стратегия?

Эйлиш извинилась и вышла из-за стола. Она молча направилась к двери, но, прежде чем выйти, оглянулась на Оливера. Он едва заметно кивнул головой и девушка, заулыбавшись еще больше, исчезла в дверном

проеме.

— Выберите трех самых платежеспособных клиентов и пригласите их посетить Маор Кладейш, — объяснил Лайнел. — Причем одновременно, в один день. Если они встретятся в замке, зная, что у них общая цель, то будут биться до последнего, пытаясь перецеголять друг друга. Они будут предлагать все больше и больше денег, чтобы заполучить собственность. Когда на кону — любовь всей жизни, возможны любые безумства, Рианнон. Например, двойная или даже тройная оплата.

Рианнон удивленно приподняла брови. Александр задумался ненадолго и изрек:

— И снова ты оказался прав, Лайнел. Только пусть это не послужит для тебя прецедентом. То, что ты предлагаешь, может хорошенько подстегнуть покупателей.

— Не стоит благодарности. Мне вполне хватит небольших комиссионных в обмен на мои советы. Возможно, мне стоит посвятить себя именно этому...

— Даже не знаю, что и сказать, — призналась Рианнон. Она pokrutila чашку в руках. — То, что говорит мистер Леннокс имеет смысл, но мне бы не хотелось, чтобы покупатели Маор Кладейш посчитали себя вовлеченными в грязные игры.

— У них нет для этого никаких оснований. Вы никогда не бывали на аукционах? Почему люди сходят с ума в попытках получить вожаделенный лот, выставленный на продажу?

— Это может сработать, — сказал Александр Рианнон. — Почему бы нам не попытаться?

Она пробормотала что-то вроде «я не уверена», что, впрочем, не остановило Лайнела:

— Пора приниматься за дело и разослать письма. Если мы хотим продать замок, надо чтобы он понравился покупателям во время визита. Необходимо нанять прислугу помимо Джемимы и Мод, чтобы привести все в порядок и хорошенько обслужить клиентов во время пребывания в Маор Кладейш.

— О, я вспомнил, что не доделал кое-что в комнате, — извинился Оливер.

Никто не обратил на него внимания и он смог уйти, не вызывая подозрений. Он оставил Рианнон терпеливо выслушивать планы Лайнела, который словно перевоплотился в заместителя Морана, адвоката О'Лэри, и бесшумно выскользнул из столовой. Поднялся на два пролета по покрытой ковром лестнице, повернул направо и прошел по коридору к комнатам

Эйлиш и ее матери. Он столько раз провожал девушку после ужина, что точно знал, перед какой дверью надо остановиться. Убедившись, что поблизости нет Джемимы, юноша дважды постучал.

— Эйлиш, это я, — не услышав ответа по ту сторону двери, он позвал снова: — Можно войти?

Никто не ответил, но от нажима пальцев дверь приоткрылась. Эйлиш не заперла ее и теперь створка приоткрылась, позволяя заглянуть в спальню, которую раньше Оливеру удавалось увидеть лишь мельком, при прощании с девушкой.

Оливер нерешительно шагнул внутрь и прикрыл дверь, чтобы не привлекать внимания. Комната была побольше его, с шероховатыми стенами, увешанными акварельными пейзажами. Мольберт Эйлиш стоял в углу у окна с голубыми шторами, развевавшимися на ветру. Полог кровати тоже был голубым, так же как и заваленное книгами покрывало и обивка кресла, расположенного у окна, где девушка любила читать по вечерам.

В кресле Оливер увидел зачитанный экземпляр «Дамы в белом» — видимо, Эйлиш взяла его из библиотеки после того, как накануне рассказала о том, как ей нравится это произведение. Там же лежала кожаная папка для записок о банши. Когда молодой человек подошел чтобы взять ее, то увидел под ней раскрытую тетрадь. Это была именно та тетрадь, которую Эйлиш держала на коленях в птичнике. Под шелковой обложкой было множество исписанных каллиграфическим почерком страниц. Оливер улыбнулся, увидев, что у девушки была привычка записывать на полях музыкальные отрывки, которые, должно быть, приходили ей в голову, когда она позволяла мечтаньям уносить ее далеко-далеко. Сначала Оливер подумал, что это дневник и собирался отложить его подальше, чтобы не поддаваться искушению прочитать. Но, бросив-таки взгляд на страницы, он понял, то, что там написано, никак не могло прийти в голову Эйлиш, которую он так хорошо знал.

« Воскресенье , 9 февраля 1903 года

Майред , как бы я хотел , чтобы ты снова была рядом со мной . Майред , когда я смотрю на твой портрет , то не могу понять , почему это должно было случиться . Твой портрет находится под стойкой , и я всегда смотрю на него , смотрю каждый раз , когда вытираю стаканы и разливаю пиво , смотрю на Фиону и вижу , как она на тебя похожа . Майред , наш дом пуст без тебя ».

« Понедельник , 17 февраля 1903 года

Не могу забыть , что сказал мне Патрик в нашу последнюю встречу . Думай о Лисморе [5] , сказал он мне . Думай о Лисморе и о нас в Лисморе ,

об отце и матери , и обо всем , что мы делали , когда мир был лучше . Патрик , я знаю , что ты хотел улучшить этот мир , но все чего ты достиг , это разрушить мир отца , матери и мой . И в моих воспоминаниях о Лисморе холодно как никогда , каждую ночь я вижу нас четверых , но больше нет , ни улыбок , ни иллюзий , ни мечтаний о лучшем мире . Мне кажется , что ты унес мир с собой , Патрик . Мир всех нас ».

« Пятница , 7 марта 1903 года

Дождь , еще больше дождя . Поезд мчится по полям , Оксфорд все ближе и ближе , за спиной Лондон со своим туманом , который словно происходит из сердец его жителей . В порядке ли едущая в соседнем вагоне аппаратура ? Надо бы пойти взглянуть . Скоро мы приедем в Ридинг , Роберт выходит в Ридинге . Надо спросить его про жену и дочь , хоть мне и больно слышать о его счастье . Он заслужил его , у меня нет права завидовать жизни Роберта . Беатрис . Моя Беатрис . Если бы я мог увидеть тебя . Моя маленькая Роксана , если бы я мог поговорить с тобой ...»

Оливер застыл как громом пораженный, тетрадь так дрожала у него в руках, что ему пришлось сесть у окна, чтобы не уронить ее. Как Эйлиш могла узнать о существовании Беатрис и Роксаны? Он продолжил чтение, недоумевая все больше и больше.

« Суббота , 8 марта 1903 года

Жарко , жарко , жарко , жарко , ЖАРКО . Не понимаю , как может быть так жарко ! Дэвис сказал , что я могу взять на себя следующие ящики , куда только что положили кольца из керамики . Бедный Дэвис , бедный и глупый Дэвис . Знал бы он , что происходит на раскопках . Иногда чем меньше знаешь , тем лучше . Когда Дэвис узнает про эти ящики , будет слишком поздно что - либо изменить . Когда Дэвис узнает про зеркало , я буду далеко отсюда . Бедный Дэвис , если бы ты лучше соображал , то не доверял бы даже своей тени !»

Оливер нервно сглотнул. Этому не было объяснения. Он и предположить не мог, что Лайнел, зная идеализм Эйлиш, рассказал бы ей всю правду о происходившем на раскопках в Долине Цариц. Но то, что Оливер только что прочитал, не особо отличалось от того, что написал бы сам Лайнел в дневнике, если бы он у него был. Лайнел всегда считал дневники прерогативой школьников, авторов сентиментальных романов и институток, имеющих склонность влюбляться в своих патронов. Совершенно растерянный, Оливер продолжил читать...

« Понедельник , 10 марта 1903 года .

Labor omnia vincit improbus («Терпенье и труд все перетрут»). Из моего

окна я могу наблюдать почти за всеми студентами в любое время дня. Между F и M слишком много букв. Мне скучно, скучно, скучно.

Когда-нибудь я вышвырну словари из окна. *Litterae non dant panem* («Словом сыт не будешь»). И что я буду тогда делать? На что надеяться? Как же я завидую тем, кто может жить своими мечтами. Если бы за каждую мечту давали золотой, я был бы самым богатым студентом в колледже. Скоро закат и солнце ослепит меня. Этот прекрасный город с его сонными шпилями. Я чувствую себя пронзенным этими шпилями. Чувствую, словно день за днем упускаю жизнь, она словно соскальзывает с этих пинаклей[6]. Я словно превращаюсь в горгулью, которая никогда не покинет этих мест».

Он с шумом выдохнул. Тетрадь упала ему на колени и соскользнула на пол. Оливер уставился на акварель, которую Эйлиш спрятала меж страниц. На ней был изображен интерьер какого-то здания. Внутренний двор, окруженный высокими стенами песочного цвета с большим газоном в центре и сотней маленьких точек, в которых не трудно было распознать множество людей. Оливера прошиб пот, когда он понял, что это — вид на двор Бейлиол-колледжа, открывающийся из окна его комнаты и который он наблюдал миллион раз, сидя за столом у окна. Даже листья, окружавшие композицию, напоминали плющ, обвивавший каменные плиты.

Звук приближающихся шагов по коридору заставил Оливера быстро нагнуться и поднять тетрадь и акварель. Он положил все обратно в кресло у окна, чувствуя, как дрожат его ноги, и попытался принять беспечный вид, направляясь к двери. Дверь открылась и Эйлиш заглянула в комнату. Сначала она удивилась, увидев Оливера в своей спальне, но тут же улыбнулась так, как умела улыбаться только она.

— Твой кивок означал, что мы встретимся здесь? По-моему, это не совсем по джентельменски, — пошутила она. Ее улыбка погасла, когда девушка заметила бледность Оливера. — Что-то случилось, Оливер? Почему у тебя такое лицо?

— Не обращай внимания, — заверил он, пытаясь изобразить спокойствие, хотя его ноги все еще дрожали. — Сегодня я проснулся с некоторым головокружением.

Эйлиш склонила голову и внимательно посмотрела на него. Казалось, ее глаза смотрели сквозь Оливера, у которого мурашки пробежали по спине, когда он вспомнил слова Джемимы на кладбище: «Она слишком много знает про нас! То, что знать не должна!» Возможно ли, что в этом есть доля истины?

— Оливер, ты меня пугаешь. Ты смотришь на меня так, словно я в любой момент могу наброситься на тебя и прокусить яремную вену, — настаивала удивленная Эйлиш.

— Не важно, — попытался улыбнуться Оливер. — О чем бы ты хотела поговорить?

Девушка показала ему книгу, которую держала в руках: на обложке большими серебристыми буквами было написано «Женщины потусторонних миров».

— Я нашла это вчера в библиотеке, но еще не успела обсудить ее с тобой. Это еще один сборник ирландского фольклора. Он не отличается особой оригинальностью, но содержит интересные факты о физических различиях пяти банши, принадлежащих кланам О'Грэйди, О'Нэйлов, О'Брайенов[7], О'Конноров и Каванахов. Я подумала, что если мы запишем объединяющие их черты, то сможем получить некоторое представление о нашей банши...

Эйлиш занялась описанием распущенных волос, накидок цвета травы и одежды с кельтским орнаментом, но Оливер не мог сконцентрироваться на ее словах. Он не мог отделаться от ощущения, что обнаружил нечто, что переворачивало с ног на голову все, что он думал о женщине, которой отдал свое сердце.

[1] **Бра́йтон** — город на южном побережье в Англии в графстве Восточный Суссекс , на берегу пролива Ла - Манш .

[2] **Бат** — город в Англии , местопребывание епископа и главный город графства Сомерсет , на реке Эйвон . С античности знаменит целебными источниками как бальнеологический курорт . Памятники эпохи классицизма внесены в список Всемирного наследия . Родина батских булочек .

[3] **Го́луэй** — город в Ирландии , находится в графстве Голуэй (провинция Коннахт), административным центром которого является , а также порт на берегу залива Голуэй , в устье реки Корриб .

[4] **Белый пудинг** — близкий родственник шотландского хаггиса , но попроще . По сути это разновидность колбасы . Вычищенная свиная кишка набивается смесью заваренной овсяной крупы , говяжьего почечного жира , лука , соли и кое - каких пряностей – это базовый состав , так белый пудинг до сих пор делают в Шотландии . На любителя деликатес . В состав фарша для ирландского белого пудинга очень желательно включить свиную печень , а в Уэльсе , говорят , в фарш когда — то добавляли бараньи мозги .

[5] **Лисмор** — город в Ирландии , находится в графстве Уотерфорд у реки Блэкуотер . Одна из достопримечательностей поселения — замок Лисмор .

[6] **Пина ´ кль** — в романской и готической архитектуре — декоративная башенка , часто увенчиваемая остроконечным фиалом .

[7] О ´ Грэйди , О ´ Нэйлы , О ´ Брайены — названия кланов также могут читаться , как О ´ Гриди , О ´ Нилы , О ´ Бриены

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Тройка мечей [1]

Глава 20

В результате нескольких дней активной переписки, Рианнон с помощью Александра и Лайнела отобрала для приглашения в Маор Кладейш трех человек из Дублина, Бостона и Парижа с наиболее заманчивыми предложениями. Датой встречи они выбрали пятое апреля, так что у них оставалось меньше двух недель, чтобы превратить замок в уютное жилище. Воспользовавшись связями адвоката О'Лэри, временно наняли трех девушек из Баллибрака[2] и четырех парней из Гленнагири[3]. Распределив обязанности, все приступили к работе: подметали полы, чистили шторы, мыли окна, начищали до блеска столовые приборы и бокалы, выбивали ковры до такой степени, что смогли вернуть им часть первоначального цвета, покупали на рынке Киркёрлинга съестные припасы, способные удовлетворить самый изысканный вкус. Даже вновь наняли Роса Уиверна, чтобы он привел в порядок сад, при этом все сомневались, что работу выполнит именно он. Впрочем, главное, что в итоге сад выглядел так, словно сошел со страниц волшебных сказок.

Эти суетливые недели пролетели как мгновение и вскоре наступил великий день. Рианнон от волнения всю ночь не могла сомкнуть глаз, но инстинкт самосохранения взял верх и, услышав звук приближающегося к воротам экипажа, она смогла изобразить радушную улыбку. Все вышли встретить Диармида Деланси, который оказался таким же ирландцем, как и О'Лэри: тридцатипятилетний мужчина, невероятно высокий и худой с коротким рыжими волосами и самыми невыразительными в мире глазами. Вскоре они поняли, что его худоба вовсе не являлась следствием какой-нибудь болезни — он так энергично принялся разгружать и таскать в замок свой багаж, состоящий из двух больших сундуков, словно это были два мешка конфет.

— Вообще-то, я переехал в Дублин не больше месяца назад, — объяснял он, пока его провожали вверх по лестнице. — Я часто туда

приезжал, но жил до недавнего времени в Австралии. У меня было несколько разбросанных по острову овчарен, которые недавно перешли в руки моих младших братьев. Сейчас я планирую из Дублина заниматься финансовыми вопросами нашей семьи, впрочем, думаю, что они и без меня справятся. Наши мериносы завоевали славу лучших в мире.

Очень скоро они узнали историю Деланси: еще в середине прошлого века его семья была довольно бедна. Однажды, после того, как вредители уничтожили их урожай картофеля, им пришлось искать новое поле деятельности. В итоге дела явно пошли на лад, раз уж последний потомок династии может позволить себе приобрести заколдованный замок на земле предков. Выслушав эту историю, Александр подумал, что должна быть еще какая-то скрытая причина, побудившая ирландца к приобретению Маор Кладейш, но прибытие второго визитера помешало профессору выяснить это.

Реджинальд Гарольд Арчер, житель самого престижного района Бостона, появился в дверях замка, жалуясь на дождь, сопровождавший его на протяжении всего путешествия. Познакомившись с Рианнон, он стал жаловаться на холод и продолжал возмущаться все время, пока ему помогали снять пальто. Это был довольно пожилой мужчина лет шестидесяти настолько же маленький и плотный, насколько ирландец был высоким и худым. Густые тронутые сединой волосы были разделены ровнейшим, словно отмеренным по линейке, пробором. Если бы кто-то искал в энциклопедии значение слова «магнат», то оно, скорее всего, было бы проиллюстрировано фотографией мистера Арчера. После ритуального приветствия, он пустился в подробное описание своей эксклюзивнейшей в США сети отелей, основанной тридцать пять лет назад.

Мистер Арчер прибыл в Маор Кладейш не один: он привез с собой секретаря Фрэнка Риверса, мужчину немного моложе Деланси со страдальческим выражением лица, которое никого не удивило после целого часа кудахтанья его шефа. Бледный и низкорослый, он больше походил на подростка, чем на помощника важного бизнесмена. У него были очень светлые, вьющиеся волосы и испуганный взгляд.

— Семейство Арчеров ведет почти двухсотлетнюю историю, впрочем, имею честь сообщить, что мы никогда не поднимались столь высоко как сейчас, — провозгласил Арчер. Он осторожно пожал руку ирландцу и они обменялись оценивающими взглядами. — В наших отелях останавливаются сливки североамериканского общества, не говоря уже о коронованных особах и аристократии из Европы. И все благодаря усилиям и постоянному труду Арчеров, разумеется — в нашей стране ничто не

достаётся даром.

— Кажется, недавно я читал в «*Times*» об одном из ваших отелей, — задумчиво изрек Александр. — О том, который скоро откроют в... Луизиане?

— Ах, да, это одно из достижений Рекса, моего старшего сына, — с гордостью ответил американец. — Это очень способный молодой человек, с большим талантом к бизнесу. Я бы очень хотел познакомить вас с ним, но в последнее время у него очень много работы на старой плантации близ Нового Орлеана, которую он преобразовывает в роскошный отель и вряд ли он сможет оттуда уехать. Если вы когда-нибудь вдруг окажетесь в тех местах, непременно посетите нас, вас обслужат по-королевски. Риверс, дай им пару визиток.

Никто не собирался «вдруг оказаться» в Новом Орлеане в ближайшем будущем, но, тем не менее, все безропотно приняли предложенные кусочки картона.

— А можно и мне одну? — попросила Эйлиш. Увидев, что Арчер немного удивлен, поспешила добавить: — Южные плантации всегда казались мне очень романтичным местом. Мне бы очень хотелось когда-нибудь остановиться в вашем отеле.

— Ах, как мне нравится решительность нынешней молодежи, — воскликнул Арчер, пока его секретарь доставал новую визитку и передавал ее девушке. — Поверьте, это путешествие действительно стоит того. Я уверен, что для вас и вашей матери это будет незабываемый опыт.

Эйлиш кивнула с энтузиазмом, а Оливер заметил, что она убрала визитку так, словно та была величайшим сокровищем. Тоже самое она сделала накануне с карточкой Деланси. Почему ее так интересует бизнес незнакомцев?

Третий приглашенный заставил себя ждать гораздо дольше планируемого. Рианнон решила предложить всем перекусить в гостиной. Александр, Оливер и Эйлиш присоединились к гостям, чтобы попытаться завязать приятную беседу, а вот Лайнел предпочел проигнорировать собрание. Он изрядно удивил своих друзей тем, что решил провести вечер за изучением руководства по геральдике, которое попросил у Эйлиш. Это была книга, посвященная генеалогии старейших ирландских семейств, насчитывавших больше лет, чем все гости замка вместе взятые.

Лайнел по-прежнему был убежден, что в Маор Кладейш имели гораздо более ужасные события, чем согласна была признать Рианнон. Ладно, раз уж хозяйка замка отказывалась сотрудничать, то ему ничего не оставалось, как самому во всем разобраться. Он подумал, что некоторые

изыскания по генеалогическому древу семейства помогут пролить свет на происходящее, но как бы он не вчитывался в книгу, не смог найти ничего интересного. Вот уже остались позади истории крупнейших кланов и их символов: лев, вепрь и шлем — О'Тулов, лев и корабль — О'Лэхари, железные рукавицы и русалка с расческой и зеркалом — О'Бирнов... Дюжины династий, расположенных по убывающей согласно своей значимости, и при этом ни одной зацепки для расследования.

Лайнел нахмурился. В этом не было никакого смысла. Он задумчиво поглаживал подбородок и спрашивал себя о том, что же творилось в голове у автора книги, когда Джемима резко распахнула дверь комнаты. Она с рассвета была на ногах и щеки у нее покраснелись от беготни по замку.

— Святые небеса, я так больше не могу! Слава богу, у нас есть все эти помощники, я бы сошла с ума, если бы мне пришлось все делать самой!

Лайнел продолжал листать страницы, не обращая на нее внимания. Почему-то О'Лэри в книге не было. Это коренным образом расходилось с тем, что им говорили в Киркёрлинге о происхождении этого рода. Все утверждали, что родословная О'Лэри восходила к началу Средневековья, но в таком случае, в книге должна быть посвященная им глава...

— Они все еще сидят в гостиной на первом этаже и никто не сможет их оттуда вытащить, пока не закончится дождь, — продолжала жаловаться Джемима. — Пришлось сервировать им почти все запасы пирожных и печенья, которые хозяйка заготовила на неделю. Даже свистнуть ничего сладкого нельзя, пока они в замке. Видел бы ты, как они стараются произвести впечатление! Сидят с таким видом, будто палку проглотили.

— И как со всем этим справляется Рианнон? — рассеянно спросил Лайнел, открывая последние страницы книги в надежде обнаружить алфавитный указатель фамилий.

— Вроде, хорошо. Впрочем, она по прежнему словно комок нервов. У меня такое ощущение, что если бы рядом с ней не было профессора Куиллса, то она впала бы в панику.

— Похоже, не я один думаю, что эти двое явно нашли друг друга.

— Что касается мисс О'Лэри, то она уже почти целый час играет на арфе. Думаю, всем уже надоело, мне уж точно, но, полагаю, что хозяйка решила, что это будет хорошим способом показать чужакам наши традиции.

— Что, снова все та же песня о женщине, рыдающей над телом умершего мужа? — Лайнел тряхнул головой. — Оливер наверняка выучил ее наизусть и когда мы вернемся в Оксфорд, будет без конца напевать ее, таскаясь туда-сюда со своим несчастным порванным в лоскуты сердцем.

Услышав его слова, Джемима помолчала немного, окинула взглядом как Лайнел водит пальцем по списку фамилий.

— Что ты там такое интересное высматриваешь?

— Это книга с гербами ирландских кланов, которую мне дала дочь твоей хозяйки. Пару дней назад мне пришло в голову, что мы могли бы...

— Боже мой, Лайнел, ты скоро станешь похожим на Оливера. — она забрала у него книгу и небрежно швырнула ее на стол. — Может, хватит на сегодня исследований?

Книга ударилась о край стола, пробалансировала там пару секунд и, в конце концов, упала на ковер, раскрывшись словно птица, сраженная выстрелом.

Лайнел не успел ничего возразить Джемиме. Девушка прижала его рукой к спинке стула, чтобы отдалить его от стола и со всем спокойствием мира взгромодилась сверху, обхватив его шею руками.

— Джемима, — попытался защититься Лайнел, — по-моему, это не самый подходящий момент...

— Любой момент — очень даже подходящий, — прошептала она. Девушка наклонилась, чтобы постепенно покрыть поцелуями его шею и закончить покусыванием мочки уха. Лайнел не смог сдержать дрожь. — По-моему, в последнее время ты слишком увлекся своим исследованием. Иногда полезно расслабиться, как тебе, так и мне. Мне в голову пришел один способ..., впрочем, уверена, что и ты о нем знаешь...

— Разумеется, я о нем знаю, — смог выговорить Лайнел, — но, думаю, что лучше все-таки продолжить в другом месте и в другое время.

— Ты имел ввиду Оксфорд? — спросила Джемима и улыбнулась, положив голову на плечо Лайнела и пропуская его густые волосы сквозь пальцы. — Я очарована тем, что ты хочешь подождать до того, как мы войдем, наконец, в наш новый дом. Я планирую испробовать вместе с тобой каждую комнату. Но у нас нет причин блюсти воздержание до того момента. Ничего не случится, если мы потренируемся заранее...

Лайнел не знал как ему выпутаться из этой ситуации: он привык быть хищником, а не добычей, поэтому ему оставалось лишь вздохнуть с облегчением, когда по всему Маор Кладейш разнесся мощный стук в главные ворота. Джемима, прислушавшись, остановилась.

— О, нет! Поверить не могу, что это происходит со мной, — запротестовала она.

— Думаю, ты должна открыть дверь, — подтвердил ее опасения Лайнел, молясь, чтобы она не заметила тонкую струйку пота, стекающую с его лба. — Рианнон совсем не понравится, если ты заставишь третьего

гостя ждать под проливным дождем.

— Думаешь, это он? — встревожилась девушка, торопливо слезая с его колен и расправляя складки на платье. — Пойдем со мной!

— Что? — запротестовал Лайнел. — Я-то здесь при чем? Горничная в замке — ты!

— Да пойдем уже, откроем, — Джемима взяла его за руку и подняла со стула.

Лайнелу ничего не оставалось, как последовать за ней, предварительно окинув тревожным взглядом собственные штаны, иначе кто-нибудь мог подумать, что он чрезвычайно взволнован появлением нового гостя, как внутренне, так и внешне. Когда они добрались до фойе, то увидели, что никто из слуг до сих пор не пришел. Вновь послышался громкий настойчивый стук. Стучавший явно не был из тех, кто привык к тому, чтобы его заставляли ждать.

Снаружи был такой сильный ветер, что чуть не сбил молодых людей с ног, когда они приоткрыли створку входной двери. Выглянув на улицу, они обнаружили там нечто неожиданное: у подножия замка стояла потрясающая карета, запряженная парой таких черных коней, что даже смола побледнела бы на их фоне. У кареты они увидели огромный, способный защитить троих, зонт, под которым укрывалась от дождя женщина. На ней было темно-серое бархатное пальто с опушкой из черного меха на манжетах и воротнике. На элегантной шляпке подрагивали серо-черные перья, которые едва позволяли рассмотреть ее лицо.

— Можете оставить мои вещи здесь, прислуга О'Лэри позаботится об их доставке в мою комнату. Смотрите, чтобы не слишком намокла моя шляпная коробка. — В это время кучер, под пристальным взглядом дамы, выгружал из кареты полдюжины сундуков, кожаных чемоданов и дорожных сумок. Когда весь багаж оказался у двери, женщина, не глядя, сунула кучеру банкноту. — Пейте что-нибудь за мое здоровье до конца этого года.

У кучера аж искры из глаз посыпались, да и у Джемимы тоже. Похоже, что они впервые видели банкноту такого достоинства. Что касается Лайнела, то он стоял как истукан и глазел на прекрасную смуглую кожу, обладательница которой, наконец, посмотрела на него и одарила его улыбкой, которая явно принадлежала особе, привыкшей к всеобщему восхищению и обожанию.

Девушке было лет двадцать пять, выше среднего роста и сложена словно греческая богиня, с большими миндалевидными глазами, таким же темными, как и собранные в элегантный пучок волосы. Она оперлась на ручку зонта, воткнутого у входа в Маор Кладейш словно знамя, и

кашлянула, прочищая горло:

— Меня, безусловно, радует целый комитет встречающих, хоть и не столь многословных, — в ее голосе была перемешана целая гамма самых разношерстных акцентов: французский в интонациях, итальянский в произнесении гласных, легкий налет арабского в модуляции. — Вас не затруднит позволить мне войти, не так ли?

— Разумеется, нет, — пробормотала покрасневшая Джемима. — А вы, собственно, кто?

— Стирлинг, — перебила ее девушка. — Маргарет Элизабет Стирлинг. — Впрочем, что-то мне подсказывает, что подобные вопросы должна задавать ваша хозяйка. Она проинформирована о моем визите.

— Разумеется, проинформирована, — подтвердил Лайнел. Взгляд новоприбывшей переместился с Джемимы на Лайнела, который склонился чтобы поцеловать руку богини с манерами византийской принцессы. — Позвольте поприветствовать вас в Маор Кладейш, миссис Стирлинг. Я — Лайнел Леннокс, друг миссис О'Лэри...

— Рада познакомиться, — ответила девушка и на ее губах, подкрашенных красной помадой, расцвела прекрасная улыбка. — Мисс. Мисс Стирлинг.

«Тем лучше», — подумал Лайнел. Он посторонился, чтобы дать ей пройти, тоже самое сделала Джемима, забирая у мисс Стирлинг мокрый зонт и шляпу. Оба молча смотрели как женщина с хозяйским видом прошествовала по фойе. Стук ее каблучков эхом раздавался по помещению.

Рассмотрев, наконец, лицо девушки, Лайнел заметил на ее щеках привлекающие внимание родинки: четыре на правой и три на левой. «Плеяда»[4] — подумал про себя Лайнел, сам не зная почему. Эти отметины вовсе не уродовали ее лицо, а скорее еще больше приумножали ее редкую красоту.

— Ах, мисс Стирлинг! — услышали они Рианнон. Она появилась на вершине лестницы в сопровождении Александра, а Оливер с Эйлиш шли следом. — Как я рада видеть вас, наконец, в своем доме! Я уже начала опасаться, что ваш корабль потерпел крушение!

— Сорняки никогда не дохнут, миссис О'Лэри. Впрочем, должна признаться, что не все прошло гладко. Когда мы приближались к ирландскому побережью, на нас обрушилась страшная буря, словно сошедшая со страниц дрянного готического романа. Остальные уже здесь?

— Позвольте вам представить мистера Деланси и мистера Арчера с секретарем, все они прибыли несколько часов назад. Думаю, вам стоит присоединиться к нам и выпить что-нибудь горячее перед ужином. А,

позвольте также представить профессора Куиллса и мистера Сандерса...

Оба склонили головы, приветствуя даму, которая ответила тем же.

— Мистер Леннокс... Мне показалось, что вы разговаривали, это так? Вы уже знакомы?

— Наша первая встреча была быстрой, но многообещающей, — заявил Лайнел с улыбкой, которая нашла еле заметный отклик на лице девушки.

— А это — моя дочь, мисс О'Лэри, — продолжила Рианнон.

— Приятно познакомиться, — поздоровалась Эйлиш, протягивая руку в перчатке.

Взгляд вновь прибывшей задержался на лице Эйлиш чуть больше положенного, но в итоге гостья ограничилась приветственным рукопожатием. Рианнон махнула рукой застывшей в дверях Джемиме, чтобы та внесла вещи мисс Стирлинг в помещение прежде, чем они еще больше намокнут.

— Я уверена, что вам понравится в замке, — продолжила хозяйка, которая от волнения говорила быстрее обычного. — Я распорядилась подготовить для вас одну из комнат на втором этаже, витражи которой выходят на на главные ворота замка. Как только Джемима поднимет ваши вещи...

— Я ей помогу, — прервала мать Эйлиш, спускаясь по лестнице и забирая шляпу из рук Джемимы. — Это займет всего несколько минут, вскоре вы сможете переодеться в сухую одежду.

Мисс Стирлинг показалось несколько странным, что наследница О'Лэри так себя утруждает. Оливер тоже бросил на Эйлиш подозрительный взгляд, когда та прошла мимо него, прижимая шляпу к груди. За ней шла Джемима еле волоча многочисленные узлы. Рианнон и мисс Стирлинг поднялись по лестнице следом за ними. Лайнел подошел к своим приятелям, опьяненный тянущимся за гостьей ароматом сандала.

— Черт возьми, она не может быть настоящей. Скажите мне, что это лишь плод моей фантазии!

— Это не так, — подтвердил Александр, провожая взглядом Рианнон, пока та не скрылась из глаз. — Я вынужден признать, что она довольно интересна, но...

— Интересна? Думаешь, что лишь это подумали троянцы, когда Парис прибыл в город под руку с Еленой?

— Ты как всегда преувеличиваешь, — тихо вступил в разговор Оливер. — Странно, что ты до сих пор не пал у ее ног лишь потому, что она женщина. Надо же, Елена Троянская...

— Будем надеяться, что, на наше счастье, ее присутствие не окажется

столь разрушительным, — заметил профессор. — Я бы не хотел увидеть Маор Кладейш в огне.

А вот Лайнел да, чувствовал себя словно в огне. Он тряхнул головой, словно пытаясь стряхнуть с себя чары этой удивительной женщины.

— Что нам о ней известно, Александр? Ты читал письмо, которое она направила Рианнон?

— Да, она показала мне его. На самом деле, там не было ничего интересного. Только ее имя, Маргарет Элизабет Стирлинг, город Париж, из которого она писала и то, насколько она заинтересована в приобретении, что явно свидетельствует о ее платежеспособности.

— Вот, значит, кто читает нас в Париже, — сказал Оливер. Он все еще был обеспокоен странным поведением Эйлиш. — Как-то она не особо похожа на француженку.

— Она не француженка. Думаю, она с востока, из Венгрии или Румынии...

Не было смысла и дальше стоять без дела у входа, так что Александр предложил всем присоединиться к остальным в гостиной на первом этаже, чтобы помочь Рианнон в столь важном для нее деле.

И хоть никто не сказал этого вслух, у всех промелькнула мысль, что, возможно, Маргарет Элизабет Стирлинг привезла с собой неминуемую беду.

[1] *Тройка Мечей* — карта ТАРО , традиционно называется « Властелин Печали ». Главное значение Тройки Мечей — выбор , сделанный вопреки чувству . Карта разрыва , разделения . Альянсы , прежде составленные , распадаются из - за разладов , противоположных интересов , конфликтов между частями .

[2] *Баллибрак* — юго - восточный пригород Дублина , столицы Ирландии . Находится в графстве Дун - Лэаре - Ратдаун .

[3] *Гленнагири* — пригород в Ирландии , находится в графстве Дун - Лэаре - Ратдаун . Местная железнодорожная станция была открыта 1 ноября 1867 года .

[4] *Плея́ды* (астрономическое обозначение — М 45; иногда также используется собственное имя *Семь сестёр* , старинное русское название — *Стожары* или *Волосожары* , в Библии и Торе — *Кима*) — рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца ; одно из ближайших к Земле и одно из наиболее заметных для невооружённого глаза звёздных скоплений . Яркие звезды в скоплении Плеяд носят имена семи сестёр , дочерей Атланта , превращённых Зевсом в семизвездие Плеяд : Альциона , Целено ,

Майя , Мерона , Астерона , Тайгета и Электра .

Глава 21

Во время ужина, сервированного О'Лэри для гостей, Лайнел с облегчением заметил, что не он один не мог глаз отвести от мисс Стирлинг. Мистер Деланси, мистер Арчер и мистер Риверс едва попробовали еду, словно что-то мешало им сосредоточиться на аромате бараньих отбивных с мятой, над которыми Мод и ее помощницы трудились целый день. Эта женщина притягивала словно магнит. Она безо всяких усилий излучала магнетизм такого уровня, на достижение которого у любой другой женщины ушли бы годы.

Малейшее движение было наполнено чувственностью, словно танец, а в голосе неизменно присутствовало кокетство, независимо от того, о чем она говорила — о своем появлении в Киркёрлинге или о самых модных парижских духах. Она словно проникала в мужской мозг, делала с ним, что ей заблагорассудится и, покончив с ним, вешала на пояс как трофей, как это делала ее тезка Маргарита Наваррская с забальзамированными сердцами своих мужей[1].

Лайнел потратил чуть больше усилий, чем обычно для достижения своей цели, но, в конце концов, смог сесть рядом с ней во время ужина, влекомый словно мотылек, неспособный сопротивляться губительному огню. После первого блюда, ему удалось вовлечь девушку в разговор на общие темы, чтобы постепенно подвести к обсуждению путешествий. Вкус триумфа, когда ему удалось произвести впечатление историей про раскопки в Египте, показался Лайнелу более ярким, чем поданное Рианнон в честь гостей вино. Лайнел был настолько опьянен, что, предлагая даме руку, чтобы покинуть с ней столовую, даже не заметил направленный на него взбешенный взгляд Джемимы и не обратил внимания на отсутствие последней в его спальне той ночью. Он провел полночи широко раскинувшись на кровати, хозяин и бог матраса, который, наконец, принадлежал только ему... Впрочем, он бы не возражал следующим утром увидеть рядом смуглое лицо с родинками вместо растрепанных рыжих волос.

Дождь не переставал идти весь вечер, сизые тучи все больше сгущались над Киркёрлингом, предвещая настоящий ливень, так что ничего не оставалось кроме как показывать гостям интерьеры замка. Рианнон провела их от подвала, в прошлом служившего в качестве темницы, до часовни, построенной в XII веке на самом верху в дозорной башне, где когда-то, во времена набегов норманнов, меж зубцов

выстраивались лучники. После ужина гостям предложили прогуляться по саду, прежде чем надвигающаяся буря нарушит их планы.

Секретарь мистера Арчера вышагивал рядом с хозяином, придерживая над ним зонт, Лайнел делал тоже самое для мисс Стирлинг, которая шла с ним под руку, придерживая подол платья, чтобы не вымазать его в глине. Александр и Оливер замыкали шествие, к счастью для Лайнела, они не слишком много говорили, иначе ему было бы сложнее удерживать внимание девушки.

Как он и предполагал, его приключения в Долине Цариц произвели большое впечатление на мисс Стирлинг. Пока они обходили замок следом за Рианнон, рассказывающей про размер поместья и про то, насколько полезным оно может быть для нового владельца, девушка мурлыкающим голосом попросила Лайнела рассказать все поподробнее. Лайнел решил, что это наилучший момент, чтобы изложить ей версию «*Pall Mall Gazette*» о произошедшей тогда схватке.

— Не понимаю, как они могли так бесшумно напасть на нас, — рассказывал он ей заговорщицким шепотом. — Я не поверил своим глазам, когда вышел из усыпальницы. уверяю вас. Это была поистине дантовская сцена.

— Должно быть, это было просто ужасно! — воскликнула мисс Стирлинг, широко раскрыв глаза.

— Да, не буду отрицать. Но в жизни мужчины бывают моменты, когда ему ничего не остается как зубами и когтями сражаться за свою жизнь. Представляете, при мне был всего лишь пистолет, который мне выдали люди Дэвиса на всякий случай.

— Да, но одно дело «всякий случай», и совсем другое — атака целой банды расхитителей гробниц, мистер Леннокс, — произнесла мисс Стирлинг. Ее пальца судорожно сжимали руку Лайнела. — Не представляю как вам хватило смелости.

— По правде сказать, мисс, мы тоже этого не представляем, — вмешался в разговор шедший за ними следом Александр.

— Трудно поверить, что в наше время все еще существуют такие герои, как Лайнел, — добавил Оливер. — Иногда останавливаешься, задумываешься и не можешь постичь, почему такой великий человек оказывает тебе честь своей дружбой. Когда я сойду в могилу, то буду гордиться тем, что лично знал Лайнела Леннокса, защитника фараонов.

Губы в красной помаде дрогнули, но удержали рвущийся наружу смех. Лайнел бросил в сторону друзей возмущенный взгляд и продолжил:

— Как я вам рассказывал, как только я вышел из усыпальницы, в меня

начали стрелять с четырех разных точек. Одна из бандитских пуль чуть не пронзила мне сердце. В течение нескольких дней врачи, обслуживающие нашу археологическую экспедицию, боялись за мою жизнь, так как пуля располагалась слишком близко к сердцу и было опасно пытаться ее извлечь. Но моя воля к жизни была слишком сильна. Ничто так не оживляет, как чувство удовлетворения от выполненного долга...

— Боже мой, если бы у меня сейчас был пистолет, я бы сам его пристрелил, — прошептал Оливер профессору, — и тоже почувствовал бы удовлетворение от выполненного долга.

Вдруг его внимание привлекло движение меж веток деревьев. Он остановился и увидел, как Эйлиш вышла через заднюю дверь замка, бросила быстрый взгляд на мать, которая в этот момент рассказывала что-то про конструкцию часовни мистеру Деланси, подобрала юбки голубого платья и бросилась бежать через заросли вязов. В мгновение ока девушка исчезла в чаще. Оливер нахмурился. Он до сих пор не мог выбросить из головы то, что обнаружил в ее комнате, а этот побег еще больше разжег его любопытство.

— Идите дальше без меня, — сказал он Александру и сошел с тропы.

— Ты куда? — спросил удивленный профессор. — Мы еще далеко не все осмотрели. Напоминаю, что Рианнон хотела, чтобы именно ты рассказал гостям легенду про банши.

— Извини, но дело не терпит отлагательств. Это связано с Эйлиш. Потом поговорим.

Он побежал в том же направлении, в котором скрылась Эйлиш. Поначалу Оливеру было совсем нетрудно идти вслед за ней — голубое пятно ее платья уже скрылось за деревьями, но на улице было так грязно и на ее туфельках налипло столько глины, что можно было без труда идти по отпечаткам ее следов. Но когда он покинул лес и вышел к обрыву, то понял, что девушка исчезла. Не было никаких признаков Эйлиш, хотя она явно должна быть рядом. Оливер остановился, постоял, задумавшись, по дождем, и вдруг ему в голову пришла идея, которая поначалу казалась абсурдной, а теперь приобрела смысл. Он осторожно подошел к обрыву и остановился прямо у края.

Волны яростно бушевали где-то далеко внизу, а длинные языки пены брызгали ему в лицо. Первое мгновение Оливер не мог ничего различить, но, присмотревшись повнимательнее, заметил, что скалы, о которые билось море, сложились таким причудливым образом, что образовали нечто вроде натуральной лестницы, спускавшейся к самой воде. Ступени были так покрыты мхом и лишайником, что мужчине потребовалось

собрать свою волю в кулак, прежде чем решиться ступить на первую скалу, потом на вторую... и далее, на протяжении спуска, он лишь надеялся на то, что Эйлиш не будет над ним смеяться, если предательская волна смоет его с пьедестала.

Оливер продолжал идти вперед, держась рукой за шероховатую стену, пока ноги не ступили на ровную поверхность, где вода достигала ему до щиколоток. Справа простиралось необъятное море, значит Эйлиш не могла уйти в ту сторону без лодки. Он разглядывал скалы раздумывая, сможет ли пройти дальше и вдруг заметил щель среди камней. Отверстие не было видно ни с моря, ни с высоты. В памяти всплыли истории о пиратах, которые рассказывал Александр. Возможно, именно в этой пещере прятали они свои трофеи?

— Время секретов прошло, — пробормотал он, направляясь к тропинке, которую почти скрывали скалы. — Настало время узнать правду.

Ухватившись за верхнюю часть скалы, Оливер порезал руку, но даже не почувствовал боли. Он добрался до отверстия и оказался перед пещерой гораздо меньшей, чем он предполагал. Это была, скорее, выемка в стене, омываемая соленой водой.

Девушка была именно там. Она сидела на корточках у дальней стены, зажигая лампу, которую, по всей видимости, хранила в пещере. Звук шагов Оливера так испугал Эйлиш, что она чуть не закричала.

— Оливер! — она вскочила на ноги. — Что ты здесь делаешь? Как ты..?

Оливер ответил не сразу. Он оставался стоять в противоположном от нее конце пещеры прямо во все увеличивающейся луже.

— Мне очень жаль, — сказал он, наконец. — Я знаю, что поступил плохо, последовав за тобой без приглашения, но не мог оставаться спокойным, не убедившись что ты в безопасности.

— Ну, что ж, теперь ты видишь, что я в порядке, — произнесла Эйлиш и неуверенно шагнула вправо.

— Что это? — спросил Оливер, поняв, что девушка пытается что-то спрятать.

— Ты о чем? Это всего лишь лампа, точно такие же стоят по всему замку. Знаю, что звучит глупо, но я с детства любила прятаться в этой пещере. Это как мое личное убежище, мама не знает о нем.

— Эйлиш, ты знаешь, о чем я. Что ты прячешь от меня? — Оливер подошел ближе, чувствуя как вода проникает в обувь.

— Ничего, — пробормотала Эйлиш, пытаясь, тем не менее, остановить его. — Так, всего лишь ... футляр для рисунков.

— Довольно странное место для хранения рисунков.

Эйлиш не стала спорить дальше. Она лишь смотрела как Оливер опустился на колени, чтобы открыть размокшую деревянную крышку футляра. Увидев содержимое, он онемел. В первую секунду показалось, что это всего лишь груда хлама в лавке старьевщика. Гребень для волос, платок с вышитыми на уголке инициалами А.Г.К, тесьма с пряжкой от шляпы, заточенный карандаш...

Карандаш привлек его внимание и он вытащил его из футляра.

— Это мое, — тихо сказал он. — Он из тех, что я привез из Оксфорда, чтобы делать заметки в библиотеке. В случае необходимости ты могла бы просто попросить его у меня.

Эйлиш ничего не ответила. Оливер продолжил рассматривать содержимое футляра. Среди обрывков бумаги, звеньев цепочек и погашенных почтовых марок он увидел серебристый значок. Оливер положил его на ладонь и поднес к свету лампы. Он тут же узнал его — венки с арфой внутри.

— Этот значок принадлежит Королевской Ирландской Полиции, — сказал Оливер, с трудом сохраняя спокойствие. — Он не твой, Эйлиш, скорее всего, он принадлежит инспектору Фитцуолтеру.

— Я не краля его! — запротестовала Эйлиш. — Несколько лет назад инспектор носил этот знак на шлеме и однажды, во время его визита в наш замок, потерял. Я нашла значок на тропе, ведущей к калитке замка. — Помолчав немного, она тихо добавила: — Оливер, я не воровка. Все это появилось без...

— Платок Александра тоже? — мрачней все больше спросил Оливер. Он поднял упомянутый платок, демонстрируя ей. — А тесьма от шляпы Лайнела? Мой карандаш? Я не понимаю, что еще ты скрываешь, Эйлиш. Я не понимаю тебя.

— Ничего нового, поверь. Не волнуйся, ты не первый кто говорит мне подобное.

Оливер открыл было рот для ответа, но все упреки замерли у него на устах при виде повлажневших глаз девушки. И вдруг, разрозненные кусочки головоломки начали соединяться...

— То, о чем говорят в деревне, ты делаешь с помощью этих предметов, верно?

С губ Эйлиш сорвался стон. Она хотела выбежать из пещеры, но Оливер с нежностью тронул ее за плечо, не давая уйти.

— Вот почему ты собираешь эти предметы, забытые жителями Киркёрлинга. Для этого ты попросила визитки у Арчера и Деланси...

— И предложила помочь мисс Стирлинг поднять вещи в комнату, — прошептала она, кивнув в сторону футляра. Оливер увидел не замеченное ранее серо-черное полосатое перо.

— Признаю, что в этом случае я действительно украла, — сказала, покраснев, Эйлиш. — Но я не могла этого избежать. Я никогда не видела подобной женщины. Она столько всего повидала! И я могла узнать все это с помощью столь незначительного для нее предмета, как перо!

— Вот, значит, как ты это делаешь, — прошептал Оливер, почти чувствуя головокружение от столь невероятного открытия. — Ты прикасаешься к предметам, чтобы получить доступ к переживаниям их обладателей. Вот почему ты столько знала о нас... Прости, я не смог удержаться от прочтения твоей тетради, — пришлось ему признаться под пронизывающим взглядом девушки. — Клянусь, я вовсе не хотел шпионить за тобой, просто...

— Не важно, — произнесла она, — я должна была предвидеть, что когда-нибудь это произойдет.

Снаружи, в реальном мире, буря набирала обороты, дождь хлестал по закипающим волнам. Вход в пещеру почти затопило и несколько ручейков стекало к ногам молодых людей, но Оливер не обращал на это внимания, он жадно ловил каждое слово девушки.

— Я была совсем маленькой, когда это началось, лет в шесть, максимум в семь. Через несколько месяцев после того, как мой отец умер от пневмонии.

— Поэтому ты всегда в перчатках, — догадался молодой человек, беря за руку Эйлиш. До сих пор он думал, что перчатки целиком из кружева, но, приглядевшись, заметил, что на ладони была сатиновая подстежка такого же цвета, как и все остальное. — Ты чувствуешь только руками? Или всей кожей?

— Всей, — прошептала Эйлиш, ее лицо еще больше помрачнело. — Нет ни одного лоскутка кожи, который не обладал бы этой способностью. Но, как ты понимаешь, люди, как правило, не трогают у девушки ничего кроме рук, так что мне вполне хватает защищенных рук. Когда кто-нибудь касается меня без того, чтобы между нами не было бы слоя ткани... — она нервно сглотнула и тряхнула головой, — кожа людей, как борозды грампластинок, а я — игла, извлекающая давно забытые музыкальные ноты.

— Вот, значит, как ты можешь читать мысли, — зачарованно произнес Оливер. — Когда ты дотрагиваешься до человека, ты словно заглядываешь в его прошлое сквозь открытое окно.

Эйлиш кивнула. Оливер заметил, что она слегка покраснела, прежде чем прошептать:

— Несколько дней назад я столкнулась в саду с Лайнелом и он... он убрал с моего лица выпавшую ресницу. — Она помолчала немного и взволнованно продолжила: — Я увидела женщин, Оливер. Много женщин и почти все ... раздетые...

Оливер не смог удержаться и рассмеялся. Она выглядела такой смущенной, что ему захотелось обнять ее, словно маленькую девочку.

— Я не понимаю что с тобой. Наверняка, я — самая странная из всех, кого ты знал. И при этом ты все еще здесь?

— А почему я не должен быть здесь? — спросил Оливер. Узнав правду, он словно воспрял. — Эйлиш, по-моему, ты забыла чем я занимаюсь. «*Dreaming Spires*» специализируется на паранормальных явлениях, в которые мало кто верит. Какой из меня получился бы журналист, если бы меня испугал твой дар только потому, что я не могу его понять?

— Ты называешь это даром, — заметила Эйлиш, все еще недоумевая, — хотя, на самом деле, это — проклятие.

— Не надо так. Я много читал о людях, обладающих подобной силой, но никогда не думал, что смогу увидеть такое вживую. Кажется, ученые называют это «психометрия»[2]. Наверняка и ты читала множество историй о том, что медиумы способны притягивать затерянные души, используя предметы, принадлежавшие им когда-то при жизни. Я слышал об этом от моего друга Августа Уэствуда, который обладает даром общения с умершими. На самом деле, все это не так уж и странно.

— Прости, но для меня это очень даже странно, — запротестовала девушка. — Уверяю тебя, была бы я нормальной, то не осмелилась бы даже подойти к такой, как я.

— Не надо так драматизировать, — позволил себе улыбнуться Оливер. — То, о чем мы сейчас говорим еще настолько не изучено. Поверь мне, если бы лет пятьдесят назад мы заговорили с кем-то о нынешних научных открытиях, то нас бы посчитали ненормальными.

Эйлиш продолжала смотреть на него с прежней тревогой. Было видно, что она мечется между смирением со своей участью быть отверженной обществом и отчаянным желанием поверить в его слова. Оливер воспользовался маленькой трещиной в ее броне, чтобы выяснить то, о чем до этого момента не решался спросить, чтобы не смущать девушку.

— Эти сплетни, что ходят по Киркёрлингу о тебе и об одном парне...

— Ах, этого следовало ожидать, — вздохнула Эйлиш. Она усталым

жестом провела рукой по лицу, убирая влажные волосы, напомнив этим Рианнон. — Тебе Джемима об этом рассказала, верно? И почему она так любит копаться в моем грязном белье?

— Все что она мне сказала, это что в детстве у тебя были проблемы. Что ты обвинила парня в преступлении, за которое его упекли в тюрьму.

Девушка кивнула. На лице не было и тени угрызений совести, лишь усталость.

— Хочешь узнать всю историю? Это совсем не трудно. Его звали Майкл Эш и было ему в то время лет восемнадцать. По вечерам он часто собирался с друзьями на пляже, примыкающем к кладбищу, я не раз видела их из окон верхних этажей Маор Кладейш. Я до сих пор не знаю точно, что тогда произошло, но насколько я поняла, произошла драка между Майклом и его лучшим другом. Драка, которая закончилась трагедией. — Девушка помолчала немного, словно оживляя в памяти моменты прошлого. — Во время борьбы второй парень упал в воду, а Майкл ничего не смог сделать, чтобы спасти его.

— Не смог вытащить приятеля на берег? — уточнил Оливер. — Или не хотел этого делать?

— Понятия не имею. Я даже не могу понять, почему никто из жителей деревни не видел этой драки. Дело в том, что Майкл очень испугался, когда, наконец, смог вытащить друга и понял, что тот уже не дышит. И чтобы избежать возможных последствий решил избавиться от тела. Он выкопал яму подальше от пляжа, а потом избавился от лопаты. Угадай, кто ее нашел, бегая по окрестностям несколько дней спустя? Я не подозревала о том, что произошло, я была слишком маленькой, чтобы предположить нечто подобное. Но когда я столкнулась с Майклом на рыночной площади и спросила его почему он играл с другом в закапывание в песок, он так посмотрел на меня... Вокруг было столько народу, словно собрался весь Киркёрлинг! Родители пропавшего парня тоже там были. Думаю, можешь себе представить, что было потом. Инспектору Фитцуолтеру пришлось забрать меня в комиссарию, впрочем, он был очень любезен со мной. Меня заставили изложить все, что я знаю и когда последовали моим указаниям, то нашли труп именно там, где я сказала. Майкла увезли в дублинскую тюрьму и, насколько я поняла, повесили через пару недель после ареста. Его семья прокляла меня, и многие прихожане сделали тоже самое из солидарности. У моей матери чуть нервный припадок не случился, когда она узнала о случившемся. С тех пор она наказала мне никогда не покидать Маор Кладейш. Чтобы я даже не думала ступить за ограду, ни тем более о том, чтобы пойти в Киркёрлинг. Я превратилась в узницу собственного

замка по вине собственной наивности, хотя, полагаю, я все правильно тогда сделала. Я никогда не слышала, чтобы какое-нибудь поселение было в восторге от проживающей по соседству ведьмы.

Оливер вздрогнул, когда она произнесла слово «ведьма». Это была та правда, которую утаили от них в Киркёрлинге и с тех пор она росла, как снежный ком, приобретая невероятных размеров благодаря воображению Джемимы и прочих представителей ее поколения. Оливер хотел успокоить Эйлиш, но понимал, что девушка говорит правду. Это поселение никогда не сможет стать таким, как Лондон, где спиритические сеансы превратились в некое хобби. Это поселение никогда не перестанет воспринимать Эйлиш, как монстра.

— У тебя кровь на руке, — вдруг сказала она, показывая на его ладонь.

— Вроде бы да, — ответил он, — не важно, видимо, я поранился пока лез по скалам, скрывающим вход в пещеру. Когда вернемся в дом, наложу себе повязку.

Эйлиш наклонилась и подхватила рукой подол платья. Она смыла кровь Оливера влажной тканью не говоря ни слова, в то время как взгляд юноши все еще был прикован к ее лицу. Прежде, чем девушка отошла от него, Оливер нежно схватил ее за запястья.

— Подожди, — тихо сказал он. — Позволь мне доказать, что тебе нечего бояться.

Губы Эйлиш приоткрылись в молчаливом протесте, когда Оливер сдернул перчатку с правой руки, затем с левой, бросив рядом с футляром.

— Оливер, все это слишком... слишком болезненно для меня. Пожалуйста, не заставляй меня делать это.

— Все что я хочу, это чтобы ты поняла, ты не монстр, не ведьма, не дьявольское отродье. Ты — избранная, которая обладает великим даром, за обладание которым многие медиумы отдали бы жизнь. Прикоснись ко мне.

Эйлиш застыла словно парализованная. Оливер подошел еще ближе.

— Прикоснись ко мне, если хочешь узнать правду, — прошептал он ей. — Познай меня до конца так, как я, наконец, узнал тебя. Мне нечего от тебя скрывать и никто нас сейчас не видит.

Эйлиш нервно сглотнула. Оливер протянул ей руки ладонями вверх, на его лице не было ни тени страха. Девушка очень медленно протянула свои руки и возложила их сверху, кожа к коже. Закрыв глаза, Эйлиш глубоко вздохнула и заговорила:

— Вижу твою комнату в Бейлиол-колледже, ту самую, которую видела с помощью твоего карандаша. Словари на столе... окно, выходящее во

двор...

— А меня ты видишь?

— Да, вижу так, словно смотрю на тебя с открытыми глазами. Но теперь ты не в Оксфорде, а в другом месте. Что-то вроде школы. Множество стоящих друг за другом столов. Ты смотришь в окно на детей, играющих во дворе, потом возвращаешься к своим книгам.

Оливер молча кивнул.

— Это... это приют Рединга о котором ты мне рассказывал? — Словно саму себя спросила Эйлиш. — Подожди, я вижу еще дальше, — торопливо продолжила она, — теперь я вижу тебя едва открывшим глаза, а рядом с тобой женщину, умоляющую не забирать тебя у нее...

Эйлиш замолчала, почувствовав на губах тепло его дыхания, и открыла глаза

— Что ты...? — попыталась спросить она, но Оливер обхватил ладонями ее лицо, и, прежде чем девушка поняла что происходит, начал целовать ее так, словно хотел поглотить.

Из его рта вырвался стон, который затерялся в поцелуе. Он чувствовал как дрожит ее тело, как пальцы впиваются в его пиджак, словно пытаясь найти опору в этой лавине чувств. Но Оливер больше не мог сдерживаться, время здравых рассуждений осталось далеко позади. Не переставая прижимать девушку к груди, он стал вслепую продвигаться вперед, пока Эйлиш не коснулась спиной стены пещеры. Его руки медленно скользнули к ее мокрым дрожащим плечам. Когда они проследовали дальше, к ее талии, Оливер понял, что девушка сдалась: скованность уступила место сомнениям, сомнения сменились недоверчивостью, а недоверчивость — упоением, и вот уже ее руки обхватили его шею. Она позволила прижать себя еще ближе, в то время как их губы двигались навстречу все новым наслаждениям.

Когда Эйлиш смогла, наконец, отстраниться, почти задыхаясь от пережитых ощущений, Оливер заметил, что в ее огромных серых глазах было, казалось, больше влаги, чем во всем Ирландском море. Эйлиш была готова разрыдаться.

— Ты не должен был... тебе ни к чему было это делать, Оливер. Я благодарна тебе за твои попытки позволить мне почувствовать себя самым обычным человеком, но никогда...

— Произошедшее сейчас между нами не имеет никакого отношения к тому, что ты мне о себе рассказала.

— Мне так трудно поверить тебе. Ты слишком благороден. Ох, боже мой, а я слишком впечатлительна...

— Я в любом случае сделал бы это, — заверил ее Оливер. Эйлиш взглянула на Оливера сквозь пальцы, которыми пыталась вытереть слезы. — Ты и представить себе не можешь, как долго я сдерживал себя. Я пытался держать себя в руках, повторяя снова и снова, что никогда не смогу быть достойным твоей любви, но я знал, что сойду с ума, если не поцелую тебя. И мне абсолютно все равно, что подумают о нас окружающие.

— Все скажут, что ты такой же ненормальный как и я. Что, возможно, в тебе тоже есть что-то темное. И я не могу позволить, чтобы по моей вине тебя приговорили к...

— Думаешь, для меня существует более жестокий приговор, чем не быть рядом с тобой? Мы слишком далеко зашли, чтобы отступать, Эйлиш. Знаешь, буря когда-нибудь закончится, также как и необходимость скрывать все, что происходит между нами. Когда я произнесу твое имя после дождя, оно будет звучать по особому, словно все эти годы звук твоего имени хранился на моих устах в ожидании того, что его произнесут, наконец, в полный голос.

Эйлиш, молча, слушала слова Оливера.

— Ты мог бы получить любую женщину, нормальную женщину, — еле слышно протестовала она.

— Мог бы, но не хочу, — тем же тоном ответил Оливер. Его руки снова обвили талию девушки, привлекая ее поближе. — А хочу я именно тебя. И всегда хотел только тебя, я люблю тебя с того момента как увидел. Такую странную, какой ты сама себя видишь, такую растерянную... Такую неповторимую и такую мою...

Он хотел добавить что-то еще, но девушка обхватила ладонями его лицо и стала целовать его, плача и смеясь одновременно, словно в ней смешались дождь и солнце. Никто из них не заметил ни как прибывала вода, ни как молнии тонули в волнах, по своему празднуя, как эта странная любовь выиграла свою первую партию.

[1] Существует предание о том , что Маргарита Наваррская , неоднократно бальзамировала сердца своих мужчин и носила их на поясе . Тальман де Рео писал , « что она носила юбки с огромными физжмами , в которых было множество карманов и кармашков по всей окружности , и в каждый она клала коробочку с сердцем одного из ее почивших любовников ; по мере того , как они умирали , она заботилась о том , чтобы сердца бальзамировались ... »

[2] Психометрия , также известная как телеметрия — умственный

приём Силы , заключающийся в способности « читать » неодушевлённые объекты « внутренним ощущением », чувствовать прошлые события , окружавшие эту вещь , путём собирания незначительных психических отпечатков , оставленных живыми руками . Полученная проекция ничем не отличается от проекции оригинального объекта владельца , позволяя пользователю видеть события и слышать звуки , как будто бы он присутствовал там лично . При этом опытный джедай также может получить впечатления от эмоций владельца по отношению к определённым событиям .

Глава 22

К моменту окончания обхода владений все настолько промокли, что Рианнон приказала слугам подбросить поленьев в камин библиотеки. Было запланировано встретиться там с каждым из претендентов на владение Маор Кладейш, выслушать их предложения, после чего принять решение. Лайнел и Александр не могли сдержать вздох облегчения, когда опустились, наконец, в расставленные вокруг стола кресла. Стихия с такой силой обрушивалась на окна, что за пеленой дождя невозможно было различить сад, но пылающий за железной решеткой огонь и стеклянные шары стоящих на столе керосиновых ламп изо всех сил старались сдерживать бурю, создавая теплую домашнюю обстановку.

— А где мистер Сандерс? — поинтересовалась Рианнон, когда Джемима пришла в гостиную, сопровождая в библиотеку первого гостя.

— Кажется, он остался в своей комнате, — соврал Александр, — когда я говорил с ним в последний раз, он упомянул, что хочет начисто переписать какие-то свои заметки о банши.

Рианнон рассеянно кивнула, вытащила из расположенного рядом с глобусом маленького лакированного шкафчика графин с хересом и хрустальные бокалы. Лайнел воспользовался тем, что она отвлеклась и склонил голову к Александру:

— Полагаю, что на самом деле он спрятался вместе с Эйлиш в одном из темных углов замка, чтобы часами читать ей стихи, пока мы двое займемся более прозаическими вопросами, — прошептал он. — Я прямо-таки в восторге от его своеобразного участия в нашем деле.

— Оставь его в покое, — в тон ему произнес Александр. — Мы скоро уедем отсюда. Пусть пока пользуются возможностью побыть наедине.

Лайнелу эти слова показались дурным предзнаменованием, но он лишь пожал плечами. В дверь постучал мистер Деланси и Рианнон пригласила его войти и сесть рядом, ирландец принял приглашение все с

тем же равнодушным выражением лица. Беседа прошла гораздо быстрее, чем они могли предположить — не более десяти минут, в течение которых Деланси изложил свое мнение о замке: «старье, но перспективное, в первую очередь благодаря прилегающим землям», и он готов заплатить «восемь тысяч пятьсот либров[1] за все, включая обстановку», а вот то, что он собрался сделать с полученной собственностью, ошарашило всех:

— Ни для кого из вас не секрет, что финансовые вопросы, которыми я собираюсь заниматься, заставляют меня почти все время находиться в столице. Так что в Маор Кладейш не будет постоянного присутствия хозяина, как это было до сих пор, сеньора О'Лэри.

— То, что вы собираетесь делать с замком, это не наше дело, — резко ответила Рианнон, — хотя, не совсем понимаю зачем вам замок, если вы не собираетесь в нем жить.

— Да, полагаю это кажется странным. Причина всего этого в моей жене...

— Ну надо же, мы и не знали, что существует миссис Деланси, — воскликнул Лайнел с неподдельным изумлением. — *«Какая женщина согласится выйти замуж за такого пресного человека».*

— А ее пока и нет, — ответил ирландец. — Но это вопрос лишь нескольких месяцев, если мне улыбнется удача. Да, действительно, Маор Кладейш играет немаловажную роль в моих матримониальных планах, — пришлось ему признать под внимательными взглядами Рианнон и англичан. — Она из О'Брайенов, потомок одного из основных кланов острова и является одной из богатейших наследниц Ирландии. Мы познакомились пять лет назад во время деловой поездки в столицу. Это была любовь с первого взгляда, мы сразу поняли, что сделаем все возможное и невозможное, чтобы быть вместе, преодолев все трудности, которые могут возникнуть на нашем пути. Я уже рассказывал вам, что моя семья разбогатела пару десятилетий назад благодаря нашему австралийскому скоту, и боюсь, что это далеко не достаточно для родителей моей возлюбленной. Мне ясно дали понять, что хоть они и не имеют ничего против лично меня, но и не собираются отдавать руку своей дочери кому-то не из знатной семьи.

— Теперь понимаю, — сказала Рианнон. — Вас интересует вовсе не замок, а банши моей семьи, потому что знаете, что только старейшие кланы с многовековой историей могут обладать чем-то подобным.

— Совершенно верно, — согласился Деланси, — хотя, должен признать, что из ваших уст это звучит слишком меркантильно. Но вы же понимаете каковы мы, мужчины, сеньора О'Лэри: кто-то дарит своим

нареченным букеты роз, другие унижают их пальцы золотыми кольцами, усыпанные драгоценными камнями... Я же предложу своей любимой многовековой дух, глашатая Смерти, который заставит побледнеть от зависти Элвиш, банши моей будущей семьи, восходящей ко временам короля Брайена Бору[2].

— Как трогательно, — пробормотал себе под нос Лайнел. — В жизни не слышал ничего более романтического.

Все это никоим образом не отвечало тому, что они планировали для Маор Кладейш, когда рассылали заметку в газеты, но восемь с половиной тысяч фунтов заслуживали того, чтобы подумать над этим предложением. Видимо, Рианнон думала о том же, поэтому с улыбкой поблагодарила Деланси за откровенность. Пока он вставал, чтобы покинуть библиотеку своей нескладной походкой, хозяйка замка позвонила в колокольчик, давая понять Джемиме, что готова принять мистера Арчера.

Североамериканец, разумеется, появился в сопровождении верного Риверса, который принес внушительную кипу исписанных бумаг. Озвученное ими намерение превратить замок в роскошный отель никого не удивило. Предыдущий вечер они провели в расчетах, и теперь Арчер излучал энтузиазм, а его секретарь щеголял похожими на маску темными кругами под глазами.

— Прежде, чем покинуть Бостон, мы собрали информацию о других ирландских замках, выставленных на продажу, — сообщил Риверс, аккуратно раскладывая на столе бумаги, — и мы пришли к выводу, что стоимость нетто Маор Кладейш составляет примерно семь тысяч либров, причем речь идет только о постройке без земель...

— Здание имело бы большую стоимость, если бы не необходимость дорогостоящей модернизации, — пояснил Арчер, изображая ирландский акцент. — Недопустимо, чтобы в отеле не было ни горячей воды, ни электричества, более того, потребуется современное оборудование, являющееся обязательным требованием наших клиентов.

В этих каменных стенах даже телефона нет, не говоря уже о телеграфной линии, которая позволила бы поддерживать связь с противоположным берегом океана.

— Я полагал, что ваша сеть отелей предназначена для отдыха представителей деловых кругов высшего североамериканского общества, — осмелился напомнить Александр. — Чтобы ваши клиенты всегда могли быть в курсе событий, вам лучше присмотреться к Стрэнду[3].

Магнат обратил на его слова не больше внимания, чем на назойливую муху, и ткнул толстым указательным пальцем в никотиновых пятнах на

сумму, подчеркнутую Риверсом.

— Что касается упомянутых прилегающих земель, составляющие около ста пятидесяти акров, то они оцениваются примерно в три тысячи либров. Почти вся территория позади замка истощена из-за многолетнего использования в качестве огорода, но, думаю, там можно будет построить что-нибудь достойное.

— Три тысячи либров? — запротестовала Рианнон. — За усадьбу, расположенную на берегу моря с лучшим панорамным видом на всем побережье до самого Дублина?

— Мадам, виды — это еще не все, какими бы прекрасными они не казались дамам, — ответил Арчер таким снисходительным тоном, что Александр почувствовал, как напряглась стоящая рядом Рианнон. — Более того, я достаточно подкован в ботанике, так что обход садов Маор Кладейш показал мне, что на этих землях невозможно посадить популярные в США цветущие растения. Даже самый талантливый садовник не сможет превратить их в райские сады, я уже молчу об этих кошмарных каменных изваяниях, которые следует снести как можно скорее. Вы хоть представляете, какое впечатление статуи могут произвести на моих клиентов, когда те, проснувшись утром, выглянут в сад из окна спальни? Да они перепугаются до смерти, в лучшем случае, подумают, что за ними следят.

«Похоже, его клиенты — полные кретины, — подумал Лайнел, сжав губы, чтобы не произнести это вслух. — Теперь осталось только установить цену на банши».

Но, похоже, Арчер и Риверс не смогли найти соответствующих цифр, чтобы правильно ее оценить, поэтому в итоге они озвучили Рианнон сумму в десять тысяч либров за право владения Маор Кладейш.

— Разумеется, мы не стали оценивать меблировку, — пояснил Арчер. — Ее можете забрать с собой в ваше новое место проживания. Она совершенно не подойдет к штукатурке, которой я собираюсь покрыть все эти старые стены.

Американцы вышли из библиотеки с улыбкой на устах, уверенные, что замок у них в кармане.

Александр потер лоб: — Да уж, это была настоящая интервенция с Уолл Стрит. Что вы об этом думаете?

— Что нашему многоуважаемому Реджинальду Арчеру проще купить участок земли и поднять с нуля свой сказочный дворец, — ответил Лайнел, озадаченно тряхнув головой. — Зачем ему средневековый замок, если все что он хочет, это превратить его в последнее слово техники? В этом нет

никакого смысла.

— В наши дни люди всему знают цену, но ничего не умеют ценить, — смиренно произнесла Рианнон. — Это сказал Оскар Уайльд, а он был ирландцем.

Время неумолимо бежало вперед и маленькие настольные часы показывали уже семь с четвертью. Чувствуя себя с каждой секундой все более уставшей, Рианнон снова позвонила в колокольчик, чтобы Джемима привела в библиотеку мисс Стирлинг.

Вскоре они слышали уже знакомое цоканье каблуков. Когда открылась дверь, все здравые мысли в голове у Лайнела тут же растаяли, словно лист бумаги, оставленный под дождем. После обременительной прогулки по саду мисс Стирлинг переоделась, сменив перепачканную в глине одежду. Черное, словно вороново крыло, платье плотно облегало каждый изгиб ее роскошного тела, спускаясь по линии бедер к ногам. Роскошные черные кружева покрывали руки и грудь; серьги, ожерелье и браслет из богемского граната дополняли туалет в сочетании с подрагивающей в волосах заколкой, с небрежной элегантностью удерживающей прическу.

Пока девушка с улыбкой приветствовала присутствующих, усаживалась за стол, выкладывала маленькую кожаную папку с замочком, Лайнел изо всех сил старался, чтобы на его лице не отразилось страстное желание зубами сорвать с нее все эти кружева. Это было больше, чем мог выдержать любой мужчина.

— Ну что ж, мисс Стирлинг, вы последняя, — сказал он, надеясь, что его голос звучит достаточно профессионально. — Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что у вас есть возможность узнать сколько предложили за замок остальные оппоненты и увеличить сумму, если вы заинтересованы в приобретении. Плохо, потому что вам, возможно, придется выложить больше, чем вы планировали.

— Ошибаетесь, мистер Леннокс. Я не собираюсь платить за Маор Кладейши ни одного либра.

Ее ответ был столь неожиданным, что Лайнел на мгновение потерял нить разговора. Неужели на ее губах и правда промелькнула лукавая улыбка?

— У меня такое ощущение, поправьте, если я ошибаюсь, что когда вы получили мое письмо, то решили, что я собираюсь приобрести замок для своего собственного удовольствия и использования...

— А разве это не так? — спросил все больше запутывавшийся Лайнел.

— Разумеется, нет. Никакая я не аристократка, господа. По моим

венам не течет благородная кровь и я не обладаю богатством, обретенным Арчером благодаря отелями или Деланси с его овцами. Я всего лишь посланник человека, который стоит гораздо выше этих двух джентльменов и который, едва узнав, что Маор Кладейш выставлен на продажу, решил направить меня в Киркёрлинг, чтобы я обсудила условия оплаты. Можете считать, что я его доверенное лицо.

Глаза Лайнела снова скользнули по соблазнительным линиям в кружевах. Семь родинок прижимались одна к другой, когда девушка улыбалась.

— Не уверен, что «лицо» — подходящее слово, — заметил он.

— Значит, вы работаете секретарем на какую-то важную персону? — спросил Александр.

— Примерно так, хотя мой с ним договор трудновато объяснить, — ответила ему мисс Стирлинг и добавила, лучезарно улыбнувшись: — На самом деле, если хорошенько разобраться, и договора-то нет. Деловые отношения с моим хозяином не вписываются в обычные рамки и подразумевают множество аспектов.

Говоря все это, девушка открыла застёжку лежащей на ее коленях папки, достала оттуда маленькую фотографию, положила ее на стол и подтолкнула в сторону Рианнон.

— Его зовут Константин Драгомираски, он происходит из одной из ветвей Люксембургского королевского дома, восходящей еще к раннему средневековью, из семьи, которая господствовала над Священной Романо-Германской империей[4] и была, в свою очередь, связана с Венгрией, страной, из которой происходит мой хозяин. Вряд ли вы когда-либо о нем слышали, насколько я поняла, в этом уголке Европы не очень-то знакомы с восточно-европейскими династиями.

— Да, боюсь это имя нам ни о чем не говорит, — признал Александр.

— Это вполне понятно. Положение Драгомираски сильно пошатнулось после битвы при Мохаче[5] в 1526 году, когда Османская империя под командованием султана Сулеймана I разбила войска Лайоша II Венгерского[6]. В результате все владения перешли в руки турков. С тех пор Драгомираски так и не удалось вернуть свои владения, и, боюсь, они уже давно отказались от попыток это сделать. По крайней мере, Его Королевское Высочество Принца Константина совершенно не интересует копание в прошлом.

— Значит, им пришлось эмигрировать, — прокомментировал Александр. Мисс Стирлинг кивнула. — Но это не помешало им обзавестись огромным состоянием. Я не ошибся?

— Разумеется, нет. Уверяю вас, это одно из крупнейших состояний в Европе. В Венгрии он считается богатейшим человеком в стране, гораздо богаче, чем прочие благородные мадьяры[7] или Габсбурги[8]. Он словно принц без королевства, в глазах Британской империи он, возможно, вызывает некое сочувствие, но для нас власть не обязательно должна идти рука об руку с тронном. Власть происходит от богатства и в этом отношении немного найдется людей, кто мог бы нас превзойти.

От внимания Лайнела не укрылось употребление множественного числа от лица женщины, в которой явно не было ни капли венгерской крови. Когда он наклонился в сторону Рианнон, чтобы взглянуть на фото, его ждал невероятный сюрприз. Лицо, глядящее на него с кусочка картона, принадлежало джентльмену гораздо более молодому, чем он предполагал... подростку с длинными волосами до плеч, зачесанными назад так, что открывался высокий лоб, и такими светлыми, что на первый взгляд казались седыми. Глаза были настолько светлыми, что на фотографии казались прозрачными. Высокие скулы, заостренный подбородок и тонкие губы указывали на восточноевропейское происхождение и делали это странное лицо столь совершенным, что ни Александр, ни Рианнон не знали, что и сказать. Оба вздрогнули, когда Лайнел вдруг рассмеялся. И это конкурент, о котором Маргарет Элизабет Стирлинг говорила с таким пылом?

— Но это же всего лишь пацан! Ему, должно быть, столько же лет, сколько и мисс О'Лэри!

— Тридцать первого октября ему исполнилось семнадцать лет, — пояснила мисс Стирлинг, которую, казалось, вовсе не обидел его комментарий. — Но не позволяйте обмануть себя его молодостью, мистер Леннокс, сомневаюсь, что существует более острый ум, чем у него. Он совершенно четко понимает все, что касается его наследия, точно знает во что хочет вложить сейчас свои средства и именно поэтому сегодня вечером я здесь с вами.

Под вопросительными взглядами Александра, Лайнела и Рианнон, девушка поднесла руку к шее, поправила гранатовое ожерелье и продолжила:

— Семья Драгомираски всегда проявляла чрезвычайный интерес к наукам о паранормальных явлениях. Испытывает слабость к спиритизму, потусторонним мирам, духам, вековым проклятиям, заколдованным домам и всем этим вещам, которые освещает «*Dreaming Spires*». Думаю, вас не удивит, что Его Королевское Высочество, и я регулярно и с большим вниманием читаем ваше издание каждый раз, когда бываем в Англии.

Иногда, когда мы находимся на континенте, просим кого-нибудь переслать нам через Ла Манш последние выпуски. Поздравляю вас с проделанной работой, это потрясающе.

— Ты слышал это, Александр? — повернулся к профессору Лайнел с нескрываемой иронией. — Сам королевский двор читает наше издание, а мы об этом даже не подозревали!

Мисс Стирлинг усмехнулась. Александр не последовал ее примеру, так как в это время наблюдал за Рианнон, которая выглядела очень бледной. Ее пальцы с такой силой сжимали колени, что почти казались когтями.

— Я уже говорила, что нам очень нравятся подобные темы. Точно так же, как и покойные родители его королевского высочества, князь Ласло Драгомираски и его супруга леди Альмина, уроженка Англии, графства Суссекс. Как вы можете себе представить, новость о выставлении на продажу замка X века, да еще и с банши не могла не привлечь нашего внимания. Надеюсь, что не покажусь вам слишком прямолинейной, господа, — извинилась мисс Стирлинг, слегка поклонившись, — но не хотелось бы ходить кругами. Сколько предложили за Маор Кладейш мистер Арчер и мистер Деланси? Можете мне сказать?

— Пока наибольшую сумму предложил Арчер. Двенадцать тысяч либров, — ответил Лайнел.

Александр бросил на него такой испепеляющий взгляд, что Лайнел подумал, что если бы между ними не сидела Рианнон, то Александр бы его просто пнул. Это существенно превышало озвученную американцем сумму, но инстинкт подсказывал, что пришло время играть по-крупному. Мисс Стирлинг внимательно посмотрела на них огромными черными глазами и снова рассмеялась.

— Двенадцать тысяч либров? Всего лишь? Не могу в это поверить. — Она тряхнула головой, словно демонстрируя свое недоумение. — Правда, я думала, что сумма будет более амбициозной.

— А что, вы готовы предложить еще больше? — тихо переспросил Александр.

— Князь Драгомираски, в моем лице, готов заплатить любую удобную вам цифру. Мне казалось, я ясно это выразила. Можете просить вдвойне, если вам угодно. Просите втройне и помножьте эту сумму на четыре. Добавьте все, что угодно, мы не собираемся ограничивать себя в расходах. Я приехала в Ирландию не для того, чтобы бороться за то, что желают другие, а чтобы заполучить это.

В библиотеке воцарилось молчание. Рианнон продолжала сидеть

неподвижно, не сводя глаз с фотографии. Александр переводил взгляд с мисс Стирлинг, которая выглядела вполне расслабленной, словно речь шла о покупке дюжины яблок на рынке, на изображение князя Драгомираски. Лайнел открыл было рот, чтобы ответить, но новый раскат грома заставил всех вздрогнуть. По ту сторону окна стена дождя была столь плотной, что невозможно было различить очертания скал.

— Честное слово, мисс, вы оставили всех нас просто... без слов, — смог, он, наконец, выговорить, когда утих шум грозы. — Мы и мечтать не могли о...

— Значит, договорились. Полагаю, в ближайшее время надо будет переговорить с поверенным вашей семьи, миссис О'Лэри, чтобы подписать все необходимые бумаги. Не бойтесь устанавливать цену, как я вам уже сказала, не в наших правилах торговаться за то, что нам действительно дорого. Гарантирую вам, что Маор Кладейш будет в хороших руках.

— В этом у нас нет никаких сомнений, — заверил ее Лайнел, впрочем, он готов был настаивать, что сейчас полдень, только бы она не изменила свое решение. — Да будет так, Рианнон! — он повернулся к ней, чтобы пожать ей руку. — Отличная сделка!

— Лучше не бывает, — прошептала Рианнон. — Я просто... просто...

К всеобщему удивлению, Рианнон вдруг с силой оттолкнула стул и встала. Александр не преминул сделать тоже самое, увидев, как дрожат ее ноги.

— Умоляю извинить меня, но думаю, что... мне нужно отлучиться ненадолго. Слишком много переживаний. Я все еще не могу поверить в происходящее. Мне надо что-нибудь выпить.

— Не волнуйтесь за нас, госпожа, — улыбнулась мисс Стирлинг.

— Осталось немного хереса, Рианнон, — сказал Лайнел, беря графин, чтобы наполнить ей бокал, но Рианнон не обратила на него ни малейшего внимания. Она вышла из библиотеки такой походкой, что могла бы составить конкуренцию парочке затерянных душ. Немного взволнованный Лайнел повернулся к Александру: — Что с ней происходит? Ей вдруг стало плохо?

— Кажется, я знаю, в чем тут дело, — заметил профессор, прежде чем последовать за выходящей из библиотеки женщиной. — Прошу нас извинить, мы скоро вернемся.

Александр услышал, что Лайнел что-то сказал ему вслед, но не стал останавливаться, чтобы не упустить Рианнон из виду. Он быстро прошел по коридору и нагнал ее уже на черной лестнице. Рианнон даже не обернулась, когда Александр позвал ее по имени.

— Рианнон, остановитесь, — Александр тронул ее за плечо, добившись, чтобы она посмотрела на него. На ее лице отразилось нетерпение.

— Мне надо что-нибудь выпить, — механически повторила она, — не стоит за меня волноваться, профессор Куиллс, со мной все в порядке. Это всего лишь небольшое головокружение.

«Она и правда рассчитывает обмануть меня этим?» — подумал Александр, глядя как на ее лбу выступили бисеринки пота. Рианнон ухватила за перила и продолжила спуск, так что Александру оставалось лишь следовать за ней на кухню, чтобы убедиться, что она доберется туда в целости и сохранности.

Войдя в святая святых прислуги, они встретили Мод с одной из баллибракских девушек. Наклонившись над столом, они с ювелирной точностью раскладывали листья салата вокруг выложенных на блюда закусок, приготовленных к подаче через час. Александр попросил их выйти на пару минут и они покинули кухню с плохо скрываемым недовольством на лицах. Подождав, пока выйдут поварики, Александр взял со стойки стакан, наполнил его водой из кувшина и вложил его в руку Рианнон, которая едва слышно поблагодарила его. Они помолчали какое-то время: Рианнон отпивая воду крохотными глотками, а Александр наблюдая за ней. Дождавшись, пока Рианнон допьет воду и поставит стакан, Александр прошептал:

— Можете давать Лайнелу и этой дамочке с манией величия любые объяснения, какие вам вздумается, но мы оба знаем, что головокружение тут ни при чем, Рианнон.

— Не понимаю о чем вы, — ответила она с отсутствующим взглядом.

Помедлив немного, Александр тронул пальцами ее золотистые виски.

— Посмотрите мне в глаза. Посмотрите на меня, Рианнон, — приказал он ей, и, добившись того, что она подчинилась, увидел в ее глазах панику, подтверждающую все его догадки. — Я узнал обо всем с самого начала, как только увидел фотографию. Вам ни к чему лгать мне.

— Я настаиваю, что не понимаю о чем вы говорите. Прошу вас, оставьте меня одну.

— Этот князь Драгомираски — это живое воплощение Эйлиш, — еле слышно начал Александр. — Они могли бы быть близнецами, будучи детьми мужчины, чье изображение вы всегда носите вот здесь, — он дотронулся до серебряного медальона на ее шее. — Знаю, что я не единственный, кто обратил внимание на сходство. Мисс Стирлинг долго и с любопытством рассматривала Эйлиш, когда вы представляли их друг

другу. Но, если это послужит вам утешением, не думаю, что она о чем-то подозревает. И никогда ничего не узнает, если вы...

Ему пришлось замолчать, потому что у Рианнон вырвался мучительный стон, который вполне мог принадлежать банши. Она дрожала так, что Александру пришлось обхватить ее руками, чтобы удержать на ногах. Пока Рианнон орошала слезами его жилет, профессор вспомнил сказанные пару недель назад слова МакКонналов: *«Ходило немало разговоров, когда родилась маленькая Эйлиш, — сказала тогда Брианна. — Хотя не так много, как сейчас»*, — уточнила ее дочь Мэри. В таком поселении, как Киркёрлинг, невозможно избежать подозрений, если чья-то жена рожала раньше, чем через девять месяцев после свадьбы. Александр вздохнул, поглаживая плечи Рианнон, вздрагивающие от неутихающих всхлипов.

— Я никто, чтобы судить вас, и никогда не посмел бы сделать это даже имея такое право, — прошептал он ей на ухо. — Думаю, не лишним будет заверить вас, что никто не узнает правды, если в моих силах этого избежать. Да и неоткуда им обо всем узнать, Рианнон, клянусь...

— Но вы-то узнали, — смогла, наконец, вымолвить женщина. Казалось, она не смела поднять глаза на Александра. — Если сходство настолько очевидно, что...

— Оно очевидно для меня, потому что я смог свести концы с концами, — заверил ее профессор. — Я не смел говорить вам об этом раньше, но когда во время распаковки моих аппаратов приоткрылся ваш медальон, я понял, что Кормак О'Лэри не мог быть отцом вашей дочери. Я видел его фотографию в «Золотом горшке», где он запечатлен с Ферчэром МакКонналом и Донхадом Лоулесом, — пояснил профессор, когда Рианнон подняла на него полные слез глаза. — Тот мужчина был смуглым, коренастым и старше того, кто является отцом князя Константина...

— Ласло, — пробормотала вдруг Рианнон, и это имя прозвучало словно кинжал, погружившийся в рану. — Князь Ласло Драгомираски, вот как его звали. Полагаю, вас можно поздравить, профессор Куиллс, — она провела рукой по глазам, пытаясь осушить слезы. — Думаю, вам стоит попробовать себя в Скотленд Ярде. Вы можете гордиться своей способностью к дедукции.

Никогда в жизни Александр не был так доволен собой. Он собирался ей ответить, когда приоткрылась дверь и вошла Джемима с еще одной служанкой. Рианнон расправила плечи, пытаясь прийти в себя под пытливыми взглядами.

— Думаю, нам лучше вернуться к остальным. Я была права, это всего

лишь небольшое головокружение, — ее голос немного окреп, но не мог обмануть Александра. Крошечная трещинка, о наличии которой он всегда подозревал в Рианнон, маленький изъян в фарфоре, прятавшийся под слоем эмали, наконец, вышел на поверхность. — Не окажете ли вы мне честь сопровождать меня?

Все что оставалось делать Александру, так это последовать за ней по лестнице в тишине, в которой каждый раскат грома звучал словно угроза.

[1] Символ — £ (от лат. *Libra* — либра, эквивалентная фунту). Код — GBP (от англ. *Great Britain Pound*), также иногда используется устаревшая аббревиатура — UKL (*United Kingdom Libra*)

[2] Брайен Бору — также Бриан Боруа, Бриан Бо роу ме (*Brian mac Cennétig*, ирл. *Brian Bórainhe*) (941[2] или 926[3]—23 апреля 1014) — король Мунстера (978—1014) и Верховный король Ирландии (1002—1014), родоначальник династии О'Брианов (О'Брайенов).

[3] Стрэнд — центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности). Начинается на Трафальгарской площади и ведёт на восток параллельно течению Темзы в сторону Флит - стрит.

[4] Священная Римская империя германской нации — государственное образование, существовавшее с 962 г. по 1806 г. и объединявшее территории Центральной Европы. В период наивысшего расцвета в состав империи входили Германия, являвшаяся её ядром, северная и средняя Италия, Швейцария, Бургундское королевство, Нидерланды, Бельгия, Чехия, Силезия, Эльзас и Лотарингия. Формально состояло из трёх королевств: Германии, Италии и Бургундии.

[5] Битва при Мохаче — сражение, произошедшее 29 августа 1526 года у Мохача, в Венгрии, в ходе которого Османская империя нанесла сокрушительное поражение объединённому венгро - чешско - хорватскому войску. Торжествующая Османская империя заняла Среднедунайскую равнину, включив в свои владения самое сердце Европы, которое турки планировали превратить в плацдарм для покорения новых территорий и дальнейшего распространения ислама.

[6] Людовик II или Людвик II, а также Лайош II [1] — последний король Чехии и Венгрии (с 1516 года) из династии Ягеллонов. Погиб в Мохачском сражении.

[7] один из вариантов названия венгров

[8] Га́бсбурги — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени.

Представители династии известны как правители Австрии (с 1282 года), трансформировавшейся позднее в многонациональную Австро - Венгерскую империю (до 1918 года), являющуюся одной из ведущих европейских держав , а также как императоры Священной Римской империи , чей престол Габсбурги занимали с 1438 по 1806 годы (с кратким перерывом в 1742—1745 годах)

Глава 23

— Услышав вас, мне захотелось бокальчик хереса. Не сочтете ли за труд услужить мне?

— Если вам будет угодно, мисс Стирлинг, то я не сочту за труд послужить вашим любовником.

Она рассмеялась, ее глаза сияли, пока Лайнел картинным жестом наполнял ее и свой бокалы. Он поднял бокал для тоста:

— За сделку! Тем более, что она выгодна для обеих сторон, — кивнула мисс Стирлинг, соприкасаясь своим бокалом с бокалом Лайнела. — Я рада, что миссис О'Лэри сразу поняла, что наилучшим вариантом будет передать собственность в руки моего патрона. Уверена, что он сумеет извлечь выгоду из Маор Кладейш.

— Полагаю, что он счастлив иметь в своем окружении столь преданного ему человека. Давно ли умерли его родители?

— Довольно давно. В то время я уже была рядом с князем, — ответила она, наблюдая как херес танцует в бокале при движении руки. — Князь Ласло покинул нас в октябре 1885, он даже не видел рождение сына. Его супруга последовала за ним несколько месяцев спустя. Как жаль, что они не смогли побыть с сыном больше времени.

Лайнел удивленно посмотрел на нее. Сколько же на самом деле лет этой женщине? И в каком возрасте она начала служить самой могущественной венгерской династии?

— Довольно необычно, что венгерский князь женился на англичанке.

— Да, это привлекло внимание всего мира, — улыбнулась девушка. — Думаю, новость об их бракосочетании потрясла аристократические круги Будапешта.

— Они познакомились в Венгрии или в графстве Суссекс?

— Ни там, ни там, а в Дублине, — губы мисс Стирлинг изогнулись еще больше. — В этом есть что-то судьбоносное, учитывая, что спустя годы он часто бывал недалеко от замка. Я никогда не говорила об этом с князем Константином, но, думаю, это одна из причин, по которым он заинтересован в Маор Кладейш.

Она поднесла бокал к губам и посмотрела сквозь стекло на интерьер библиотеки. В ее взгляде было что-то, напомнившее Лайнелу то, как она осматривала вчера фойе замка. Это был взгляд собственника.

— Она была для него идеальной парой, — продолжила Маргарет свой рассказ. — Она была самой невероятной женщиной из всех, кого я знала. Вы знали, что она с детства обладала даром предвидения? — мисс Стирлинг снова взглянула на Лайнела, словно для того, чтобы убедиться, что он не собирается смеяться над ее словами. — Она не часто говорила об этом, особенно в присутствии посторонних, но я всегда видела, когда ее посещали видения. Помню, что я могла часами наблюдать за ней. Я восхищалась ею. Благодаря ей я поняла, что привлекательность и красота не всегда идут рука об руку. Альмина не была невероятной красавицей, но при этом в ней было нечто, шарм, как говорят французы, который не укрывался от взора ни одного мужчины. Казалось, она сошла со страниц журнала мод. Не представляете, скольким вещам я от нее научилась.

Словно только заметив, что же она говорила, мисс Стирлинг поставила свой бокал на стол и встала, разглаживая складки на своем черном платье.

— Думаю, нам лучше пойти к остальным. Должно быть миссис О'Лэри уже ждет всех в гостиной, а я не хочу пропустить выражение лица Арчера, когда он узнает о своем провале.

Но Рианнон еще не вернулась. Остальные кандидаты убивали время, как могли: мистер Арчер снова склонился над бумагами своего секретаря и что-то обсуждал с ним вполголоса; мистер Деланси с интересом разглядывал арфу Эйлиш. Кто-то сервировал им чай с печеньем, но все были слишком возбуждены, чтобы обратить внимание на угощение.

Появление мисс Стирлинг было встречено восторженными взглядами. Со всем спокойствием мира девушка села на диван у камина, Лайнел тут же уселся напротив. К счастью, им не пришлось слишком долго ждать хозяйку.

— О, миссис О'Лэри! — поприветствовала мисс Стирлинг, вошедшую вместе с Александром. — Надеюсь, вы пришли в себя!

— Пришла в себя? — удивленно спросил Арчер, переводя взгляд с Рианнон на мисс Стирлинг. — С вами что-то случилось с тех пор, как мы расстались с вами, миссис О'Лэри?

— Ничего особенного, всего лишь небольшое головокружение, — ответила она, все еще бледноватая после пережитого. — Эти дни стали для меня настоящим испытанием, думаю, для вас тоже. К счастью, нет необходимости затягивать ситуацию.

— Значит, вы уже сделали свой выбор? — тихо спросил Деланси.

Рианнон кивнула. Риверс покосился на шефа и тот встал, излучая самодовольство. Мисс Стирлинг притворно улыбнулась и положила ногу на ногу, соблазнительно прошелестев платьем.

— Это было непросто, — предупредила их Рианнон. — Уверяю вас, мне стоило многих усилий принять это решение, но некоторые подробности, обнаруженные в конце дня помогли мне определиться, что будет лучше для Маор Кладейш, — она помолчала немного, прежде чем продолжить. — Или, точнее, кто из потенциальных владельцев подходит меньше всего.

— Ради бога, госпожа, не заставляете умолять вас, — вдруг перебил ее Арчер, — каково ваше решение, скажите же, наконец, чтобы мы могли спланировать свои дальнейшие действия!

Рианнон одарила его таким же теплым, как сибирский ветер, взглядом.

— Надеюсь, вы научитесь терпению в ближайшие годы, мистер Арчер, особенно когда Маор Кладейш станет частью вашей сети отелей. Никогда не поздно научиться основным принципам, как, например, что нельзя все купить за деньги. Я вас уверяю, что вовсе не это заставило меня выбрать именно вас.

Арчер открыл рот и испустил победный крик, которого, впрочем мало кто слышал из-за вопля мисс Стирлинг. Все повернулись к камину и увидели, что она вскочила с места, а ее темные глаза метали молнии.

— Как... как вы сказали? Что вы имели ввиду, сказав, что был выбран Арчер?

— Мне очень жаль, что мое решение стало для вас таким ударом, мисс Стирлинг, — вполголоса ответила ей Рианнон. Казалось, новость парализовала девушку. — Клянусь, при иных обстоятельствах, мне бы доставило огромное удовольствие...

— Обстоятельства? Какие обстоятельства? Вы, должно быть, шутите.

Она побледнела под всеми своими семью родинками. Впервые ее увидели вне себя и все присутствующие заметили, что всегда такое прекрасное лицо невероятным образом исказилось. Даже смесь акцентов в ее голосе усилилась от негодования. *«Да уж, у нее немало прелестей и достоинств, но она совершенно не умеет проигрывать»*, — подумал несколько встревоженный Лайнел

— Ничего личного, во всяком случае, с вами...

— Но в этом нет никакого смысла! Я ясно объяснила, что мой шеф готов хоть учетверить любую предложенную цифру, которую кто-либо

другой предложит за замок!

— Я только что разъяснила всем присутствующим, не только мистеру Арчеру, что нельзя все купить за деньги. — Рианнон глубоко вздохнула и продолжила, глядя прямо в глаза мисс Стирлинг. — Тем более, мое достоинство. Или хотя бы то, что от него еще осталось.

Создалось впечатление, что Маргарет Элизабет Стирлинг всерьез посчитала, что у хозяйки замка проблемы с головой. Она посмотрела на Александра, словно прося его привести Рианнон в чувство, потом на Лайнела, который пребывал в не меньшем шоке, но, увидев, что никто не собирается что-либо говорить, пробормотала:

— Думаю, вы не отдаете себе отчета в своих действиях. Никогда не думала, что вы можете быть настолько не в себе, миссис О'Лэри, что так мало заботитесь о будущем своей дочери...

— У Эйлиш есть мать, — ответила Рианнон гораздо более уверенным голосом, чем накануне. — Мать, которая готова на все, чтобы гарантировать ее благополучие. Я вас уверяю, что мы не нуждаемся в дополнительной помощи вашего всемогущего князя Драгомираски.

— Отлично сказано, — заметил Арчер, который с неким удовольствием наблюдал за развернувшейся сценой. — Вы даже не представляете, как я рад, что вы столь непоколебимы в своих принципах. Особенно перед истерикой капризной девчонки.

Лайнел нервно сглотнул и на всякий случай подошел к Рианнон, чтобы предотвратить катастрофу, прежде чем рекой прольется кровь, потому что мисс Стирлинг казалась готовой вонзить когти в шею Арчера и придушить его.

— Это какая-то шутка, — прошептал Лайнел Рианнон. — Разве вы не помните, что она вам предлагает?

— Я никогда в жизни не говорила настолько серьезно, мистер Леннокс, — ответила она.

— Рианнон, обдумайте все еще раз, прошу вас. Вы осознаете, что даже и мечтать не могли о лучшем покупателе, чем этот треклятый венгерский князь? Что, черт возьми, происходит в вашей голове, что вы приняли такое решение?

— Лайнел оставь ее в покое, — предупредил его Александр. — Я уверен, что у Рианнон есть серьезные причины для этого. Мы не вправе требовать объяснений.

— А мне, кажется, вполне себе имеем право! Насколько я знаю, мы занялись этим делом, не для того, чтобы Маор Кладейш попал не в те руки!

— Я готова поклясться, что ваши мотивы связаны исключительно с

журналистской деятельностью, — парировала Рианнон с опасным блеском в глазах. — Вот только пара соблазнительных линий под черными кружевами заставили вас забыть о статье про нашу банши!

— Вы прекрасно знаете, что не в этом дело. Она тут не при чем.

Александр задумался, что имел в виду Лайнел под «она», банши или мисс Стирлинг, но у него не было времени заняться этим вопросом. Он, было, решил, что крик, отразившийся от обитых шелком стен гостиной, издала мисс Стирлинг, но, повернувшись к ней, он увидел, что та тоже в недоумении. Арчер, Риверс и Деланси находились в таком же состоянии, хотя и повернулись в сторону окон, пытаясь различить что-нибудь за шторами. Когда профессор понял, что происходит, то подумал, что у него сейчас сердце остановится.

У подножия Маор Кладейш некто, кто слишком долго хранил молчание, снова провозглашал чью-то неминуемую смерть.

Глава 24

Деланси среагировал первым. Во время истерики мисс Стирлинг он, разочарованный принятым решением, молчал, но, услышав банши, стал белым, как мел и перекрестился дрожащей рукой.

— Господи, спаси нас и сохрани. Это конец, — слышался его еле слышный голос.

Как любой ирландец, хоть и выросший за пределами страны, он был воспитан на ирландской мифологии, в том числе на легендах о банши. Деланси прекрасно знал, что означает этот крик и что уже ничто не может нарушить предрешенный ход событий.

— Банши сказала свое слово, — пробормотал он, медленно повернулся и посмотрел на остальных. — И именно тогда, когда все мы собрались здесь...

Мисс Стирлинг нервно сглотнула, вся ее ярость испарилась без следа. Риверс застыл на месте, а вот его босс, изогнув бровь, спросил у Рианнон:

— Что все это значит, миссис О'Лэри? Если это часть развлекательной программы для моих потенциальных клиентов, которые могут приехать ради этой вашей предполагаемой «банши», то это пахнет дурным вкусом. Особенно, если вы наняли какую-нибудь деревенскую девчонку, чтобы она тут поорала.

— Вы считаете, что я похожа на ту, кто будет вас тут развлекать, мистер Арчер?

Не успела Рианнон закончить фразу, как все присутствующие услышали новые звуки, на этот раз словно кто-то провел ногтями по

грифельной доске. Никто никогда не слышал подобных звуков, ни одна женщина из плоти и крови не могла бы соединить в своем крике столько боли и скорби так, как это делала банши. Рианнон пошатнулась от волнения.

— Святые небеса, не могу в это поверить! Только не это! Только не сегодня!

Александр открыл было рот, но не сразу нашел что сказать:

— Это... это такой же крик, как и в ночь смерти МакКоннала?

— Точно такой же, — прошептала Рианнон, взглянув на него. — И точно такой же, как перед смертью моего мужа. Я никогда его не забуду, профессор, не смогу, даже если очень захочу.

— Как бы то ни было, не впадайте в панику! — воскликнул Лайнел, пытаясь навести порядок в комнате. — Если мы все будем кричать одновременно, этим делу не поможешь. Если это действительно банши О'Лэри и ее стоны значат именно то, что мы думаем, то, прежде всего, мы должны оставаться вместе.

Мисс Стирлинг так быстро отпрянула от окна, что споткнулась, запутавшись в собственном платье. Лайнел подхватил ее, не дав упасть на пол, и решительно подошел к окнам. Рывком отодвинул длинные шторы, чтобы посмотреть, что происходит снаружи, но не смог ничего разглядеть дальше метра от окна: за последние пару часов буря разбушевалась так, что ливень окутал Маор Кладейш словно стеклянный купол.

— Ничего, — громко объявил он, наблюдая за ним гостям. — Нет никакого признака банши. Если это действительно она, значит, ей отлично удастся прятаться.

— Когда я жил в Австралии, — вдруг начал Деланси, — мой дедушка рассказывал, что согласно ирландским легендам, единственными людьми, кто не мог слышать банши были именно те, кто должен был умереть.

— Но в этом нет никакого смысла, — произнес секретарь мистера Арчера, пришедший все в больший ужас. — Все мы ее слышали!

— Это значит, что мы в полной безопасности? — поинтересовался Арчер.

— Насколько мне известно, в легендах, о которых говорит мистер Деланси, четко говорится о том, что банши предрекает смерть только членов клана, которому они принадлежат, — заметила немного пришедшая в себя мисс Стирлинг, хотя слегка ускоренное дыхание выдавало ее волнение. — Теоретически, ни вам, ни мне нечего бояться. Мы не принадлежим династии О'Лэри. — Она повернулась к хозяйке замка, все еще не в силах скрыть злость во взгляде. — К счастью, наша хозяйка, в

безопасности этой тревожной ночью.

— Куда подевалась Эйлиш? — перебила ее Рианнон.

— Что вы имеете в виду? Разве ее нет в замке?

— Я не знаю, — ответила Рианнон дрожащим голосом. — В последний раз я ее видела после обеда. С тех пор я ничего о ней не знаю.

Александр тревожно переглянулся с Лайнелом и взял Рианнон за руку:

— Успокойтесь, Рианнон. Не стоит впадать в истерику раньше времени. Скорее всего, Эйлиш решила посвятить остаток дня музыке или акварелям.

— Я слышала, что она собиралась прогуляться по саду, — шепотом ответила Рианнон.

— Да уж, это вполне в духе вашей дочери, но не настолько же она глупа, чтобы гулять в такую погоду! — воскликнул Лайнел, указывая рукой на хлещущий по окнам дождь. — Даже если ей взбрело голову выйти, то она давно должна была вернуться!

— Хотите, я схожу в ее комнату и проверю там ли она? — предложил Александр.

— Нет, — ответила Рианнон. — Я сама это сделаю, я знаю куда она может пойти.

Она вышла из гостиной такой неуверенной походкой, что Александр еле удержался, чтобы не последовать за ней, но Лайнел ухватил его за руку и отрицательно покачал головой. Последующие четверть часа никто и рта не раскрыл. Воцарилась тишина, казалось, банши умолкла, но она снова дала о себе знать новой серией таких ужасающих всхлипов, что Риверс заткнул уши руками и заявил шефу, что даже если тот его за это уволит, но как только он сможет отсюда убраться, то больше ноги его не будет в Старом свете.

Наконец все присутствующие услышали отзвук шагов Рианнон.

— Ее нет, — пробормотала она, пока профессор осторожно вел ее к дивану, на котором до этого сидела мисс Стирлинг. — Ее нет ни в спальне, ни в библиотеке, ни на кухне. Я подумала, что она могла пойти туда, чтобы помочь Мод, но оказалось, что кухарка тоже ничего про нее не знает.

— Полагаю, слуги тоже слышали Банши, — заметил Лайнел.

Рианнон протянула руку Александру, и профессор с силой сжал ее.

— Я в полном ужасе. Куда она могла уйти?

— Очевидно, что она должна быть где-то на территории ваших владений, — подумав немного, ответил Александр. — Маловероятно, что она решила сбежать из Маор Кладейш, воспользовавшись вашей занятостью с гостями. Насколько мы можем судить, у вашей дочери нет

мотивов, чтобы покинуть замок, не поставив никого в известность...

По мере того, как Александр говорил, его голос звучал все тише и тише. Она посмотрела на Лайнела, и что-то в выражении лица друга подсказало, что они подумали об одном и том же.

Оливера тоже не было в замке. Он исчез одновременно с девушкой, довольно подозрительное совпадение. *«Извини, но дело не терпит отлагательств, — сказал тогда Оливер Александру, прежде, чем последовать за девушкой во время дневной прогулки по садам. — Это связано с Эйлиш».*

Способен ли он и вправду спланировать побег за спиной своих товарищей?

— Давайте снова спустимся в кухню, — не очень уверенно предложил Лайнел. — Надо попросить прислугу помочь нам. С их помощью мы быстрее все осмотрим, хоть они и очень испуганы.

Не обращая внимания на протесты, они оставили остальных в гостиной и направились к лестнице, ведущей к служебным помещениям. На кухне они обнаружили сгрудившихся вокруг стола самых молодых ребят из прислуги. Они прижались друг к другу, словно могли бы таким способом избежать стать следующей жертвой банши. К счастью, вопреки опасениям Лайнела и Александра, слуги не стали противиться указаниям Рианнон. Возможно, перепуганная прислуга посчитала, что держаться группами по два-три человека будет безопаснее. Они подхватили подсвечники и канделябры и принялись за дело в полном молчании, которое словно усиливало грохот грома. Но старания не увенчались успехом. Даже после интенсивных поисков в течение часа, никто так и не обнаружил ничего, указывающего на местонахождение хозяйской дочери. Наконец, около девяти часов, Арчер намекнул, что уже поздно и Рианнон, взяв себя в руки, распорядилась насчет ужина.

Мод превзошла себя, чтобы блюда, которые она так тщательно приготовила, не выглядели слишком разогретыми, но концерт, устроенный банши, не особо способствовал наслаждению ужином. Как ни старались все присутствующие разглядеть ее силуэт за окном, преуспели они в этом не больше, чем в поисках Эйлиш. Похоже, обе исчезли без следа.

— Я считаю, — предложил Александр после того, как последний из слуг доложил об отсутствии результатов, — мы должны продолжить наши поиски за пределами замка. Ее явно нет в Маор Кладейш, мы уже все здесь осмотрели.

— Но вы сами уверяли, что у Эйлиш не было причин сбегать.

— Я не говорю, что она ушла за пределы ваших владений. Я имею в

виду, что она может находиться в ловушке из-за непогоды. Сомневаюсь, что Эйлиш сейчас спокойна, учитывая разгуливающую вокруг банши.

Рианнон закрыла лицо руками. Мисс Стирлинг бросила на них нетерпеливый взгляд. Она ужинала молча, по-прежнему сохраняя свое выражение лица возмущенной дамочки. Она собиралась налить себе вина, и именно в это момент Арчер протянул свой бокал, и мисс Стирлинг ничего не оставалось, кроме как налить и ему, к счастью, американец не заметил направленный на него злобный взгляд.

Когда все собрались покинуть столовую, внезапно прозвучал звонок в дверь и почти сразу послышались торопливые шаги, на всей скорости поднимающиеся по лестнице. Одна из баллибракских девушек вывернула из-за угла коридора и, с трудом переводя дыхание, подбежала к Рианнон.

— Госпожа, в Маор Кладейш только что прибыл инспектор полиции и сказал...

— Инспектор Фитцуолтер? — вымолвила Рианнон. — Святые небеса! Что ему нужно?

— Не знаю, госпожа. Он сказал, что должен поговорить с вами как можно раньше. Но он не один, с ним пришли еще полицейские. И мне кажется, они кого-то с собой привели.

Рианнон испустила радостный крик. Она отодвинула в сторону девушку и побежала к фойе, за ней последовали Александр и Лайнел. К сожалению, радость продлилась недолго: инспектор Фитцуолтер действительно находился в фойе, но с ним была вовсе не Эйлиш. Когда Рианнон остановилась у подножия лестницы и увидела, что там стоял совершенно незнакомый мужчина.

Фитцуолтер прервал разговор со своими подчиненными и обратился к хозяйке дома:

— А, вы здесь, миссис О'Лэри. Простите, что я пришел вот так, без предупреждения...

— Не стоит беспокоиться, инспектор, — ответила Рианнон. — Я как раз собиралась послать за вами в Киркёрлинг одного из моих слуг со срочным сообщением.

— Что ж, теперь в этом нет необходимости, я предполагал, что в Маор Кладейш назревает проблема. Мне очень жаль, что мы тут незваные гости, особенно в такую отвратительную ночь, тем не менее, я уверен, что вскоре вам понадобится наша помощь. На самом деле, мы не единственные, кто решил подняться в замок. Провидение также прислало вам вот этого джентльмена.

Когда Фитцуолтер отошел в сторону, свет от свечей упал на вошедшего

с инспектором незнакомца. У него был вполне невинный вид, но Лайнел и Александр застыли в изумлении, когда узнали визитера. Это был Август Уэствуд.

Глава 25

Август настолько промок, что выглядел словно Ной, впервые ступивший, наконец, на твердую землю, но его улыбка как всегда излучала тепло.

— Август! — воскликнул Лайнел, быстрыми шагами приближаясь к викарию. — Вот это настоящий сюрприз! У тебя действительно дар появляться в нужное время в нужном месте!

— Не могу поверить в то, что вижу, — пробормотал Александр. — Как... как?

Справившись, наконец, с замешательством, он тоже подошел к другу и пожал ему руку, пока Лайнел вел Августа по фойе.

— Мы встретились с мистером Уэствудом, когда он только вышел из дилижанса, который доставил его из Дублина, — объяснил инспектор обескураженной Рианнон. — Услышав, что он впервые в Киркёрлинге и направляется в Маор Кладейш, мы предложили сопроводить его сюда. Боюсь, это не самая подходящая ночь, чтобы разгуливать на свежем воздухе в компании банши.

— Вы тоже слышали ее стенания? — встревоженно спросила Рианнон.

— Вся деревня ее слышала, миссис О'Лэри. Думаю, сейчас не найдется ни одного жителя, который посмел бы лечь спать этой ночью, из страха никогда больше не проснуться.

— Я вас уверяю, инспектор, хоть все и напуганы, никто из них не испытывает такого отчаяния, как я, — Под удивленным взглядом Фитцуолтера, Рианнон продолжила: — Моя дочь пропала, мы уже несколько часов ничего о ней не знаем. Мы все вокруг обыскали, но тщетно.

— Что вы хотите сказать, как это она пропала? Когда вы её в последний раз видели?

— Примерно в полдень, во время обеда с гостями... — Рианнон махнула рукой в сторону мистеров Арчера, Риверса, Деланси и мисс Стирлинг. — Тогда я не заметила в ней ничего странного. Помню, что она упомянула, что хочет прогуляться по саду, но она так часто это делает, что мне и в голову не пришло, что ей может грозить опасность. Теперь же, услышав банши, я начинаю бояться худшего!

Взволнованный Август повернулся к Рианнон. Александр тронул его за плечо и предложил следовать за собой.

— Пойдем, тебе лучше пойти отдохнуть немного, — они отошли в сторону, чтобы дать Рианнон поговорить с людьми Ирландской королевской полиции. — Я уверен, что инспектор Фитцуолтер найдет Эйлиш и дело закончится легким испугом.

— Если, конечно, Эйлиш захочет чтобы ее нашли, — тихо добавил Лайнел.

— Ты о чем? Почему бы ей не хотеть этого?

— Александр, я тебя умоляю, не будь таким наивным. Эйлиш исчезла, Оливер пропал вместе с ней. Они оба отсутствуют одно и тоже время, а бедная Рианнон слишком взволнована, чтобы заметить отсутствие Оливера. Все указывает на то, что они сбежали, воспользовавшись происходящим в замке. Сложно было бы выбрать более удачный момент.

— Как? — спросил еще более сбитый с толку Август. — Оливер и эта девушка?

Профессор вздохнул, не сводя глаз с Лайнела.

— Да, они действительно сблизились последние недели, но я уверен, что Оливер, которого мы все знаем, не способен на подобный безумный поступок.

— Ты сам сказал: *«Оливер, которого все мы знаем»*. Ты когда-нибудь видел его настолько захваченным эмоциями? Чтобы он глаз не сводил с девушки, как это происходит у него с Эйлиш?

Александр молчал. Лайнел тряхнул головой и вновь обратил внимание на Рианнон, которая все еще разговаривала с полицией.

— Держу пари, что они укрылись от дождя в каком-нибудь отельчике по дороге в Дублин. В конце концов, Оливер оказался более смекалистым, чем я думал.

— Думаю, нам лучше продолжить разговор где-нибудь в другом месте, — предупредил профессор, увидев, что мисс Стирлинг с подозрением наблюдала за ними. — Мы не можем допустить, чтобы на нашего друга обрушилось какое-либо обвинение из-за того, что мы будем это обсуждать при всех.

Они поднялись на первый этаж и направились в гостиную Рианнон, где, как они знали, в камине пылал огонь и мало кто сможет их там беспокоить. Снаружи, в саду, банши возобновила свои рыдания. Август вздрогнул, услышав их. Слышать эти звуки так близко оказалось гораздо хуже, чем издалека.

— Бог ты мой, кажется, что ее пытаются уже целую вечность. Вы

впервые слышите ее с тех пор, как приехали сюда?

— Совершенно верно. Мы слышали, как она бродила по ночам по саду и бормотала что-то неразборчивое, но это даже рядом не стояло с нынешними звуками. Меня не удивляет, что Рианнон так беспокоится за дочь, — признал Александр, открывая дверь в гостиную. Август вздохнул с облегчением, увидев пылающий камин. — Ты ничего не рассказывал нам о том, что собираешься написать этой молодой женщине-медиуму, Аннабель Лавлейс, чтобы спросить ее мнение о нашем случае. Она рассказала тебе что-то интересное о банши?

— Разумеется, рассказала. Если и есть в Лондоне, кто знает все о потустороннем мире, то это она, — ответил тихо Август, подходя к огню чтобы согреть руки. — На самом деле, именно из-за нее я сегодня здесь, с вами в Маор Кладейш.

— Так это она убедила тебя приехать в Ирландию? — удивился Лайнел.

— На прошлой неделе я передал ей все, что ты мне рассказал в письме. Она ответила буквально через два дня. Вот, прочитай это, — с этими словами Август передал другу письмо. — Я уверен, тебе это покажется таким же интересным, как и мне.

Так как Август все еще продолжал дрожать, профессор дернул звонок, чтобы попросить горячего чая для друга. После этого, он развернул письмо мисс Лавлейс, прочистил горло и начал читать:

«Мой дорогой мистер Уэствуд,

Вы себе представить не можете , как мне жаль , что приходится обсуждать такие интересные вопросы в письменном виде , но , боюсь , в ближайшие дня я не смогу покинуть мой кабинет на Албемарль - стрит . Недавно у меня случился приступ аритмии , который чуть не отправил меня на тот свет , с которым мы с вами регулярно вступаем в контакт . К счастью , мой личный врач подоспел вовремя и все ограничилось приступом . Пока я находилась в постели , я неоднократно возвращалась к вашему письму , и , должна признаться , что крайне редко ко мне обращались со столь интригующими вопросами .

Разумеется , я прекрасно знаю мифологический образ ирландской банши , хотя никогда не сталкивалась с ней лицом к лицу . То , что профессор Куиллс разъяснил вам о ней , совершенно справедливо : они получили известность благодаря способности объявлять своим плачем о неминуемой гибели членов своего клана . Но что меня удивило , так это абсолютная убежденность вдовы в том , что по ее словам , именно банши спровоцировала смерть мистера МакКоннала после того , как тот

изъявил желание завладеть замком . Это привело меня в замешательство , так как не существует ни одной легенды , где бы банши обладала даром провоцировать смерть посредством сердечного приступа , от которого скончался мистер МакКоннал . Такое поведение более характерно , как вы знаете , для призраков , мстительных духов , способных напугать до смерти , появляясь перед живыми .

У меня нет прямых доказательств , мистер Уэствуд , что существо , бродящее по окрестностям Маор Кладейш — это не банши , а призрак , прикованный к замку на протяжении веков . След какой - то женщины , обреченной бесцельно бродить по Маор Кладейш среди живущих ныне О ' Лэри .

Когда я была маленькая , мне в руки попал сборник страшных ирландских сказок Шеридана Ле Фаню , Шарлотты Риддел , Розы Малхолланд [1] и других авторов в этом духе . В одной из них говорилось о банши , о самом первом существе , получившем такое название , но на самом деле у нее было свое собственное имя — Эйбил . Кажется , она принадлежала королевской семье О ' Брайенов и в ночь перед битвой при Клонтарфе [2] она появилась перед королем Брайеном Бору и предупредила его , что он не вернется живым с поля боя .

Я удивлена тем фактом , что до наших дней дошло ее имя , даже сейчас ирландцы помнят про нее и дажу уверяют , что знают черты ее характера . Если бы это была настоящая банши , со всеми типичными для этих существ признаками , то у нее не было бы своего имени , она была бы всего лишь элементарным явлением природы . Возможно , существовала реальная женщина из плоти и крови по имени Эйбил , умершая трагической смертью , превратившись в призрак ? Возможно что - то подобное произошло и с О ' Лэри , только теперь уже никто не помнит почему ?

В ближайшее время я еще подумаю над этой гипотезой, которая кажется мне все более приемлемой, учитывая данные, которые предоставили вам ваши друзья. Если в Маор Кладейш действительно бродит не банши, а затерянная душа, которой до сих пор никто не смог помочь обрести вечный покой, то полагаю, вы, как и я, прекрасно понимаете, что вам необходимо поехать в Киркёрлинг как можно скорее. Обязанность каждого медиума состоит в том, чтобы протянуть руку помощи таким затерянными душам, как эта несчастная женщина. Я, конечно, понимаю, что эта история, несомненно, возбудит интерес читателей «Dreaming Spires», но мой долг велит мне напомнить, что в приоритете должна быть необходимость облегчить страдания души, а

не завершить расследования о ней и бросить снова в одиночестве, словно никто никогда о ней не знал. Я уверена, что профессор Куиллс согласится со мной, как только узнает мою точку зрения. Я всегда считала его джентльменом, а истинный джентльмен никогда не позволит себе без угрызений совести нажать на несчастье дамы, даже если прошли столетия или, может, целое тысячелетие после ее смерти.

Каким бы ни было ваше решение, умоляю держать меня в курсе происходящего, начиная с этого момента, уж очень любопытный случай. Как вам известно, я — постоянный читатель «Dreaming Spires», но предпочитаю, все же, информацию из первых рук.

Искренне ваша ,
АННАБЕЛЬ ЛАВЛЕЙС

P. S. Спасибо за цветы. Красные розы — мои любимые».

Закончив читать письмо, Александр не знал, что и сказать. Август тоже не смел нарушить молчание, а вот Лайнел не мог не высказаться:

— «Спасибо за цветы»? Так ты серьезно отнесся к моему совету сблизиться с этой девушкой? Наверное, впервые хоть кто-то из вас меня послушал!

Август покраснел, но ничего не ответил. Александр задумчиво сложил письмо.

— Да уж, как-то все совершенно неожиданно, — произнес он, возвращая письмо другу. — Неужели наша банши на самом деле всего лишь заблудшая душа?

— Такого мнения мисс Лавлейс, — ответил Август, убирая в карман вложенное в конверт письмо. — И, откровенно говоря, чем больше я об этом случае думаю, тем больше убеждаюсь, что это так и есть.

— Мне эта версия кажется довольно необычной, — признал Александр. — Хотя, насколько я помню, наша подруга еще никогда не ошибалась.

— Это не то, что необычная идея, Александр, она просто абсурдна, — вступил в разговор Лайнел. — Сколько раз ты нам рассказывал, что согласно теориям, разработанным этими всезнайками из Сообщества исследователей сверхъестественного, эктоплазменная материя с течением времени истончается? Вы и вправду думаете, что какой-то дух разгуливает тут вокруг на протяжении веков, — он махнул рукой в сторону выходящих в сад окон, — и при этом все еще в силах появиться перед МакКонналом и напугать его до смерти?

Он умолк, когда закрытая Александром дверь открылась нараспашку и появилась Джемима. Она выглядела такой же бледной, как и остальные

слуги.

— Не могли бы вы принести немного бульона для мистера Уэствуда? — попросил Александр.

— Не стоит, правда, — извинился Август, увидев, как напугана девушка. — Не хочу волновать вас еще больше.

— Тогда бокал коньяка, — приказал Александр служанке, которая кивнула в ответ. — Мисс Лоулесс, — продолжил он, пока та не ушла, — как дела там, внизу?

— Инспектор Фитцуолтер и его люди недавно ушли на поиски мисс О'Лэри. В конце концов, поместье не такое уж большое, так что если только она не упала в море, они ее найдут, — лаконично ответила девушка. Затем она повернулась к Лайнелу: — Пойдем, поговорим.

Август удивился такой фамильярности по отношению к Лайнелу со стороны прислуги.

— Прошу прощения, — кивнул друзьям Лайнел, — сейчас вернусь.

Он вышел из гостиной следом за Джемимой, завернул за угол, где девушка, наконец, остановилась и повернулась к нему лицом.

— В чем дело? — спросил ее Лайнел. — О чем ты хотела поговорить?

— О том, что мы должны делать, разве не ясно? Думаешь, что я настолько занята, что у меня не было времени собрать вещи?

— Что-то я не улавливаю. Ты о чем?

Джемима поцокала языком. Звук шагов известил их о приближении двух служанок, и Джемима схватила Лайнела за руку и потащила его вглубь, в более укромный угол.

— Я говорю о моем багаже. Я еще не все собрала, получилось меньше, чем я думала, но это и к лучшему. Меньше проблем будет в порту.

Услышав такое, Лайнел уставился на Джемиму так, словно та говорила на китайском.

— Да ладно, не смотри на меня с таким идиотским лицом. Я отказываюсь оставаться здесь и дальше сейчас, когда вокруг замка бродит банши, трубя о смерти одного из нас. Так что лучше свалить отсюда с попутным ветром.

— Подожди, подожди, Джемима, что-то я не понимаю ничего из того, что ты тут говоришь.

— Я говорю, что мы должны уехать отсюда. Уехать в Оксфорд, Лайнел, как ты мне обещал. Ты не понимаешь, что сейчас — лучший момент, чтобы исчезнуть?

Ее слова обрушились на Лайнела с такой же тяжестью, как если бы на него рухнули перекрытия коридора, в котором они стояли. Он понял, что

пришло время разъяснить ситуацию.

— Джемима, боюсь, ты ошибаешься. Ты не поедешь со мной в Оксфорд.

Она выпучила глаза так, что казалось, они готовы выскочить из орбит.

— Что? — с трудом произнесла она и побледнела еще больше. — Что...?

— Мне и правда жаль. Знаю, что должен был сказать тебе об этом гораздо раньше, но я не думал, что ты воспринимаешь все так серьезно. Я имею в виду наши ... отношения.

— Что ты не думал? — выговорила Джемима. — Как ты можешь быть таким ничтожеством, Лайнел? Как ты можешь вот так говорить мне, что не хочешь...?

— Да я никогда тебе не обещал, что мы уедем вместе! — защищался он. — Это ты все время говорила о планах на будущее, о совместной жизни, о доме...

— Конечно, я говорила о доме! Я всегда считала, что после того, что ты сделал, чтобы меня соблазнить, ты уже не дашь мне уйти. — Если бы лицо Джемимы не выглядело столь угрожающим, Лайнел бы рассмеялся, но ситуация к смеху не располагала. — Ты использовал меня все это время, — продолжала Джемима. — Я была нужна тебе только, чтобы согреть по ночам. Ты такой же как и все!

— Извини, но, по-моему, я не единственный, кто неплохо порезвился во время наших встреч, — бросил ей в лицо Лайнел, которому уже начал надоедать этот разговор. — Насколько я знаю, силком тебя в мою постель никто не тащил!

Прежде, чем он успел добавить что-нибудь еще, Джемима дала ему звонкую пощечину. Лайнел и подумать не мог, что девушка такая сильная. Он едва успел перехватить ее запястье, чтобы избежать второго удара.

— Сделай одолжение, уймись, — прошептал он. — Ты ничего не добьешься, превращаясь в василиска. Мне уже давно надоело, что ты без конца крутишься вокруг меня.

— Это все из-за той штуки, верно? — выпалила девушка. — Этой девицы, с которой ты глаз не сводишь, даже когда все мы трое находимся в одной комнате?

Лайнел слегка ослабил хватку на ее запястье.

— Не вмешивай в это мисс Стирлинг. Она тут точно не при чем, Джемима...

— Значит, из-за той подружки, по которой ты так скучаешь? Эта, как ее, Вероника Куиллс? — она злобно усмехнулась, увидев удивление

Лайнела. — Это ее ты предпочел каждую ночь иметь в своей постели вместо меня?

— Какого дьявола ты тут плетешь? Откуда ты вообще узнала про меня и Веронику?

И тут, в его голове забрезжила догадка. Догадка, которая переросла в уверенность. Лайнел чуть не задохнулся:

— Так это ты, — заявил он, пристально глядя на Джемиму. — Это ты забирала все ее письма для меня! Ты крада их только потому, что отправителем была женщина!

— У меня были свои причины, чтобы просматривать твои письма. Я считала, что мы собираемся жить вместе, Лайнел. Я не могла позволить тебе переписываться с женщиной, о которой ты никогда мне не говорил!

— Да ты ненормальная, — буркнул Лайнел. — Какое ты имела право так делать?

— А какое право имел ты писать ей, будучи со мной? Или я недостаточно женщина, чтобы целиком и полностью удовлетворить тебя? Для чего тебе еще и Вероника? Чтобы обсуждать с ней картины, которые она собирается писать? Книги, которые она будет читать, о женских политсобраниях, которые посещает?

Лайнел с большим трудом верил в то, что слышал. Это было гораздо хуже того, что он мог себе представить. Он открыл было рот, чтобы высказать Джемиме все, что он о ней думает, но воцарившаяся в Маор Кладейш тишина вдруг была нарушена какой-то неразберихой внизу. Они услышали говорившего вслух инспектора Фитцуолтера и крик радости открывшей дверь Рианнон. Привлеченные шумом Александр и Август выбежали из гостиной, а Джемима вырвала свою руку из пальцев Лайнела. «*Nár fheice tú an lá*» — процедила она сквозь зубы, прежде чем исчезнуть. Проведя рукой по покрасневшей колючей щеке, Лайнел почувствовал ком в желудке, вспомнив слова своего отца: «Из всех неистовых сил природы, ни одна не разрушает так, как ярость обманутой женщины».

[1] **Джозеф Шеридан Ле Фаню** — ирландский писатель, продолжавший традиции готической прозы. Автор классических рассказов о привидениях; **Шарлотта Ридделл** — британская писательница, авторе целого ряда произведений, ставших классикой викторианской литературы; **Роза Малхолланд** — ирландская писательница, творчество которой хвалил сам Диккенс: изначально Роза мечтала стать художницей, но Чарльз Диккенс настолько высоко оценил первые работы девушки, что убедил ее продолжить литературную

деятельность .

[2] Битва при Клонтарфе состоялась 23 апреля 1014 года [1] в страстную пятницу между силами верховного короля Ирландии Бриана Бору и силами короля Лейнстера Маэл Морды мак Мурхады , которые состояли главным образом из его собственных людей , викингов - наёмников из Дублина и с Оркнейских островов , возглавляемых его двоюродным братом Сигтригом , и одним из мятежных королей провинции Ульстер . В результате силы Маэл Морды были разбиты , однако победивший король Бриан пал от рук нескольких северян , которые спасались бегством с поля боя и наткнулись на его шатёр . После битвы Ирландия вернулась к напряжённому статусу - кво со многими мелкими , отдельными королевствами , которые существовали некоторое время .

Глава 26

— Что это было? — спросил Александр. — Кажется, я слышал крик Рианнон!

— Да, и, кажется, это был крик радости, — согласился Лайнел. Заметив, как на него смотрит Август, он убрал руки от лица. — Думаю, нам лучше поскорее присоединиться к ней. Кажется, побег наших голубков сорвался.

Он решил оставить пока в стороне свои мысли по поводу психического здоровья Джемимы и спустился с остальными в шумное фойе. Мисс Стирлинг со вселенским спокойствием сидела на стуле у стены, Арчер, Риверс, Деланси и несколько слуг тоже были там. Один из людей Фитцуолтера как раз помогал молодым людям войти в замок. Оливер нес Эйлиш на руках, при этом оба выглядели, словно жертвы кораблекрушения, но, по крайней мере, были целы и невредимы.

— Боже мой, боже мой, не могу поверить! Ты даже не представляешь, какой ужас я пережила!

Рианнон практически вырвала свою дочь из рук Оливера и принялась целовать ее, не обращая внимания, что пачкается об вымазанное в грязи платье Эйлиш.

— Их только что обнаружил Рейнольдс, — доложил подросшим англичанам инспектор Фитцуолтер. — Просто чудо, что они смогли подняться по склону в такую бурю. Если бы не помощь ее друга, то я сомневаюсь, что мисс О'Лэри справилась бы самостоятельно — как мне сказали, слой тины поднялся выше лодыжек.

— Мама, ты не даешь мне дышать, — услышали они шепот прижатой к груди матери Эйлиш.

Как и следовало ожидать, первоначальная эйфория матери вскоре переросла в поток упреков, требований и предупреждений, на которые обессиленная Эйлиш не могла ответить.

— Что ты забыла в саду в такую погоду? Почему не вернулась как только пошел дождь? Ты хоть понимаешь, что если бы не мистер Сандерс, мы до сих пор искали бы тебя? Святые небеса! Да как тебе в голову такое пришло?

— Мама, перестань на меня кричать. Я не собираюсь сейчас с тобой спорить.

— Что ты не собираешься? — обескураженно переспросила Рианнон, — Что ты пытаешься от меня скрыть? Что с тобой произошло?

— Не понимаю о чем ты. Я хочу подняться к себе в комнату, чтобы переодеться.

— Никуда ты не пойдешь, пока не объяснишь, что случилось. Думаешь, ты можешь исчезнуть на несколько часов и вернуться, как ни в чем не бывало? — Рианнон нервничала все больше. Эйлиш сжала губы и мать встряхнула ее за плечи, чтобы та послушалась. — Я с тобой разговариваю, мисс! Сделай одолжение и ответь мне, наконец!

— Она здесь не причем, Рианнон, — прервал ее Оливер. — Это моя вина, только моя.

Выглядел он так же плачевно, как и Эйлиш — промокший, покрытый грязью и обрывками травы, но глаза были полны решимости.

— Я встретил вашу дочь во время прогулки по саду после обеда, — продолжил он, пока красная от стыда Эйлиш пыталась высвободиться из цепких рук матери. — Мы гуляли по окрестностям замка и не заметили, как ушли слишком далеко. Пошел такой сильный дождь, что мы не осмелились вернуться, так как побоялись, что это слишком опасно. Склон был затоплен, было бы безумием пытаться вернуться в Маор Кладейш в разгар бури. Вот что произошло.

Рианнон молчала, Эйлиш снимала с себя промокшее пальто Оливера, чтобы повесить на спинку стула.

— Вот что произошло... — повторила женщина, не сводя глаз с молодого человека.

— Только это и ничего больше, — заверил ее Оливер. — Я понимаю, что по нашей вине вы переволновались, но умоляю вас, не упрекайте Эйлиш, она не сделала ничего...

— Ах, а я считаю, что мне есть в чем ее упрекнуть, и, похоже, что и вас тоже, мистер Сандерс. — Рианнон глубоко вздохнула. Было очевидно, что она пыталась успокоиться. — Если буря была столь ужасной, то где вы

были все это время? Или вы скажете, что все это время были во власти непогоды?

— Конечно, нет. Мы были... — Оливер краем глаза взглянул на Эйлиш, и та еле заметно кивнула, — ... в небольшой пещере у подножия склона. Нам повезло, что мы ее нашли. В противном случае...

Но Рианнон не удовлетворилась этими объяснениями. Она успела увидеть еле заметный жест Эйлиш. И это навело ее на наихудшие подозрения.

— Пещера. Вдвоем в пещере. Вы меня совсем идиоткой считаете, мистер Сандерс? Разве я могу поверить в такую историю? Мы тут что, в игрушки играем?

— Господь Всемогуций, — воскликнула Эйлиш, не в силах сдержаться. — Минуту назад ты была готова ноги Оливеру целовать за то, что он доставил меня домой целой и невредимой, а теперь ты смеешь обвинять его в том, что он был наедине со мной?

— Не смей поднимать на меня голос! Я сейчас не с тобой разговариваю, а с ним!

— А я не собираюсь молчать! Проблемы Оливера теперь и мои проблемы. Мы помолвлены, нравится тебе это или нет.

Рианнон в ужасе посмотрела на нее.

— Что ты сказала? — еле вымолвила она. — О чем ты, черт возьми, говоришь?

— То, что слышишь. Мы любим друг друга и никому не позволим нас разлучить.

— Это, наверное, шутка. Плохая шутка. Эйлиш, я тебя уверяю...

— Слишком странная шутка для такой ночи как эта, — ответила девушка. — Я думала, ты лучше знаешь мое чувство юмора, точнее, полное его отсутствие. Пока Оливер не появился в нашем доме, почти ничто не могло заставить меня хотя бы улыбнуться.

Эйлиш подошла к Оливеру, волоча за собой промокшее платье, и укрылась в его объятиях, продолжая смотреть матери в глаза. Оливер прижал ее к себе, не произнеся ни слова.

Лайнел открыл было рот, но впервые в жизни не знал, что сказать. Александр и Август застыли, услышав эту новость. Лишь слуги тихо перешептывались между собой.

— Помолвлены..., — прошептала Рианнон, после бесконечного, как всем показалось, молчания.

— Да, — прошептала Эйлиш, уткнувшись в жилет Оливера. — Мы решили это лишь сегодня, так что не говори, что мы слишком долго

молчали. Впрочем, мы не собирались так быстро признаваться, в конце концов, это наше личное дело. Мы — взрослые люди...

К их удивлению, Рианнон рассмеялась, но это был наименее радостный смех в мире. Серые глаза метали молнии.

— Ах ты, соплячка! Уж извини, что возражаю, но ты все еще несовершеннолетняя. И никогда не сможешь принять подобное решение без моего разрешения. Я несу за тебя ответственность!

— А я буду делать то, что я хочу! — закричала Эйлиш. Мистер Риверс так удивился подобной реакции, что аж подпрыгнул, мистер Деланси выгнул брови, с интересом наблюдая за происходящим. — Восемнадцать лет ты держала меня взаперти в этом проклятом замке, не позволяя мне делать ничего из того, что мне нравилось! Восемнадцать лет ты не давала мне жить, боясь, что я когда-нибудь тебя покину! Я не собираюсь терпеть это ни дня больше!

— Что ты не собираешься терпеть? — спросила уже покрасневшая от бешенства Рианнон тем же тоном. — Я дала тебе всю любовь, которую только может дать мать своей дочери! Ты прекрасно знаешь, что рядом со мной у тебя было все.

— У меня не было своей жизни! — воскликнула Эйлиш со слезами на глазах. — Жизни, в которой я не была бы заперта в четырех стенах и которую я могла бы разделить с тем, кем хочу. Наконец, я встретила человека, с которым хочу это сделать, мама. И ничего из того, что ты...

Эйлиш не смогла продолжить, потому что Рианнон схватила ее за руку и вырвала из объятий Оливера.

— Отпусти меня! Отпусти меня сейчас же! Не смей разлучать меня с ним!

— Оставьте ее в покое! — крикнул Оливер. Он хотел подойти к ним, но Лайнел и Александр успели перехватить его, схватив за руки.

— Стой спокойно, — тихо посоветовал ему профессор, — не усугубляй ситуацию.

— Это продолжалось слишком долго, — сказала Рианнон дрожащим голосом, в то время как Эйлиш пыталась высвободиться. — Это была моя и только моя вина. В высшей степени безответственно с моей стороны было позволить вам проводить столько времени вместе, но больше я такого не допущу. Эй, вы, — она жестом позвала стоявших неподалеку двух слуг, — уведите мисс О'Лэри в ее комнату. И не давайте ей оттуда выйти, пока я не разрешу. Если позволите ей хотя бы шаг сделать по коридору, пеняйте на себя.

Молодые люди кивнули и схватили Эйлиш с двух сторон, чтобы

повести ее по лестнице. Задача оказалась не из легких, потому что девушка сопротивлялась словно фурия.

— Не трогайте меня! Уберите свои руки! Вы не имеете права!

— Пожалуйста, Рианнон, — обратился к ней Александр, не отпуская при этом Оливера, — В этом нет никакого смысла. Я понимаю, что вам больно от того, что они приняли столь важное решение без вашего участия...

— Оливер! — взвизгнула опять Эйлиш с верхней ступеньки лестницы, прежде чем исчезнуть за поворотом. — Оливер, нет! Нет!

— Вы совершаете самую серьезную в вашей жизни ошибку, — тихо сказал Лайнел, когда дверь закрылась за Эйлиш и слугами.

— Не помню, чтобы я спрашивала ваше мнение, мистер Леннокс.

— Лайнел прав, — как можно вежливее прервал ее Август. — Я не знаю вашу дочь, миссис О'Лэри, но мне кажется, что то, что она чувствует к нашему другу — это не просто каприз. Ваше сопротивление ни к чему не приведет.

— Это никогда не было капризом, — вымолвил Оливер, не сводя глаз с лестницы, по которой увели девушку. — Все, что сказала Эйлиш — правда. Мы любим друг друга.

— Хватит, — отрезала Рианнон, закрывая уши. — Я не хочу ничего знать.

— Этим вы не добьетесь того, чтобы я стал меньше любить ее. Даже если между нами ляжет океан. Я люблю ее, Рианнон! Я действительно люблю ее!

— Хватит, я сказала! Замолчите, пока я не вышвырнула вас из моего дома!

Последний крик Рианнон остановил, наконец, Оливера, но взгляд его пылал такой яростью, что некоторые служанки в страхе попятились. Рианнон вздохнула, нервно проведя рукой по волосам.

— Может, именно это мне и следует сделать, — вымолвила она через несколько секунд. — Да, будет лучше, если вы уйдете. Мне жаль, что все так закончилось, но, поймите, я не могу больше подвергаться риску...

— Как вы сказали? — возмутился Лайнел. — После всего, что мы для вас сделали?

— Я очень благодарна вам за помощь. Я прекрасно понимаю, что без вашей поддержки я никогда не смогла привлечь внимание покупателей к Маор Кладейш. Но я не собираюсь сидеть сложа руки и наблюдать, как по вине одного из вас рушится хрупкий баланс в моей семье. Благополучие моей дочери гораздо важнее замка, я не могу и дальше рисковать.

Ей пришлось отвернуться, когда она встретила взглядом с Александром, в глазах которого увидела понимание, разочарование и грусть. Профессор не успел высказать свое мнение о ее решении — мисс Стирлинг, прочистив горло, вступила в разговор.

— Вся эта семейная эпопея, разумеется, очень трогательна, но, по моему, вы забыли, что там, снаружи, разгуливает нечисть, объявившая смерть одного из нас, — она показала пальцев на окна, по которым хлестал дождь. — Может, разберемся с этим завтра? Можете считать меня странной, но меня больше волнует сохранение собственной жизни, чем то, что только что произошло между мисс О'Лэри и мистером Сандерсом. Смею предположить, что банши это тоже без разницы.

Благодаря ее словам, инспектор Фитцуолтер прервал свое молчание. Он не вмешивался в развернувшуюся перед ним сцену, так как подобные ситуации находились вне его компетенции. Тем не менее, услышав слова прекрасной иностранки, согласно кивнул и подошел к Рианнон.

— Думаю, нам необходимо подготовиться к этой ночи. Если вы позволите, миссис О'Лэри, мои люди останутся патрулировать вокруг Маор Кладейш. Учитывая, что произошло в прошлом после появления банши, не стоит недооценивать ситуацию.

Рианнон согласно кивнула, хотя мысли ее явно витали где-то далеко от фойе. Она с все возрастающей тоской смотрела наверх лестницы.

— Не могли бы вы дать мне ключи от замка? — попросил инспектор. Рианнон снова кивнула и вручила ему тяжелую связку, вытащив ее из складок платья. — Я удостоверюсь, что все двери хорошо закрыты, хочу быть уверенным, что никто не заберется сюда снаружи.

Постепенно прислуги стали расходиться по комнатам. Импровизированное собрание подходило к концу.

— Думаю, мне лучше удалиться в спальню, — заявил Деланси.

— Я сделаю тоже самое, — согласился Арчер. — Еще раз благодарю вас за принятое решение, миссис О'Лэри. Я гарантирую, что вы не пожалеете о том, что передали мне замок. Вот увидите, как только вы переедете вместе с дочерью на новое место, произошедшее сегодня покажется вам чем-то незначительным. Пришло вам время начать новую жизнь!

Риверс последовал за своим шефом наверх, тоже самое собралась сделать и мисс Стирлинг. Беспокойство из-за банши не изгнало до конца досаду из ее взгляда.

— И еще... — сказала она Рианнон, опершись рукой о перила. — Мистер Леннокс был прав, предупредив, что вы допускаете самую

большую ошибку в вашей жизни. Молитесь, чтобы не пожалеть об этом. И я говорю вовсе не о том, что вы выбрали Арчера вместо моего патрона, а то, что вы делаете с дочерью, хоть и утверждаете, что так ее любите.

Рианнон даже не потрудилась ответить. Мисс Стирлинг исчезла на первом этаже в тот момент, когда часы пробили одиннадцать.

— Оливер, ты дрожишь, словно осиновый лист, — прошептал Александр и прикоснулся к его лбу, чтобы убедиться, что тот не заболел. — Думаю, тебе надо выпить что-нибудь горячее перед сном. Пойдем со мной на кухню...

— Я ничего не хочу, — буркнул Оливер. — Уехать отсюда с Эйлиш и больше никогда не возвращаться, вот то, что я сейчас хочу.

— Завтра ты увидишь все по-другому, — успокаивающе сказал ему Август.

— Даже если смотреть тебе придется из деревни, — вставил Лайнел, не в силах скрыть разочарование. — Надеюсь, в «Золотом горшке» еще остались свободные комнаты!

Рианнон и на это ничего не сказала. Она по-прежнему стояла прямо, с поджатыми губами, подрагивающим подбородком и сжатыми в кулаки руками, скрытыми от глаз в складках измазанного грязью платья. Лайнел, качая головой, сопровождал Оливера на кухню. Александр, следуя за друзьями, остановился перед Рианнон.

— Я понимаю, вам трудно довериться мне, но я догадываюсь, почему вы отреагировали именно так, — прошептал он ей. — Но то, что не повезло вам, вовсе не означает, что с вашей дочерью случится то же самое. Я знаю, что Оливер никогда ее не оставит. А если это, все-таки, истинная любовь?

Рианнон прикрыла лицо руками. Александр решил оставить ее одну, чтобы она могла поразмышлять о происшедшем. Когда профессор ступил на лестницу, ему послышался сдавленный стон, словно это была банши.

Его друзья были уже на кухне. Оливер сидел на ободранном плетеном стуле, пока Август искал для него что-нибудь выпить. Там же находились люди Фитцуолтера, проверяющие заднюю дверь Маор Кладейш. Убедившись, что она надежно заперта, они попрощались с англичанами и ушли, чтобы присоединиться к остальным. Август обнаружил бутылку малаги[1], которую Мод, должно быть, использовала при готовке. Налив полбокала, он присел на корточки рядом с Оливером и протянул другу выпивку.

— Через пару часов она изменит свое мнение, — заверил его Август. Юноша ничего не ответил и молча осушил бокал, уставившись на

золотистый напиток. — У миссис О'Лэри ничего не может быть против тебя. Я убежден, что до сегодняшнего дня ты вел себя безупречно. Чего еще она может желать для единственной дочери?

— Богатого наследника, — тихо ответил Оливер. — Кого-то, способного предложить больше, чем комната в Оксфордском колледже. Боже мой, не понимаю, как я мог быть так глуп... — он поставил бокал на стол и закрыл лицо руками точно так, как это сделала Рианнон. — Я никогда не был достоин ее. У меня нет никакой надежды добиться ее руки, как бы я не старался. Разве имеет значение, что Эйлиш разделяет мои чувства к ней, если все, что хочет Рианнон, так это отдать ее тому, кто больше даст?

— Ты сильно ошибаешься, Оливер, — с грустью заверил его Александр. — У Рианнон с тобой проблем не больше, чем с любым другим мужчиной, который посмел бы приблизиться к ее дочери. Для нее Эйлиш все еще остается девочкой, которую она должна защищать.

— А я не настолько в этом уверен, как ты, — возразил Лайнел. — Ставлю на то, что если бы Арчер вместе с Маор Кладейш попросил руку Эйлиш для своего наследника, работающего в Новом Орлеане, то Рианнон, без сомнения, согласилась бы. И тоже самое она сделала бы и с князем Драгомираски, если бы не испытывала к нему такую антипатию по неизвестным нам причинам. Аристократы не меняются, Александр, даже твоя дражайшая Рианнон.

Профессор предпочел оставить свое мнение при себе, особенно после того, как Лайнел упомянул венгра. *«Брат Эйлиш, — мрачно подумал он. — Знал бы Оливер, что на самом деле Эйлиш — княжна... Знала бы это сама Эйлиш!»* Не имело смысла даже думать об этом, Рианнон никогда не согласится раскрыть правду о настоящем отце Эйлиш. Возможно, именно поэтому она хочет удалить из замка Александра и его друзей. Лайнел подошел к Оливеру и положил руку ему на плечо.

— Мне очень жаль, Оливер. Правда, жаль. Все мы знаем сколько для тебя значит эта девушка, — он помолчал немного, прежде чем продолжить с напускной развязностью. — Ладно, по крайней мере, в качестве утешения тебе остается то, что ты смог насладиться ее прелестями хотя бы один раз...

— Лайнел! — воскликнул возмущенный Август. — Сейчас не время для твоих шуточек!

— Я просто пытаюсь его успокоить. Сейчас Оливер разбит и это понятно. Но уже через пару дней он начнет смотреть на все по-другому. Когда он вернется в Оксфорд, то воспоминания уже не будут его так

терзать как сейчас. Они просто станут частью его жизненного опыта, в первую очередь потому, что на этот раз он, наконец, повзрослел...

— Мы не делали ничего, из того что ты навоображал. Лайнел, — пробормотал Оливер.

— Как это ничего? Чем вы там, черт возьми, занимались столько времени, будучи вдвоем в пещере?

— Разговаривали. Говорили о том, что Рианнон не позволяла нам узнать, — под любопытными взглядами друзей Оливер устало продолжил, — Эйлиш — что-то вроде медиума. Точнее, ясновидящая, так как она контактирует не с умершими, а с аурой, которая окружает физические объекты. У нее дар психометрии.

Новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Август медленно встал, Александр подскочил к Оливеру.

— Психометрии? Ты серьезно? Почему ты нам раньше об этом не рассказал?

— Потому что сам узнал об этом только сегодня. Все, что говорят о мисс О'Лэри в Киркёрлинге, истории, которые бродят среди соседей с тех пор, как она была ребенком... частично они правдивы, но она никакая не ведьма. Рианнон заперла Эйлиш в Маор Кладейш, чтобы ей не причинили вреда. Наверное, миссис О'Лэри считала, что если изолирует дочь от внешнего мира, ей не будет грозить опасность. А теперь, по моей вине, все изменилось...

Он умолк, потому что открылась дверь и появилась Джемима с недовольным лицом. Она бесцеремонно прошла между Александром и Августом, чтобы взять стакан с открытой викарием полки.

— Госпожа желает, чтобы я отнесла ее дочери молоко, — попыталась она нарушить повисшее с ее приходом молчание. — Даже не знаю, зачем мне заморачиваться, все равно она швырнет мне его в лицо.

— Как она, мисс Лоулесс? — еле слышно спросил Оливер.

— Плохо, — без обиняков ответила она. — Хуже, чем обычно, учитывая, что я терплю ее уже долгие годы со всеми перепадами настроения. Лежит на кровати и рыдает без конца. У меня скоро голова лопнет. Постоянно зовет вас и отказывается даже посмотреть на мать, когда та пытается с ней поговорить. — Джемима взяла бутылку с молоком, чтобы наполнить стакан. — По-моему, она совсем рехнулась. Я знаю, что она всегда была не в себе, но последние события ее доконали. Вы можете собой гордиться, мистер Сандерс...

— Сделай одолжение, прикуси язык, — выпалил Лайнел.

Джемима не ответила. Вернула бутылку на место и вышла из кухни, но

Оливер побежал за ней, схватил за руку и проговорил:

— Джемима, пожалуйста... Мне необходимо, чтобы Эйлиш понимала, что... что чтобы ее мать не делала, я ее не оставлю. Передайте это от моего имени, умоляю...

— Вряд ли она будет меня слушать, — ответила служанка. — Чтобы услышать, ей придется прекратить орать хотя бы на пару секунд. А это в ее планы явно не входит.

Она выдернула свою руку из его пальцев, но Оливер не хотел ее отпускать.

— Скажите ей, что я буду ждать ее в Киркёрлинге столько, сколько потребуется. Что я не уеду из Ирландии без нее. Что я женюсь на ней, чтобы ни случилось. Вы сделаете это для меня?

Джемима молча выслушала его. Она равнодушно посмотрела на Оливера, затем ее взгляд скользнул к Лайнелу. В глазах девушки промелькнуло что-то, похожее на ненависть, впрочем, когда обратно к Оливеру она повернулась с улыбкой и кивнула.

— Конечно, мистер Сандерс. Можете мне довериться, — и пошла вверх по лестнице.

Оливер, наконец, выдохнул и позволил Александру и Августу снова увести себя на кухню. Лайнел же остался у лестницы. Он посмотрел вслед исчезнувшей за поворотом Джемиме и его охватило мрачное предчувствие.

[1] Мала́га — десертное вино , производимое из винограда выращенного в испанской провинции Малага , в частности в окрестностях города и гор с одноимённым названием . В Малаге открыт Музей вина , экспозиция которого освещает винодельческие традиции провинции .

Глава 27

Как Эйлиш, так и банши не умолкали всю ночь, так что никто в Маор Кладейш не смог сомкнуть глаз. Оливер немного успокоился благодаря вину, налитого друзьями, хотя эффект несколько превзошел ожидания — парня пришлось поднимать в комнату. Уложив его, Александр проводил Августа до выделенной ему маленькой спальни и ушел в свою комнату.

Лайнел сделал то же самое, но был уверен, что не сможет уснуть из-за непрерывно воющего за окнами призрака. Он даже не стал раздеваться и долго стоял у окна в одной рубашке, наблюдая, как ливень сотрясал ветви деревьев близрастущих деревьев. Стук веток о стены замка, словно задавал ритм болезненным вскрикам сущности. Наконец, поняв, что эта ночь становится самой непродуктивной в его жизни, Лайнел со вздохом

разочарования отошел от окна. Было очевидно, что лечь в постель и попытаться заснуть — бесполезно, так что он обулся, подошел к двери и открыл ее с большой осторожностью, чтобы не заскрипели петли.

К счастью, в коридоре не оказалось никого из людей Фитццуолтера. Лайнел знал, что они будут патрулировать Маор Кладейш до рассвета, так что он поспешил на второй этаж замка, пока никто его не остановил. Ему в голову пришла довольно дерзкая идея, которая в случае удачи даст плоды, как в профессиональном, так и в личном плане. *«Не могу уйти отсюда, даже не попытавшись. Надо пообщаться с ней наедине, чего бы это не стоило».*

Она упоминала, что ее спальня одна из первых в южном крыле. Лайнел рисковал разбудить Деланси, Арчера или Риверса вместо нее, но попытаться стоило. Он провел рукой по спутанным волосам, заправил рубашку в штаны и остановился возле ее предполагаемой двери. Вид у Лайнела был, конечно, не самый подходящий для визита к даме, но откладывать было некуда. Задержав дыхание, он постучал костяшками пальцев, молясь, чтобы она еще не спала. Сначала было тихо, затем послышался шорох волочившейся по ковру материи и еле слышное «Кто там?»

— Это я, мисс Стирлинг, мистер Леннокс.

— Сейчас почти три часа ночи, можно узнать, что вам надо?

Лайнел усмехнулся, поняв, что она все еще в бешенстве.

— Я знаю, что с моей стороны не слишком вежливо, но... я подумал, что надо бы с вами попрощаться. Вы слышали, что сказала миссис О'Лэри: завтра мы должны отсюда съехать.

— Как трогательно, — ответил голос мисс Стирлинг. — Но кто гарантирует, что вы не принесли с собой нож, чтобы перерезать мне горло, как только я позволю вам войти? Думаете, разумно открывать дверь в такую ночь?

— А зачем *мне* перерезать вам горло? — поинтересовался он, по-прежнему улыбаясь.

Девушка помолчала, Лайнел стоял, подпирая дверь.

— Мои богемские гранаты, например. Если бы у вас были дурные намерения, вы легко могли бы выставить их на продажу на черном рынке Англии. Это вполне в вашем стиле, не так ли?

— Моя дорогая мисс Стирлинг, если бы у меня были дурные намерения, то меньше чем через минуту мы бы уже приводили в беспорядок простыни на вашей постели. Но, боюсь, в эту ночь я пришел исключительно с благими намерениями. У вас нет причин опасаться меня.

По ту сторону двери послышался короткий звук, в котором Лайнел распознал смех. Наконец, он с облегчением услышал звук поворачивающегося в скважине ключа, дверь открылась и показалась мисс Стирлинг. Как он и предполагал, она еще не ложилась. Распущенные черные волосы тяжелыми волнами лежали на плечах девушки. На ней была надета кружевная сорочка и атласный серебристый пеньюар, завязанный на талии поясом того же цвета.

— Ничего себе... — вымолвил Лайнел, впрочем, он не переменял своей расслабленной позы, хотя при виде девушки у него аж дыхание перехватило. — Я уже не так уверен в своих благих намерениях.

Мисс Стирлинг снова засмеялась и покачала головой, отходя от двери и давая Лайнелу пройти. Он удивился, увидев, что ее спальня оказалась практически вдвое больше, чем у него. Четыре больших окна во всю стену помогли определить, что комната находилась прямо над главным входом. Справа располагались кровать королевских размеров и кокетливый туалетный столик, уставленный баночками с кремом и флаконами духов, на котором горел подсвечник. Драгоценностей на столике не было. «Умная девочка», — сказал себе Лайнел, слушая очередные рыдания банши.

— Она неутомима, не так ли? — тихо сказал Лайнел, кивнув подбородком в сторону окон.

— Это совершенно невыносимо, — ответила мисс Стирлинг. — Если она продолжит еще час, я сойду с ума. Хочется швырнуть в нее что-нибудь, чтобы она заткнулась.

Лайнел усмехнулся сквозь зубы, глядя, как мисс Стирлинг закрывает дверь на ключ.

— Думаю, она вывела бы из себя даже Его Королевское Высочество. А это не каждому дано, я еще не видела, чтобы кому-то удалось сделать это.

— Тем не менее, Его Королевское Высочество желал получить замок вместе с банши и всем остальным...

— Не заблуждайтесь, мистер Леннокс. Я ни разу не говорила, что мой патрон собирается жить в Маор Кладейш. На самом деле его внимание привлекло то, что крепость связана со сверхъестественным, а это вряд ли волнует будущего североамериканского владельца, — в ее глазах снова сверкнула злость. — Я уверена, что сейчас он беззаботно храпит в своей постели, совершенно не заморачиваясь из-за рыданий банши.

— У вас всегда останется возможность поторговаться с Арчером, — заметил Лайнел. — Конечно, он с самого начала твердо заявил о своем намерении сделать Маор Кладейш частью своей сети отелей, но если вы сделаете ему выгодное предложение...

— Посмотрим, — ответила мисс Стирлинг, элегантно опускаясь на стоявший напротив кровати диван. — Мне придется действовать осторожно.

Во время разговора Лайнел как бы невзначай подошел к туалетному столику. Мисс Стирлинг наклонилась, чтобы поправить видневшиеся из под пеньюара кружева, и Лайнел, воспользовавшись моментом, глянул на лежавшую на столике расческу — на ручке была выгравирована заглавная буква «Т». Очевидно, раньше расческа принадлежала другой женщине, иначе инициалы были бы совсем другими: «M.E.S».

— Я как раз хотел поговорить об этой слабости вашего патрона к сверхъестественному, — он снова повернулся к девушке. — Мне это кажется очень интересным.

— У моего обожаемого князя нет слабостей, — улыбнулась мисс Стирлинг.

— Даже к вам? Позвольте в этом усомниться, — сказал Лайнел и она ответила тихим смехом, опершись левым локтем о подлокотник и устроив подбородок на смуглой ладони. — Понимаю, что сейчас не самый подходящий момент для обсуждения подобных вещей, — продолжил Лайнел, с трудом сохраняя линию разговора, — но я буду очень благодарен, если вы передадите от моего имени наилучшие пожелания вашему патрону и скажете, что он может на меня рассчитывать во всем, что касается археологии. Когда мы вернемся в Оксфорд, мне больше нечем будет заняться, так что мне не повредит пара интересных поручений. Подумайте над этим, и если вы посчитаете, что я могу пригодиться Его Королевскому Высочеству..., то без раздумий свяжитесь со мной.

Мисс Стирлинг внимательно выслушала его, сохраняя позу одалиски, утомленной своей собственной красотой. Когда Лайнел закончил, она изогнула темную бровь.

— Я в восторге от вашего таланта лжеца, мистер Леннокс. Когда вы постучали в мою дверь, то сказали, что пришли попрощаться перед отъездом из замка...

— Одно другому не мешает, — заверил ее Лайнел. — Впрочем, я вынужден признать, что один из вариантов мне нравится больше, чем второй. Знаю, что вы более чем привыкли к восхищению вашей красотой, — продолжил он не в силах сдерживаться, — но излучаемые вами чары просто... гипнотизируют меня.

— Да вы что, — снова улыбнулась девушка. — Как это любезно с вашей стороны, хотя мне чрезвычайно жаль, что в вашей эротической шкале я стою на одной высоте с прислугой.

Лайнел в шоке застыл.

— Как... как вы догадались, что Джемима и я...?

— У меня есть глаза, мистер Леннокс. Причем довольно красивые, как вы дали мне понять, — непринужденно ответила она. — Иногда то, что вас так гипнотизирует, может превратиться в, своего рода проклятье. Я привыкла к тому, что женщины меня ненавидят, но в случае этой девочки, Джемимы или как там ее, речь идет о такой ярости, что даже я встревожилась. Например, вчера вечером я попросила у нее чашку чая перед сном. И если бы не моя быстрая реакция, то она бы просто вылила все на меня, но я успела схватить ее за запястья. Ей это совсем не понравилось, разумеется, — помолчав, она продолжила: — Надеюсь, у нее не останется следов, а то мне придется объясняться с Рианнон. Не слишком прилично наказывать за грубость чужих слуг.

— Возможно, это просто случайность, — растерянно сказал Лайнел. — Джемима, конечно, импульсивна, но не настолько...

Мисс Стирлинг фыркнула, встала, оттолкнувшись руками от дивана и кружева, словно пена хлынули к лодыжкам.

— Да ладно вам, не стоит ее защищать, мистер Леннокс. Если бы взгляд убивал, то я бы уже давно превратилась в кучку пепла, едва появившись на пороге Маор Кладейш. Я повторяю, эта девушка вовсе не невинная овечка. Она душу продаст ради того, чтобы уехать отсюда.

Прежде, чем Лайнел успел ответить, мощный порыв ветра потрянул ветви растущих у дома вязов, а стена падающей на сад воды сменила направление и с шумом обрушилась на окна спальни. Сломанные ветки, видневшиеся сквозь голубые, зеленые и красные кусочки стекла, напоминали дрожащие пальцы, взбирающиеся по стене замка и сражающиеся с тщательно запертыми запорами на окнах мисс Стирлинг.

— Надо же, кажется, у вас нет слов, — заметила девушка, увидев, что тот молчит. — Я допустила ошибку, оскорбив Джемиму? Она все еще претендует быть вашей фавориткой, несмотря на свою невероятную наглость?

— Дело не в этом, — пробормотал Лайнел. — Я только что понял, что...

Он удивленно поднял брови и шагнул к дальнему окну. Мисс Стирлинг проводила его изумленным взглядом и поставила руки на бедра.

— Что, теперь ваша страсть к археологии распространилась и на витражи?

— Я видел этот узор раньше, — произнес Лайнел. Он показал пальцем на витраж. — Этот лев и корабль. Не помню где, но я их видел...

Он умолк, когда по другую сторону хрупких цветных пластин раздался крик. Вопль, не имеющий ничего общего со сдавленными рыданиями банши. Человеческий, слишком человеческий крик, в котором было больше ужаса, чем грусти. Мисс Стирлинг тоже вскрикнула, услышав это.

— Что это было? Будто с кого-то шкуру заживо сдирают!

— Причем с женщины, — ответил сильно побледневший Лайнел. — Скорее, помогите мне открыть окно!

Впопыхах они чуть не споткнулись об ковер. Им пришлось потрудиться, открывая проржавевшие задвижки, пока женщина, кем бы она ни была, кричала в саду от ужаса. Когда, наконец, удалось открыть окно, целый залп воды ударил им в лицо, промочив с ног до головы. Мисс Стирлинг вскрикнула что-то вроде *«átkozott helyen»* (проклятое место — венгерский яз.) и спряталась за Лайнелом, чтобы не намочить волосы. Пришлось подождать, пока дождь снова не сменил направление, чтобы попытаться различить хоть что-то в затопленных садах.

— Ничего не вижу, — пожаловался Лайнел, протирая глаза, — проклятая вода!

— Там! — вдруг вскрикнула мисс Стирлинг, хватая его за рукав. — Там, рядом со статуей! Белое пятно в траве!

Лайнел проследил взглядом за ее пальцем и увидел, на что она показывала. В саду кто-то был. Женщина в сорочке, скорчившаяся рядом со вторым силуэтом, слишком похожее на безжизненное тело.

— Боже мой, — пробормотал он, отстраняя мисс Стирлинг, чтобы закрыть окно. — Мы должны спуститься прямо сейчас. Понятия не имею, что произошло и кто эти люди, но явно случилось что-то страшное.

Выйдя в коридор, они увидели, что не только их встревожили те крики. Один из людей Фитцуолтера бежал вниз по лестнице, ведущей в фойе, а Риверс и Рианнон вышли из своих спален, при этом Риверс был бледным, как смерть, а Рианнон — ошеломленная, с волосами, наспех перехваченными лентами. Мгновение все четверо молча переглядывались.

— Вы тоже это слышали? — выпалил Риверс.

— Вряд ли в Маор Кладейш есть кто-то, кто не слышал, — ответил Лайнел.

— У меня чуть сердце из груди не выскочило, — пробормотала Рианнон. — Я выглянула в окно и, мне показалось, что среди деревьев двигалось что-то белое. Думаю, нам лучше собраться внизу. У инспектора есть все ключи от замка.

Спустившись по лестнице, они убедились, что там собрались почти все обитатели Маор Кладейш. Самые молодые слуги в панике сгрудились

вокруг Мод. Александр и Август в одних рубашках тихо переговаривались, но умолкли, увидев спускавшихся.

— Это точно не банши, — заявил профессор. — Мы часами слышали ее плач, а эти крики... не могут происходить от нее.

— Или от какого-либо другого призрака, — подтвердил Август. — Это явно кто-то живой.

Со стороны комнат для слуг послышался топот приближающихся шагов и показалась закутавшаяся в шаль Джемима с растрепанными волосами и расширенными от страха глазами. Среди присутствующих пронесся ропот, когда следом за ней появился инспектор Фитцуолтер. Показалось странным видеть его без темно-зеленой униформы и шлема Королевской ирландской полиции. Он, как и остальные, был лишь в рубашке и поправлял как мог на ходу подтяжки, пробираясь через собравшихся.

— Святые небеса, что все это значит? Где миссис О'Лэри?

— Я здесь, — ответила Рианнон, нервно кутаясь в халат, наброшенный на сорочку с высоким воротником. — Прежде, чем вы что-то скажете, инспектор, поспешу вас заверить, что не больше вашего понимаю, что случилось. На этот раз это не наша банши.

— Это я и без вас знаю, госпожа. Напоминаю, что я живу у подножия холма уже одиннадцать лет и у меня не раз предоставлялась возможность ее слышать. — Фитцуолтер окинул взглядом на скопище бледных и испуганных лиц, выискивая своих людей. — Вы, двое, немедленно ко мне.

Подчиненные беспрекословно выполнили приказ. Они были еще совсем молоды, один из них выглядел ровесником Джемимы и баллибракских девушек.

— Вы разрешили кому-то выйти из Маор Кладейш?

— Нет, сэр, — быстро ответил один из парней. — Во всяком случае, я.

— Я тоже нет, сэр. Ваши приказания были более чем четкими.

— Значит, это кто-то из Киркёрлинга, — заключил инспектор, говоря скорее самому себе, чем остальным. — Но раз мы надежно заперли все...

Его взгляд остановился на маленькой комнате справа от главного входа в замок. Инспектор подошел, отодвинув в сторону одного из слуг, и все поняли, что именно привлекло его внимание. Занавески в комнате, когда-то принадлежавшей ключнице, слегка колыхались от ветра, проникающего со стороны сада через приоткрытое окно. Рианнон вскрикнула.

— Что это значит? — прогремел инспектор. — Разве я не сказал проверить все ли закрыто? Что заставило вас думать, что приказ не касается и окон?

— Мы были уверены, что окно закрыто, сэр! — запротестовал один из подчиненных. — Я лично заходил сюда, чтобы проверить! Клянусь, что...!

— Оно действительно было закрыто. Они тут не при чем. Это моя вина, — вдруг влез Лайнел. Трое полицейских разом повернулись в его сторону. — Мне очень жаль, что я забыл об этом, но пару недель назад мне надо было выйти в сад... Миссис О'Лэри заперла на ключ дверь и мне пришлось...

— Ты взломал окно? — возмущенно воскликнул Александр. — Да как ты мог об этом забыть именно сегодня? Ты хоть понимаешь, какой опасности мы все подвергаемся по твоей вине?

— Я уже сказал, что мне очень жаль! Если бы я только мог предположить...!

— Так, мистер Леннокс, во благо себе и остальных, надеюсь, что у вас больше не будет подобных удачных идей хотя бы до рассвета, — предупредил его инспектор таким тоном, что Лайнел слегка попятился, а подобное поведение ему совсем не свойственно. Фитцуолтер достал из кармана связку ключей, полученную ранее от Рианнон. — Все назад! — приказал он. — Линч, Рейнольдс, к оружию!

Полицейские кивнули. Фитцуолтер отодвинул засов и отомкнул три замка, расположенных друг над другом. Открываемые двери застонали, хоть и не так громко как человек в саду. Плач изменился, или же так показалось — ужас уступил место такой скорби, что волосы дыбом встали. Никто не обратил внимания на приказ инспектора оставаться в замке. Как только он вышел в водяные джунгли, в которые превратился сад, Александр, Август и Лайнел последовали за ним и его людьми.

Закусившая губу Рианнон и пара слуг тоже набрались мужества, чтобы сделать тоже самое. Остальные остались под портиком, прижавшись друг к другу, образовав живую стену, которая, как им казалось, могла помочь встретиться лицом к лицу с любой опасностью.

Рианнон указала место, где она различила что-то белое глядя из окна, и люди Королевской ирландской полиции пошли туда, сложив одну руку козырьком, чтобы вода не слепила глаза и держа во второй руке оружие. Лайнел услышал за спиной звук бегущих ног — это оказалась мисс Стирлинг, торопящаяся, чтобы не отстать.

— Вы что тут делаете? Послушайте Фитцуолтера и вернитесь в замок!

— И не мечтайте, — ответила девушка, засучив мокрые рукава и нащупывая босыми ногами наименее затопленные участки тропы. — Я не собираюсь сидеть сложа руки после того, как меня лишили законного

отдыха. Я хочу знать, что...

Она не успела продолжить. Новый крик пронзил дождь и темноту, и инспектор Фитцуолтер побежал по склону вниз, петляя между деревьями. Вдруг, он остановился как вкопанный, так, что бегущие следом подчиненные чуть не сбили его с ног.

— Мать божья! Что здесь произошло? — услышали они его.

Рианнон остановилась рядом с инспектором и все узнали, чей крик взорвал эту ночь. На коленях стояла Эйлиш с волосами, закрывающими ее лицо словно занавесом, и дрожала всем телом. Рядом с ней находилась разрушенная бурей скульптура с отвалившейся головой. Подоспевший следом за Александром и Рианнон Лайнел понял, что это была статуя Дейдре де Ольстер, он узнал ее по косам и покрытому мхом ворону у ее ног. Но вовсе не безумный вид Эйлиш или разбитая статуя вызвали выражение ужаса на лицах прибежавших людей.

Голова Дейдре валялась в луже, глядя пустыми глазницами, словно наблюдая за происходящим. В той же луже ничком лежал взъерошенный мужчина в ночной сорочке.

— Боже мой, — промолвил Александр. Один из полицейский осторожно подошел и перевернул тело. — Хотел бы я ошибиться, но, по моему, это...

Профессор не ошибся. Все увидели заляпанное грязью широкое лицо Реджинальда Арчера, с вытаращенными глазами и открытым ртом, словно он пытался закричать. Не было необходимости прощупывать пульс, чтобы убедиться в том, что он мертв. Эйлиш не переставала дрожать, с трудом преодолевшая первичный шок Рианнон подошла к ней.

— Эйлиш! Моя бедная Эйлиш, девочка моя! — простонала она, обнимая дочь.

— Он мертв! — тревожно крикнула Эйлиш.

— Я знаю, знаю, дорогая. Иди сюда, я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

— Сэр, голова статуи! — услышали они слова полицейского, стоявшего рядом с Фитцуолтером, который все еще пронизывал взглядом рыдающую Эйлиш. — Она в пятнах крови. А у этого мужчины рана на лбу, словно его ударили несколько раз.

Его слова соответствовали истине: с головы Арчера стекал кровавый ручеек и смешивался с грязью, которая волею судьбы стала его саваном. «Александр, — услышал профессор шепот из-за спины. Обернувшись, он увидел Лайнела. — Сорочка Эйлиш».

Все увидели это одновременно. Рианнон помогала дочери подняться с

земли, прижимая к себе, и далекий свет из окон Маор Кладейш позволил рассмотреть, что мокрая, прилипшая к телу ткань была покрыта пятнами крови как и голова Арчера.

— Эйлиш, что все это значит? — дрожащим голосом спросила Рианнон. Встревоженный взгляд блуждал по ночной рубашке дочери. — Боже мой! Скажи мне, что она не твоя!

— Разумеется, это не ее кровь, — наконец сказал инспектор Фитцуолтер.

Шаги за спиной заставили Лайнела и мисс Стирлинг обернуться. Со стороны замка приближались два человека. Одним из них оказался Деланси, которого, по всей видимости вытащил из кровати поднятый слугами переполох, а вторым — Оливер. Его взгляд все еще был расфокусированным как и тогда, когда его подняли в комнату.

— Что тут происходит? Почему у вас такие лица? Александр? Лайнел? Что...?

По мере того, как Оливер спускался в низину, и взору открывалась страшная картина происшедшего, его голос становился все тише и тише. Эйлиш рванулась было к нему, но мать ее не пустила. Несколько мгновений, показавшихся присутствующим вечностью, Рианнон и Фитцуолтер смотрели друг на друга: она в ужасе, он — со смесью решимости и глубокой печали, затем инспектор подошел к женщинам. Его подчиненные неотступно следовали за ним.

— Мне очень жаль, миссис О'Лэри. Мне жаль даже больше, чем вы только можете себе представить...

— Нет! — воскликнула Рианнон, вцепившись в Эйлиш. — Вы не посмеете!

Кто-то вскрикнул за спинами англичан. Это был Риверс, который, наконец, осмелился покинуть Маор Кладейш в компании слуг и только что увидел леденящий душу окровавленный труп своего патрона. Пришлось его подхватить, чтобы он не рухнул, как подкошенный.

— От имени Его Величества Эдуарда VII я должен арестовать вас, Эйлиш Ни Лэри, за убийство Реджинальда Арчера. Вы обязаны по закону ответить за преступление, которое вы только что...

— Нет! Нет! Я не собираюсь с этим мириться, Фитцуолтер! Моя дочь не могла этого сделать!

— Не в моих полномочиях судить, миссис О'Лэри, — в голосе инспектора слышалось смирение. — Доказательства очевидны, но вопрос виновности будет решен в Дублине на суде. Дело гораздо сложнее, чем вы предполагаете. Не хочу быть пессимистом, но мистер Арчер — очень

могущественный человек. Если будет доказано, что он погиб от рук вашей дочери...

— Это не я! — крикнула вдруг Эйлиш. Все это время она плакала, теперь же слезы уступили место панике. — Я не убивала мистера Арчера! Зачем мне причинять ему вред? Что я выиграю с его смертью?

— Я повторяю, что не мне вы должны все это объяснять. — Фитцуолтер подал знак своему человеку, который выступил вперед, доставая наручники. Второй подошел к Эйлиш, силой отстранил ее от матери, чтобы завести руки за спину. Девушка казалась слишком напуганной, чтобы сопротивляться. — Доставьте ее в комиссариат Киркёрлинга, — приказал инспектор. — И, насколько это возможно, позаботьтесь о том, чтобы никто ничего не узнал, пока мы не доставим ее в Дублин. Я отказываюсь проходить через все это еще раз.

Прозвучал щелчок наручников на запястьях Эйлиш. Вдруг из-за деревьев послышался шум и Август чуть не соскользнул со склона, когда Оливер обрушился на Фитцуолтера, который едва успел защититься от нападения. Эйлиш застонала, изворачиваясь между двумя полицейскими, чтобы попытаться приблизиться к юноше, которого Фитцуолтер оттолкнул к ближайшему дереву и заломил руки во избежание новой атаки.

— Я понимаю ваше волнение, мистер Сандерс, но сделайте одолжение, успокойтесь!

— Как я могу успокоиться, когда вы допускаете такую страшную ошибку! — крикнул Оливер. Фитцуолтер был гораздо крепче, но при этом с трудом удерживал вырывающегося Оливера. — Сейчас же отпустите Эйлиш! Во имя Господа, вы прекрасно знаете, что она не способна убить кого-либо! Это сделала не она!

— Оливер, пожалуйста! — услышал он крики девушки, изо всех сил пытающейся освободиться от полицейских, ведущих ее вверх по тропе. — Оливер, ты должен мне помочь! Оливер!

— Это ошибка! Это дьявольская ошибка, Фитцуолтер!

Но, ни крики, ни яростная борьба, ни к чему не привели. Когда Оливеру удалось, наконец, освободиться, тяжело дыша и с полными слез глазами, Эйлиш уже исчезла из вида вместе со своими захватчиками. Какое-то время издалека еще доносились сдавленные рыдания, пока не скрипнули открывающиеся ворота Маор Кладейш. И тогда Фитцуолтер повернулся к Оливеру.

— Знаю, что чтобы я сейчас не говорил, вы все равно будете считать меня чудовищем, — тихо сказал инспектор. — Но, как я уже объяснил миссис О'Лэри, я всего лишь выполняю свой долг. Этой ночью произошло

убийство невинного человека и, к сожалению, улики указывают на виновность мисс О'Лэри.

— Вы знаете ее с детства, — пробормотал Оливер. Он все еще дрожал с головы до ног. — Вы знаете, что... что с ней произошло много лет назад. Вам не кажется, что она уже достаточно настрадалась? Зачем ей было совершать это преступление?

— Я не знаю, мистер Сандерс. Откровенно говоря, я не верю, что мисс О'Лэри сделала это, находясь в здравом уме, — он повернулся к Рианнон, которая от избытка эмоций застыла как изваяние разрушенной бурей Дейдре. — Но все мы стали свидетелями того, что случилось вчера, когда ее мать воспротивилась помолвке. Мистер Арчер не имел к этому никакого отношения, но я не уверен, что хоть один судья упустит это из вида.

— У вас нет сердца! — выпалил Лайнел. Мисс Стирлинг все еще стояла рядом с ним с широко раскрытыми глазами. — Вы собираетесь отдать эту девочку в руки судье, единственным желанием которого будет найти козла отпущения, чтобы избежать проблем.

В этот момент Рианнон пошатнулась и повалилась на землю. Александр едва успел подхватить ее на руки. Несчастная женщина потеряла сознание. Инспектор Фитцуолтер бросил на нее сочувствующий взгляд, но тут же овладел собой и снова повернулся к Лайнелу.

— Если бы это было так, мистер Леннокс... хотел бы я родиться без сердца, чтобы все эти трагедии не трогали меня. Я бы сэкономил годы наихудшего опыта в моей жизни.

Развернувшись, инспектор подошел к неподвижному телу Арчера, в то время как все остальные смотрели на него с ощущением того, что худшее еще ждет их впереди.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Последняя О'Лэри

Глава 28

Инспектор Фитцуолтер не ошибся в своих прогнозах. Буквально за несколько часов ночное происшествие в замке О'Лэри превратилось в вопрос национальной безопасности. За десять часов, прошедших до момента, назначенного в небывалой спешке, из-за вовлечения противоположного берега Атлантики, суда над Эйлиш, в Дублине не осталось ни одного человека, который не знал бы, что случилось с магнатом Реджинальдом Арчером во время его последнего визита на остров. Вскоре фамилия О'Лэри стала самой известной в Ирландии, к сожалению, не в том смысле, как хотели бы славные предки Эйлиш.

«Самое безжалостное преступление за последнее время»,

опубликовал «*Irish Times*» на первой полосе. «Юная ирландская наследница хладнокровно убивает спасителя своего клана», гласил заголовок пятистраничной статьи «*Daily Express*». «Ирландия объявляет войну Америке?», вопрошали огромные буквы выпуска «*Evening Echo*». Подобное единодушие во мнениях являлось отголоском позиции правительства Соединенных Штатов, воспринявшего данную смерть как заявление о намерениях от островитян, в первую очередь, опираясь на то, что убийство произошло не в результате ограбления или драки, а обвиняемая не принадлежала к низшему классу. Все это наложилось еще и на то, что мать судьи Джереми Дрисколла, который должен принять решение по делу, оказалась уроженкой Бостона и, похоже, состояла в дружеских отношениях с Арчером на протяжении многих лет, начавшихся задолго до рождения магистрата, которого весь Дублин окрестил «Беспощадным» за его манеру вершить справедливость.

Всем, кто находился в ту проклятую ночь в Маор Кладейш, пришлось приехать в Дублин для дачи показаний. Секретарь покойного мистера Арчера уехал в сопровождении адвокатов, не попрощавшись ни с Рианнон, ни с англичанами, словно боялся, что его постигнет та же участь, что и шефа, стоит лишь ослабить бдительность. Мистер Деланси, для которого все это обернулось лишь потерей времени, и взволнованная происшедшим мисс Стирлинг решили остановиться в отеле «*Gresham*», одном из самых роскошных в городе. Остальные удовлетворились гораздо более скромной гостиницей «*Temple Bar*», где они могли спокойно разработать план действий на ближайшие дни.

Что касается Эйлиш, то ее никто не видел с тех пор, как полицейские надели на нее наручники и отвели в комиссариат Киркёрлинга. На следующий день ее перевезли в Килменхэмскую тюрьму[1], мрачный каменный мавзолей, название которого наводило ужас на преступников, так считалось, словно преддверием неминуемой смерти. Мало кто смел, даже приближаться к стенам тюрьмы, большинство дублинцев предпочитало обходить страшное место по соседним улицам, чтобы не слышать отчаянных криков тысяч содержащихся там мужчин и женщин. «Это современная Бастилия, — говорили те немногие счастливики, которым удалось выйти живым из этого места, в основном это были участники фенианского движения[2]. — Это самый дьявольский застенок на всей Килменхэмской земле».

Никто не знал, что сейчас делает Эйлиш, ни как с ней обращались, ни сломил ли ее окончательно пережитый ужас. Ей не разрешили принимать никого, кроме представителей защиты, запретили писать письма матери.

Она была словно погребена заживо.

— По-крайней мере ей повезло в том, что ее поместили в восточном крыле для женщин, — объяснил мистер Моран, адвокат О'Лэри, за три дня до суда, состоявшегося в Грин-стрит-Корт[3]. Рианнон, Александр, Август и Оливер пришли в его кабинет на Д'Олье-стрит и, столпившись как могли, молча слушали адвоката, ходящего туда-сюда по кабинету. — Насколько я понял, этого добился инспектор Фитцуолтер. Похоже, у него есть какие-то связи среди персонала тюрьмы Королевской Ирландской Полиции и ему удалось убедить их, что Эйлиш не вынесет условий, в которых содержаться остальные женщины, вынужденные делить крошечные камеры с четырьмя-пятью преступницами. — Он задумчиво провел рукой по подбородку. — Вы себе не представляете как я рад, что нам удалось избавить ее хотя бы от этого унижения. Подозреваю, что в глубине души Фитцуолтер чувствует себя виноватым, не смотря на то, что производя этот арест, он всего лишь выполнял свой долг.

Адвокат был небольшого роста, коренастый и с такой густой бородой, что она почти скрывала черты его лица. Он уже более тридцати лет занимался делами семьи О'Лэри, но нынешняя ситуация просто обескуражила его. Моран знал Эйлиш со дня ее рождения, он столько раз ужинал с Кормаком О'Лэри, а позже и с его вдовой, что давно перешел в статус друга семьи. То, что последняя наследница клана, которому он клялся в верности, находится на грани пропасти из-за преступления, которое, как он был уверен, она не совершала, пошатнуло всю его вселенную.

— Более того, она не всегда находится в полном одиночестве, — продолжил он свои объяснения. — По словам самой мисс Эйлиш, ее ежедневно навещают сестры милосердия из монастыря Святой Марии на Стэнхоуп-стрит. Они проводят с ней пару часов в молитвах и пытаются подготовить ее дух к предстоящим испытаниям. Мне кажется, ее история потрясла их, сама мать-настоятельница Агнес, их покровительница, убеждена в невиновности Эйлиш и пообещала в ближайшие несколько часов написать письмо судье Дрисколлу, умоляя его о сострадании. Не все еще потеряно, миссис О'Лэри!

— Хотелось бы в это верить, — ответила ему Рианнон еле слышным голосом. — Вы себе не представляете, как бы меня утешила возможность увидеть ее так, как это делаете вы, мистер Моран, или, чтобы меня заперли вместо нее...

Оливер за весь день и рта не раскрыл, был бледным как смерть с глубокими фиолетовыми кругами под глазами. Казалось, он не спал с тех

пор, как они покинули Маор Кладейш.

— Вы действительно считаете, что есть шанс на оправдательный приговор? — поинтересовался Лайнел.

Моран нервно прикусил ус, прежде чем осторожно ответить:

— Не знаю, в какой степени мы можем ожидать оправдательного приговора. Если в ближайшие дни не откроется хоть что-то, проливающее свет на происшествие в замке, мы предстанем в суде без каких-либо доказательств ее невиновности. Да, и мы всегда можем прибегнуть к не очень справедливому и желаемому варианту, но который мы должны иметь в виду. Есть вероятность того, что Дрисколл не станет сомневаться в ее виновности, а мы должны любым способом избежать высшей меры.

— И что вы предлагаете? — поинтересовался Александр.

— Представить мисс Эйлиш как умственно неуравновешенную, — ответил Моран, опершись на стол и сложив руки на груди. — Я понимаю, что вам это может показаться такой же несправедливостью, как и ее заключение в Килменхэме, но сейчас речь идет о сохранении жизни. В этом случае у нас всегда остается вероятность того, что примерное поведение убедит докторов, что помешательство со временем прошло. На это могут уйти годы, может и вся жизнь, но по мне так это лучше, чем склонить голову перед смертным приговором.

— То есть действительно есть риск того, что ее повесят? — воскликнула Рианнон

— Я сказал, что это вероятно, а не что это возможно, — попытался смягчить адвокат. — Есть большая разница между этими понятиями. Да, общественное мнение накалено по всему острову, и совсем не в нашу пользу тот факт, что для вынесения приговора нам достался судья североамериканского происхождения, но доказательства, как я уже не раз говорил, не очень убедительны. Никто не приговорит к смерти восемнадцатилетнюю девушку только за то, что она оказалась не в том месте и не в то время лишь за ее поведение при обнаружении трупа. У мисс Эйлиш нет криминального прошлого, ее биография так же чиста, как и ваша.

— Не совсем, — прошептала ее мать, глядя на обескураженного ее словами Морана. — Не забывайте, что случилось в Киркёрлинге когда ей было восемь лет. Знаю, что это не ее вина, но на Эйлиш до сих пор показывают пальцем.

Моран нетерпеливо присвистнул. Александр понял, что Рианнон имела в виду подозрительную смерть приятеля Майкла Эша и его арест из-за невинных показаний Эйлиш. Без сомнений — прошлое всегда

возвращается.

— Бог ты мой! С тех пор прошло уже десять лет! Никто в Грин-стрит-Корте не помнит о ее участии в этом деле. Майкла Эша повесили через полтора месяца после ареста, но, — добавил Моран, увидев, как Рианнон побледнела еще больше, — там было совершенно иное дело, чем то, что мы переживаем сейчас. Если бы не мисс Эйлиш, возможно, то дело никогда бы не раскрыли.

— И вот как воздается за справедливость, — в ярости выпалил Лайнел. — Вот вам и прогрессивный двадцатый век.

Они поговорили еще немного о том, чего им ожидать от неминуемого суда, пока не поняли, что зря теряют время. В конце концов, решили покинуть кабинет, чтобы дать адвокату спокойно поработать над линией защиты, от которой зависела не только судьба невиновной, но и, как пишут газеты, благополучие международных отношений, которые могут пошатнуться из-за пятна крови на ночной рубашке несчастной девушки.

После встречи с Мораном все вышли в подавленном состоянии. Лайнел буркнул, что собирается зайти в отель и узнать, не нужна ли мисс Стирлинг помощь, чтобы справиться с той ситуацией, в которую они попали. Оливер стал похож на ходячего мертвеца, так что Август решил отвести его в гостиницу. Рианнон же выглядела настолько плохо, что Александр предложил ей выпить что-нибудь горячее в первом попавшемся заведении. Несчастная женщина смогла лишь кивнуть, слишком взволнованная, чтобы о чем-то думать и принимать решения.

На углу Хоукинс-стрит они обнаружили интересное кафе в высоком здании, которое на фоне остальных построек выглядело словно пастух, окруженный своим стадом. Александру пришлось практически тащить за собой Рианнон сквозь толпу посетителей на первый этаж заведения, где они сели за столик у окна с видом на пересечение двух улиц. Оттуда они могли видеть обширные газоны Университетского парка[4], а чуть дальше — здания Тринити-колледжа, образовывавшие крест. На удивление, небо было чистейшим и над их головами не проплывало ни облачка.

— Какой неподходящий день для разговоров о смерти, — пробормотала Рианнон, располагаясь в выдвинутом для нее Александром стуле, и медленно развязала шелковый шарф, прикрывавший шею, — особенно если это смерть невиновного.

— Не нагнетайте раньше времени, — посоветовал ей Александр. Вы прекрасно знаете, что пока не свершится суд, нет смысла думать о худшем. Моран четко обрисовал ситуацию: скорее всего, ее признают душевнобольной, а в этом случае ей грозит не петля, а всего лишь

помещение в клинику.

— Да уж, это просто потрясающее утешение. Именно то, что каждая мать желает для своей крошки...

Подошел официант в белом, чтобы принять заказ. Рианнон через силу попросила чай Ассам[5] с молоком, а Александр — кофе. В ожидании заказа оба сидели, молча, слишком много всего проносилось в их головах. За соседним столиком сидела молодая пара, по всей видимости, молодожены. Они смотрели друг другу в глаза поверх своих тостов с маслом и джемом так, словно в мире не существовало никаких проблем. По крайней мере, в их собственном мире.

Почему-то именно их мечтательные соседи напомнили профессору об Оливере и Эйлиш. *«Как бы сложились их отношения, согласись Рианнон на их помолвку?»* — спрашивал он себя, пока подошедший официант расставлял принесенные напитки. Миссис О'Лэри сервировала себе чай в ирландской манере: сначала налила в чашку молоко, а потом добавила крепкий черный чай, хотя, похоже, она не особо отдавала отчет в своих действиях. *«Были бы они счастливы вместе? Поженились бы в англиканской церкви или католической? Где бы они провели медовый месяц? Как скоро завели бы детей? Как бы их назвали?»* Не было смысла задавать все эти вопросы, теперь они принадлежали совсем другой, далекой от них реальности. Смерть Реджинальда Арчера перечеркнула историю жизни двух молодых людей, которую они себе написали с таким трудом. Кровь собиралась занять место чернил.

— Моя голова горит изнутри, — пробормотала вдруг Рианнон. Александр отвел взгляд от неба и посмотрел на нее. — В последнее время я о многом думала. Встреча с Мораном помогла мне осознать, насколько мало интересует адвоката Арчера причина, по которой кто-то убил его клиента. Если все что ему нужно, это виновный, то пусть он спасет Эйлиш и заберет меня, если наша защита не сработает.

— Что вы имеете в виду? — спросил Александр, осторожно поднося к губам чашку с кофе. Тон голоса Рианнон встревожил его.

— Я хочу сдать судье Дрисколлу. Поклясться, что это сделала я...

— Единственное чего вы добьетесь, так это обвинения в лжесвидетельстве. У вас слишком крепкое алиби, Рианнон. Тоже самое я объяснял вчера Оливеру.

Рианнон подняла было чашку, чтобы отпить, но остановилась на полпути.

— Что вы сказали? Мистер Сандерс хотел сделать тоже самое, что и я?

— Я спорил с ним почти целый час, — уставшим голосом ответил

Александр. Рианнон, казалось, не в силах был отвести от него взгляд. — Я и сам не знаю как мне удалось заставить его прийти в себя. Оливер совершенно помешался на этом деле, но хотя бы начал уже меня слушать. Он собирался подняться на трибуну в разгар суда, чтобы изложить Дрисколлу совершенно невероятную историю предательства и мести, которая убедила бы судью в том, что именно он решил убить Арчера, — профессор печально покачал головой. — Никто бы в это не поверил, может он и прекрасный писатель, но никудышный актер. Кроме того, все видели, как он вышел из Маор Кладейш уже после того, как было обнаружено тело, и при этом почти не держался на ногах из-за вина, которое мы заставили его выпить, чтобы он успокоился в тот вечер. Как он мог ударить его по голове столько раз таким тяжелым камнем?

— Вы не поверите, но мне от этого не легче, — прошептала Рианнон. Она опустила чашку на блюдце дрожащими пальцами. — Вы даже не представляете, насколько виноватой я себя чувствую. За все, что я наговорила ему и Эйлиш. За то, как я с вами обошлась... я даже приказала вам убираться из моего дома...

— Не стоит сейчас вспоминать все это, — успокоил Александр. — Сейчас не время и не место ворошить прошлые обиды.

Но Рианнон слишком погрузилась в свои переживания, чтобы слышать.

— Недели, которые вы провели в Маор Кладейш, мистер Сандерс меньше всех общался со мной. Я бы даже сказала, что практически его не знаю, в то время как вас и мистера Леннокса... Вы действительно считаете, что он любит Эйлиш?

— Боюсь, что так. Боюсь, что он влюблен сильнее, чем можно себе представить, — со вздохом ответил профессор. — Я знаю, что с ним никогда ничего подобного не случилось. Оливер не общался с девушками, пока не познакомился с Эйлиш.

— Будучи лучшим другом мистера Леннокса? Мне трудно в это поверить, если честно.

— Хотя они и дружат, но при этом разные как день и ночь, — улыбнувшись сказал Александр. Затем, снова посерьезнев, продолжил: — Если с вашей дочерью что-то случится, Оливер никогда не оправится. Он способен на любое безумство ради того, чтобы быть рядом с ней. Он для меня как брат, самый близкий человек с тех пор, как много лет назад умер Гектор, отец моей племянницы Вероники. Знаю, что Оливер уже взрослый, но я чувствую за него ответственность. Именно я убедил его приехать в Ирландию, чтобы расследовать дело вашей банши. Мне невыносима мысль

о том, что именно я виноват в том, что сейчас происходит. Если бы я знал!

— Вы знали о том, что может произойти не больше, чем я, — сказала Рианнон, кладя ладонь ему на руку. — Мы словно суда на грани кораблекрушения, профессор, и наихудшая судьба ждет не тех, кто погибнет, а тех, кто выживет.

Она оперлась локтями о стол и зарылась лицом в ладони. Александр услышал как она вздохнула один раз, другой, третий, пытаясь успокоиться. Когда женщина убрала руки, ее лицо было похоже на погребальную маску.

— Сомневаюсь, что чувство вины позволит мне жить дальше, — прерывающимся голосом произнесла она. — Если из-за моей проклятой гордости моя малышка, моя чудесная девочка закончит свою жизнь на виселице словно преступница, при этом никто не захочет поверить в ее невиновность...

— Я понимаю, что вы чувствуете. Иногда чувство вины обладает разрушительной силой.

— Нет, профессор Куиллс, не понимаете. Вы рассказывали, что у вас была дочь по имени Роксана, — шепотом продолжила Рианнон, Александр вскинул голову. — Попробуйте встать на мое место. Могли бы вы каждый день смотреть на себя в зеркало, зная, что по вашей вине вашу дочь настигла страшная смерть? Хватило бы у вас мужества продолжать жить, в то время как она лишена жизни из-за ваших действий?

— Смог бы... по инерции, — ответил Александр еле различимым шепотом. — В конце концов, именно это я и делаю вот уже три года. Выживаю и ненавижу себя...

Рианнон сидела, уставившись на свои сплетенные пальцы, но когда слова Александра проникли, наконец, в ее мозг, она удивленно подняла на него глаза. Гул посетителей кафе, их смех и разговоры никуда не делись, но у этих двоих возникло ощущение, что они остались наедине. Наконец, она осмелилась произнести:

— Ваша Роксана... Значит, она умерла не из-за болезни?

— Нет. Она не умерла естественной смертью, а в результате несчастного случая. — Он положил руки на стол, и Рианнон впервые увидела на его пальце золотое кольцо, такое тонкое, что раньше она его не замечала. — Несчастного случая, покончившего и с ее матерью. С Беатрис, моей женой, — он сглотнул и продолжил, не смея повысить голос. — Я потерял обеих сразу. Возникла проблема с одним из моих аппаратов. Ошибка в расчетах привела к страшному взрыву в подвале моего дома в Оксфорде, Кодуэллс Касл. Меня не было рядом в этот момент, иначе меня постигла бы та же участь. Я читал лекцию в Маделин-колледже, работал

преподавателем энергетической физики по рекомендации ректора Клейпола, отца Беатрис. Именно он познакомил нас за два года до этого. — Александр усталым жестом провел рукой по лбу, касаясь морщин, избороздивших его кожу. — Клейполу никогда не нравились мои исследования, выходящие за рамки деятельности университета. Конечно, ему было любопытно, что я занимался вопросами спиритизма, но не воспринимал это всерьез. Разумеется, то, что произошло с его дочерью и внучкой спровоцировало настоящую ненависть к моим аппаратам. В его глазах именно я — истинный виновник их гибели. Я так же смертоносен, как и поглотивший их огонь.

— Но ведь вы прекрасно знаете, что это не так, — проговорила Рианнон, беря его за руку. — Вы сами сказали, что это был несчастный случай. Никто не мог предположить, что так сложатся обстоятельства.

— Вы уверены в этом? Что я за ученый, если не понял, что одна из машин на грани коллапса? Особенно если учесть, что я работал над ней почти пять лет, дни и ночи напролет и только Беатрис была единственной, кто поддерживал меня...

У Александра дрогнул голос. Он заставил себя перевести взор на колышущиеся от ветра кроны деревьев Университетского парка. Толпы студентов, шагающих по газонам с крикетными битами в руках, напомнили ему другой колледж, другой город, другую жизнь. Жизнь его семьи.

— Иногда, закрывая глаза, я снова слышу их голоса. Но вспоминаю не смех Роксаны или разговоры Беатрис, а их крики о помощи.

— Александр, хватит, — умоляла его Рианнон, взяв в руки ладони профессора и наклоняясь к столу, чтобы посмотреть ему в глаза. — То, что произошло — ужасно. Это несчастье, которое никто не мог предугадать...

— Это заслуженное наказание для того, кого одолел грех гордыни. Но не для женщины, которая никогда никому не причинила вреда, и не для девочки десяти лет от роду.

— Хватит казнить себя за это. Я уверена, что никто из них не считает вас виновным. Если бы вы могли связаться с Беатрис и Роксаной, то поняли бы, что они давно простили вас, даже если было что прощать...

— Вы так думаете? — по-прежнему шепотом спросил Александр. — Хватит ли у вас мужества доказать это?

В его голубых глазах промелькнул какой-то странный отблеск, который оставил Рианнон без слов. Женщина нахмурилась, не сводя глаз с его лица.

— Только не говорите, что вы уже пытались это сделать. Что с помощью своих аппаратов вы смогли...

— Пока нет, — ответил он, выделив слово «пока». — Но теперь вы знаете истинную причину моего увлечения спиритизмом. Теперь она уже давно за гранью обычного любопытства к наукам о сверхъестественном, с которого я когда-то начинал.

— Они остались прикованными к этому измерению? — воскликнула Рианнон. — Обе?

Что-то холодное пробежало вдруг сквозь пальцы, которыми она касалась профессора. Что-то, похожее на ледяную ласку, которая словно вода проскользнула по их коже, настолько неосязаемое, словно по кафе просто пронесся сквозняк.

— Александр, именно такой холод я ощущала в Маор Кладейш все это время! А те голубые искры в вашем спинтарископе в первый день вовсе не были ошибкой в конструкции! Рядом с нами действительно были эктоплазмы!

Взволнованная Рианнон огляделась вокруг невидящим взглядом и снова посмотрела на Александра. На его лице было написано глубочайшее страдание.

— Куда бы я не отправился, они всегда со мной, Рианнон. Они прикованы не к измерению. Они привязаны ко мне. Потому что моя вина не позволяет мне дать им уйти.

Глубокий смысл услышанного потряс Рианнон так, что она просто застыла. Александр наклонился к ней поближе, взяв ее лицо в свои ладони.

— Я не могу позволить им уйти, — прошептал он. Его глаза словно стали прозрачными. — Мне сотни раз говорили, что я обязан это сделать. Август, его подруга мисс Лавлейс, медиумы, с которыми я познакомился в Лондоне... все эти люди тщетно пытались поговорить с ней, пока не поняли, что ее связь со мной так сильна, что она не идет на контакт ни с кем, кроме меня. Но хоть они и остались между двумя мирами, хоть это и жестоко по отношению к ним... они все, что осталось от моей семьи. Они то, что придает смысл моему существованию, хоть я и не слышу ничего из того, что они мне говорят, — голос его задрожал, когда он добавил, — если с вашей Эйлиш произойдет худшее из возможного, вы должны пообещать мне, что не будете столь трусливы как я. Не позволяйте, чтобы душа вашей дочери страдала из-за того, что вы чувствуете себя виноватой.

[1] Килменхэмская тюрьма — бывшая тюрьма в Дублине . В XVIII — начале XX веков использовалась британскими властями для содержания заключённых , в том числе многих борцов за независимость Ирландии , а также как место казней . С 1980- х годов работает как музей .

[2] Фе́нии (англ. Fenians, от др. - ирл. fíán — легендарная военная дружина древних ирландцев) — ирландские мелкобуржуазные революционеры - республиканцы 2-й половины XIX — начала XX веков, члены тайных организаций «Ирландского республиканского братства (англ.) русск.» (ИРБ), основанного в 1858 году (с центрами в США и Ирландии). Сам термин был впервые использован Джоном О'Махони применительно к американской ветви Ирландского республиканского братства.

[3] Грин - стрит - Корт — здание суда, построенное в 1797 году на месте бывшей Ньюгейтской тюрьмы

[4] Университетский парк (Колледж - парк) — площадка для крикета на территории Тринити - колледжа, основанного в 1592 году Королевой Елизаветой I, и является частью Дублинского университета. Тринити - колледж и Университет Дублина — старейшие и самые престижные высшие учебные заведения Ирландии. Полное название — Колледж Королевы Елизаветы Святой и Нераздельной Троицы около Дублина.

[5] Асса́м или асса́мский чай — сорт чёрного крупнолистового чая, выращиваемого на северо - востоке Индии, в долине реки Брахмапутры, между Шиллонгом и Восточными Гималаями. Ассам, так же как и смешанные чаи с ассамом, нередко продаются в Великобритании как «чаи к завтраку».

Глава 29

За день до заседания суда, примерно в 5:30 вечера, у ворот Килменхэмской тюрьмы остановились два духовных лица. Один совсем молодой, очевидно, семинарист, второй примерно тридцати пяти лет. Оба молча сквозь решетку созерцали мрачный двор, который вел к исправительному учреждению.

— Не могу поверить, что мы все-таки это делаем, — пробормотал Август. Он не мог отвести взгляд от входа. — Александр был прав — боль света тебя с ума.

— Если бы это было так, я бы не стал переодеваться семинаристом ради того, чтобы пару минут поговорить с Эйлиш, — ответил Оливер. — Я вошел бы в тюрьму с парой пистолетов, пристрелил охрану и быстро вытащил бы ее отсюда. Так было бы гораздо проще покончить со всем этим кошмаром.

«И добавить нам еще проблем», — подумал про себя Август, глядя на Оливера со все возрастающим волнением. — «Даже нынешняя затея

может плохо кончиться. Нам даже могут не дать войти».

— Сделай одолжение, убери волосы под одежду, — тихо предупредил он парня, увидев приближающегося охранника. Он попытался поубедительнее сжать в руке подержанный экземпляр Библии, добытый в том же подвале, что и сутаны, чтобы заверить в своей принадлежности к церкви Святого Михана[1]. — Где вы видели семинаристов с видом замученного поэта?

Оливер даже не потрудился ответить. Он тихо стоял, пока охранник по ту сторону решетки спрашивал кто они и чего им надо.

— Добрый день, сын мой, — самым благочестивым тоном поприветствовал его Август. — Меня прислали сестры милосердия со Стэнхоуп-стрит. Матушка Агнес сообщила мне, что у вас содержится узница, срочно нуждающаяся в спасении души.

— Кажется, я знаю о ком вы, — кивнул стражник.

— Я — отец Октавио, — слегка кивнул Август. — А этот молодой человек — один из наших послушников. Через несколько месяцев он примет сан и я подумал, что ему будет полезно сопроводить меня сегодня. Разве есть лучший способ научить его, какие опасности подстерегают христианскую душу в момент наивысшего отчаяния?

Охранник скользнул взглядом по Оливеру, который с трудом пытался сохранить спокойствие. Наконец, он кивнул, достал тяжелую связку ключей, отомкнул скрипучую дверь и открыл ее, давая пройти.

— Очень хорошо, только не задерживайтесь слишком долго. Господин директор не любит, когда по коридорам бродят посторонние, даже если это слуги господни.

Август не стал заставлять просить дважды. Они пересекли двор в направлении к главному входу, украшенному каменным барельефом, изображающем пять закованных в цепи змей, прошли через несколько залов и оказались в сердце восточного крыла Килменхэма. Август и Оливер остановились, удивленно рассматривая структуру тюрьмы. Она была построена в форме трехъярусной подковы с похожей на хребет центральной лестницей, от которой по узким платформам можно было попасть в любую точку сооружения. Все, что они видели было сделано из железа, раскрывавшиеся веером металлические нити, придававшие конструкции анатомический вид, похожие на внутренности Моби Дика[2], из которых доблестный капитан Ахав смастерил сложный механизм с неразрушимым скелетом.

С внутренней части были видны с полдюжины охранников, курсирующих по ярусам подковы и время от времени стучавших в двери,

чтобы напомнить заключенным, что пришло время читать Библию и производили этим такой грохот, что англичане чуть не подпрыгнули от неожиданности. Их сопровождающий, по-видимому, настолько привык к этому шуму, что и бровью не повел. Он опередил их при подъеме по металлической лестнице, повернул направо на первом ярусе и пошел по коридору, стены которого были покрыты пятнами сырости. Наконец, он остановился перед одной из дверей, откинул заслонку, за которой было спрятано смотровое окошко, чтобы заглянуть в камеру и, убедившись, что все в порядке, положил руку на гремящую связку ключей, висевшую у него на поясе.

— Будьте осторожны, отец, — посчитал он необходимым предупредить Августа. — Не дайте ей себя обмануть своим невинным видом. Судя по тому, что нам рассказали, речь идет об одной из самых отъявленных преступниц, когда-либо содержавшихся в Килменхэме.

— Я уверен, что слово Господа послужит утешением даже такой низменной душе как эта, — успокоил его Август, молясь, чтобы голос не выдал его. Он почти слышал, как скрипит зубами Оливер, а дрожь в его руках заставляла от всей души желать, чтобы охранник оставил их одних как можно быстрее.

— К вам посетители, — громко крикнул стражник и, прежде чем дать им войти, повернулся к Августу и шепотом добавил: — Я закрою дверь, но если что — сразу зовите на помощь. Через полчаса я вернусь, чтобы сопроводить вас на улицу.

Август кивнул, не в силах сказать хоть что-то. Охранник снова вставил ключ в скважину, повернул его, затем подергал дверь, чтобы убедиться, что она надежно закрыта. И только когда окончательно затихли его удаляющиеся шаги, Август решился повернуться к молчаливой фигуре, сидевшей на краю убогого ложа, занимавшего всю стену крошечной камеры.

Эйлиш даже не подняла глаз. Она сидела неподвижно, словно восковая фигура, уставившись на судорожно сжатые в молитвенном жесте руки. На ней было простое серое платье с пуговицами до самой шеи, которое ей выдали в тюрьме, а белокурые волосы спутанной массой падали на плечи. Оливер тяжело вздохнул. Сделал шаг к девушке, еще один, но она так и не взглянула на него. Создавалось впечатление, что она где-то далеко от всего плохого и хорошего.

— Эйлиш... — услышав свое имя, девушка вздрогнула и подняла голову. — Эйлиш, любимая...

— Оливер? — едва слышно промолвила она. — Возможно ли, что это

действительно ты?

Она смотрела на него с полуоткрытым ртом, затем посмотрела на Августа и что-то в выражении их лиц убедило ее в том, что это не сон. Наверняка Оливер в ее снах никогда не появлялся облаченным в сутану. Она медленно встала, нервно сглотнула.

— Не могу в это поверить... Это не можешь быть ты... Я думала, что ты больше никогда не захочешь знать...

Прежде, чем она сказала что-либо еще, Оливер обнял ее с такой силой, что почти причинил ей боль. Когда девушка осознала, наконец, что происходит, то тихо вскрикнула.

— Пожалуйста, тише, — шепотом попросил их Август. — Я понимаю, что вы сейчас чрезвычайно взволнованы, но мы не можем позволить, чтобы кто-то раскрыл, что мы тут делаем.

Вместо ответа Оливер обхватил ладонями лицо Эйлиш и отчаянно впился в нее губами. Она прижалась к нему всем телом и разрыдалась.

— Дотронься до меня, пожалуйста, — услышал Оливер ее шепот. — Они не разрешили мне оставить перчатки... и я схожу с ума от всего того, что вижу здесь каждый раз, когда касаюсь чего-нибудь...

Оливер не заставил себя уговаривать и обнял ее, прижавшись щека к щеке, пока ее дыхание и сердцебиение не выровнялись. Наконец, девушка проговорила:

— Это не я. Жизнью клянусь, что это не я. Я говорила это всем тем людям, которые меня допрашивали, но никто мне не поверил. Я его не убивала!

— Я знаю, — ответил ей Оливер, нежно баюкая в своих объятиях. — Я знал это с самого начала. Просто абсурдно обвинять тебя в убийстве человека, с которым ты едва обмолвилась парой фраз, — он гладил волосы Эйлиш, продолжая шептать: — Все будет хорошо на суде. Члены суда, в конце концов, сдадутся перед отсутствием у тебя какого-либо мотива для убийства Арчера. Тебя отпустят, и все снова будет как раньше. Мы снова будем вместе, независимо от мнения твоей матери...

Он и сам не особо верил в то, что говорил, он пытался убедить в своих словах не только ее, но и себя. Эйлиш попыталась улыбнуться в знак согласия, несмотря на то, что успокаивающий эффект близости Оливера не смог стереть с ее лица выражение ужаса.

Почувствовав, что девушка продолжала дрожать, молодой человек снова подвел ее к койке и сел рядом, Август же все это время молча стоял у двери, закрывая своей спиной глазок, чтобы с внешней стороны охрана могла узреть лишь его голову.

— Ты почти превращаешься в скелет, — сказал Оливер, с возрастающей тревогой глядя, как платье висит на ней, словно мешок. — Тебя не кормят?

— Немного хлеба дважды в день и иногда овсянку. Тебе лучше не знать, что я вытащила на днях из своей миски... — Эйлиш обхватила руками талию Оливера, прижимая его к себе, Оливер покрывал поцелуями свалевшиеся волосы. — Как же я отличаюсь теперь от девушки, которую ты когда-то принял за банши в садах Маор Кладейш, правда? — говорила она, уткнувшись лицом в его грудь. — Каким светлым был мир, какой я была капризной, жалуясь на то, что моя жизнь неизменна. Ты себе не представляешь, что бы я сейчас отдала за то, чтобы повернуть время вспять до той проклятой ночи, когда мне в голову взбрело сбежать из своей комнаты...

— Я и сам все время думаю об этом, — согласился Оливер. — Ты выбралась через взломанное Лайнелом окно в комнате ключницы?

— Нет, — Эйлиш покачала головой, — через окно в своей спальне.

— Если Рианнон закрыла ее на ключ, она и не могла выйти по-другому, Оливер, — вмешался Август, не отходя от двери. — Полагаю, что через окно на первом этаже вышел Арчер, воспользовавшись неосторожностью людей Фитцуолтера.

— Но зачем? Что забыл Арчер ночью в саду? Буря была просто ужасной, да еще и банши кружила вокруг замка!

— Убийца тоже, должно быть, воспользовался тем же окном. Он мог выйти еще раньше...

— С каждым разом я понимаю все меньше, — Оливер тряхнул головой и пальцем приподнял голову девушки за подбородок. — Эйлиш, у тебя есть предположения, что могло произойти той ночью? Ты контактировала с предметами, принадлежавшими всем гостям замка. Если кто-то из них был преступником, или мог вести себя как таковой, то, возможно, ты могла почувствовать нечто вроде негативной ауры...

— Нет, не смогла, — признала она. — У меня было слишком мало времени, чтобы манипулировать полученными предметами, но мне не показалось, что мысли этих людей были темными. В случае с визиткой мистера Арчера, в моей голове всплывали только цифры, цифры и снова цифры. Мистер Деланси оказался гораздо более человечным, я ощутила теплые чувства, которые навели меня на мысль о влюбленности. Расшифровать мисс Стирлинг оказалось гораздо сложнее.

— Все, что у тебя было, это перо. Наверное, оно было слишком маленьким для...

— Нет, это здесь ни при чем. Просто мисс Стирлинг обладает самым сложным сознанием из всех, которые я когда-либо встречала. Словно она возвела вокруг своего мозга стену, не позволяющую читать ее мысли. Я смогла проследить путь этого пера от маленького магазинчика в менее чем пятидесяти метрах от берега Дуная, в котором мисс Стирлинг приобрела шляпку в прошлом месяце, а вот о ней самой я не смогла узнать ничего. Тем не менее, — поспешила добавить она, увидев, что Оливер открыл было рот, — я сильно сомневаюсь, что она могла убить мистера Арчера. Единственная искра ее души, которую я смогла увидеть, была чистой.

Август застыл как громом пораженный. Одно дело слушать рассказы Оливера о способностях Эйлиш, и совсем другое — слышать это вживую. Девушка, казалось, не заметила его удивление. Когда она вновь заговорила, голос ее был полон грусти.

— Если честно, в ту ночь я совершенно не думала о гостях моей матери. Все что я хотела, это сбежать, — под взглядом Оливера она тихо продолжила: — Джемима... поднялась ко мне в спальню со стаканом молока за пару часов до этого. Я спросила видела ли она тебя и твоих друзей и она ответила, что да... и что ты сказал ей о том, что поддерживать со мной отношения оказалось сложнее, чем ты предполагал, что утром ты уедешь из Киркёрлинга и вернешься в Оксфорд с остальными, чтобы забыть обо мне раз и навсегда.

— Это неправда! Я попросил ее сказать, что буду ждать тебя столько, сколько потребуется, чтобы жениться на тебе!

— Этого я не знала, — пробормотала Эйлиш. — Я думала, что... Мне показалось, что ты и вправду мог устать от меня. Моя мать повела себя как настоящий деспот, когда ты привел меня в замок. Она была к тебе несправедлива...

— Теперь это неважно, — заверил он ее. — Что я не понимаю, так это как ты могла поверить этой лгунье, а не мне. В пещере я пообещал тебе, что готов на все, чтобы когда-нибудь, не важно когда, мы смогли быть вместе.

— Наверное, ты прав. Но тогда я чувствовала себя в отчаянии. Мне было так страшно, что я даже не могла перестать плакать. В общем, я решила доказать тебе, что у нас есть будущее вдалеке от Маор Кладейш, что я могу уйти из замка раньше, чем моя мать заставит тебя уйти на следующее утро, и ждать тебя в Киркёрлинге. Я открыла окно, влезла на карниз и спустилась вниз по покрывающему стены плющу. Но не прошло и минуты, как я наткнулась на истекающее кровью тело мистера Арчера.

Заслышав приближающиеся голоса стражников, остановившихся

поболтать в преддверии раздачи ужина, Оливер покрепче прижал к себе Эйлиш. На улице солнце начало садиться и его отблеск скользил по отсыревшим стенам.

— Меня повесят за это, верно? — прошептала Эйлиш.

— Нет, — мгновенно ответил Оливер, чувствуя, как обнимающие его руки Эйлиш непроизвольно сжались. — Нет, пока я жив, будь уверена.

Эйлиш медленно подняла руку и прикоснулась к своей шее.

— Иногда, когда я лежу на этой кровати... мне кажется, что я чувствую ее здесь. Веревку, которая ждет меня, хотя суда еще не было. Она так сдавливает меня, что я почти не могу дышать, — она снова спрятала лицо в складках сутаны Оливера. — Должно произойти чудо, чтобы я могла выйти из камеры живой. Но, боюсь, у меня уже не осталось сил, чтобы верить в чудеса.

Вдруг она почувствовала влагу на лбу. Оливер не плакал так открыто как Эйлиш, но как бы он не пытался сдерживаться, не смог удержать несколько предательских слезинок. Девушка подняла голову, ее лицо выражало сострадание.

— Мне очень жаль, Оливер, — сказала она. — Я все бы отдала, чтобы предотвратить все это. Теперь понимаешь, почему я тебе говорила, что ты заслуживаешь нормальную женщину... и свободную?

— Во всем мире не найдется другой женщины для меня, — с трудом выговорил Оливер. — Никогда их не было и никогда не будет, что бы ни произошло. Ты единственная, с кем я посмел разделить мои мечты, с которой я создал новые, чтобы вместе воплотить их в жизнь. Я не собираюсь от них отказываться только из-за того, что нас разделяет какая-то решетка.

— Хотела бы я сказать то же самое, но боюсь, — она грустно улыбнулась, — что пожениться этой весной в часовне Бейлиол-колледжа невозможно.

— Нам вовсе необязательно делать это именно там. Мы могли бы пожениться прямо сейчас, в этой камере, если ты пожелаешь.

Улыбка Эйлиш медленно исчезла, словно стертый морской волной след на песке.

— О чем ты говоришь? — спросила она. — Пожениться здесь?

— Знаю, что это не самое романтичное место в мире, и что оно вовсе не похоже на то, что мы с тобой представляли, но, возможно, это последний шанс...

— Ты, должно быть, сошел с ума. Никто не согласится поженить нас так, как ты предлагаешь, Оливер. Для начала, нам придется сообщить

охране, чтобы тот привел в тюрьму священника, а когда они поймут, что Август и ты обманули их, и на самом деле ты вовсе не семинарист, готовящийся к принятию сана...

— Нам ни к чему звать священника, — заверил ее Оливер, бросив взгляд в сторону друга. — Я не планировал этого заранее, но Август вовсе не лгал, он действительно принадлежит церкви, правда, в его случае, к англиканской.

— Я... что? — Август поверить не мог в то, что парень говорил серьезно. — Не пытайся подбить меня на такое, Оливер. У меня нет на это права.

— Разумеется, оно у тебя есть! Ты — священнослужитель с правом совершать таинство венчания всегда, когда есть согласие на то двоих человек!

— Но ты прекрасно знаешь, что Рианнон просто придушит меня, как только узнает, что я помог вам за ее спиной. И не важно, ошибается она или нет, она четко выразила свой запрет на ваши дальнейшие отношения. Она сочтет меня предателем, если я еще и буду хранить все это в тайне...

— Август, у меня нет ни малейшего намерения держать это в секрете, — тихо заверил его Оливер, — по крайней мере, за пределами Килменхэма. Ты уже слышал, что нам сказал адвокат О'Лэри: альтернативой возможной высшей меры может стать заключение Эйлиш в приют для умалишенных. Хочешь лишить меня единственной возможности получить право доступа в психиатрическую клинику?

— Оливер прав, — сказала Эйлиш, поднимая на Августа умоляющий взгляд. — Со мной никогда такого не случалось, но если произойдет то, о чем сказал Оливер и меня поместят в приют как его супругу... он, по крайней мере, всегда сможет меня там навещать.

Мысли викария метались между тревогой и растерянностью.

— Август, — настаивал Оливер, помогая Эйлиш подняться. — Сделай это ради меня, прошу тебя. Обещаю, что больше никогда ни о чем тебя не попрошу.

— Разумеется, ты этого не сделаешь. Для этого тебе придется стать медиумом и искать мой призрак по всей Ирландии после того, как Рианнон оторвет мне голову.

В конце концов, он сдался, поняв, что молодые люди твердо намерены добиться своего.

— Вы уверены? — спросил он еще раз, открывая принесенную с собой Библию в поисках нужных страниц. — Это не может быть каким-то капризом, о котором вы когда-нибудь пожалеете. Вы оба еще слишком

молоды...

— Мне жаль, что я вынужден настаивать, но охранник обещал вернуться через полчаса, — напомнил ему Оливер. — По-моему, у нас нет времени на нравоучения!

— Пожалуйста... — попросила Эйлиш окончательно обезоружившим Августа голосом.

Поняв, что единственным, кто может пожалеть об этом безумии будет он сам, Август проглотил все свои сомнения и начал тихим голосом *«мы собрались здесь в присутствии Господа»*, что прозвучало несколько иронично — можно было бы посчитать удачей, если бы хотя бы Господь прибыл на церемонию, в которой принимали участия всего трое. Он привык совершать таинство венчания в своем лондонском приходе Св.Михаила, нынешняя же церемония пробудили в нем сомнения и вину. Август провел обряд гораздо быстрее обычного, чтобы пара успела обменяться клятвами, без колец, без подписей в какой-либо семейной книге. К тому времени, как солнце переместилось в окошке камеры, окрашивая стены в кроваво-красный цвет, Оливер и Эйлиш стали мужем и женой. Молодой человек взял девушку за подбородок, чтобы завершить обряд поцелуем, и Август повернулся лицом к двери, чтобы предоставить им хоть немного уединения.

— Спасибо, — услышал он шепот девушки. — Никогда не думала, что этот момент когда-нибудь настанет, но теперь, в качестве утешения, у меня останется знание того, что если все закончится плохо, моя жизнь прошла не впустую. Прямо сейчас она обрела смысл, здесь, с тобой.

Взволнованный Оливер снова поцеловал ее, и в следующее мгновение они услышали звук шагов по коридору. Время истекло, и стражник возвращался, чтобы сопроводить их к выходу. Август жестом показал Оливеру, чтобы тот отошел от Эйлиш. Девушка вернулась к своему убогому ложу с тем же застывшим выражением лица, что и накануне.

— Все хорошо, святой отец? — спросил вошедший охранник. Он бросил взгляд на заключенную и снова обратился к священнослужителям. — Надеюсь, она не причинила вам беспокойства...

— Ни в коей мере, — ответил Август благочестивым тоном. — Мы посвятили эти минуты молитвам и чтению отрывков из Священного Писания, которые, я уверен, чрезвычайно помогут душе этой девушки. Все в порядке.

Необходимость повернуться спиной к женщине, с которой он только что обвенчался, причинила Оливеру такую боль, что ему показалось чудом то, что никто этого не заметил. Когда они выходили из камеры, он чуть не

бросился назад, чтобы заключить Эйлиш в свои объятия и убежать вместе с ней, но Август крепко держал его за плечо и юноша понял, что своим порывом он бы только все испортил. И если бы была хоть малейшая надежда на спасение, Оливер никогда себе не простит, если потеряет все из-за того, что не смог себя контролировать. Он уносил с собой аромат кожи Эйлиш, когда стражник с грохотом закрыл дверь, и ему ничего не оставалось как последовать за Августом к выходу из тюрьмы, пытаясь заглушить внутренний голос, говоривший ему, что тот поцелуй может стать последним.

[1] Церковь Святого Михана была возведена в 1686 году на месте церкви викингов, построенной еще в 1096 году. С тех времен внутреннее убранство церкви практически не изменялось. О св. Михане (Michan) ничего не известно кроме того, что в Дублине имеется храм, освященный во его имя. В этом храме упокоиваются нетленные мощи норманнских рыцарей. Сам храм захвачен протестантами со времён реформации.

[2] Герман Мелвилл. «Моби Дик, или Белый кит», 1851.

Глава 30

В день суда стояла солнечная погода, хотя мало кто из дублинцев решил воспользоваться весенней погодой, чтобы уехать за город. Казалось, три четверти населения города собралось у белой колоннады Грин-стрит-Корт. Образовалась такая толчея, что четверем англичанам и Рианнон пришлось приложить немало усилий, чтобы пробраться к дверям. А уж когда толпа поняла, что они направляются в зал заседаний не просто как любопытствующие, а как свидетели преступления, то понадобилась помощь пяти представителей Королевской Ирландской полиции, чтобы пройти, наконец, до входа в здание суда.

Они почти бежали к залу заседаний, несмотря на то, что ноги Рианнон, казалось, превратились в желе. Войдя в зал, они увидели заполнивших его сотни человек, и их охватило дурное предчувствие. Александр, Лайнел и Август провели совершенно отрешенных Рианнон и Оливера на зарезервированные для них места, в ожидании, когда их вызовут для дачи показаний. Впервые они видели столько адвокатов сразу: почти все студенты юридического факультета выстроились в очередь, чтобы не пропустить такое знаменательное событие, и восторженно глядели на более старших магистратов, облаченных в роскошные напудренные парики из конского волоса.

Придя в себя после первых оглушающих минут, они разглядели

мистера Морана, стоявшего у расположенной на возвышении около кресел для членов суда и окруженной решеткой платформы, на которую поместят Эйлиш. В паре метров от него стоял Уильям Тирелл, вовлеченный в разговор с четырьмя другими адвокатами. Смуглый маленький человечек с саркастически изогнутым ртом, собиравшийся защищать интересы семьи Арчера, не внушил доверия англичанам.

— А вот и мисс Стирлинг, — вдруг тихо сказал Лайнел. И действительно, девушка вошла в зал под руку с мистером Деланси. Они явно вместе пришли из отеля. Ирландец не заметил их присутствия, а вот мисс Стирлинг помахала им рукой и, прежде чем Деланси увел ее к их местам, беззвучно проговорила, глядя на Рианнон: *«все будет хорошо»*.

— Я убежден, что ее показания очень помогут, — заверил Александр, пытаясь успокоить Рианнон. — Мисс Стирлинг — умная женщина, она знает как себя вести в подобной обстановке. Более того, пару дней назад она заверила Лайнела, что также как и мы верит в невиновность Эйлиш.

Чтобы дать ей почувствовать свою поддержку, Александр положил руку на локоть Рианнон, а она накрыла его руку своей ладонью и оставалась так все время, пока зал заседаний наполнялся людьми. Жар, выделяемый телами всех набившихся в помещение людей, становился просто невыносимым. Наконец, шепот смолк, когда один голос провозгласил с трибуны для членов суда: *«Всем встать!»*

Появился хмурый судья Джереми Дрисколл, прошел к своему месту прямо под огромным портретом королевы Виктории, составлявшим пару с портретом Эдуарда VII, висящим на противоположной стене. Он обвел взглядом зал, где яблоку негде было упасть, и кивнул головой, поправляя украшавшие трибуну маленькие весы и молоток.

— Приведите обвиняемую Эйлиш Ни Лэри, — объявил все тот же голос.

Появление девушки вызвало новую волну гула голосов в зале. Она была одета в ту же тюремную одежду, но наручников не было. Двое полицейских сопроводили ее до подготовленного помоста и встали за ее спиной. Для обвиняемых не было предусмотрено даже стула, поэтому Эйлиш пришлось остаться стоять. Она посмела поднять взгляд, лишь для того, чтобы поискать свою мать и Оливера, и когда она их, наконец, увидела, то снова склонила голову, пытаясь сдержать слезы.

— Какая же она бледная и худая! — тихо воскликнула Рианнон.

Оливер же даже не разомкнул губы — узел в его желудке сжимался все сильнее, когда он увидел, как дрожат ухватившиеся за перила руки Эйлиш. Должно быть ее яростно хлестала паника тысяч осужденных, стоявших до

нее на этом самом месте.

— Члены суда от имени Его Величества Эдуарда VII, обвиняет вас, Эйлиш Ни Лэри, в совершении предумышленного убийства мистера Реджинальда Харольда Арчера 6 апреля 1903 года, — объявил служащий, когда воцарилась, наконец, тишина в зале. — Вы признаете себя виновной или невиновной?

Триста пар глаз обратились к Эйлиш. Несколько секунд в зале был слышен лишь скрип перьев по бумаге писцов и журналистов, записывающих все, что происходило на заседании и сидевших прямо перед ними англичанами.

— Невиновна, — еле слышно ответила Эйлиш.

Один из писцов подошел к ней и протянул Библию.

— Клянусь пред Господом Всемогущим говорить только правду и ничего кроме правды, — она приняла книгу дрожащей рукой, поцеловала обложку и прошептала: — Да поможет мне Бог.

Итак, начался допрос под руководством мистера Тирелла. В течение получаса он обрушивал на Эйлиш непрерывный град вопросов. Девушка по-прежнему была смертельно бледна, но голос ее крепнул по мере того, как она раз за разом повторяла ту же версию, которую она ранее изложила Оливеру и Августу. Она признала, что накануне вечером имела место ее ссора с матерью, свидетелями которой стали почти все, кто находился в тот момент в Маор Кладейш, но при этом американец не имел к ссоре никакого отношения. Это была всего лишь перепалка между матерью и дочерью из-за отказа Рианнон Бан И Лэри принять ее помолвку с одним из английских журналистов, проживавших последние несколько недель в замке. Несколько членов суда повернулись в сторону матери, которая как никогда была благодарна Александру за то, что тот был рядом и поддерживал ее.

— Вы подтверждаете, мисс О'Лэри, что многие видели как вы потеряли над собой контроль во время упомянутой ссоры? — продолжил мистер Тирелл, спокойно прохаживаясь у подножия помоста. — Вы можете гарантировать, что будучи в подобном нервном состоянии вы не последовали за мистером Арчером в сад, независимо от того почему он там находился, чтобы забить его до смерти?

— Клянусь, что я отдавала отчет своим действием, — твердо ответила Эйлиш, — и я не понимаю, что заставляет вас подозревать меня в том, что у меня были какие-то негативные намерения по отношению к человеку, с которым я едва перекинулась парой слов. То, что я оказалась в саду в то же время, что и мистер Арчер, является лишь страшным, но совпадением, я

признаю это...

— Вы последовали за ним через окно в комнате ключницы?

— Нет, господин адвокат, я... — тут девушка посмотрела на Оливера, который едва заметно кивнул, — я вышла через окно в моей комнате. Моя мать приказала слугам запереть меня на ключ. Должно быть, мистер Арчер вышел раньше меня, так как, когда я его обнаружила, он уже не дышал...

— Могу я спросить, мисс О'Лэри, что сподвигло вас на то, чтобы покинуть вашу спальню в такую бурную ночь?

Кто-то из зала прокашлялся, прочищая горло. Эйлиш на мгновение закрыла глаза, прежде чем продолжить, схватившись за перила:

— Я хотела спрятаться в деревне, чтобы потом сбежать с моим нареченным.

— Побег! Как это трогательно! — Тирелл повернулся к судье Дрисколлу, взмахнув своей тогой. Тот даже не дрогнул, на его лице застыло выражение человека, всю жизнь посвятившего себя букве закона, не обращая ни малейшего внимания на сердечные дела. — Я спрашиваю себя, не лицезреем ли мы сейчас оперу вместо заседания суда по одному из самых страшных преступлений последнего времени. Мне не хотелось бы, чтобы это было правдой, мисс О'Лэри, но, выслушав ваши заявления, я пришел к выводу, что мистер Арчер стал препятствием для ваших матримониальных планов. Ваша мать решила передать замок в руки чужаку, не посчитавшись с вашим мнением и вашими же перспективами на будущее...

— Я повторяю, что мистер Арчер не имеет к этому никакого отношения! — воскликнула Эйлиш. — Я действительно хотела начать новую жизнь с мистером Сандерсом, но как можно дальше от этих владений. Если бы это было в моих силах, я бы давно от них избавилась!

Мистер Тирелл помолчал немного и объявил:

— У меня больше нет вопросов к обвиняемой, ваша честь. Перейдем к опросу свидетелей, возможно, они прольют свет на это дело.

Шепот наводнил зал, пока Рианнон продвигалась к возвышению. Александр сжал ей руку перед тем, как она покинула свое место, но, на самом деле, не было необходимости, чтобы кто-то придавал ей сил еще больше, чем рождалось из отчаянной материнской любви. Она была великолепна в своем заявлении, и ее слова прозвучали так четко и в то же время эмоционально, что даже мистер Тирелл почти умолк. Эйлиш вздохнула с облегчением заметив, что пара адвокатов, склонившись друг к другу, обсудили что-то и закивали, с восхищением глядя на Рианнон. Единственный, кто оставался непоколебимым, был судья Дрисколл. Он ни

разу не вмешался в ведомый Тиреллом допрос, не вступал и в допросы Александра, Августа, Лайнела и Оливера. В случае с Оливером разговор занял больше времени, так как Тирелл настоял, чтобы тот изложил свою версию столкновения между Рианнон и Эйлиш, и, в конце концов, задал вопрос:

— Как вы считаете, ваша невеста способна убить кого-то?

— Если бы я так считал, во мне не осталось бы больше веры в человечество, — пылко ответил Оливер. — Я верю в благоразумие людей и в справедливость. Из всех, кто собрался в этом зале, не найдется никого более невинного, чем мисс О'Лэри. Я знаю, что она не способна убить кого-либо, даже если ее жизни будет угрожать опасность.

Мистер Тирелл больше не стал ничего спрашивать. Похоже, что он был недоволен ответами свидетелей, в то время как мистер Моран, напротив, явно был в восторге. Когда Деланси занял свидетельское место и подтвердил показания предыдущих свидетелей, кроме момента обнаружения трупа. Единственное, что он мог сказать по этому поводу, так это то, что он полностью убежден в отсутствии у обвиняемой мотивов против американца; мисс Стирлинг высказала ту же уверенность, добавив, что, по ее мнению, состояние шока, в котором была обнаружена Эйлиш в ту ночь, было лишь следствием того, что та среди ночи наткнулась на истекающее кровью тело.

— Более того, все мы обратили внимание на то, насколько тяжелой была эта каменная голова, которой били мистера Арчера, — продолжала она говорить, скрывшись под вуалью, спускавшейся с полей ее украшенной черными бархатными розами шляпы. — Я сама обратила внимание на эту скульптуру, прогуливаясь накануне по саду под руку с мистером Ленноксом, и слышала, как Арчер жаловался своему секретарю на то, какие тяжелые эти изваяния и как сложно будет убрать их отсюда, если миссис О'Лэри решит выбрать его в качестве будущего владельца Маор Кладейш. Да мы бы даже вдвоем не смогли поднять эту голову!

— Я нахожу совершенно очаровательным то, как вы защищаете обвиняемую, мисс Стирлинг, — саркастически ответил ей мистер Тирелл. — А, может, вы ее так поддерживаете из чисто женской солидарности? Особенно зная, что существует риск того, что будут обнародованы некие детали, которые могут скомпрометировать вас обеих?

— Некоторые детали? — спросила удивленная девушка. — Боюсь, я вас не понимаю.

Похоже, мисс Стирлинг была не единственной, кто не понимал что имеет ввиду адвокат — большая часть членов суда тоже не знали о чем

речь. Лайнел заметил, что ее аура соблазнительницы ничуть не приуменьшилась от того, что девушка находилась в суде. Мужчины смотрели на нее с тем же вожделением, как если бы они находились в ресторане или бальном зале.

Мистер Тирелл окинул ее взглядом превосходства и продолжил:

— Ваш рассказ о произошедшем ночью шестого апреля был бы похож на правду, если бы не маленькая деталь, о которой мне рассказал несколько дней назад мистер Риверс. По его словам, когда он, встревоженный криками мисс О'Лэри в саду, покинул свою спальню, то на втором этаже Маор Кладейш встретил вас с... мистером Ленноксом. Причем вы оба выходили вместе из вашей комнаты, мисс Стирлинг, и оба выглядели довольно встревоженными. Не будете ли вы столь любезны, разъясните членам суда, что вы там наедине делали?

— Очень интересное уточнение, мистер Тирелл, — вступил судья Дрисколл, не меняя невозмутимого выражения лица. — Мне бы тоже хотелось, чтобы свидетели прояснили этот момент. Особенно учитывая, что перед началом дачи показанием вы поклялись говорить правду и только правду. Может, ваша нечистая совесть заставила вас нам солгать, так как сокрытое имеет отношение к данному преступлению.

Лайнел почувствовал, как у него пересохло во рту. Он думал, что ее заявление идет лучше некуда, но бормотание адвокатов заставило его бояться худшего. К счастью, мисс Стирлинг отлично владела собой.

— Боже мой, ваша честь. Никогда не думала, что мне придется признаваться в этом при всех, но то, что произошло той ночью между мистером Ленноксом и мной... не имеет никакого отношения к смерти мистера Арчера. Наша встреча была гораздо более... более...

— Более порочной, я полагаю, — враждебно закончил за нее судья под нарастающий шум в зале. — И связано, как же иначе, с достойным сожаления актом прелюбодеяния.

Пара адвокатов с верхнего ряда усмехнулись. Краем глаза Лайнел увидел обращенные к нему взгляды Александра, Августа и Рианнон, но не посмел посмотреть в ответ. Он и сам пребывал в шоке от того, что мисс Стирлинг только что сделала, чтобы исключить их из списка подозреваемых.

— Вы должны понимать, какой это удар по моей репутации, — продолжала девушка намеренно дрожащим голосом. — Но я бы никогда не посмела лгать в присутствии судьи, тем более, поклявшись на Библии. То, что сказал мистер Риверс, это ... правда, джентльмены, — она прокашлялась. — Мне хотелось бы отрицать, защищая свое доброе имя и

заверить вас, что я вела себя как достойная женщина. Но все вы знаете, как мы далеки от идеалов. — Она опустила веки так, что ее густые ресницы коснулись щек. — Трудно ожидать от нас того, что мы способны устоять перед мужской настойчивостью. Полагаю, что признание вашего превосходства над нами распространяется также и на плотские аспекты.

Почти все адвокаты притворно улыбнулись, некоторые глянули на Лайнела с плохо скрытой завистью. Такое объяснение, казалось, удовлетворило судью Дрисколла. Он наклонился с трибуны, окинул предупреждающим взглядом шумящую толпу.

— Вот так, господа: искреннее заявление от женщины. Не поддавайтесь песням этой сирены. Они не изменились со времен яблока и змия.

Судя по выражению лиц большинства присутствовавших в зале мужчин, пение сирены мисс Стирлинг звучало для них словно небесная музыка. Судья Дрисколл приказал ей покинуть место для дачи свидетельских показаний, двое полицейских подошли, чтобы помочь ей спуститься и, пока она возвращалась на свое место с опущенной головой, Александр пару раз пихнул Лайнела за спиной Рианнон.

— Какого черта все это значит? — быстрым шепотом спросил он. — То, что она сказала, правда? Ты действительно переспал с мисс Стирлинг, чтобы...

— Думаю, я бы помнил об этом, если б такое действительно произошло, — тем же тоном ответил Лайнел. — Но раз уж мне дают возможность нечто подобное предположить, то я не собираюсь это опровергать. Для мужчин болтать о подобных вещах — это половина удовольствия.

Александр недовольно покачал головой. Мало помалу разговоры стихли и мистер Моран попросил слова прежде, чем его снова взял мистер Тирелл.

— Итак, господа, полагаю, что мнение мисс Стирлинг о неспособности мисс О'Лэри поднять камень, которым был убит мистер Арчер, может считаться неопровержимым доказательством невиновности, — адвокат теперь выглядел гораздо менее напряженным, даже слегка улыбнулся Эйлиш, которая не смела даже пошевелиться. — Призываю вас обратить внимание, что, согласно показаниям свидетелей, обвиняемая обладает кротким нравом, благочестива, добра и, кроме того, до сих пор не было представлено ни одного доказательства ее вины...

— Не торопитесь, мистер Моран. Пока еще не вызваны все свидетели.

Улыбка медленно сошла с уст Морана. Он посмотрел на все такого же

невозмутимого судью Дрисколла, потом снова на мистера Тирелла. Оливер выгнул бровь и наклонился чуть вперед.

— Боюсь, дорогой коллега, вы ошибаетесь. Вы так же, как и я знаете, что опрошены все, кто присутствовал при обнаружении трупа...

— Я вовсе не имел в виду гостей миссис О'Лэри, и даже не тех, кто приехал в Маор Кладейш с целью его приобретения, — с напускным спокойствием объяснил мистер Тирелл. — Это дело, ваша честь, слишком серьезное, чтобы удовлетвориться лишь показаниями тех, кто был в ту ночь в замке. Нам только что напомнили, что обвиняемая является девушкой с безупречной репутацией. Что ж, я считаю, мы должны убедиться, что она пользовалась такой же репутацией и за пределами Маор Кладейш.

— Пусть выйдет следующий свидетель, миссис МакКоннал, — приказал судья Дрисколл.

Рианнон вздрогнула, когда послышался звук шагов появившейся словно ниоткуда Брианны МакКоннал. Никто из группы поддержки миссис О'Лэри не смел и слова произнести, пока вдова не без труда поднималась на трибуну. Она села с прямой, словно мачта, спиной, откинув вуаль с лица на шляпу.

— Доброе утро, миссис МакКоннал, — поприветствовал ее Тирелл. Старуха ограничилась легким кивком. — Благодарю вас за то, что вы присоединились к нам сегодня. Как вы, без сомнения, понимаете, нам бы хотелось, чтобы вы рассказали членам суда не только свое мнение о мисс О'Лэри, но и о драматических событиях, произошедших в вашей семье несколько месяцев назад.

— Смерть моего мужа Ферчэра во время его визита к матери обвиняемой, — таков был сухой ответ Брианны. — Такая же непредвиденная смерть, как и мистера Реджинальда Арчера, которую так никто и не расследовал.

Ее резкий, полный негодования голос заполнил зал. Большинство присутствующих знали обстоятельства, при которых было найдено тело МакКоннала, но, тем не менее, внимательно слушали рассказ Брианны. Он полностью совпадал с тем, что она рассказывала в Киркёрлинге Александру, Оливеру и Лайнелу, но на этот раз тон ее голоса был более решительным, а в глазах читалась уже не покорность, в них полыхала жажда мести.

Она рассказала, что в ту ночь, как и накануне смерти Реджинальда Арчера, банши разразилась рыданиями. Зал словно вздрогнул при упоминании о сущности. Почти все присутствующие выросли в Ирландии и были более чем знакомы с легендами о банши.

— Я всегда буду считать, что банши О'Лэри не просто возвестила о смерти моего мужа, — продолжала Брианна, не обращая внимания на волнения в зале. — Я уверена, что она не ограничилась провозглашением его гибели, а послужила ее причиной.

— При всем уважении, — попытался протестовать Моран, — но этой теории не хватает...

— Ваш супруг страдал болезнями сердца до того рокового дня, миссис МакКоннал?

— Боже мой, я уже всем, кому можно говорила об этом тысячу раз. Ферчэр отличался завидным здоровьем. Никогда не страдал от сердечных недугов. Нет, это она до смерти напугала его, именно она появилась перед ним среди ночи, обратив его кровь в лёд.

— Кого именно вы имеете в виду, мадам? Банши?

Брианна ответила не сразу, сначала она вперилась взглядом в испуганно смотрящую на нее Эйлиш, затем объявила:

— Это была она, — и указала на девушку пальцем. — Я ошибалась все это время. Я думала, что все дело в призраке, но женщина, крики которой слышал весь Киркёрлинг, не имеет никакого отношения к той, которая убила моего дорогого Ферчэра. Теперь я знаю, что все дело в этой одержимой дьяволом девчонке, — она снова посмотрела на дрожащую от страха Эйлиш. — эта... эта ненормальная способна на все, чтобы ее наследство не попало в чужие руки.

Послышались удивленные возгласы. Рианнон вскрикнула «Ради всего святого!..», но слова замерли у нее на устах, когда она услышала Тирелла:

— Вы обвиняете мисс О'Лэри в том, что она выдала себя за банши с целью напугать вашего мужа? Что могло сподвигнуть ее на это?

— Ничего! — воскликнула Эйлиш. — Она знает, как я уважала и ценила мистера МакКоннала!

Брианна покачала головой, не обращая на нее внимания.

— То же самое, что сподвигло ее покончить с мистером Арчером. Ярость от необходимости смириться с потерей земель, которые принадлежали ее семье со времен средневековья. У неблагодарности множество лиц, ваша честь. И худшая из них — невинность.

Эйлиш прижала руку ко рту. Мистер Моран показал ей успокаивающий жест, хотя сам был обеспокоен поворотом событий.

Но худшее было еще впереди. Когда Брианна МакКоннал с завидным достоинством спустилась с трибуны, судья Дрисколл пару раз ударил молотком, чтобы восстановить тишину в зале суда, и пригласил следующего свидетеля. Англичане обменялись удивленными взглядами,

увидев совершенно незнакомую женщину лет пятидесяти, маленького роста, хрупкого телосложения и с тусклыми волосами, убранными под потрепанный чепец. Рианнон еле слышно вскрикнула.

— Это миссис Эш, — прошептала она наклонившемуся к ней Александру. — Мать Майкла, которого повесили за убийство друга.

Александр понял, что ничего хорошего в ее появлении для них не будет. И действительно, миссис Эш, точно так же, как и Брианна, уверенно обвинила Эйлиш в совершении преступления, за которое казнили ее сына. Мистер Моран тщетно пытался напомнить присутствующим, что когда был обнаружен труп парня на пляже Киркёрлинга, мисс О'Лэри было всего восемь лет. Женщина была убеждена, что девушка виновна в смерти того парня и Майкла.

— Иначе откуда бы она знала где искать тело? — почти кричала она, не сводя глаз с Эйлиш. — Если не она сама утопила его тогда в море?

— По-моему, инспектор Джеймс Фитцуолтер позаботился о том, чтобы каждому стало понятно, что моя подзащитная не имеет к тому делу никакого отношения, — почти в отчаянии произнес Моран. — Это было... это было что-то вроде своего рода откровения.

— Что это еще за откровение? В этом нет никакого смысла. Она или ведьма, или убийца! Или даже и то, и другое! Если она, будучи ребенком, хладнокровно убила парня, с которым даже словом никогда не обмолвилась, разве не могла она сделать то же самое сейчас?

Среди нескольких адвокатов пронесся одобрительный шепот. Кто-то из глубины зала крикнул «Отлично сказано!», но когда Александр обернулся с пылающими гневом глазами, он не смог увидеть никого знакомого. Очевидно, мнение членов суда колебалось на острие ножа и проходило путь от некоторой неуверенности к убеждению в том, что Эйлиш все-таки имела отношение к этим смертям, несмотря на то, что они не были уверены в том, в какой роли она выступала. Миссис Эш покинула трибуну, бросив на Эйлиш полный вселенской ненависти взгляд, и судья приказал привести в зал последнего свидетеля.

Англичане увидели, как Эйлиш сжалась на своем помосте, но не понимали почему, пока не увидели плывущую между рядами к трибуне соломенную шляпу и не узнали выбившиеся из-под нее рыжевато-русые пряди волос. Это была Джемима.

Лайнел разразился проклятиями. Адвокат указал ей на сидение, которое только что покинула миссис Эш и девушка молча села, не взглянув ни разу в сторону Эйлиш. Постепенно в зале снова воцарилась тишина.

— Джемима Лоулесс, находитесь ли вы здесь по доброй воле с целью

дать показания по делу об убийстве Реджинальда Арчера в Маор Кладейш, верно? — спросил мистер Тирелл.

— Именно так, сэр, — с удивительным спокойствием ответила Джемима.

— Подтвердите факт вашего долговременного служения семье О'Лэри...

— Десять лет, — уточнила она. — Моя мать работала в замке кухаркой, а после ее смерти начала работать я, и с тех пор выполняю множество поручений в Маор Кладейш, в первую очередь, это обслуживание мисс О'Лэри. Я была что-то вроде ее горничной.

— Вам нравилось проводить время с обвиняемой, мисс Лоулесс?

— Боже упаси, конечно же, нет! Бог свидетель, я согласилась на эту работу только, чтобы оправдать ожидания моего отца. Мы нуждались в деньгах.

— Это вполне понятно, — согласился с ней Тирелл, — и очень похвально. Но нас интересует, что именно произошло той апрельской ночью. Вы были ...

— До смерти напугана. Банши рыдала как никогда и мы в комнатах для прислуги только и делали, что спрашивали сами себя, кто из нас умрет следующим. Я решила встать и приготовить на кухне немного чая, но как только я вышла из комнаты, почувствовала поток холодного воздуха. Я прошла к фойе и увидела, что внизу было открыто окно. Шел такой сильный дождь, что снаружи ничего не было видно, но я поняла, что в замке что-то случилось. Буря, даже такая сильная, не смогла бы открыть окно.

— И что вы сделали, осознав, что, возможно, существует какая-то опасность?

— Я решила поискать кого-нибудь из полицейских. Я слышала, как инспектор Фитцуолтер говорил, что они будут патрулировать Маор Кладейш до наступления дня, поэтому я поднялась на первый этаж, чтобы найти одного из них. Но когда я вышла в основной коридор, мне показалось, что по ту сторону окон промелькнуло что-то белое.

Рианнон так задрожала, что Александру и Лайнелу пришлось придержать ее за плечи. Оливер побледнел так, словно кровь покинула его тело.

— Что-то белое, несомненно, это была ночная сорочка, не так ли?

— Протестую, ваша честь! — Моран вскочил на ноги. — То как мой коллега ведет допрос — это просто неприемлемо для любого адвоката! Что он дальше сделает? Станет говорить вместо мисс Лоулесс как

чревовещатель?

— Советую вам хранить молчание, мистер Моран, — ответил ему судья Дрисколл, указывая на него костлявым пальцем. — Сделайте одолжение, не вмешивайтесь в мою работу.

Дрисколл снова повернулся к Тиреллу и жестом приказал тому продолжить. Адвокат, в свою очередь, побудил Джемиму говорить дальше:

— Я не сразу поняла, что я увидела. Я понять не могла, что можно делать в саду в такую погоду, но, открыв окно и выглянув наружу, я заметила, что там была не одна фигура, а две.

— Одной из них была мисс О'Лэри? — поинтересовался Тирелл. — Та, что была в белом?

— Да, господин адвокат. Хотя вторая фигура тоже была в белом, потому что была одета в ночную рубашку или во что-то подобное, — Джемима прикусила пухлые губки прежде, чем продолжить: — Это был мистер Арчер. Я видела его собственными глазами.

В зале воцарилась такая тишина, что было слышно лишь дыхание трехсот человек, жадно вслушивающихся в слова девушки.

— А еще я видела, что произошло дальше. Хотя, уверяю вас, предпочла бы этого не видеть, так как увиденное до сих пор является ко мне в ночных кошмарах...

— Успокойтесь, мисс Лоулесс. Сейчас вы в полной безопасности. Что же вы увидели?

Джемима помедлила немного, но продолжила:

— Мисс О'Лэри, сталкивающую голову одной из разрушенных непогодой статуй на мистера Арчера, распростертого у ее ног.

Казалось, трибуны обрушились под лавиной голосов. Судье Дрисколлу пришлось воспользоваться молотком, призывая зал к порядку. Единственные, кто молчали, были четверо англичан и Рианнон. Они были просто не в состоянии хоть как-то среагировать, то же самое происходило и с Эйлиш.

— Благодарю вас, мисс О'Лэри. Ваши показания, несомненно, оказались... решающими, — мягко произнес Тирелл, поворачиваясь к Дрисколлу. — Вы слышали это, ваша честь. Все слышали. Ни у кого в этом зале не осталось сомнений в том, что произошло.

— Разумеется, — согласился судья. — Правда всегда выходит на свет. Всегда.

Пришло время удалиться членам суда для принятия решения, причем никого не удивило, что им понадобилось так мало времени. Эйлиш смертельно побледнела, когда спустя лишь пять минут, они вернулись в зал

один за другим во главе с судьей Дрисколлом и снова заняли свои места. Джемима поспешно покинула свидетельское кресло, как только Тирелл объявил, что к ней больше нет вопросов.

— Вы приняли решение, господа? — спросил судебный исполнитель. Единственный оставшийся стоять член суда подтвердил принятие решения и судебный исполнитель продолжил: — Вы признаете подсудимую виновной или невиновной в убийстве Реджинальда Арчера?

По телу Рианнон пробежала судорога, когда она услышала вердикт «Виновна!», который был встречен таким шумом, что, казалось, дрогнули колонны, поддерживавшие потолок зала суда. Не обращая ни малейшего внимания на вызванный отклик, судья Дрисколл принял протянутый ему сотрудником черный головной убор и водрузил его на парик.

— Обвиняемая, суд постановил, что подобное преступление не заслуживает снисхождения ни на земле, ни на небесах. Возблагодарим Господа нашего за то, что он помог нам раскрыть обстоятельства этого страшного происшествия. И, чтобы это стало уроком для всех, приговариваю вас к смертной казни через повешение перед зданием Килменхэмской тюрьмы завтра в полдень. И да спасет бог, если может, вашу несчастную душу.

Глава 31

— Поверить не могу! — воскликнул Александр. — Не может этого быть!

Никто его не услышал, так как в зале суда поднялся полный переполох. Что-то упало слева от него, сотрясая ряд деревянных кресел: Рианнон потеряла сознание, пытаясь встать. Ее глаза были открыты, но она не замечала ничего вокруг. Пытаясь сохранить спокойствие во всеобщей неразберихе, Александр поискал в своем кармане флакончик с нюхательной солью, которую догадался взять с собой. Он поднес его к носу Рианнон, поддерживая ее голову, в то время как Лайнел орал, осыпая проклятиями членов суда, а Август тряс за плечи застывшего в шоке Оливера. Когда Оливер, наконец, пришел в себя и встал, то Август еле удержал его, так как тот рванулся к Эйлиш, увидев, как она, уводимая двумя полицейскими, обернулась и прорыдала:

— Оливер, пожалуйста! Не позволяй им сделать это! Не позволяй им убить меня, Оливер!

Но Оливеру позволили лишь издали смотреть как женщину, на которой он женился всего несколько часов назад, единственную женщину, которую он когда-либо любил, под конвоем уводят в камеру, где они

провели вместе несколько минут, зная, что ее дни сочтены. Оливеру показалось, что Август что-то тихо говорит ему, но его мозг отказывался воспринимать что-либо. Двумя рядами ниже, стоящая рядом с Деланси мисс Стирлинг отбросила свою элегантность и грозила кулаком судье Дрисколлу, пока тот спокойно покидал зал суда.

— Она приходит в себя, — сообщил Александр. Лайнел наклонился к сиденьям, чтобы помочь поднять Рианнон, которую словно парализовало от ужаса. — Принесите ей немного воды. Надо привести как-то ее в чувство.

— Это не помешает им повесить Эйлиш, — выпалил Лайнел.

Александр бросил на него остервенелый взгляд, Август сделал тоже самое, не переставая удерживать Оливера, чтобы не дать ему броситься за Эйлиш и полицейскими.

— Это мы и без тебя знаем, Лайнел. Но, как это ни странно для тебя, это не то, что Рианнон хотела бы сейчас услышать! Принеси воды, живо!

Один из сидевших в том же ряду мужчин достал флягу с коньяком и протянул ее Александру. Профессор поблагодарил его и поднес флягу к губам Рианнон, которая закашлялась после первого же глотка.

— Ты меня не понял, — продолжил говорить Лайнел. Он, как и остальные, был бледен, но глаза излучали решительность. — Я понимаю, что самое умное сейчас — это подготовиться к самому худшему, но... может, еще не все потеряно. В наших силах попытаться отменить смертный приговор.

— Не хотел бы быть слишком пессимистичным, Лайнел, но вряд ли у нас получится, — высказался Август, после того, как несколько минут никто не осмеливался ответить Лайнелу. — Конечно, случается, что в последний момент приходит помилование, но то, в чем обвиняют Эйлиш — слишком тяжкое преступление. Никому не удастся переубедить этого судью.

— А никто и не будет его переубеждать, — согласился Лайнел. — Никто из живых. Но вы также хорошо, как и я знаете, что в Маор Кладейш есть некто, кто знает, что произошло на самом деле.

Александр уставился на него так, словно впервые увидел. Даже Оливер перестал дергаться в руках Августа и обратился в слух.

— Ты имеешь в виду... — нерешительно произнес профессор, — ты имеешь в виду банши?

Лайнел кивнул. Рианнон открыла глаза, переводя взгляд с одного на другого, в то время как Александр помогал ей устроиться поудобнее.

— Вы, правда, думаете, что это возможно, мистер Леннокс? Что

потустороннее существо может послужить нам свидетелем? С чего бы ей нам помогать?

— Потому что Эйлиш принадлежит клану О'Лэри, — ответил Лайнел. — Ее клану, ее семье, в преданности которой она когда-то поклялась. Зов крови — единственное, что имеет значение для этого духа. Это то, что заставило ее провести в тени Маор Кладейш более тысячи лет, то, что заставляет ее плакать каждый раз, когда умирает кто-то из вас, страдать, когда кто-то из вас покидает этот мир, так как она больше никогда не сможет их увидеть.

Рианнон подняла взор на Александра, не зная, что и сказать. Профессор знал, что они оба подумали об одном и том же. Все это могло иметь смысл, если бы та, кто находилась на волоске от смерти, действительно была О'Лэри, а не бастардом венгерского князя.

— Мы... могли бы попытаться, — проговорил, наконец, Александр. Люди вокруг начали покидать свои места, не переставая обсуждать происшедшее на заседании суда. — В конце концов, мы ничего не теряем, Рианнон. В чем-то Лайнел прав — это можем сделать только мы.

— В таком случае, нам следует поторопиться, — заключил Лайнел. Он ткнул пальцем в сторону больших часов, висящих над креслом судьи рядом с портретом королевы Виктории. — У нас осталось меньше двадцати четырех часов.

Глава 32

Убедить Оливера покинуть Дублин, пока Эйлиш находилась на краю пропасти, оказалось невозможным, так что пришлось остаться еще и Августу, чтобы присмотреть за ним. Александр, Лайнел и Рианнон как можно скорее сели на первый же дилижанс, направлявшийся к побережью. Они даже не зашли в отель за своими вещами — обратный отсчет уже начался и каждая минута, каждая секунда могла стать решающей.

Путь до Киркёрлинга показался им бесконечно длинным. Когда они, наконец, покинули экипаж, то бросились бежать вверх по склону, чтобы обнаружить... что во всем замке остался лишь один человек — Мод. Похоже, паника с головой накрыла обитателей комнат для прислуги и все остальные слуги сбежали, даже не спросив про жалованье и не побеспокоившись о том, что подумает их хозяйка, увидев брошенный замок. От Джемимы, разумеется, и след простыл. По всей видимости, она решила насладиться вкусом мести в столице. Кухарка была напугана до полусмерти, но ни у кого не было времени ответить на ее вопросы.

В последующие часы они обшарили каждый уголок замка,

подгоняемые тревогой, которая вскоре переросла в разочарование, а потом и в отчаяние, когда они поняли, что так и не приблизились к банши. По иронии судьбы, сейчас, когда всего через несколько часов единственной наследнице угрожала смертная казнь за преступление, которого она не совершала, банши хранила полное молчание. В конце концов, Рианнон, с каждой минутой бледнея все больше, объявила, что хочет удалиться на несколько минут, а Александр и Лайнел, наскоро посоветовавшись, пошли в противоположных направлениях, чтобы продолжить поиски.

Профессор поднялся в голубую гостиную, где хранил свои аппараты со дня Святого Патрика, который казался теперь таким далеким. К сожалению, не помог даже спинтарископ. Радиевая соль не показывала наличие банши. Разочарованный, он отошел от визора, потирая уставшие глаза. Тот же результат выдали и остальные присланные Вероникой аппараты. Ответ был очевиден: во всем замке не было и следа, бродившей здесь испокон веков, души.

Глубокой ночью, раздосадованный как никогда, Александр решил присоединиться к Рианнон, чтобы оказать ей свою поддержку в эти часы, оставшиеся до исполнения приговора. Он даже думать не хотел о том, что она должна была сейчас чувствовать, ни каково сейчас Оливеру в гостиничном номере, если конечно Августу удалось увести его от тюремных ворот. Куиллс почувствовал, как комок в горле сжимается все сильнее при мысли о том, что станет с его другом, если произойдет худшее.

«Надо будет присматривать за ним получше, — подумал он, покидая голубую гостиную и закрывая ее на ключ, выданный ему Рианнон. — Одной смерти нам будет более чем достаточно. Я не позволю ему уйти вслед за Эйлиш».

Рианнон не было в маленькой гостиной на первом этаже, не ответила она и на осторожный стук в дверь своей спальни. Немного удивленный, Александр бродил по замку почти десять минут, пока он не догадался где ее можно отыскать. Он поднялся на второй этаж, прошел по коридору к винтовой лестнице, которая, закручиваясь головокружительным вихрем, вела в верхнюю часть Маор Кладейш, в часовню, в которой он был лишь раз.

Ступеньки были очень высокими, а камень истерся от ног многих поколений О'Лэри, поднимавшихся сюда помолиться, так что профессору пришлось держаться за стену, чтобы не поскользнуться. Поднявшись наверх, он увидел над алтарем две горящие свечи, тускло освещавших почти ничем не украшенные грубые каменные плиты стен. В помещении

были только большой деревянный крест, отбрасывающий тень на беспокойное пламя свечей, и молитвенная скамья на которой, преклонив колени, стояла Рианнон спиной к входу в часовню. Ее глаза были закрыты, а руки — сложены в молитвенном жесте у лица. Профессор медленно, чтобы не испугать, подошел к ней, но Рианнон заговорила первой.

— Вы искали меня, чтобы первым выразить свои соболезнования?

Александр ответил не сразу. Он остановился рядом с ней, глядя на распятие, раскинувшее руки над алтарем. Сейчас ему было трудно верить в существование Господа милосердного, которого не волновала судьба Эйлиш.

— Я подумал, что... вам хотелось бы иметь хоть кого-то рядом. Я не знаю, что еще я мог бы для вас сейчас сделать.

— Мне достаточно вашего присутствия, — ответила Рианнон. — Это поможет мне сохранить здравый смысл.

Она подвинулась немного влево, чтобы Александр мог опуститься на колени рядом с ней. Рианнон медленно вздохнула, ее лицо покраснело от слез.

— Часть меня все еще цепляется за вероятность того, что все это не более, чем ночной кошмар, — призналась она вполголоса. — Я все бы отдала, чтобы проснуться, побежать к комнате Эйлиш, распахнуть дверь и обнаружить ее спящей в своей кровати в целости и сохранности.

Александр облизал губы, прежде чем решиться озвучить то, что весь день вертелось у него в голове:

— Знаю, что вы не хотите об этом говорить, но, учитывая, что все, что мы пытались сделать для спасения Эйлиш, потерпело неудачу... может, пришло время поговорить с мисс Стирлинг, чтобы в дело вмешался ее патрон, пока не стало слишком поздно?

Как он и предполагал, Рианнон вздрогнула, услышав его предложение.

— В этом нет смысла, профессор. Вы, как и я, знаете, что у меня нет никаких доказательств, что в жилах моей дочери течет та же голубая кровь.

— Рианнон, они очень похожи. Даже мисс Стирлинг наверняка это заметила...

— Мисс Стирлинг не более чем комнатная собачка принца Константина, — резко ответила женщина, и на этот раз сквозь боль пробежала искра пренебрежения. — Ей и в голову не придет беспокоить хозяина по таким пустякам. А если она даже сделает это, я сильно сомневаюсь, что он будет ломать копья ради старшей сестры, которая в любой момент может превратиться в угрозу для его собственных интересов. Нет, профессор Куиллс, я не хочу ничего знать о Драгомираски.

Она бессознательно обхватила пальцами висящий на шее медальон. Отблеск свечей отражался на его серебре.

— Меня удивляет, что вы до сих пор не спросили у меня про... про ее отца, князя Ласло, особенно учитывая то, что вы знаете о наших с ним отношениях.

— Я уже говорил, что не вправе судить вас, — поспешил заверить ее Александр, уже пожалевший о том, что затронул эту тему. — Вы не обязаны мне ничего объяснять, Рианнон. Особенно, если вы ничего не говорили об этом Эйлиш.

— Как раз поэтому я хочу вам все рассказать, чтобы вы поняли, почему я скрыла это от дочери, — она сжала губы, расправила складки своего черного платья, которые покрывали почти всю молитвенную скамью. — Я уже рассказывала, что прежде, чем выйти замуж за Кормака, я работала в книжном магазине Грина на Клэр-стрит. Моя мать умерла при моем рождении, отец погиб незадолго до моего семнадцатилетия, у меня не было братьев или иных родственников, которые могли бы обо мне позаботиться. Я училась в школе для девочек в скромном районе, где жили мы с отцом. Это был хороший, простой человек, который ежедневно чистил камин, чтобы дать мне лучшее, чем у него образование. В течение многих лет все верили, что так и будет, я была одной из лучших учениц в школе и обожала проводить дождливые вечера сидя за своим маленьким столиком в классе и читая книги, которые приносили мне мои учителя. Я хотела посвятить себя самым разным профессиям: исследователя, натуралиста, детектива... но для всего этого нужны были деньги, а я не смела требовать у отца еще больших усилий. В конце концов, я поняла, что должна отложить свои мечты в дальний ящик до лучших времен, а пока, учитывая мою любовь к книгам, могла выучиться на школьную учительницу. К сожалению, мне и здесь не повезло. Как я уже упоминала, что отец умер раньше, чем я успела закончить образование, и как бы ни хотела директор школы, чтобы я ей помогала, в конце концов, она сказала мне, что из-за того, что я осталась одна, мне следует сменить мои приоритеты. Я уже не могла себе позволить учиться дальше, так как от скудных сбережений отца уже ничего не осталось. Так что пару месяцев спустя после его похорон на кладбище Маунт Джером, я нашла место ученика в книжном магазине Грина. Я пыталась убедить себя, что не все так плохо, раз уж я так любила книги, то было здорово всегда иметь их под рукой, но реальность оказалась совершенно иной. Из-за того, что я оказалась самой молодой в книжном магазине, почти все время я проводила в беготне по Дублину, доставляя клиентам заказанные печатные

издания. В один из таких дней, в июне 1884 года, я и познакомилась с Ласло Драгомираски перед библиотекой Марша[1], куда я должна была доставить пару теологических трактатов...

— Я знаю эту библиотеку, — вдруг сказал Александр. — Я где-то читал, что она находится рядом с собором Святого Патрика и является одной из старейших публичных библиотек в Ирландии. Более того, она считается заколдованной.

Рианнон кивнула, снова возлагая свои худые руки на молитвенную скамью. Александр заметил, как сильно дрожали ее пальцы.

— Совершенно верно, это та самая заколдованная библиотека. Вокруг здания витает столько легенд, что это привлекло внимание князя Драгомираски, который как раз находился тогда в городе. Страсть к потустороннему, которой, по словам мисс Стирлинг, охвачен ее патрон, тот, должно быть, унаследовал ее от отца. Я никогда не забуду как он выглядел в тот летний день, стоя перед железной дверью, ведущей в сад библиотеки Марша, он весь был в белом, с шляпой в одной руке, тростью в другой и самыми светлыми глазами, какие я когда-либо видела, смотрящими на крышу здания, выглядывающего меж кронами деревьев. Он словно сошел со страниц обожаемых мной тогда романов, — Рианнон сглотнула, помолчала немного и продолжила еще тише: — Знаю, в том, что произошло, виновата только я. Скорее всего, он даже никогда не заговорил бы со мной, если бы я не сделала это первой. Я была совсем юной, профессор, мне едва исполнилось двадцать лет, а этот человек был в два раза старше меня, и казалось, обладал всеми качествами, которые я искала в мужчинах. *«Вам ни к чему терять время в ожидании»,* — сказала я тогда ему. — *Он никогда не появляется в окнах при свете дня».* Он тут же повернулся ко мне и так пристально посмотрел, что я решила, он обвинит меня в том, что я лезу не в свое дело, но он только улыбнулся.

«Полагаю, мисс, вы имеете в виду призрак архиепископа Нарцисса Марша, основателя этой библиотеки?» — ответил он мне с очаровательным восточным акцентом. — *Я слышал, что его часто видели слоняющимся туда-сюда по галерее».*

«Он делает это лишь глухой ночью и посвящает себя изучению книг, оставленных открытыми на столах, берет книги с полок и бросает их на пол так, что на следующий день библиотекари находят полный беспорядок».

«Как-то не очень похоже на примерное поведение библиофила», — весело усмехнулся он.

«Думаю, он в отчаянии», — бесцеремонно ответила я. — *Во всем*

виновата его племянница Грейс. Насколько я знаю, она сбежала с каким-то капитаном из Каслнока[2], который совершенно не нравился архиепископу, но перед побегом спрятала в одной из дядиных книг письмо, в котором просила прощения за свое исчезновение».

«А так как несчастный дядюшка так и не нашел письмо, — закончил он за меня, — то его дух до скончания времен будет ворошить свои книги, в попытках все же обнаружить его. Действительно, безголовые девчонки могут создать нам немало проблем».

Он произнес этот так, что я покраснела. Философские трактаты, которые я прижимала к груди весили столько, что начали выскальзывать у меня из рук и он подхватил их прежде, чем они упали на землю.

«Как вы угадали, зачем я сюда пришел? Я вполне мог подойти к библиотеке, чтобы заняться изучением рукописи восемнадцатого столетия, полные цепей и клеток где запирают тех, кто хочет ознакомиться с самыми ценными экземплярами».

«Маловероятно, что дело в этом, — не долго думая ответила я. — Я имела в виду, что вряд ли дело только в этом. Вы и сами похожи на призрак. Поэтому вполне понятно, почему вас тянет к ним так, словно вы знаете их лично».

Услышав мои слова, он рассмеялся, только я точно не знаю почему — над моими словами, или над моей дерзостью. Мне бы хотелось спросить его об этом, но в этот момент открылась дверь библиотеки, и на пороге появился мистер Бёрк, библиотекарь. Мне ничего не оставалось, как попрощаться с незнакомцем, но я была уверена, что еще не скоро забуду, как его усы скользнули по моей коже, когда он припал губами к моей руке. Я повторяла себе снова и снова, что бесполезно думать о нем, что мы больше никогда не увидимся. Но я ошибалась. На следующей неделе, когда меня снова отправили в библиотеку Марша, я снова увидела его, на этот раз в самой библиотеке. По его словам, он провел пару часов, беседуя с директором о вопросах управления делами. Я была поражена, когда во время обеда в ресторане отеля «Грэшем», куда он пригласил меня, он рассказал, что решил сделать щедрый взнос библиотеке в обмен на то, чтобы ему разрешили изучать любые интересующие его документы.

— Вы хотите сказать, что в какой-то мере он подкупил директора, чтобы похозяйничать в библиотеке в свое удовольствие? — спросил Александр, удивленно вскинув брови. — Иначе, зачем выступать с подобным предложением, если речь идет о публичной библиотеке?

— Понятия не имею, — признала Рианнон. — Полагаю, у него были свои причины на это. Причины, по которым Ласло разъезжал из страны в

страну по следам легенд, в которые никто не верил, по которым он участвовал в торгах самых странных вещей, предлагая за них невероятные суммы. В тот день я была слишком очарована им, чтобы думать о его странном поведении. Он казался воплощением моих мечтаний о прекрасном принце... и выглядел таким же увлеченным мною, как и я им. В течение того года мы виделись почти ежедневно. Я по-прежнему работала у Грина, но я делала все возможное, чтобы побыть с Ласло хотя бы немного. Должна отметить, что он всегда вел себя как настоящий джентльмен: встречал меня у библиотеки с букетами роз, возил на каретах, приглашал в лучшие рестораны, театры, оперу... Естественно, остальные сотрудницы Грина просто зеленели от зависти. Никто меня не поздравил, когда однажды утром я объявила, что пришла в последний раз, так как князь Ласло Драгомираски сделал мне предложение.

— И вы, разумеется, его приняли, — заметил Александр. Рианнон провела рукой по глазам, не в силах взглянуть на него. — Вам нечего стыдиться, Рианнон. Абсолютно нечего. Вы сами сказали, что были очень молоды и слишком влюблены. В том, что для джентльмена это была лишь игра, вашей вины нет. Если его, конечно, можно назвать джентльменом после того, как он нарушил данное вам слово.

— Вы не понимаете, профессор, — запротестовала Рианнон. — Ласло не... не собирался бросать меня после того, как ... я стала принадлежать ему. Я была ему нужна вовсе не для того, чтобы весело провести время и потом бросить. Он действительно собирался жениться на мне. Более того, он хотел сделать это как можно скорее, и именно я тогда сказала, что нет необходимости так торопить события, как бы мы не хотели создать семью. Меня немного пугали обуревавшие нас чувства, и ничего страшного бы не случилось, отложи мы свадьбу на пару месяцев. Но, как вы уже догадались, именно он в итоге пошел на попятную. Клянусь, я до сих пор не понимаю, что привело его к принятию такого решения. Мы были очень счастливы, профессор, так, как могут быть счастливы мужчина и женщина, убежденные в том, что созданы друг для друга. Все, что я могу добавить, так это то, что однажды он пришел ко мне с таким лицом, словно собирался на поминки. Он даже не захотел пройти в гостиную. Каким-то чужим голосом он сказал, что мы не можем продолжать наши отношения, быть вместе. Что больше не можем быть вместе... во всяком случае так, как мы планировали. Думаю, нет смысла объяснять, как я себя тогда чувствовала, вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы представить это. Я помню, что рыдала, как мне показалось, несколько часов, а он просто обнимал меня, не в силах сказать хоть слово. Я потребовала объяснить мне,

что я такого сделала, в чем разочаровала настолько, что он больше не хотел со мной быть? Когда, в какой момент он осознал, что у нас нет будущего? Я бы предпочла, разумные доводы, какими бы ужасными они ни были, чем его неспособность объяснить мне все как есть, которая причинила мне гораздо больше страданий, чем любая из возможных причин. А самым странным было то, что если я чувствовала себя совершенно разбитой, то он казался таковым еще больше. Передо мной был мужчина, смертельно раненый в неизвестной мне битве. *«Я делаю это не из-за себя, szerelmem(любовь — венгерский)»*, — лишь прошептал он, обхватив мое лицо ладонями. — *«Если бы это зависело от меня, ничто не осчастливило бы меня так, как возможность связать мою судьбу с твоей. Моя жизнь никогда не будет такой, как у остальных людей, я никогда не смогу жить согласно моим желаниям. Как бы это ни было тяжело, я вынужден думать о том, что останется в этом мире после меня, о моем наследии»*.

— Единственное, что мне приходит в голову, — сказал Александр, не сводя взор с опечаленного лица Рианнон, — так это то, что еще до знакомства с вами князь уже был женат на леди Альмине, английской аристократке, о которой нам говорила мисс Стирлинг.

— Нет, — вполголоса ответила Рианнон. — Я знаю, что дело не в этом. В жизни Ласло Драгомираски не было других женщин. Я ничего не знаю об этой Альмине, ни о том, когда он с ней познакомился, но это точно должно было быть вскоре после того, как он оставил меня. По словам мисс Стирлинг, его сыну Константину не больше семнадцати лет.

Последние слова словно увязли в гортани Рианнон, и Александру легко было догадаться почему: у несчастной женщины разрывалось сердце от упоминания столь юного возраста, почти такого же, в котором Эйлиш суждено было умереть.

— Как вы думаете, — осторожно начал профессор после паузы, — князь Драгомираски мог узнать о том, что вы ждали дочь? Существует ли в Венгрии закон, согласно которому титул переходит первенцу, даже если это девочка?

— Не знаю, профессор. Но мне сложно поверить, что причины были в этом, разве что Ласло обладал даром предвидения, либо кто-то предсказал ему нашу дальнейшую судьбу. Ведь даже я еще не знала о своем положении, когда он покинул меня в тот день. Тогда мне остались только воспоминания, или, по-крайней мере, мне так казалось первые несколько недель, пока я не поняла, что внутри меня растет крошечное существо. Мне еще не исполнилось и двадцати одного, я была совершенно одна в Дублине, у меня по-прежнему не было близких, которые могли бы мне

помочь, я знала, что если не вернусь в книжный магазин, то моих скудных сбережений хватит ненадолго. Так что через месяц после ухода из Грина, мне пришлось вернуться туда, склонив голову, выслушивая издевательство работниц. Это они еще не знали о моей беременности, впрочем, мне бы не удалось долго скрывать свое состояние с помощью свободной одежды. Это были самые тяжелые месяцы в моей жизни... К счастью, в конце концов, судьба сжалилась надо мной. И сделала она это с помощью человека, которого я знала очень давно и с которым у меня всегда было полное взаимопонимание, но я никогда не обращала на него внимания как на мужчину, так как он был примерно того же возраста, что и мой отец. Речь идет о Кормаке О'Лэри, старом друге моих хозяев, который всегда навещал нас, когда бывал в столице. Мы отлично проводили с ним время, беседуя о Уильяме Шекспире, Шеридане ле Фаню, Оскаре Уайльде, пока другие работницы Грина искали запрошенные им книги. Он был истинным джентльменом, как и Ласло, хотя ему не хватало харизматичности и индивидуальности последнего. Одним декабрьским вечером, незадолго до Рождества, он вошел в магазин за несколько минут до закрытия. Я сидела на заднем крыльце и горько плакала, и, полагаю, Кормак услышал меня, потому что, встревожившись, толкнул дверь. Я до сих пор не знаю, что сподвигло меня рассказать ему все, возможно, ощущение отчаяния, что мне уже нечего было терять в этой жизни, и уже было неважно, если еще кто-то обвинит меня в недостойном поведении. Но Кормак О'Лэри никогда этого не сделал, профессор Куиллс. Я помню, что пока я сбивчиво говорила, он сидел рядом, держа меня за руки и не сводя глаз с моего лица. Узнав о том, что со мной произошло, он помолчал и сделал мне невероятное предложение, особенно, если учесть, от кого оно шло.

«Я всегда мечтал о своей собственной семье, но уже давно оставил попытки ее создать. Мне пятьдесят пять лет, у меня есть замок, который превратился лишь в эхо своей былой славы и пара участков земли, которые позволяют мне достойно жить. Я понимаю, что по сравнению с тем, что мог бы тебе предложить венгерский князь, это может показаться чем-то совсем незначительным, но, если, все-таки, перспектива провести остаток своих дней рядом со мной, не покажется тебе слишком удручающей...»

«Но... — пробормотала я, не веря, что он говорит серьезно, — но вы никогда не любили меня, мистер О'Лэри, и прекрасно знаете, что и я вас не люблю...»

«Разумеется, я знаю это, — ответил он с печальной улыбкой. — Я даже не думаю соперничать с воспоминаниями о человеке, про которого

ты мне рассказала. Я не могу дать вам любовь, которую ты познала рядом с ним, Рианнон, но я могу дать тебе мою защиту, мою фамилию и обещание, что, ни ты, ни твой ребенок никогда не будете ни в чем нуждаться. Единственное, о чем я прошу взамен, это позволение создать вместе с вами семью».

Что еще мне оставалось делать? Какая женщина откажется от подобного предложения? Я не горжусь своим согласием на предложение Кормака, так как на тот момент это был единственный для меня выход из создавшегося положения. Чего я не знала, когда он привез меня в Киркёрлинг много лет назад, так это того, что со временем я полюблю его так же сильно, как когда-то любила Ласло, хоть и немного по-другому. Я и представить себе не могла, что выйду замуж за человека, который любил книги так же сильно, как и я, что так же как и я, считал их одним из основных источников счастья. Если бы кто-то сказал бы мне подобное, когда я еще училась в школе, то я бы не поверила, что это возможно, что в мире нет похожих на меня людей. За все время нашего брака я ни разу не пожалела о своем решении принять предложение. Для меня Кормак стал скорее отцом, чем мужем, лучшим другом, человеком, который был рядом в самые трудные моменты моей жизни. Он почти разрыдался от счастья, когда повитуха положила ему на руки Эйлиш со словами: *«Господин, вот ваша дочь. Чудесная девочка!»*. Вы даже представить себе не можете, как я благодарна богу за то, что он направил ко мне Кормака, и за то, что он забрал его до того, как на нас обрушилось такое несчастье.

Александр помолчал немного и взял Рианнон за руку.

— Я знал, что вы сильная женщина, — тихо сказал он, — но не думал, что настолько. То, что вы сделали для Эйлиш, делает вам честь, Рианнон.

— Разве имеет теперь значение то, что я сделала для Эйлиш, если через несколько часов ее жизнь оборвется, словно она какая-то преступница? Вы правда думаете, что хорошая мать будет сидеть сложа руки, как это делаю сейчас я? С тех пор, как умер Кормак, я делала все возможное, чтобы защитить Эйлиш, но я все сделала неправильно, ужасно неправильно. Вы были правы, когда говорили, что я ничего не добьюсь, разлучая мою дочь с мистером Сандерсом. Если бы я приняла их помолвку, то этой трагедии можно было бы избежать. Но меня приводила в ужас вероятность повторения моей истории, что мужчина может воспользоваться ее доверием и невинностью, а потом бросить...

Звук шагов заставил ее замолчать. Александр обернулся, услышав, что кто-то бегом поднимается по лестнице, зовя Рианнон голосом, эхом отражавшимся от спирально закрученных стен. Вскоре они увидели

запыхавшегося Лайнела.

— Наконец-то я вас нашел, Рианнон, — прерывисто проговорил он и подошел к молитвенной скамье. — Я понимаю, что вы сейчас разбиты, но мне необходимо, чтобы вы прошли со мной в библиотеку.

Рианнон вытерла слезы со щек.

— В библиотеку, мистер Леннокс? можно поинтересоваться, зачем?

— У меня нет времени на объяснения. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что я обнаружил нечто важное про вашу банши.

— Она дала о себе знать?

— Нет, этой ночью ее не было слышно. То, что я нашел, связано, скорее, с кланом О'Лэри, чем с ней, хотя я все больше и больше убеждаюсь, что их судьбы неразрывно связаны.

Александр никогда не слышал, чтобы Лайнел был настолько серьезен.

— Боюсь, я ничего не поняла, — сказала Рианнон.

— Идемте со мной, — позвал Лайнел и пошел вниз по винтовой лестнице, Рианнон и Александр пошли следом. — Вы должны нам кое-что разъяснить прежде, чем мы продолжим поиски.

[1] Библиотека Марша — старейшая публичная библиотека Ирландии . Знаменитый Джонатан Свифт многие годы был настоятелем собора и управляющим Библиотекой . А сама она была основана в 1701 году архиепископом Нарциссом Маршем .

[2] Каслнок — пригород в Ирландии , находится в графстве Фингал (провинция Ленстер).

Глава 33

Они быстро спустились по сбитым ступеням, держась за стену, и прошли в библиотеку.

— Я несколько дней размышлял над этим делом, — торопливо проговорил Лайнел, пока они шли по коридору, оставляя за собой пару рыцарских доспехов, — но со всем, что произошло за эти недели в Дублине, у меня не было времени расспросить вас. Теперь же все видится мне таким ясным, что дал бы руку на отсечение за то...

— Не будь столь высокопарным, — предупредил его Александр, следом за другом поворачивая за угол вместе с Рианнон. — Во всяком случае, до тех пор, пока не объяснишь нормально, о чем ты.

— В тот день, когда в Маор Кладейш прибыли трое гостей и пока все ждали мисс Стирлинг, я остался в спальне, изучая книгу по геральдике, которую дала мне Эйлиш. Я хотел выяснить кое-что, связанное с прошлым

О'Лэри, но обнаружил, что в книге про них ничего нет! Ни одного упоминания!

— Что вы такое говорите? — удивилась Рианнон. — Как такое может быть, ведь О'Лэри всегда считался одним из старейших кланов в Ирландии.

— Для меня все это тоже не имело никакого смысла, — признал Лайнел, — но сколько бы я не перечитывал книгу, включая алфавитный указатель фамилий на последней странице, к разгадке я так и не приблизился. Обо всех остальных кланах приводилось множество информации, в том числе, изображения их гербов. Один из них привлек мое внимание: на нем были изображены корабль и лев...

За разговором они дошли до библиотеки. Лайнел распахнул дверь и отошел в сторону, позволяя пройти Александру и Рианнон. Вся комната была погружена во тьму, за исключением, стоявшего у окна стола, на который падал рассеянный лунный свет. Лайнел подошел к столу и зажег керосиновые лампы, продолжая говорить:

— Два дня спустя, в три часа утра, я решил зайти в спальню к мисс Стирлинг, причем вовсе не за тем, о чем подумали вы и судья Дрисколл, — поспешил защититься он. — Мы поговорили какое-то время, пока Эйлиш не начала кричать... я подошел к окну и увидел, что на витражах изображение того же герба с кораблем и львом.

— Точно такое же изображение есть на решетке пантеона О'Лэри, — добавил Александр. — Я обратил на него внимание, когда мы шли через кладбище.

— Вот именно, Александр. Именно это я и имел в виду. Но я не мог понять, почему, согласно книге, этот герб принадлежал О'Лэхари.

— Все очень просто, мистер Леннокс, несколько веков назад именно так назывался клан моего мужа, — пожав плечами, ответила Рианнон. — Это устаревшая форма фамилии О'Лэри...

— То есть О'Лэхари — это О'Лэри? — решил уточнить Александр.

— Совершенно верно, профессор. В этом нет никакой тайны. — Рианнон с усталым видом отодвинула от стола один из стульев и села. — Прошу прощения, что из-за меня вы так разочарованы, мистер Леннокс, но что есть, то есть. Мне очень жаль, что генеалогия О'Лэри не представляет никакого интереса.

— Вы очень ошибаетесь, — возразил Лайнел. — Я еще не закончил.

Рианнон слегка изогнула бровь. Александр и она следовали взглядом за Лайнелом, который подошел к одной из полок и пробежал пальцами по заголовкам на гэльском.

— За то время, которое мы провели в Маор Кладейш, я еще раз слышал

упоминание фамилии О'Лэхари, хотя тогда я еще не знал о связи между этими двумя фамилиями. Помните, когда вы позвали в замок Роса Уиверна, старого садовника, чтобы он разъяснил мне кое-что о землях, на которых стоит Маор Кладейш?

— Конечно, помню, — ответила Рианнон, опершись локтем об стол. — Как он мне потом рассказал, он замучался рассказывать вам о скульптурах.

— Именно о них и пойдет сейчас речь. Уиверн мне рассказал, что ваш супруг приказал поставить в саду статуи к вашему приезду в Маор Кладейш и что они представляли героинь основных ирландских легенд, — Рианнон кивнула и Лайнел продолжил: — Волосы одной из них украшал венок и она плакала. Я не помню, как ее звали, но она была кем-то вроде ясновидящей.

— Должно быть, это Фионнуала, — пояснила женщина. — Да, она действительно была ясновидящей, по крайней мере, так говорится в рассказанной Уиверном легенде. Почему вы про нее спрашиваете?

— Помните, Рианнон, эта Фионнуала не имела отношения к О'Лэхари?

— Сейчас, когда вы спросили, я припоминаю, что, кажется, слышала от Кормака что-то про его предка, у которого были какие-то дела с этой девушкой. — Рианнон устало провела рукой по лбу. — Человек по имени... Кейн... или Кейлан, или Кейран.

— Стойте, — вмешался Александр с блеском в глазах. — Что вы имеете ввиду, говоря про ясновидящую? Эта женщина обладала даром предвидения?

— В кельтской мифологии есть сотни похожих персонажей, — заверила его Рианнон, — столько, что я даже не помню имени этой конкретной женщины.

— Да, но если в основе *этой* легенды лежит какая-то реальная история...

— Я почти ничего о ней не помню. Единственное, что приходит в голову, так это то, что речь шла о норманнских войсках. Но почему вас так заинтересовала эта легенда? Разве вы сами не видите, что на этом острове их сотни?

— Подумайте немного, — настаивал Лайнел, поворачиваясь к ней лицом. — Вы и правда думаете, что не имеет никакого значения то, что та женщина обладала даром предсказывать будущее?

Именно это и привлекло внимание Александра. В уставших глазах Рианнон промелькнула искра интереса, переросшая в невероятное

волнение. Было почти слышно, как в ее голове соединяются кусочки головоломок.

— Боже мой, — произнесла, наконец, он. — Боже мой, возможно, в этом действительно что-то есть. Женщина, способная предвидеть будущее других людей... знать, что с ними произойдет, вплоть до момента их смерти...

— Некто, слишком дорого заплативший за предсказание гибели клана О'Лэхари, — закончил за нее Лайнел. — Настолько, чтобы превратиться в неприкаянную душу.

Рианнон поднесла руку к губам. Александр подошел к ней.

— Вы говорили, что ваш супруг очень интересовался этой темой. Вы не знаете, записывал ли он свои изыскания? Могла ли там быть информация о Фионнуале? Что угодно, письмо или дневник...

— Думаю, мы можем поискать среди его вещей, — предположила Рианнон, вставая и направляясь к полке, у которой стоял Лайнел. — Еще до нашей свадьбы, Кормак долгие годы посвятил изучению истории и фольклора Дублинского графства. Разумеется, в первую очередь его интересовало все, что связано с кланом О'Лэри. Я уверена, что его записи должны быть где-то здесь. Эйлиш могла часами сидеть, перелистывая их. — Она приподнялась на цыпочки, пробегая глазами корешки стоящих на верхней полке книг. — Была примерно дюжина книг с красным переплетом. О, вот они! — вдруг сказала она, остановившись у череды маленьких томиков на предпоследней полке. Рианнон сняла их с полки с помощью Александра. — Да, я убеждена, что это они и есть. Лучше нам устроиться поудобнее, так как потребуются немало времени, чтобы их просмотреть.

Они осторожно отнесли книги поближе к источнику света. Рианнон вернулась на свой стул, открыла первый том и почувствовала, как дрогнуло ее сердце при виде почерка Кормака О'Лэри.

— Боюсь, все это на гэльском, — разочарованно протянул Александр.

— Да, Кормак часто писал на нем. Он был страстным защитником своей земли и ее традиций. Не волнуйтесь, мне не трудно перевести все это для вас.

Рианнон быстро нашла нужный том. Третья книга была посвящена норманнским завоеваниям и среди записей промелькнуло имя Кейрана О'Лэхари. Лайнел и Александр сели рядом, Рианнон прокашлялась, прочищая горло, и начала читать:

« Из героических свершений О ' Лэри на протяжении всей истории , самым бесчестным было то , что произошло с Кейраном О ' Лэхари во

время норманнского нашествия в 1170 году . Он был одним из самых могущественных рыцарей своей эпохи , а Маор Кладейш при его жизни превратился в один из основных бастионов побережья . Его боялись и уважали на всем острове , а его родословную превосходили лишь кланы О ' Тулов и О ' Бирнов , с которыми он поддерживал хорошие отношения несмотря на существовавший между ними дух соперничества . Супруга Кейрана , Эйдин из клана О ' Брайенов , считалась красивейшей из всех .

Тем не менее , Кейран не был счастлив с Эйдин . Брак был заключен по любви , но со временем его чувства охладели , когда он понял , что жена не может подарить ему наследника . Разочарование , подкрепленное наблюдением за отпрысками его друзей , переросло в негатив по отношению к жене , которую он сослал на задворки собственного двора , заявив , что ничего не желает знать о женщине , не способной дать ему то , что любая другая женщина может сделать без малейших усилий . Эйдин плакала и умоляла , но слезы не трогали ее мужа , быстро нашедшего другой объект для обожания , которое он уже не был способен дарить своей собственной жене .

В то же время . в маленькой деревеньке у подножия Маор Кладейш жила девушка по имени Фионнуала — « чистая » . Ее отец и братья занимались ловлей рыбы , а девушка помогала матери с вышивкой , которой та славилась по всей округе . Однажды , когда Фионнуала стояла на берегу и махала рукой отплывавшему в море отцу и братьям , Кейран О ' Лэхари увидел ее из окна замка и заинтересовался девушкой . Он тут же приказал выяснить , кто она и как ее зовут , и , когда понял , что она из бедной семьи , решил познакомиться с ней как можно скорее . Тем же вечером , когда Фионнуала сидела у своего дома , хозяин Маор Кладейш появился верхом на великолепном черном жеребце . Ее природная осторожность растаяла перед льстивыми речами Кейрана , который был немало удивлен , обнаружив , что девушка не только красива , но и умна и нежна . Если изначально его намерения по отношению к ней не были столь чисты , то , в итоге , Кейран понял , что нашел женщину , о которой мечтал всю жизнь . Вопреки всем прогнозам и даже своим собственным желаниям , он влюбился .

Он был невероятно счастлив , когда понял , что девушка отвечает ему взаимностью . Но кое - что Фионнуала скрыла от него из страха , что Кейран может ее разлюбить . Еще в детстве она осознала , что обладает даром предвидения , и что образы , являвшиеся ей в сновидениях , рано или поздно воплощались в реальность . В тот момент , когда она увидела Кейрана , верхом спускающегося с холма , она сразу узнала в нем

рыцаря , с которым будет связана ее судьба . В течение последующих месяцев они виделись ежедневно при любой возможности , но девушка так и не призналась ему в своем даре , слишком боясь потерять мужчину , ставшего для нее центром вселенной .

Радость Кейрана была безмерной , когда , однажды ночью , она призналась , что вскоре подарит ему наследника , которого он уже отчаялся получить от своей законной супруги Эйдин . Кейран тут же распорядился , что Фионнуала должна занять законное место рядом с ним сразу после родов . Если и раньше он чувствовал искренние чувства к девушке , то теперь они превратились , прям таки , в безумную любовь .

Неожиданно в Маор Кладейш поступила информация о том , что на остров направлены войска Генриха II , короля Англии , герцога Нормандского и Аквитанского , графа Анжуйского . О ' Тулы и О ' Бирны подняли свои войска и Кейрану ничего не оставалось , как встать с ними плечом к плечу , чтобы отразить нападение , пока не стало слишком поздно . Он решил отправиться со своими людьми в Дублин , даже не попрощавшись с Фионнуалой . Кейран не хотел огорчать ее прощанием , но утром он с удивлением увидел ее посреди тропы , ведущей к городу . Когда О ' Лэхари остановил своего коня , девушка бросилась к его ногам и стала умолять не участвовать в битве .

— Что все это значит ? — спросил Кейран возвышающимся над войском голосом , — Что за нелепость ?

— Господин , этой ночью я видела сон , в котором все было окрашено красным цветом . Это была кровь ваших солдат . И ваша ...

— В этом нет никакого смысла . Отойди , пока мы не задела тебя .

Но Фионнуала словно не слышала его , она была в таком отчаянии , что не могла сдержатъ рыдания и ухватила за его облаченную в доспехи ногу .

— Я видела красное , господин ! Я знаю . что это означает ! Пожалуйста !

— Хватит ! — крикнул Кейран , в то время как паника овладевала его войском . Он бесцеремонно оттолкнул в сторону плачущую девушку , чтобы продолжить свой путь . — Я больше не собираюсь слушать эту бессмыслицу . Мы победим в этом сражении и , что бы ты ни говорила , это не изменит моего решения . И для твоего же блага , надеюсь , что твои слова не сбудутся . Я не буду с тобой церемониться , если твое поведение приведет нас к поражению .

До сих пор неизвестно , был ли Кейран побежден превосходящим по численности войском Генриха II или страхом , завладевшим сердцами его

солдат от слов Фионнуалы . Он покинул Маор Кладейш с двумя сотнями воинов , а вернулся лишь с дюжиной израненных людей , сгорающих от стыда за то , что не легли на поле боя рядом с товарищами . Несмотря на то , что из - за наступления норманнов владения О ' Лэхари сильно сократились , Маор Кладейш удалось сохранить . О ' Тулам и О ' Бирнам же пришлось укрыться в Уиклоуских горах [1].

Когда Фионнуала узнала , что Кейран остался жив , она разрыдалась , но , на этот раз , от счастья . Она выбежала из своего домика на берегу и помчалась к замку , желая броситься в объятия любимого , но тот встретил ее совсем не так , как она ожидала . Весь обратный путь в Маор Кладейш Кейран проделал в мрачных размышлениях о позорном поражении . Как только он увидел девушку , приказал двум своим людям схватить ее .

— Ведьма , твои слова приговорили нас к разгрому . Если бы ты не появилась перед нами в день отъезда , судьба О ' Лэхари и Ирландии была бы совсем иной . тебе нет прощения за то , что ты навлекла на нас такое несчастье .

— Я лишь рассказала вам о своем сне ! — попыталась защитить себя девушка , напуганная такой резкой перемене в отношении к ней Кейрана .

Но мужчина не собирался ее слушать . Не обращая внимания на ее рыдания , он приказал увести ее в Маор Кладейш и запереть в крошечной комнате . Единственным источником связи Фионнуалы с внешним миром стало отверстие в двери , через которое ей подавали еду и питье .

— Ты навсегда останешься здесь , — бросил ей Кейран через запертую дверь . — Жизнью заплатишь за гибель моих людей , но перед этим ты дашь мне обещанного сына . Скоро увидим , также ли красна твоя кровь как та , которую , как ты уверяешь , видела в своих снах в ночь перед сражением .

Четыре месяца спустя , после того , как Фионнуала провела всю ночь , крича от боли , служанка пришла в комнату Кейрана с ребенком на руках . Это был смуглый как мать мальчик , здоровый и энергичный , на котором совершенно не сказались ужасающие условия , в которых содержалась его мать . Хозяин замка взял его на руки и улыбнулся впервые за долгое время . Он направился в покои своей супруги Эйдин , которая всю ночь содрогалась , слушая издали страдания несчастной женщины , и передал ей ребенка .

— Вот сын , которого ты оказалась неспособна мне дать . Надеюсь , ты хотя бы сможешь его вырастить . С этого момента я приказываю тебе обращаться с ним так , как этого заслуживает мой наследник и будущий владетель замка . И чтобы никто , кому дорога жизнь , не смел

говорить о выносившем его в своем чреве демоне .

Чтобы ребенок никогда не узнал о Фионнуале , Кейран распорядился , чтобы ее замуровали в углу той самой комнаты , в которой несчастная провела последние несколько месяцев . На него не подействовали ни воззвания девушки , ни требования явившихся в Маор Кладейш за разъяснениями братьев — после визита никто и никогда их больше не увидел . Фионнуала исчезла с лица земли , словно ее никогда не было . В последние годы жизни Кейрана , оказавшейся , к несчастью для него , длинной , похоже , произошло нечто , всколыхнувшее его уснувшую совесть .

Немногочисленные родственники, оставшиеся тогда рядом с Кейраном, уверяли, что в течение почти десяти лет он по ночам бродил по Маор Кладейш с выпученными глазами и бледный как смерть. «Она все еще здесь, — бормотал он сквозь зубы, не обращая ни на кого внимания, — она все еще здесь и все еще видит красное? как и тогда. Она видит кровь на моих руках. Это была ее кровь!»

Никто не знал, что Кейран хотел этим сказать. Последнее, что он сделал перед смертью, был приказ построить в верхней части замка часовню, где он мог бы замаливать свои грехи. «Да хранит меня господь, ибо ни один из потомков О'Лэхари не сможет простить меня за то, что я навлек на наш дом наихудшее из всех несчастий, — были его последние слова. — Страх смерти может быть более могущественным врагом, чем сама смерть».

В библиотеке воцарилось полное молчание, когда Рианнон закончила читать записи мужа. Тишина, нарушить которую осмелился лишь Лайнел:

— Значит, Аннабель Лавлейс была права, написав в письме Августу, что банши может оказаться затерянной душой женщины, жившей в Маор Кладейш много лет назад, — еле слышно произнес он. — Ладно, полагаю, это сильно меняет ситуацию. Хотя мы и не продвинулись в наших попытках ее обнаружить, теперь мы, по крайней мере, знаем кто она.

— Какой смысл несут слова Кейрана «Страх смерти может быть более могущественным врагом, чем сама смерть?» — произнесла Рианнон. — Что же могло произойти с Кейраном О'Лэхари, чтобы он вдруг так раскаялся? Думаете, он увидел дух Фионнуалы?

— Или, по крайней мере, он ее услышал, — задумчиво добавил профессор. — Банши видели очень немногие. Насколько я знаю, один из ваших соседей, старик Кевин, уверяет, что видел ее собственными глазами в ночь смерти родителей вашего мужа, но нет никаких доказательств достоверности его слов. Хотя, если бы Фионнуала хотела

материализоваться, очень вероятно, что она сделала бы это перед Кейраном.

— Должно быть, мой муж ничего не знал об этом, — продолжила Рианнон. — Я имею в виду возможную связь между этой несчастной девушкой из XII века и банши, о которой написано столько легенд. Кормак был просто влюблен в легенды, истории и мифы. Если бы у него было хоть малейшее подозрение в том, что Фионнуала превратилась в нашу...

Прежде, чем Рианнон закончила предложение, всех присутствующих заставил вздрогнуть жалобный плач, донесшийся из сада. В последний раз его слышали десять дней назад, но еще не забыли, как этот звук леденит кровь. Несколько мгновений троица лишь, молча, переглядывалась.

У подножия замка снова зарыдала Фионнуала. И на этот раз все знали кому из клана О'Лэри предстоит умереть в ближайшие несколько часов.

[1] Уиклоуские горы — горный хребет Уиклоу протянут с севера на юг через 3 графства : от Дублина через Уиклоу в Уэксфорд . 1991 года территория Уиклоу получила статус национального парка .

Глава 34

— Эйлиш... — пробормотала Рианнон, хватаясь за край стола. — Девочка моя!

— Мы должны спуститься прямо сейчас! — крикнул Лайнел, толкая остальных к двери из библиотеки. — Если она в саду, мы можем попытаться войти с ней в контакт! Она единственная, кто может помочь нам выяснить кто убил Арчера!

Они почти кубарем сбежали по лестнице, пытаясь как можно скорее добраться до входной двери, и чуть не сбили с ног Мод, по-прежнему не обращая внимания на ее слова. Лайнел и Александр распахнули тяжелые створки дверей и все трое выбежали в наводнившую сад темноту.

Фионнуала продолжала плакать. Голос разносился ветром, как и в ту ночь, когда Лайнел пытался настигнуть ее, и окутывал троицу, словно живя своей собственной жизнью. Именно он лишил рассудка Кейрана О'Лэхари и парализовывал от страха его потомков. Дар предсказания, которым обладала Фионнуала, стал причиной страшного незаслуженного наказания, но не умер вместе с ней в стенах Маор Кладейш.

— Она плачет по моей девочке, — снова разрыдалась Рианнон. — Она знает, что мы не можем ее спасти!

— Еще не все потеряно, — слегка дрожащим голосом ответил Александр. — Да, она действительно говорит о чьей-то смерти, но... не

факт, что имеется в виду Эйлиш. Даже не обязательно, чтобы это был член клана. Ферчэр МакКоннал не был членом вашей семьи. Реджинальд Арчер тоже не принадлежал вашему клану. Они были приговорены, потому что хотели завладеть Маор Кладейш, но...

— Хватит сидеть сложа руки, — прервал его Лайнел. — Лучше нам разделиться, чтобы не пропустить ни одного закоулка. Если мы не сможем ее увидеть, будем ориентироваться на голос. Александр, возьми на себя склон, Рианнон, вам достается прибрежная полоса, а я пробежусь по задней части усадьбы.

Его собеседники кивнули и разошлись каждый в свою сторону, словно их разбросал все тот же ветер. Александр поправил очки и начал осторожно спускаться по тропинке, ведущей к входу в поместье. Над его головой пронесся стон, через секунду он услышал его вновь, но на этот раз, кажется, чуть впереди.

— Фионнуала, — тихо позвал он и, не уловив никаких колебаний в ее голосе, повторил почти крича: — Фионнуала, нам надо поговорить с тобой! Пожалуйста!

Рыдания почти сразу прекратились. Александр остановился посреди тропы и через несколько секунд снова услышал их. Он с трудом сдержал проклятия, когда понял, что Фионнуала не хочет им помочь. Он кружил по саду еще полчаса, но так ничего и не нашел. Она продолжала плакать, перемежая рыдания словами, которые профессор не мог разобрать, так как были, скорее всего, на гэльском. Наконец, разочаровавшись в поисках, Александр повернул назад и встретился с Лайнелом на том же месте. Мод выглядывала из освещенного фойе, слишком испуганная, чтобы оставаться одна.

— Ничего? — тихо спросил Александр. Лайнел покачал головой. — Именно так я и думал, — вздохнул профессор, — нет смысла и дальше бегать за ней.

— Полагаю, это все, что мы могли сделать, — ответил Лайнел. — Я себе чуть шею не свернул из-за разбросанных проклятой бурей сучьев.

Александр ничего не сказал. Мод нервно теребила в руках подол передника, переводя взгляд с одного мужчины на другого, но не смела расспросить их.

— Может, стоит еще раз попробовать задействовать твои машины? — вдруг сказал Лайнел. — Конечно, в прошлый раз они нам не особо помогли, но, похоже, что на этот раз Фионнуала в полном отчаянии. Почему бы нам снова не поискать ее прежде, чем станет слишком поздно?

— Если ты и вправду думаешь, что в этом есть смысл... — устало

проговорил профессор. — Хотя я уже начинаю думать, что все это бессмысленно. Какой смысл в том, что мы поняли кто такая эта банши, если она не хочет нам помочь?

— Никакого, — согласился Лайнел, — а самое главное, что убийца, кто бы он ни был, все еще на свободе.

Александр снова подумал об Эйлиш, одиноко сидящей в своей камере Килменхэмской тюрьмы в мучительном ожидании конца своих страданий, и ему захотелось кричать от бессилия и отчаяния. Оливер рассказал ему о своем посещении тюрьмы и о том, что Эйлиш тоже не знала, кто убил Реджинальда Арчера. Профессор вспомнил его слова о том, что Эйлиш рассказала о гостях своей матери благодаря контакту с их вещами и о своей убежденности, что никто из них не мог быть убийцей, так как она не увидела ничего темного в их мыслях.

И вдруг в его голове забрезжила какая-то идея. Внезапная вспышка прозрения, которая заставила его застыть на месте. Мысль была совершенно абсурдной, но кто знает...

— Лайнел, ты помнишь, что Оливер нам рассказывал про ощущения Эйлиш от визиток Арчера и Деланси?

— Ммм... не особо, — протянул его друг. — Кажется, что-то о том, что она не заметила никакой негативной вибрации.

— В случае с Арчером она увидела лишь цифры, что полностью отвечает тому, какое впечатление он на нас произвел. Но еще она сказала, что по отношению к Деланси, она почувствовала нечто совсем иное. Что-то теплое, похожее на любовь.

— И что? — удивился Лайнел. — Деланси сам нам рассказал, что помолвлен с богатой ирландской наследницей, но не может на ней жениться, пока не докажет, что клан Деланси ничуть не хуже ее клана.

— А тебе не кажется это достаточной причиной для того, чтобы убрать с дороги человека, мешающего его планам? Безумно влюбленный, готовый на все ради достижения своей цели... мог ли он удержаться от возможности избавиться от такого соперника как Арчер?

Лайнел понял, наконец, к чему клонит Александр, но, все-таки, доводы друга не до конца убедили его. Он нахмурил брови:

— Человек твердых принципов не посмел бы лишить другого человека жизни, но мы практически ничего не знаем ни о самом Деланси, ни о его моральных качествах.

— Он вполне мог это сделать, Лайнел, — настаивал профессор. Мод скрылась в недрах замка, и Александр заговорил быстрее. — Когда Деланси только прибыл в замок, все мы обратили внимание, насколько он

силен, несмотря на свою худобу. Ты помнишь, как он тащил свой багаж по лестнице, словно он ничего не весил? Разве он не мог с той же легкостью поднять голову статуи, которой ударили Арчера?

— А когда мы обнаружили Эйлиш рядом с телом Арчера, Деланси там не было, — продолжил Лайнел. — Он появился одновременно с Оливером и все мы решили, что он тоже пришел из замка. Но ведь он мог спрятаться в саду, чтобы быть уверенным в том, что труп обнаружит кто-нибудь другой, а ливень сотрет все возможные следы и отпечатки?

Профессор кивнул, но у Лайнела еще оставались сомнения:

— Признаю, что эта версия имеет право на существование, но это не игрушки, Александр. Мы говорим о таком серьезном деле, как обвинение в убийстве человека, который, может быть, виновен не больше нас с вами. Как мы можем появиться в Дублине со столь бездоказательным обвинением?

— Все, что угодно будет лучше, чем сидение сложа руки, пока до момента казни Эйлиш остаются считанные часы. Мы должны поговорить с Рианнон.

Лайнел сжал губы, но по лицу своего друга видел, что спорить с ним бесполезно. Он считал, что пробуждать пустые надежды несчастной матери будет слишком жестоко. Александр сделал несколько шагов в сторону океана.

— Куда она подевалась? Ты видел ее после того, как мы разделились?

— Нет, — пожимая плечами, ответил Лайнел. — Мы же решили поделить территорию на зоны, и я решил дать ей восточную часть Маор Кладейш, так как она наиболее открытая и там нет такого количества упавших веток.

— Пойдем скорее поищем ее. На рассвете мы должны вернуться в Дублин. Возможно, нам удастся добиться того, чтобы нас приняли в Килменхэме...

Лайнелу ничего не оставалось, как почти бегом последовать за ним через заросли вязов, отделяющие их от утеса, отодвигая руками свисающие ветки и перепрыгивая через поваленные деревья. За ними тенью следовал плач Фионнуалы, цепляясь за полуразрушенные скульптуры, запутываясь в проржавевших опорах старой беседки. Разросшаяся на заброшенных Уиверном участках сада трава словно обнимала ноги бегущих, но, оставив позади последнюю линию деревьев, они увидели лишь пустоту. Здесь крики бестелесной женщины почти затерялись в рокоте бьющихся о скалы волн.

— Вон она, — вдруг сказал Лайнел, показывая пальцем. — Похоже,

Рианнон тоже ничего не обнаружила. Очень странно, что она не вернулась к нам...

Внезапно он онемел. Александр тоже застыл. Оба почувствовали один и тот же узел внутри, когда увидели, что собирается сделать Рианнон, которая стояла к ним спиной на самом краю утеса, полностью погруженная в свои мысли.

— Нет... — еле выговорил Александр и пустился бежать к Рианнон, чувствуя, как сжимается его сердце. — Рианнон, отойдите оттуда! Там слишком скользко!

Их разделял лишь десяток метров, но казалось, слова едва достигают сознания женщины. Наконец, Рианнон их услышала и медленно повернулась, ее черное платье сливалось с ночной тьмой, необъятным морем за ее спиной. Видно было лишь ее лицо и белые брызги морской пены, непрерывно попадавшие на ее одежду.

— Рианнон... — повторил, останавливаясь Александр. Он боялся делать резкие движения, так как ее совершенно пустой взгляд пугал его. — Рианнон, пожалуйста, идите к нам. Вы должны вернуться...

— Я не могу перестать слышать ее, — пробормотала Рианнон, — она все знает, профессор...

— Успокойтесь, Рианнон. Я обещаю, что мы спасем вашу дочь. Мы с Лайнелом обнаружили вероятную версию происшедшего, которая поможет вызволить Эйлиш из тюрьмы. Не делайте глупостей...

— Вы сами сказали это... — продолжала Рианнон, — что банши провозглашает чью-то смерть, но это не обязательно должна быть моя Эйлиш...

— Но и не вы, Рианнон! — воскликнул Лайнел.

Женщина колебалась одно мгновение, пока соленый бриз, напоенный голосом Фионнуалы, запутывался в складках одежды и развеивал золотистые волосы Рианнон.

— Роксана, — вдруг произнесла она, вперившись взглядом в Александра. — Знаю, что вы меня поймете. Что не будете судить так, как другие. Вы бы сделали тоже самое, если бы у вас была возможность ее спасти. Ваша малышка — это лучшее, что у вас было.

— О чем она... — начал было говорить Лайнел, но Александр отодвинул его в сторону, не сводя глаз с Рианнон. Между ними словно образовалась невидимая связь, связывающая их взгляды; обещание возможного будущего, которому не суждено наступить.

— Это всего лишь смерть, — повторила Рианнон. — Прощайте, профессор Куиллс.

Александр бросился к ней, заметив, что она наклонила голову назад. Рианнон упала спиной к утесу, устремив взор к звездам, словно прощаясь с ними. Профессор успел обхватить ее руками, но вес падающего тела увлек обоих в пропасть, ноги Александра потеряли опору на скользких камнях. Он изо всех сил зажмурил глаза, чувствуя как в ушах звучит ветер и грохот волн за мгновение до того, как его голова погрузилась в морскую пучину. Удар об воду оказался таким болезненным, словно он упал на металлическую поверхность. Не смея открыть глаза, он крепко прижимал к себе Рианнон, но, в конце концов, бушующие волны отбросили их друг от друга.

Александр попытался оттолкнуться ногами, чтобы всплыть, но едва его голова выглянула над зыбкой границей воды, на него обрушилась новая волна и увлекла его на глубину, а вторая швырнула его об скалы. Он сражался с яростными течениями, и на мгновение ему показалось, что он коснулся платья Рианнон, но, протянув руку схватить его, ничего не нашел. «Воздух, — подумал профессор, чувствуя резь в легких, — *мне нужен воздух!*» Но где находится поверхность? Почему он не мог сориентироваться в какую сторону плыть? Он попытался поплыть вверх, но безрезультатно, море решило поглотить их обоих. Легкие разрывались от недостатка кислорода, руки Александра обессилели, ноги еле двигались. Когда он, наконец, смог открыть глаза, то удивился, что бурное клокотание воды с ее тысячами, миллионами пузырьков, не издавало никакого шума здесь, на глубине. Мир вдруг погрузился в тишину.

Александр медленно закрыл глаза. Он даже не почувствовал как открылись его губы, впуская воду в легкие, чтобы умолкнуть раз и навсегда.

Глава 35

Он почувствовал, что остановился на полпути между мирами живых и мертвых. Между раем и адом. Между землей и водой. Между всем и ничем.

«Алекс». Голос был едва слышен, он был похож на щекотание в ушах. «Алекс, *твое время еще не пришло*». Веки Александра вздрогнули, губы, из которых уже не исторгалось ни единого пузырька воздуха, задрожали, словно он пытался заговорить.

«Алекс, *мы тебя подождем. Мы ждали тебя все это время. Мы будем ждать тебя столько, сколько потребуется*». Кто же звал его здесь, в глубинах Ирландского моря?

Что-то приближалось к нему, Александр чувствовал движение воды, обволакивающей его словно саван. Что-то, теплее поднимающего и опускающего его течения. Почти такое же теплое, как и его собственное

тело. Он открыл глаза.

Вода вокруг была взбаламучена из-за его падения и Александр едва видел, но, все же смог различить нечеткий силуэт, очень медленно направлявшийся к нему сквозь воду и пузырьки воздуха. Бледная, неясная, почти прозрачная фигура, словно Александр смотрел на нее сквозь вуаль.

Сначала он подумал, что это Рианнон, но постепенно видимость улучшилась, и Александр разглядел каштановые локоны и волнистые складки красного шелка. *«Твое время еще не пришло, — шепотом повторила она. — У тебя еще остались незавершенные дела»*. Когда он, наконец, смог разглядеть завернутую в шелка сирену, то понял, кто это... Александр прерывисто вздохнул, причем он даже не задумался, почему может дышать под водой.

Он попытался заговорить с ней, всеми силами борясь за возможность сделать это, но голос, словно навсегда покинул его тело. Слишком взволнованный, чтобы двигаться, он смотрел, как фигура приближается все больше. Глаза, представшие прямо перед ним были все того же теплого древесного оттенка. Она посмотрела на него взглядом, излучающим мир и покой.

«Наконец ты можешь меня видеть . Все эти годы я была рядом с тобой . Каждый раз , когда ты сквозь слезы произносил мое имя , каждый раз , когда чувство вины заставляло тебя ненавидеть самого себя ... я была рядом с тобой , я умирала заново из - за невозможности дотронуться до тебя как раньше и сказать , что все в порядке , что тебя не за что прощать ».

«Беатрис, забери меня с собой, — отчаянно подумал Александр. — Я больше не могу без тебя. Я не хочу идти туда, где не могу быть вместе с тобой».

Вдруг он почувствовал, как невидимые руки подхватили его и направили вверх, к свету и шуму, наводнявшим мир над его головой.

«Ты никогда не был нашим якорем, Алекс, — услышал он словно внутри себя. — Ты — лучшее, что было в нашей жизни. Ты то, что дало смысл жизни моей и Роксаны. Наша судьба превратилась в твою, в момент нашей смерти и поэтому мы всегда будем рядом, что бы ни случилось, куда бы ты ни пошел, что бы ты ни делал».

Свет внешнего мира приблизился настолько, что Александр мог коснуться его поднятой рукой.

«Рядом с тобой всегда будут два ангела-хранителя, чтобы оберегать тебя, — пообещал ему голос Беатрис, — до твоего последнего вдоха... но сейчас ты должен вернуться, чтобы привести дела в порядок».

Не было необходимости спрашивать, о чем она говорила. Он даже не задумался откуда она знает то, что происходило с О'Лэри. Свет ослеплял его все больше, и ему пришлось зажмуриться, руки задвигались, прокладывая путь наверх.

«Только ты можешь ее спасти, — услышал он последние слова Беатрис. — Все еще есть время добиться справедливости. Ищи в Киркёрлинге».

В этот момент морская пучина разверзлась, чтобы вернуть Александра в реальный мир.

Глава 36

По иронии судьбы, возвращение в мир живых сопровождалось страшной болью, которая обрушилась на Александра, как только он открыл глаза. Все последствия падения, ушедшие в небытие, пока он находился меж двух миров, вернулись в его тело с такой силой, что он едва не потерял сознание снова. Его голова показалась над поверхностью, и воздух стал поступать в легкие так, словно в них вонзались сотни игл. *«Почему мне так больно? Что случилось с моим лицом? Почему у меня такое ощущение, что попадающая на него соленая вода словно сдирает заживо кожу?»*

Рядом с ним явно кто-то был и что-то кричал. Александр чувствовал его присутствие, но все никак не мог сфокусировать взгляд, окружающая его действительность словно плыла в тумане. Вдруг его встряхнули чьи-то сильные руки, и профессор застонал, когда его спина ударилась об скользкие, покрытые водорослями камни.

— О чем, дьявол тебя возьми, ты думал? — услышал он крик. Александр понял, что это Лайнел, приоткрыл глаза еще немного и увидел его искаженное ужасом лицо, прилипшие ко лбу черные волосы и такую же мокрую одежду, как и у него самого. — Поверить не могу, что мне все-таки удалось тебя вытащить! Я был готов поклясться, что ты...!

Приложив просто нечеловеческие усилия, Александр приподнялся на локтях. Он почти удивился, что вокруг по-прежнему было темно: над ирландским побережьем все еще царила ночь.

— Я был уверен, что ты погиб! — продолжал Лайнел, почти проглатывая слова. Никогда еще Александр не видел его таким напуганным. — Когда я выглянул с утеса и увидел, что тебя поглощают волны... когда твоя голова скрылась под водой, я подумал, что...

— Я был там, внизу, с ней, — смог, наконец, вымолвить Александр

— Ты о чем? — изогнул бровь Лайнел. — С кем «с ней»?

— Беатрис, — пробормотал Александр, с трудом сглатывая. — Наконец я смог поговорить с ней. Моя жена и дочь всегда были рядом со мной, все эти годы, прошедшие с момента их смерти. Ты и представить себе не можешь, как близок я был к тому, чтобы присоединиться к ним в ином мире..., но у меня еще остались незавершенные дела.

Он устало провел рукой по глазам, удивленный не исчезающей дымкой, которая не позволяла ему видеть дальше метра. Наконец он понял почему — на нем не было очков. Должно быть он потерял их, борясь с волнами и теперь они покоились на морском дне.

— Потрясающе, — буркнул он, — именно то, что надо для охоты на убийцу.

— Значит, ты действительно ударился головой, — заключил Лайнел. Он осторожно откинул голову Александра назад и с беспокойством осматривал его глаза, пока тот не начал вырываться. — Понимаю, что ты пережил кошмарный опыт, но сейчас ты должен отдохнуть.

— Разве ты не понимаешь, что я тебе говорю, Лайнел? Каждая минута нашего с тобой разговора отнимает минуту жизни Эйлиш! У нас все еще есть время, чтобы изменить ход событий! Мы должны держаться вместе, чтобы лицом к лицу встретиться с...

Его голос мало помалу умолк. Встревоженный Александр только заметил, что они были одни. Их окружало только море, волны которого все еще лизали их ноги. Кроме них двоих рядом никого не было.

— Где Рианнон? — спросил он, оглядываясь вокруг, и чуть не закричал от боли в шее. — Куда она ушла, Лайнел?

Молодой человек приоткрыл было рот, но не смог произнести ни слова. Взглянув ему в глаза, Александр понял, что произошло. Подтвердилось его мрачное предчувствие. Он встал и увидел тело, лежащее в нескольких метрах от него. Оно все еще было доступно волнам, которые, накатывая, ласково накрывали его легким водяным покрывалом и снова уходили в море. Рианнон лежала под звездным небом на спине с закрытыми глазами. Одна рука лежала на груди, вторая покоилась на камнях, черное платье превратилось в лохмотья. Лицо покрывали глубокие раны, спутанные волосы запятнаны кровью. Профессор склонился над неподвижным телом, подавляя крик боли.

— Я ничего не смог для нее сделать, — прошептал Лайнел и встал рядом на колени, грустно покачивая головой. — Она была уже мертва, когда я спустился к скалам. Думаю, она продержалась в воде лишь пару секунд. Надеюсь, она хотя бы не страдала...

Александр промолчал. Он осторожно завел свою ладонь под затылок

Рианнон и положил ее голову к себе на колено. Отведя руку, он увидел, что его пальцы в крови. Ее лицо не выражало боли, лишь покой.

— О чем она думала? — тихо спросил Лайнел. — Кончать жизнь самоубийством из-за того, что не смогла спасти свою дочь, не убедившись в том, что ее действительно повесят...

— Это вовсе не было самоубийством от отчаяния, — ответил Александр. Он провел рукой по лбу Рианнон, убирая с лица, прилипшие к израненным щекам мокрые волосы. — И даже не проявлением трусости. Думаю, она была убеждена, что банши заявила о новой жертве. Об одной жертве, которая должна умереть этой ночью. Скорее всего, она решила, что если пожертвует собой ради Эйлиш, то, в конце концов, произойдет что-то, что помешает ее повесить. Она отдала жизнь, чтобы спасти дочь.

Окинув взглядом изорванное платье Рианнон, он заметил, что рука не просто лежала на груди. Пальцы инстинктивно сжимали серебряный медальон. Александр поколебался немного и высвободил медальон. Крохотная защелка сломалась, вода попала внутрь и повредила миниатюру Ласло Драгомираски, смазав черты его лица. Профессор расстегнул цепочку, снял медальон и положил в карман, пока изображение не размыло еще больше.

— Помоги мне, Лайнел, — попросил он. — Мы должны перенести ее в другое место.

Вдвоем они смогли поднять тело Рианнон, хотя это усилие вызвало новую волну сильнейшей боли в руках Александра. В нескольких метрах находилась спрятанная меж скал маленькая пещера, о которой говорила Эйлиш, вернувшись с Оливером в Маор Кладейш. Она вполне годилась на то, чтобы временно поместить туда тело Рианнон, пока они не смогут поднять его наверх. Внутри была маленькая лампа и деревянный тубус для хранения рисунков. Выбрав самое сухое место, мужчины осторожно положили туда Рианнон и постояли немного, молча глядя на тело.

— Это Деланси, — сказал, наконец, Александр, встряхнув головой, словно пытаясь пробудиться ото сна. — Лучше бы нам поторопиться, Лайнел.

— Ты снова за свое? — пожаловался друг. — Слушай, я понимаю, что ты пережил сильнейшее потрясение, но мы не можем вернуться в Дублин и предъявить обвинения человеку в преступлении, которое он совершил разве что в твоём воображении. Не то чтобы я не верил в твой рассказ, Александр, но если ты предстанешь перед судьей Дрисколлом без доказательств...

Но Александр был непреклонен. Они слишком далеко зашли.

— Нет необходимости возвращаться в Дублин. Беатрис сказала мне кое-что, прежде чем я вышел из воды... «*Ищи в Киркёрлинге*». Думаю, Деланси вернулся сюда. Возможно, ему надо с чем-то разобраться, — он схватил Лайнела за руку и потащил к выходу из пещеры. — Есть только один способ выяснить это.

— Что ж, остается надеяться, что ты прав и, что твоя встреча с женой это не просто галлюцинация, — предупредил его Лайнел, кивая в сторону занимавшегося на горизонте рассвета. — В противном случае, это последнее утро Эйлиш.

Глава 37

Тот же самый рассвет медленно проникал сквозь прутья решетки на окне, словно скользкие пальцы, желающие пробежать по ее телу прежде, чем она достанется палачу.

Казалось, ночь длилась целый век. Эйлиш всю ночь просидела в одной и той же позе — опершись спиной о стену и уставившись глазами на железную дверь, отделяющую ее от свободы. В течение последних нескольких часов ее одолевала такая буря самых разных эмоций, что к утру, девушка была слишком опустошена, чтобы о чем-то думать. Она едва смогла поприветствовать мать Агнес и сестру Кэтрин, вошедших в камеру ровно в девять, вооруженные Библиями и пытающиеся выглядеть душещипательно, но встревоженный взгляд сестры Кэтрин не оставлял надежды. Эйлиш хотелось броситься ей в объятия и разрыдаться, но все, что она смогла, так это спросить, что ее ждет после того, как все закончится.

Эйлиш все бы отдала, чтобы остановить калейдоскоп страшных картин в воспаленном мозгу. Глаза щипало от недосыпа, но в воображении по-прежнему представляли сцены того, как килменхэмские стражники берут ее на руки, освободив шею от веревки, несут во двор тюрьмы и хоронят там вместе с остальными казненными преступниками. Было странно думать о том, что через пару часов произойдет с телом, которое все еще подчинялось ей.

Мать Агнес тихо бормотала «*Ave María*» и «Отче наш», но Эйлиш не в состоянии была ее слушать. А если ее не похоронят? А если ее тело отдадут медицинскому факультету для препарирования, как это произошло в одном из прочитанных ею романов? Что будет с ее матерью, если она не сможет взять ее с собой в Киркёрлинг, чтобы иметь возможность, хотя бы орошать слезами ее могилу? Она дрожала, воображая над своим телом сотни и сотни студенческих лиц, наблюдающих, как преподаватель вонзает

в нее свой скальпель. До сих пор никто никогда не видел ее раздетой, даже Оливер...

Она сглотнула и закрыла лицо руками. Все, хватит, она сойдет с ума, если продолжит в том же духе. Сестра Кэтрин заметила ее реакцию и, пока мать Агнес продолжала свои монотонные молитвы, подошла, села рядом и обняла девушку за плечи. Ее рука на мгновение вошла в контакт с кожей Эйлиш: праведные дни, безупречный головной убор, крошечные вышитые одежды для сирот и далекое воспоминание о юноше, выбравшем другую и которого Кэтрин хотела забыть, спрятавшись за монастырскими стенами. Эйлиш хотела было преклонить голову на ее плечо, но услышала знакомый звон ключа по ту сторону двери.

Появился мощный силуэт одного из стражников. Сердце девушки перевернулось, увидев, что тот явился не один: его сопровождал начальник тюрьмы, двое сотрудников, которые работали с ней, капеллан, который должен был оставаться рядом с ней во время казни и еще один, незнакомый ей человек. Палач? Это его руки затянут вокруг ее шеи веревку?

— Время пришло, — объявил начальник, пока его подчиненные подходили к девушке. — Надеюсь, вы хорошо отдохнули, мисс О'Лэри? Как вы себя чувствуете?

Он спросил об этом так, словно они встретились у дверей ее дома и собирались в театр. Наверняка, это был стандартный вопрос, который начальник тюрьмы задавал сотням узников. Эйлиш не знала ни как смогла подняться на дрожащие ноги, ни как ей завели руки за спину, чтобы связать запястья веревкой. Жесткое трение вернуло ее к реальности (женщина, убившая собственную сестру, другая, практиковавшая аборт в подвале недалеко от порта, парень, укравший часы), но все, что она сделала, это с испугом посмотрела на монахинь. Обе встали рядом с ней, сестра Кэтрин беззвучно плакала, а мать Агнес заверила, что они пойдут в часовню помолиться за ее душу.

Когда осталось совсем немного до полудня, начальник тюрьмы отошел в сторону, чтобы Эйлиш вывели из камеры. Девушка медленно пошла под конвоем вслед за служащим по тому же коридору, по которому накануне ее вели в зал суда. Дальше к удивлению Эйлиш, маршрут изменился. Они пошли не вниз по железной лестнице, а повернули и пошли по другому коридору, который упирался в двойные двери. Здесь ее остановили, и она спросила сопровождающих, что происходит. Разве судья Дрисколл не приговорил ее к казни перед зданием тюрьмы? Почему ее остановили, если она не ошибается, на том же этаже, где была ее камера?

Ответ она узнала, как только распахнули двери. Она узнала, как только полуденный свет ослепил ее, и Эйлиш поняла, что находится на балконе, расположенном на главном фасаде Килменхэма, прямо над барельефом с пятью змеями, венчавшим вход в узилище. Шум, который она слышала, идя по коридору, оказался гулом тысяч голосов людей, собравшихся у дверей тюрьмы, чтобы посмотреть, как повесят убийцу Реджинальда Арчера. Огромный двор превратился в кипящий котел из мужчин, женщин и детей, а прутья решетки, окружавшей Килменхэм, едва были видны из-за повисших на ней мальчишек. Когда дублинцы увидели, наконец, преступницу, о которой говорили все газеты, раздался оглушительный рев толпы.

Оглушенная Эйлиш видела все и ничего одновременно. Она окинула взглядом бушующее море открытых ртов, бросающих в нее обвинения и оскорбления; люди начали хлопать в ладоши, предвкушая грядущее зрелище. Вдруг ей удалось вычленить из бурлящей толпы два знакомых лица, одно из которых она меньше всего хотела бы увидеть. Оливер изо всех сил пытался пробраться к балкону, но его попытки были почти бесполезны, чтобы он ни делал, сдвинуть с места огромную массу зевак было практически невозможно. Кто-то дергал юношу сзади, пытаясь его удержать — это был его друг Август. Эйлиш резко выдохнула.

«Нет, — подумала девушка, чувствуя, как внутри поднимается паника в тот момент, когда они встретились взглядами. — Я не хочу, чтобы ты это видел, Оливер! Уходи, пока не поздно!»

Почувствовав удар в лицо, Эйлиш вскрикнула, а толпа взорвалась новой волной воплей. В девушку начали швырять самыми различными предметами и камень попал прямо в щеку.

Она обернулась в сторону агрессора и онемела, узнав мать Майкла Эша недалеко от балкона с улыбкой, искажающей пересохшие губы и мстительным блеском в глазах. Один из приставов подал сигнал охранникам, стоящим у ворот Килменхэма, оттеснить толпу немного назад, чтобы освободить место под балконом. В глазах Оливера застыли слезы ярости и отчаяния, а Август пытался ему что-то втолковать.

В воспаленном сознании Эйлиш вдруг ясно всплыли обещания, которые Оливер шептал ей в пещере: *«Когда я произнесу твое имя после дождя, оно будет звучать по особому, — сказал он тогда, — словно все эти годы звук твоего имени хранился на моих устах в ожидании того, что его произнесут, наконец, в полный голос»*. Теперь она точно знала, что это были лишь мечты: он забыл ей сказать, что буря не будет длиться вечно.

Тем временем, Эйлиш слышала, как один из конвоиров начал что-то

громко говорить, но она была не в состоянии воспринимать его слова. Остальные, похоже, его все-таки услышали, судя по пробежавшему по толпе шепоту. Все затаили дыхание, увидев как палач взялся за конец болтающейся на ветру веревки, чтобы обернуть ее вокруг шеи приговоренной к смерти.

Буря совершенно диких ощущений обрушилась на девушку так, что она едва не потеряла сознание. Словно весь животный ужас тех, кто был повешен этой самой веревкой, сконцентрировались в каждой ее частичке: грабитель, застреливший в упор хозяина обчищаемого им дома; мужчина, изнасиловавший в порту шестилетнюю девочку... Парализованная своими ощущениями, Эйлиш снова нашла глазами Оливера, чувствуя, как горячие капли крови стекают из раны, нанесенной миссис Эш.

— Я люблю тебя... — произнесла она сквозь слезы. И снова шепот пронесся по множеству зрителей, а несколько человек, молодые женщины, начали вслух просить милосердия, многие другие пытались определить, кому были предназначены эти слова.

Палач слегка затянул петлю, и Эйлиш пришлось смотреть на оскорбительно чистое небо, так как веревка мешала снова склонить голову. Следующие несколько секунд длились, казалось, целую вечность, но вот, наконец, прозвучал лязг открывающегося под ее ногами люка, и тело провалилось в пустоту.

Ей не повезло, и шея не сломалась сразу. Вся кровь бросилась в голову, зубы при падении заскрежетали, в ушах стучал бешеный пульс, перед глазами стояла пелена. Она попыталась глотнуть воздуха, но ее легкие сжались, словно бумажные пакеты. Мир вращался вокруг и последнее, что она смогла различить перед тем, как ее поглотил этот водоворот, было улыбающееся лицо Оливера, целующего ее у подножия моря в Маор Кладейш, Оливера, все еще верящего, что сможет произнести ее имя после стольких дождей.

В тумане к ней приближался свет. Эйлиш видела, как он подбирается все ближе, накрывая ее ощущением покоя, которого она никогда не знала. Наконец, голоса стихли и осталась лишь тишина.

Глава 38

Александр и Лайнел потратили почти четверть часа, чтобы подняться по скалам наверх, но даже не остановились, чтобы перевести дыхание. Без слов они кинулись бежать вниз по склону в направлении к главным воротам Маор Кладейш. Они хотели добраться до поселения как можно быстрее, но вдруг столкнулись с человеком, которого совершенно не

ожидали увидеть на территории замка. В случае с Лайнелом, столкновение произошло в буквальном смысле, так как он чуть не сбил его с ног.

— Боже мой, мистер Леннокс! Вы, должно быть, очень спешите, раз сшибаете все на своем пути!

Не было необходимости вслушиваться в этот голос, чтобы узнать его обладательницу. Достаточно было ощутить знакомый аромат сандала, который словно источали ее волосы.

— Мисс Стирлинг! Что все это...? Что вы тут делаете?

— По-моему, это я должна у вас спросить, — ответила девушка. — Что-то случилось в замке? Зачем вы идете в Киркёрлинг?

— У нас нет времени на объяснения, — выпалил Александр прежде, чем Лайнел успел открыть рот. — Не хочу показаться грубым, но это дело жизни и смерти. Впрочем, я тоже не понимаю, что вас привело в Киркёрлинг.

Мисс Стирлинг протянула руку, показывая маленький чемоданчик из черной кожи.

— Я удивлена, что вы так быстро исчезли вчера из здания суда. Я подумала, что с вами что-то случилось и решила подождать снаружи, но встретила там только мистера Сандерса и мистера Уэствуда. Они рассказали мне, что вы решили вернуться в Киркёрлинг, чтобы попытаться найти доказательства невиновности мисс О'Лэри. Так что я решила зайти в отель за вещами и отправиться в Маор Кладейш. Я подумала, что вам может пригодиться моя помощь, — она пожала плечами. — Вы же знаете, что я тоже убеждена в том, что эта несчастная девочка не имеет никакого отношения к убийству Реджинальда Арчера.

— Премного благодарны, — ответил взволнованный всем происходящим Лайнел. — Но как вы сюда добрались? На дилижансе?

— Да, на одном из этих полуразвалившихся экипажей, которые останавливаются в каждой прибрежной деревне. К счастью, я была не одна — со мной приехал мистер Деланси.

— Что вы сказали? — воскликнул Александр. — Мистер Деланси? Мистер Деланси приехал с вами?

— Именно это я сейчас и сказала, профессор. Только не понимаю, почему вы так удивлены.

— Сейчас не время все это объяснять, дорогая мисс Стирлинг, но, возможно, вы сильно рисковали, — вполголоса добавил Лайнел. — Профессор Куиллс считает, что именно он убил Арчера.

Губы мисс Стирлинг удивленно округлились.

— Что за глупость? Как вы могли подумать, что такой джентльмен как

Деланси...?

— Давайте обсудим это позже! Скоро наступит утро и у нас больше не останется времени, — взорвался Александр, подталкивая Лайнела к выходу из Маор Кладейш. — Сожалею, мисс, но мы вынуждены вас сейчас оставить, так как не можем дать Деланси скрыться. Лучше вам сейчас пройти в Маор Кладейш, найти там Мод и попросить у нее что-нибудь горячее, чтобы прийти в себя после путешествия.

— Даже не мечтайте, — поспешила ответить она, бросая свой чемодан прямо у ворот и поправляя одежду, чтобы последовать за англичанам. — Вам не удастся отделаться от меня. Три пары глаз лучше, чем две.

«А четыре еще лучше», — подумал Александр, как никогда жалеющий, что остался без очков. Лайнел бросил искрометную улыбку в сторону мисс Стирлинг и взял ее под руку, следуя за бегущим со всех ног профессором. Девушка рассказала, что Деланси направился в «Золотой горшок» после того, как они расстались на рыночной площади. Зачем он туда пошел, она не знала.

Толкнув дверь паба, Александр к своей радости обнаружил, что тот открыт, несмотря на то, что еще даже не рассвело. Доннхад и Фиона сидели за столом и шепотом обсуждали что-то очень серьезное, судя по тому, как они чуть не подскочили на месте при виде визитеров.

— Профессор Куиллс! Мистер Леннокс! Какое совпадение!

— Мы как раз говорили сейчас о вас и мисс О'Лэри, — тихо сказала Фиона, затягивая на талии пояс халата. — Это правда, что Эйлиш приговорили к смертной казни? Во всем поселке только об этом и говорят...

— Деланси, — оборвал ее Александр. — Не останавливался ли у вас человек по имени Деланси?

Доннхад удивился еще больше и ответил:

— Нет, профессор Куиллс. Я тоже думал, что он заинтересован в ночлеге, но он искал вовсе не комнату. Он хотел как можно раньше поговорить с моей дочерью Джемимой. Она тоже вернулась в Киркёрлинг вчера вечером, — добавил он, заметив вопросительный взгляд Александра и Лайнела. — Ее привез торговец, направлявшийся в Грейстоунс на своей повозке. Она ничего не рассказала нам о суде, полагаю, слишком устала с дороги. Она закрылась в комнате, даже не поужинав.

— Но услышав, что в дверь стучит Деланси, чтобы поговорить с ней, она тут же встала, — добавила Фиона, — позвала его в нашу комнату и запретила их беспокоить, что показалось нам не совсем приличным. Если

честно, не понимаю, что могло быть таким срочным, чтобы поднять нас из постели среди ночи...

— Боюсь, мы знаем, в чем дело, — пробормотал Лайнел, взглянув на Александра. Не было смысла услышать что-то еще, чтобы убедиться в правоте друга относительно Деланси, а также для того, чтобы понять, что за дела у него могут быть с Джемимой. Александр посмотрел на лестницу.

— Наверху их уже нет, — предугадала его вопрос Фиона. — Деланси спустился буквально через пару минут, даже не извинившись перед нами за беспокойство, следом за ним вышла Джемима, надев шаль поверх ночной рубашки. Понятия не имею, куда они пошли, но вряд ли слишком далеко. Возможно, Деланси что-то забыл в Маор Кладейш, уезжая в Дублин для дачи показаний...

— Или же он должен выполнить свою часть сделки, — перебила ее мисс Стирлинг.

Лоулессы уставились на нее, удивленные странным акцентом и интонацией. Она же решила высказать все до конца:

— Теперь все сходится. Становится понятно, почему девушка вела себя подобным образом в суде. Если виновным был Деланси, то нет ничего странного в том, что он пообещал ей красивую сумму денег в обмен на обвинения мисс О'Лэри в преступлении.

— Что вы такое говорите? — ужаснулась Фиона. — Вы считаете, что моя сестра способна на... Вы думаете, она способна предать семью, которой служила, наговаривая на невиновную?

— Боюсь дело не в том, что мы думаем, мисс Лоулесс, — ответил Лайнел, грустно взглянув на девушку. — Вчера она сделала это при всех. Очень скоро вы узнаете об этом во всех подробностях. Я уверен, что газеты сейчас только об этом и пишут. Деланси разыграл превосходную партию.

— Не совсем превосходную, — прервал его Александр. — Правда все-таки вышла наружу. Я понимаю, что для вас все это ужасно, но нам нужна ваша помощь. Возможно, Джемима в опасности гораздо большей, чем она считает. Где они могут быть?

— Когда я выглянула за дверь после их ухода, мне показалось, что они направляются в Маор Кладейш, — буркнула девушка. — По-моему, они пошли через кладбище по тропе, которая идет от подножия холма.

Александр не стал дальше слушать. Жестом указав Лайнелу и мисс Стирлинг следовать за ним, он, поблагодарив Лоулессов за помощь, покинул «Золотой горшок». Отец и дочь, казалось, их уже не слушали, оглушенные новостями.

Троица снова пересекла рыночную площадь, вошли через каменную

арку на кладбище, где Александр остановился. Погост казался совершенно безлюдным, у подножия холма появилась тонкая оранжевая линия рассвета, но первые лучи солнца все еще не достигли территории кладбища. Мисс Стирлинг вздрогнула.

— Не то, чтобы я была против кладбищ, но одно дело приходить сюда при свете дня, и совсем другое — бродить по нему в темноте.

— Дайте мне руку, — сказал Лайнел, снова сжимая ее облаченные в перчатки пальцы. Его слова словно скрикнули от ближайших надгробных плит, нарушив гробовую тишину тревожным эхом. — Александр, здесь никого нет. Думаю, Фиона ошиблась. Не понимаю, какого черта могло тут понадобиться Деланси...

Он умолк, увидев, как Александр вскинул руку. Похоже, профессор что-то заметил, не смотря на свою близорукость. Он поднес палец ко рту и позвал спутников за собой по ведущей наверх, к Маор Кладейш, тропе. Когда они собирались завернуть за угол церкви, Лайнел хотел было спросить друга, какого черта он там увидел, но, вдруг, и сам увидел *это*. Мисс Стирлинг тоже. Все трое остановились, затаив дыхание.

Они увидели съежившуюся фигуру позади одного из четырех склепов, прилепившихся к одной из церковных стен. Из черной бесформенной массы торчали ноги, которые на первый взгляд казались частью одного из ближайших надгробий.

— Не двигайтесь, — почти беззвучно предупредил Александр. — Если это Деланси, у нас появилась возможность его задержать.

Но это был не Диармид Деланси. Подойдя почти вплотную, они узнали изгибы, угадывавшиеся под тканью сорочки и рыжеватую прядь волос, запутавшуюся в траве. Обойдя склеп, за которым находилось тело, они увидели обращенное наверх лицо Джемимы. Глаза были широко раскрыты, рот, не способный уже произнести ни звука, тоже.

— Это... это Джемима? — шепотом спросила мисс Стирлинг. — Почему она отдыхает здесь, да еще и в это время?

— Боюсь, она не отдыхает, — проговорил резко побледневший Лайнел. — Александр, скажи мне, что это всего лишь обморок. Поверить не могу, что...

Он умолк, когда профессор откинул в сторону один конец шали, прикрывавшей грудь Джемимы, и, несмотря на полумрак, все увидели глубокие красные линии, пересекающие шею девушки. Она была задушена, кто-то пережал ей шею и потом выбросил за склеп, чтобы ее не сразу нашли первые прихожане, пришедшие к мессе. Мисс Стирлинг прикрыла рот рукой и посмотрела на взволнованного Лайнела. Александр взяв руку

Джемимы, попытался нащупать пульс, но быстро понял тщетность своих усилий.

— Полагаю, ему пришлось избавиться от нее, — пробормотал он. — Похоже, мисс Стирлинг, вы не ошиблись — Джемима действительно договорилась о чем-то с Деланси перед заседанием суда.

— Он купил не молчание, а голос, — добавила девушка. — Он подговорил ее, чтобы та дала показания против мисс О'Лэри, а не против него, если, конечно, Джемима знала, кто убийца. Но, похоже, обуреваемая жаждой наживы, она сделала фатальную ошибку, посмея потребовав с Деланси большей компенсации.

Только Лайнел ничего не сказал. Он вспоминал голубые глаза, которые столько раз видел по утрам в своей постели. Устремленные на гаснущие на предрассветном небе звезды, они навсегда застыли с выражением ужаса. Он склонился рядом с Александром, закрыл Джемиме глаза и хотел что-то сказать профессору, как вдруг они услышали металлический звук, пронесшийся над кладбищем.

— Это где-то с той стороны, — сказала мисс Стирлинг, пока мужчины поднимались на ноги. — Кажется... кажется, Деланси там!

— Оставайтесь здесь, — приказал ей Лайнел и побежал вслед за Александром, — мы разберемся, даже не вздумайте приближаться.

Мужчины быстро поднялись по склону и примерно в двадцати метрах от кладбищенских ворот снова услышали металлический звук. Наконец, они поняли откуда он шел: Диармид Деланси тряс обеими руками ворота кладбища, граничащие с Маор Кладейш, пытаясь их открыть, при этом огромный навесной замок подпрыгивал и гремел. Видимо, ирландец услышал их приближение и понял, что деваться ему уже некуда.

— Любопытное время для прогулок среди могил, мистер Деланси, — поприветствовал его Александр, останавливаясь неподалеку от ирландца. Тот, подскочив, обернулся — бледный, потный, с вытаращенными глазами.

— И еще более любопытное для увеличения кладбищенского населения, — добавил Лайнел. — Полагаю, вы собой гордитесь. Неужели вам не хватило одного убийства?

— Я не понимаю... не понимаю о чем вы мне тут говорите, — промямлил Деланси. — Если вы про прискорбную смерть Арчера... то все мы пару часов назад присутствовали на суде над мисс О'Лэри, и, как мне кажется, все было яснее ясного...

— Эйлиш Ни Лэри была признана виновной из-за показаний, которые вы купили у девушки, снедаемой ревностью и амбициями, — выпалил Александр, сделав шаг навстречу Деланси. Ирландец попытался отступить,

но ему помешала ограда. — Она приговорена к повешению за совершенное вами преступление. И вы, как ни в чем не бывало, собирались сидеть, сложив руки пока ее казнят только из-за того, что вам захотелось получить Маор Кладейш. При этом был убит человек, которого сама миссис О'Лэри выбрала в качестве будущего владельца.

При упоминании имени Рианнон, профессор почувствовал укол в сердце, и ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. Деланси смотрел на них какое-то время, словно боролся сам с собой, пытаясь найти подходящее оправдание в свою защиту, но, в конце концов, сдался. Он с шумом, словно от боли, выдохнул.

— Думаете, я сделал все *это* ради Маор Кладейш? — заявил он почти шепотом. — Что я *убил* ради Маор Кладейш? Ради этой груды пыльных камней, — он махнул в сторону холма, — которая в любую минуту может рухнуть?

— Если честно, мистер Деланси, нас абсолютно не волнуют мотивы, по которым вы совершили все эти преступления, — грубо ответил Лайнел.

— А вот меня — да, — продолжил ирландец. — Волнуют, после того как я зашел так далеко..., после того, как я превратился в человека, которого я ненавидел всю свою жизнь.

Мисс Стирлинг нигде не было, Лайнел решил, что она вернулась в «Золотой горшок», чтобы рассказать о происшедшем Лоулессам. Он сделал шаг вперед, чтобы схватить Деланси, но ирландец крикнул: «Назад!» и вытащил из кармана своего тяжелого кожаного пальто оружие. Англичане остановились, встретившись лицом к лицу с дулом пистолета. Оружие дрожало в руках Деланси, но убить он все же мог.

— Назад, — повторил Деланси прерывающимся голосом, целясь сначала в Лайнела, а потом в Александра. — Клянусь, если сделаете еще хоть шаг, то пожалеете об этом. Не заставляйте меня добавлять ваши смерти в список моих грехов. У меня их и так предостаточно.

— Идиот, — тихо произнес Лайнел. — Вы понимаете, что лишь усугубляете свое положение?

Деланси снова повернулся к нему с пистолетом, который дрожал уже гораздо меньше.

— Вы, умники, — продолжил он, — наверняка вы не сразу нашли тело этой... этой служанки. Мне жаль, что пришлось от нее избавиться, но, уверяю вас, у меня не было выхода. Она оказалась более требовательной, чем мне показалось вначале.

— Джемима знала, что это вы убили Арчера, — сказал Александр.

— Она видела меня из окна на первом этаже замка. Все было именно

так, как она рассказала судье Дрисколлу, за исключением имени человека, преследовавшего Арчера. Почти сразу после того, как полиция увела мисс О'Лэри и я вернулся в свою спальню, Джемима постучалась ко мне и рассказала о том, что видела. Вы бы ее слышали! — Деланси потрянул головой со странным выражением смеси восхищения и отвращения на лице. — У нее ни разу не дрогнул голос, она совершенно не боялась того, что с ней может произойти то же самое, что и с американцем. Она знала, чего хочет, и знала, что никогда в ее жизни не будет более быстрого способа добыть хорошую сумму денег. Мне это почти ничего не стоило, но, думаю, что ей этого вполне хватило, чтобы начать новую жизнь на новом месте. Думаю, она хотела любым способом уехать отсюда.

На это раз Лайнел почувствовал укол, некое ощущение вины. Ничего из этого не произошло, если бы он не сказал тогда Джемиме, что не собирается брать ее с собой в Оксфорд.

— Но при виде столь успешного результата своего шантажа, девушке захотелось большего, — прокомментировал Александр. — И этой ночью, когда вы пришли к ней в паб ее отца, чтобы отдать заслуженную долю, она решила потребовать еще. Полагаю, более крупную сумму...

— И билет в Англию, — продолжил Деланси. — И если я не сделаю это в течение двенадцати часов, то она снова пойдет в Грин-стрит-Корт, чтобы опровергнуть свои показания. Думаю, что ей и в голову не пришло, что ее саму арестуют за лжесвидетельство под присягой. Она сходила с ума из-за денег, но я не мог позволить, чтобы ее алчность помешала моим планам. Мне пришлось избавиться от нее, пока ее вопли не привлекли внимания соседей. Я не собирался позволять какой-то прислуге с манией величия вовлечь меня в свои сети, но, что случилось, то случилось.

— Кое-что я все-таки не понимаю, — сказал Лайнел. Деланси повернулся к нему, глядя своими водянистыми глазами, держа пистолет все увереннее. — Арчер-то что забыл в саду той ночью? Зачем он вышел туда через окно первого этажа, в тайне от гвардейцев Королевской ирландской полиции, и пошел бродить по окрестностям Маор Кладейш?

— Понятия не имею, — вполне искренне ответил Деланси. — Все что я могу сказать, так это что, когда я выглянул из своего окна, то увидел как он кружит там словно пьяный или лунатик, — он помолчал, все больше подавляемый чувством вины. — Клянусь вам, что мне даже в голову никогда не приходили подобные вещи. Меня воспитали как доброго христианина, и до той проклятой ночи моя душа никогда не была в опасности.

— Зачем же вы это сделали, Деланси? — тихо спросил Александр. Он

не хотел этого признавать, но ему было даже жаль этого человека, который, как теперь было видно, вовсе не был заядлым грешником. — Зачем вы так предали самого себя? Хладнокровно убили...

— Это все... ради нее, — промолвил мужчина. — Ради Мэйб О'Брайен, любви всей моей жизни.

Никто из слушателей ничуть не удивился, Деланси переводил взгляд с одного на другого.

— В тот день, когда мне назначили встречу, чтобы выяснить сколько я готов выложить за Маор Кладейш, вы уже должны были понять, что я на все готов, абсолютно на все, чтобы заполучить замок и... банши. Потому что это был единственный способ убедить родителей Мэйб, что семья Деланси достойна породниться с ними. Мэйб считала, что призрак может помочь нашим отношениям и в нашу последнюю встречу заставила меня пообещать, что ради этого я не остановлюсь ни перед чем... и ни перед кем.

— Даже перед человеческой жизнью, — добавил Александр.

— Вижу, что вы меня поняли, профессор. Я знаю, что вы бы сделали то же самое, — кивнул ирландец и продолжил: — Убрав его, я бы добился того, что миссис О'Лэри выбрала меня следующим претендентом. Маловероятно, что она выберет мисс Стирлинг, учитывая, что она тогда о ней сказала. Впрочем, для меня не составило бы проблемы добавить в мой список еще одно преступление, и не важно, как я буду ненавидеть себя всю оставшуюся жизнь...

— Сукин ты сын, — прорычал вдруг Лайнел. Александр не успел его задержать прежде, чем тот накинется на Деланси. — Поверить не могу, что ты посмел бы...

Он замолчал, встретившись лбом с дулом пистолета: Деланси тоже поспешил сократить расстояние между ними.

— Не пытайтесь строить из себя героя, мистер Леннокс. Вы же не думаете, что я поверю, будто вы всегда так... так самоотверженны, когда дело касается женщин. Я вас уверяю, это совсем не то, что несчастная Джемима рассказала мне о вас, — он положил палец на спусковой крючок. — Мне очень жаль, что вы уже не сможете и дальше геройствовать перед дамой, которая лишила вас разума...

Лайнел открыл было рот, но ответить не успел. Прежде, чем Деланси закончил фразу, прогремел выстрел, сразу за которым последовал крик боли, и на лоб и щеки Лайнела брызнула кровь. Но кровь была не его. Шокированный Лайнел смотрел, как пистолет падает из рук Деланси на траву. Пуля попала в руку, и мужчина упал на колени, прижимая к груди

раздробленные пальцы. Обернувшись, он понял, что произошло. Солнце понемногу поднималось над морем, и первые лучи позволили увидеть мисс Стирлинг, приближающуюся к ограде кладбища. В руках она держала очаровательный пистолет с черепаховой рукояткой и выглядела такой спокойной, словно только что пристрелила лису на охоте.

— В чем дело? — удивленно спросила она, увидев их ошарашенные лица. — Думаете, Его Королевское Высочество отпустит меня в путешествие, не снабдив при этом необходимыми средствами защиты?

Александр не смог найти слов для ответа. Лайнел тоже, он лишь провел дрожащей рукой по лбу, чтобы стереть кровь человека, скорчившегося от боли у его ног. Не надо было быть специалистом, чтобы определить, что выстрел мисс Стирлинг лишил Деланси возможности пользоваться пальцами до конца жизни. До того момента, как он станцует свой последний контрданс на конце веревки.

Наконец, Александр и Лайнел заметили, что мисс Стирлинг пришла не одна. Они узнали инспектора Фитцуолтера, который, услышав выстрел, поспешил вытащить оружие, и двоих полицейских, которые присутствовали в Маор Кладейш в ночь убийства Арчера. Все трое подбежали, задыхаясь, и двое парней наклонились над Деланси и схватили его, заведя руки за спину, не обращая внимания на вопли от боли.

— Значит, это правда, — заключил инспектор Фитцуолтер. — Теперь я вижу, что это не были лишь выдумки мисс Стирлинг. Перед нами — убийца Реджинальда Арчера.

— Думаю, вы должны взять у него показания как можно раньше, — заметил Александр.

— Впрочем, мы можем помочь вам ускорить дело — он только что рассказал нам все от и до, так как думал, что сможет выйти сухим из воды. — Лайнел вытер руки об штаны. — Обожаю, когда преступники так делают. Очень предусмотрительно с его стороны.

Мисс Стирлинг улыбнулась, пряча под пальто черепаховый пистолет, и подошла к Лайнелу, чтобы вытереть ему лоб своим шелковым платком. Вдруг что-то отвлекло всеобщее внимание: послышались суматошные голоса и причитания с противоположной стороны кладбища. Фиона с отцом выбежали из «Золотого горшка», услышав звук выстрела и, войдя на территорию кладбища вместе с несколькими соседями, обнаружили тело Джемины. Было слишком далеко, чтобы разглядеть, что именно там происходило, но они увидели, как Фиона упала на колени, а Доннхад, пошатываясь, стоял, не сводя с нее глаз.

— Надо быть последней сволочью, чтобы сделать нечто подобное, — проворчал один из полицейских. Они подтолкнули Деланси, чтобы поднять его на ноги. Ирландец даже не пытался сопротивляться. — Думаю, он вернется в Дублин раньше, чем планировал. Сомневаюсь, что у него хватит денег на адвоката, способного спасти его шкуру.

— Что вы делаете, инспектор? — спросил второй полицейский. Фитцуолтер так быстро повернул назад, что это застало всех врасплох. — Вы не хотите, чтобы отвели его в участок?

— Разумеется, хочу. Наденьте на него наручники, и чтоб не двигался с места, пока я не вернусь.

— Но... куда вы направляетесь? — Ребята обменялись недоуменными взглядами, но у инспектора не было времени объясняться, и он лишь сказал:

— Я совершил ошибку. Огромную, страшную ошибку, — он пошел по тропе, ведущей к комиссариату Киркёрлинга. — Молитесь всем известным вам богам, чтобы я успел ее исправить. Я не собираюсь дважды проходить через одно и то же.

Он бросился бежать вниз по склону изо всех сил. Промчался мимо Лоулессов, рыдавших над безжизненным телом задушенной девушки; мимо полдюжины соседей, прокричавших ему что-то, что он даже не услышал. Две минуты спустя инспектор выскочил из расположенных вдоль полицейского участка конюшен верхом на самом быстром животном из всех, которые там содержались. Он молнией пронесся по Киркёрлингу, громыхая по грубой брусчатке, и повернул на дорогу, ведущую в Дублин. Было около половины седьмого утра, и он понимал, что только чудо позволит ему успеть в столицу до полудня.

«Патрик... — Имя брата не сходило с его губ. Он хлестнул поводьями, и животное заржало, изо рта капала пена, — ... если я не успею вовремя, если не смогу спасти ее, я словно снова потеряю тебя...»

Вскоре солнце поднялось на синем небе и поля вдоль дороги заполнились крестьянами, которые бросали свои дела, чтобы поглазеть на проносящегося мимо кентавра в униформе Королевской ирландской полиции. Инспектор Фитцуолтер прикусил губу, услышав бой колоколов Гленнагирской церкви, и понял, что уже слишком поздно.

«Нет, — повторил он, почти горизонтально припав к холке коня. — Еще не все потеряно! Нет, пока не увижу ее в петле!»

Когда солнце поднялось высоко над его головой, последние деревушки остались позади и на горизонте показались башни и купола Дублина. Дыхание инспектора сбилось, он изо всех сил подстегивал лошадь,

двигаясь по улочкам, ведущим к Килменхэму. С колокольни одно из церквей на Дольфин-роуд прозвучала очередная канонада, отбивающая время. «Полдень», — с ужасом подсчитал удары Фитцуолтер. Он заметил, что люди на улицах двигались в том же направлении, что и он.

Казалось, что все население города высыпало на улицы. Множество повозок и велосипедов вынудили инспектора сбавить шаг, и он изрыгнул пару проклятий, видя, что невозможно пробить дорогу в толпе. Он уже мог различить ограду тюрьмы, превратившиеся в поручни для сотен людей, кричащих одновременно и таращившихся в одно и то же место, прямо над воротами.

У Фитцуолтера чуть сердце не остановилось. Пара женщин начали визжать, когда его лошадь чуть не затоптала их в попытке прорваться к ограде Килменхэма. Он раздумывал не проще ли будет пойти дальше пешком, когда оглушительный вопль толпы заставил его вздрогнуть: палач открыл люк. И фигура в сером, девушка, которую инспектор Фитцуолтер слишком хорошо знал, повисла в воздухе, дико извиваясь на веревке, которая скрипела при каждом ее движении.

Время истекло. Не обращая внимания на взгляды окружающих, Фитцуолтер привстал на стременах. «*За тебя, Патрик, —* подумал он, *вытаскивая пистолет из кобуры. — За то, что я должен был сделать, чтобы спасти тебя пятнадцать лет назад*». Он вытянул руку, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Первая пуля едва задела веревку, вырвав из нее парочку волокон прежде, чем упокоиться в стене тюрьмы, и заставила подскочить на месте начальника тюрьмы и приставов, стоявших на балконе. Вторая пуля попала точно в цель.

Выстрел разнес веревку в клочья. Эйлиш Ни Лэри рухнула на брусчатку, прямо в крошечное пространство, расчищенное охранниками под балконом на время казни. Она свалилась словно тюк с полутораметровой высоты и с таким шумом ударилась о землю, что на мгновение сотни заполнивших двор дублинцев замерли, не произнося ни слова. Затем первый ряд голов обернулся назад, это движение повторили другие, снова и снова, словно морские волны наталкиваясь друг на друга, пока, в конце концов, сотни пар глаз не уставились на инспектора. Начальник тюрьмы высвободился от охранников, кинувшихся защищать его, услышав выстрелы, и выглянул с балкона, сменяя настроение от крайнего изумления к ярости.

— Тысяча извинений, господин начальник, но произошла ошибка, — объявил инспектор во всеуслышание. Толпа хранила молчание,

внимательно отслеживая каждый его жест, и расступалась, давая ему пройти к зданию тюрьмы. — Эта девушка, которую вы собирались казнить — виновна в смерти Реджинальда Арчера не больше, чем любой из присутствующих. Провидение позволило мне прибыть сюда вовремя.

Голос его звучал твердо и уверенно, а вот сам Фитцуолтер дрожал так, что ноги его подкашивались, и ему пришлось снова сесть в седло. Реакция народа не заставила себя долго ждать. Вопль толпы поглотил его последние слова, а на всадника и его лошадь обрушился залп криков «Ура!». Стражники бросились под балкон к неподвижно лежавшей там девушке со связанными руками.

— Дааа, несомненно, это было поистине блестящее явление, — заметил начальник тюрьмы, по-прежнему наблюдавший с балкона за действиями своих подчиненных, пытавшихся пробиться сквозь толпу, чтобы реанимировать девушку. Один из них вытащил нож, которым попытался срезать веревку с ее шеи, второй делал то же самое с веревкой на запястьях. — Но, боюсь, я не имею удовольствия знать вас...

И снова крик пронесся по первым рядам, когда один из мужчин, пытавшихся прорваться к балкону, ударом кулака свалил с ног преградившего ему дорогу охранника.

Это был Оливер, за ним следовал Август. Руки молодого человека дрожали, когда он боролся с узлом, который чуть не унес жизнь Эйлиш. Она по-прежнему не двигалась, ни на что не реагировала даже тогда, когда он взял ее на руки и тихо заговорил с ней.

— Меня зовут Джеймс Фитцуолтер, я несу ответственность за общественный порядок в Киркёрлинге, — провозгласил тем временем остановившийся перед балконом инспектор. Он обращался к начальнику тюрьмы, но продолжал наблюдать за тем, что происходило всего в паре метров от него. — Именно я задержал Эйлиш Ни Лэри, обнаружив ее рядом с безжизненным телом мистера Арчера в саду Маор Кладейш. Это то, чего я не должен был делать ни при каких обстоятельствах. Мы только что обнаружили, кто был истинным убийцей.

И все та же жаждущая зрелищ толпа, пришедшая поглазеть на казнь, восхваляя правосудие, теперь с тем же энтузиазмом начала аплодировать. Август добрался, наконец, до Оливера и Эйлиш и встал перед ними на колени, пока юноша поддерживал девушке голову, пытаясь сделать искусственное дыхание. В первый раз ничего не получилось, на второй и третий тоже, но, наконец, веки Эйлиш дрогнули, а губы затрепетали под губами Оливера. «Она жива!» — услышал Фитцуолтер его крик сквозь слёзы. Юноша прижал девушку к сердцу, чувствуя, как ее грудь снова

поднимается и опускается, как воздух вновь возвращается в ее легкие. Ее глаза внезапно открылись, полные страха и замешательства.

— Успокойся, — прошептал Оливер, зарываясь лицом в ее волосы. Руки девушки в панике вцепились в его запястья. — Все хорошо, любимая, — продолжал говорить он. — Ты в порядке и ты со мной... Все позади.

— Это... — едва дыша выговорила Эйлиш. — Это смерть?

Ее взгляд метался по лицам окружавшей их толпы, которая освистала ее всего несколько секунд назад.

— Нет, — улыбаясь, прошептал Оливер в ответ. — Это — жизнь.

Глава 39

Итак, Лайнел доказал своим друзьям, что хотя бы иногда его предсказания сбываются: на следующий день во всех газетах трудно было найти хоть что-то, не имеющее отношения к делу О'Лэри. К счастью, они успели вернуться в Киркёрлинг прежде, чем новость, словно порох вспыхнула среди дублинских репортеров. Когда журналисты поспешили к Килменхэмской тюрьме, чтобы взять эксклюзивное интервью о происшедшем, Эйлиш уже находилась в экипаже, направлявшемся домой... или, по крайней мере, туда, где все еще был ее дом.

К сожалению, несчастная девушка не могла наслаждаться заслуженным отдыхом в полной мере. Когда Оливер и Август сопровождали ее к воротам Маор Кладейш и Александр сообщил ей о смерти матери, Эйлиш пережила нервный срыв, который отправил ее прямиком в постель. Подоспевший деревенский врач доктор Браун не сомневался в своей диагностике:

— Слишком много потрясений, — вынес он вердикт, аккуратно складывая стетоскоп и глядя на бледное лицо девушки. — Сердце в отличном состоянии, температуры нет. Это всего лишь нервный припадок, от которого она оправится, как следует отдохнув.

Эйлиш пробормотала что-то невнятное, беспокойно вертя головой, утопающей в подушках. Сидевший слева от нее Оливер держал ее за руку, а мисс Стирлинг обтирала лоб несчастной девушки влажной тканью.

— Вы уверены, что нет необходимости в госпитализации? — тихо спросил молодой человек. — Несколько минут назад она бредила...

— Госпитализировать? После того, как она провела десять дней взаперти в вонючей камере? — доктор Браун покачал головой, укладывая инструменты в маленький кожаный чемоданчик. — Это было бы чудовищной ошибкой. Все что нужно этой девочке, так это уверенность, что она в безопасности. Ей нужен чистый воздух, обильное питание и

родные стены. Не позволяйте ей вставать без особой на то необходимости, — он встал, слегка нахмурившись, продолжил: — Хотя, полагаю, она захочет присутствовать на похоронах матери. Знаю, что это будет тяжело, но позаботьтесь, чтобы она не перевозночалась. Тот, кто прошел через столько испытаний не заслуживает еще больших страданий.

Гроб с Рианнон подняли в часовню. Оливер подумал, что будет лучше, если Эйлиш этого не увидит, по крайней мере, пока не оправится, и друзья согласились с ним.

Александр в одиночестве стоял рядом с ней в центре часовни и молча смотрел на лицо женщины, которая столько значила для него последние недели, лицо, нашедшее, наконец, покой. Волосы волнами покрывали плечи, почти полностью заполняя верхнюю часть обшитого атласом гроба. Профессор бесшумно подошел к Рианнон, чтобы убрать со лба упавший локон. Казалось, она просто спит, словно в любой момент могла подняться и спросить, действительно ли освободили ее дочь.

Вдруг Александр услышал отзвук приближающихся по винтовой лестнице шагов. Через несколько секунд на пороге часовни возник Лайнел, замерший на месте, увидев, что делает профессор. Тот обратился к вошедшему:

— Не беспокойся, можешь остаться, — он убрал руку от лица Рианнон и отошел назад. — Я только хотел попрощаться с ней. Все еще трудно поверить, что больше мы ее не увидим.

Лайнел подошел, внимательно глядя на него. Последние полчаса он провел копаясь в вещах Джемимы, пытаясь найти написанные для него Вероникой письма, которые горничная читала от корки до корки прежде, чем спрятать в коробке под кроватью. Он, как и Александр, посмотрел на Рианнон, не смея нарушить тишину и, наконец, подошел к другу и положил ему руку на плечо. Солнце начало опускаться за горы и свет, который до сих пор наполнял часовню, превратился в умирающий синий, который смазывал очертания зажженных свечей и маленького кувшина с фиалками, собранными для своей хозяйки Мод на заднем дворе замка.

— Думаю, вам было бы хорошо вместе, — позволил себе заметить Лайнел. — Вы были очень похожи.

— Не уверен, что понимаю, о чем ты, — солгал Александр.

— Да все ты понимаешь. Рианнон и ты... У вас обоих глубокие душевные раны, но со временем вы могли бы друг друга излечить. Если бы Деланси не убил Арчера... Если бы Рианнон, как и собиралась, избавилась от Маор Кладейш, и если бы они с Эйлиш поехали с нами в Оксфорд, то,

вероятно...

— Лайнел, нет смысла размышлять о том, что бы было или не было между нами, — ответил ему приглушенным голосом профессор. — Жизнь это всего лишь череда отрезков дороги на перепутье. Выбор направления может изменить всю оставшуюся жизнь, при этом мы не можем предугадать последствия нашего решения до тех пор, пока не станет слишком поздно, чтобы повернуть назад, — он помолчал, наблюдая как последние лучи солнца скользили по волосам Рианнон, чтобы вскоре угаснуть окончательно. Александр тряхнул головой и сложил руки на груди. — Единственное, что может служить утешением, так это уверенность в том, что мы делаем все, что от нас зависит. Для меня Рианнон это та, кто спасла свою дочь, не зная, при этом сработает это или нет. Никогда не устану удивляться тому, на что способны женщины ради любви и насколько они сильны по сравнению с нами. На самом деле, ее поступок не сильно отличается от того, что Фионнуала делала на протяжении веков, заботясь о своих потомках.

Лайнел, в кои-то веки, слушал, не перебивая. Он молчал, пока не услышал приближающиеся шаги и голоса Оливера и Августа. Только тогда он тихо добавил:

— И все же она тебе нравилась. Не пытайся это отрицать. Я видел это в твоих глазах.

— Я никогда не смог бы полюбить кого-то так, как мою Беатрис, а Рианнон не достойна полутонов, — ответил профессор. — Она заслуживала гораздо более глубоких чувств, чем я мог бы ей дать. Нечто большее, чем тень ушедшей любви.

Оба обернулись к двери к входящим в часовню друзьям.

— Как там Эйлиш? — Спросил Александра Оливер.

— Лучше, — ответил парень. — Надеюсь, она будет в состоянии поужинать. Наверняка она устала от тюремной каши.

Он хотел было улыбнуться, но вспомнил о присутствии Рианнон, и едва наметившаяся улыбка испарилась с его губ. Александр обрадовался, увидев, что, несмотря на черные круги под глазами, было очевидно, что в глазах парня вновь засияла жажда жизни. Вскоре он снова станет прежним Оливером.

— Мы оставили ее с мисс Стирлинг, чтобы та помогла ей принять ванну, — объяснил Август. — Эйлиш все еще слишком слаба, чтобы сделать это самостоятельно.

— Когда я проходил мимо комнаты, мне показалось, мисс Стирлинг напевала ей что-то на венгерском, — добавил Оливер. — Удивительно, но

оказалось, что у Маргарет Элизабет Стирлинг есть сердце под всей этой броней из шелка, кружев и богемских гранатов. Впрочем, так или иначе, она своего добилась: Эйлиш согласилась передать Маор Кладейш в собственность князя Драгомираски. Полагаю, она сыта по горло замком и связанными с ним проблемам. В конце концов, венгр оказался наилучшим кандидатом.

— Было бы жаль потерять ее из вида. Особенно сейчас, когда они обе так сдружились, — сказал Август, поглядывая на Лайнела.

Тот предпочел оставить свое мнение при себе. Разумеется, он не собирался терять из вида мисс Стирлинг, но пока еще было слишком преждевременно рассказывать друзьям о сделанном им несколько недель назад предложении. Чтобы сменить тему, Лайнел заявил:

— Оливер Сандерс — женатый мужчина! — он так треснул друга по спине, что тот подался вперед. — До сих пор поверить не могу, что ты оказался таким идиотом. Позволить женить себя в двадцать три года непростительно. Неужели ты так ничему от меня не научился?

— Разумеется, научился, — улыбнулся Оливер, потирая спину. — Что *не* должен делать мужчина, если хочет влюбить в себя потрясающую женщину. Ты — великолепный учитель.

Август рассмеялся, а Александр поспешил сменить тему, опасаясь, что Лайнел решит отомстить другу, спросив, знает ли он что такое брачная ночь. *«У нас еще остались незавершенные дела. Надо покончить со всем этим».*

— Я очень рад, что все мы в отличном настроении, но, как вы понимаете, я собрал вас здесь не для того, чтобы обсуждать семейную жизнь Оливера. — Лайнел поцокал языком в притворном разочаровании, Александр же продолжил: — Есть кое-что важное, о чем мы до сих пор не поговорили.

— Ты про Деланси? — поинтересовался Август. — Недавно приходил инспектор Фитцуолтер, чтобы проведать Эйлиш. По его словам, новый суд по этому делу состоится на следующей неделе. Полагаю, нам придется на нем присутствовать, даже если Деланси признает свою вину в полиции. Я сильно сомневаюсь, что ему удастся уйти живым.

— И самое печальное во всей этой истории, — добавил Оливер, понизив голос, — что судя по тому, что он рассказал вам... все это он сделал ради любви. Он хотел заполучить банши, чтобы добиться руки наследницы О'Брайенов.

— Да, это очень грустно, — признал Лайнел, — но, думаю, Александр имел в виду то, что мы только что обнаружили на счет банши. Мы уже

спасли живых, теперь пора заняться мертвыми.

Они рассказали друзьям обо всем, что они прочитали в рукописях Кормака О'Лэри о Фионнуале, Кейране О'Лэхари и о ребенке, отобранном у матери перед тем, как замуровать ее где-то в Маор Кладейш. К тому времени, как они закончили свой рассказ, совсем стемнело и единственным освещением часовни остались свечи.

— Ты хочешь сказать, — нерешительно произнес Август после некоторого молчания, — что этот человек где-то здесь замуровал свою бывшую возлюбленную? В одной из комнат замка?

— Совершенно верно. Если, конечно, изыскания отца Эйлиш соответствуют истине, — напомнил не до конца убежденный Лайнел. — Если все это правда, то меня уже не удивляет тот факт, что машины Александра зафиксировали высокий коэффициент паранормальной активности. Если уж и это не является достаточной причиной для того, чтобы считать этот замок заколдованным, то я уже не знаю, какая еще может быть причина для этого.

Оливер промолчал. Александр заметил, что юноша выглядел отрешенным, как это обычно бывало, когда его неожиданно посещало вдохновение.

— Пенни за твои мысли, — предложил он. Парень взглянул на него, смущенный от того, что все на него смотрят. — Это будет нашим первым взносом за твой медовый месяц.

Оливер скромно улыбнулся и ответил:

— Судя по тому, что ты только что рассказал, Кейран О'Лэхари приказал, чтобы девушку замуровали в той же комнате, где она провела последние несколько месяцев, а годами позже он написал странное завещание.

— Да, он наказал построить в верхней части Маор Кладейш часовню, чтобы искупить его грехи, — подтвердил Александр. — Подобные вещи трудно забыть.

Оливер кивнул, его глаза возбужденно сверкали.

— Александр, помнишь, ты нам рассказывал, что именно на верхних этажах сильнее проявляется присутствие духов?

— Конечно, — кивнул профессор, — только не знаю почему.

— Так же ты говорил о том, что, похоже, что замок надстраивали поверх сохранившихся с XII — XIII веков конструкций, — Оливер развел руки, словно обхватывая помещение, в котором они находились. — А если Кейран О'Лэхари приказал построить часовню не только для того, чтобы замолотить свои грехи? А если он приказал построить ее именно там, где он

совершил эти грехи?

Воцарилась полная тишина. Август, Александр и Лайнел, молча, переглянулись. Слова Оливера потрясли их и заставили посмотреть на всю историю под совершенно новым углом.

— Боже мой, — пробормотал слегка побледневший Август. — В твоих словах есть смысл. Построить поверх разрушенного, поверх уничтоженного...

Прежде, чем он смог продолжить, Лайнел подскочил к той стене часовни, у которой стоял алтарь. Остальные трое наблюдали, как он внимательнейшим образом осматривает стены и пол.

— Он покрыт каменными плитами, но они совершенно не похожи на могильные, — бубнил он. — Нет ни надписей, ни изображений гербов. Рос Уиверн мне рассказывал, что члены клана О'Лэри покоятся в церкви Киркёрлинга...

— Никогда не видел, чтобы ты разговаривал сам с собой, — сказал Август. — Что ты делаешь?

— Свою работу, ваше преподобие. Пытаюсь вырвать у земли ее секреты. Хотя на этот раз лучше спросить у камней, — ответил Лайнел, задирая голову, чтобы исследовать верхнюю часть стены. — Не было никакого смысла извлекать ее из места заточения, чтобы перезахоронить здесь, под этими плитами, — продолжил он. — Когда замуровывали людей, то оставляли их стоя. Их замуровывали меж двух параллельных стен, чтобы они погибали там от голода и недостатка кислорода. В этом случае, возможно, что...

Он развернулся и начал методично обстукивать двумя руками стену за спиной. Не достигнув желаемого результата, он продолжил изучать западную стену, вернулся обратно, бесцеремонно отодвинул в сторону Оливера и обстучал восточную. Он довольно долго изучал стены сверху до низу и, наконец, воскликнул: «Ага!»

— Что ты нашел? — поинтересовался Август. — Там что-то есть?

— Должно быть. Посмотрите сами, — Лайнел трижды постучал по стене позади алтаря. — Здесь звук глухой, слышите? А вот там... — он снова подошел к западной стене, постучал и все поняли, что он имел в виду — звук был совершенно другим. — За этой стеной — пустота.

Август ослабил галстук.

— Это... это то, о чем я думаю? Ты думаешь, что там, внутри...

— Есть только один способ проверить это, — объявил Лайнел и отошел от стены к гробу Рианнон. К всеобщему удивлению друзей, особенно Александра, он задул свечи на одном из подсвечников и сбросил

их на пол, превратив канделябр в подобие оружия.

— Какого черта ты делаешь, Лайнел Леннокс? — возмутился Александр.

— Сделай одолжение, не богохульствуй при покойнике, — парировал Лайнел, жестом убирая с дороги Оливера и Августа. — Мне жаль, что мы вынуждены делать это так... так грубо. Надеюсь, мисс Стирлинг не придет прямо сейчас оказать дань уважения Рианнон. Ее патрону точно не понравится причиняемый его собственности ущерб.

Первый удар по стене оказался таким оглушающим, что Август заткнул уши. К счастью, спальня Эйлиш находилась в противоположном конце Маор Кладейш, да еще и несколькими этажами ниже, а Мод и мисс Стирлинг находились рядом с ней. Закусив губу от усердия, Лайнел нанес второй удар, третий и под беспокойными взглядами приятелей продолжал до тех пор, пока подсвечник не пробил дыру в каменной кладке. Как он и предполагал, стена не была цельной, за ней была пустота. Оливер вскрикнул от нетерпения, когда Лайнел отступил назад, восстанавливая дыхание и рассматривая нечто, открывшееся его взору.

— *Voilà (дело сделано, — фр.)*, — удовлетворенно произнес он. Друзья подошли ближе, широко распахнув глаза. — Идите же сюда и помогите мне. Я не могу все делать один!

Вчетвером они стали оттащить отвалившиеся от ударов Лайнела куски камней в сторону, освобождая открывшуюся дыру, едва насчитывающую полметра в глубину. Наконец, в пролом можно было заглянуть, но царивший в часовне полумрак не позволял что-либо разглядеть. Александр, бросив извиняющийся за нарушение ее покоя взгляд на Рианнон, взял второй канделябр и поднес его поближе, чтобы рассмотреть содержимое ниши.

Все затаили дыхание. Внутри был кто-то, прислонившийся к стене часовни. Когда Александр вытянул руку, чтобы свечи осветили пространство между стенами, они увидели человека, от которого остались лишь кости: покрытый вековой пылью скелет с поднятыми вверх руками и почти от времени отвалившимся черепом, на котором виднелись остатки обесцвеченных волос.

Оливер нервно сглотнул, Александр и Август потрясенно молчали. Лайнел опытным движением запустил руку в проем и взял прядь волос, которая в свое время была темной и все еще была заплетена в косу. Локон рассыпался прямо в руках.

— Ничего удивительного: ему около восьмиста лет, — прокомментировал он. — Чего я не понимаю, так это почему до сих пор

никому не пришло в голову изучить эту часть часовни. Я убежден, что некоторые потомки Кейрана О'Лэхари интересовались где замурована Фионнуала.

— У нас нет доказательств, что это именно она, — предупредил Август.

— Это она, — заверил его Александр. Он опустил подсвечник, чтобы все могли увидеть нижнюю часть скелета. — Взгляните на тазовые кости. Это женщина, родившая незадолго до того, как ее замуровали. И она держит руки над головой, — он снова поднял свечи, — потому что ее заковали в кандалы, чтобы она не могла бить в стену кулаками.

Что-то заставило его замолчать. Что-то потревожило пламя горящих свечей и заставило мужчин молча обернуться. И на этот раз они не увидели ее, но в этом не было необходимости: *та*, которую они искали все это время, находилась прямо перед ними. Она молча наблюдала за обнаружением ее тела так, чтобы никто не заметил ее присутствия. Но теперь ее голос звучал совсем не так, как перед смертью Рианнон несколько часов назад в саду. Сейчас он был почти счастливым... она словно прощалась. Будто, наконец, поняла, что ее миссия в Маор Кладейш завершена и теперь она может уйти в иной мир, полный света, где ждали ее потомки.

Прежде, чем они попытались обратиться к ней, голос Фионнуалы мало помалу утих. Англичане слышали за спиной какой-то звук. Обернувшись, они увидели, что кости скелета обратились в прах, оставив после себя лишь прикованные к стене кандалы.

Глава 40

На следующий день, в четыре часа молчаливая процессия покинула Маор Кладейш, чтобы сопроводить Рианнон Бин И Лэри в последний путь по Киркёрлингу. Работники похоронного бюро ждали у ворот замка, чтобы понести ее на своих плечах. Одета в черное Эйлиш шла за гробом, прикрывая тонкой черной вуалью лицо, на котором все еще виднелся след от камня миссис Эш. Никто не смог убедить девушку поберечь себя и остаться в постели. Ее кожа казалась бледнее, чем белые цветы, которые она прижимала к груди, ухватившись за локоть Оливера. Александр, Август и Лайнел, молча, шли следом, беззвучно рыдающая Мод, завершала шествие.

Мисс Стирлинг принесла свои соболезнования во время обеда и извинилась за то, что не могла присутствовать на погребении. Корабль в Англию отплывал в девять вечера, и ей следовало поторопиться, чтобы не

опоздать на последующие пересадочные рейсы во Францию и Венгрию.

Без сомнения, мисс Стирлинг была бы удивлена, узнав, что кроме англичан никто не присоединился к процессии. Даже священник опоздал к моменту их прибытия на кладбище, и они наблюдали, как он поспешно приближается с противоположного конца кладбища. По его словам, буквально четверть часа назад в нижней части кладбища хоронили Джемиму, в той же могиле, в которой несколько лет назад упокоились останки ее матери, Марэд.

— Поэтому не пришел никто из соседей, — попытался извиниться святой отец. — Если бы не это печальное совпадение, то я уверен, что все они были бы здесь, с вами.

— Разумеется, именно это они бы и сделали, — тихо сказал Лайнел так, чтобы его слышали только Александр и Август. — Должно быть, они собираются устроить вечеринку в честь того, что они, наконец, избавились от всех О'Лэри. Проклятые невежды...

Когда гробовщики собрались открыть замок, висящий на склепе О'Лэри, послышались торопливые шаги — это был Моран, семейный адвокат, который, получив письмо о смерти Рианнон, тут же примчался из Дублина.

— Это такая трагедия! — бормотал он, пока священнослужитель орошал святой водой крышку гроба, украшенную бронзовым распятием. Он все еще не мог поверить в происходящее. — Поистине, судьба жестока по отношению к некоторым семьям. Сначала арест мисс Эйлиш и попытка повешения, теперь смерть ее несчастной матери... Видел бы все это Кормак О'Лэри!

Александр предпочел не рассказывать, что Кормак О'Лэри не был бы так удивлен происходящим. Во всяком случае, после того, как узнал о том, что произошло в его клане восемьсот лет назад. Один из гробовщиков распахнул тяжелые бронзовые двери склепа и, вернувшись к остальным, внес гроб с телом Рианнон внутрь. Для нее было предназначено место рядом с супругом, но никто, кроме четырех англичан и Эйлиш не знал, что надпись на надгробной плите не соответствовала истине. Там будет похоронена не одна женщина, а две.

Перед тем как закрыть крышку гроба, на грудь Рианнон положили деревянный футляр для хранения рисунков, который показался Эйлиш очень знакомым. Внутри находилась горстка белесой пыли, взятой из пролома в западной стене часовни. Это было то небольшое, что они могли сделать для Фионнуалы.

При ближайшем рассмотрении, между ней и Рианнон не было

никакого родства, но их объединяло нечто большее, чем кровь. Обе страстно любили не тех мужчин. Их благородство не было отмечено на генеалогическом древе, но они доверили свою невинность людям, разбившим их мечты и иллюзии. Обе оберегали своих потомков не только при жизни, но и после смерти.

— А теперь мы должны кое-что сделать, — высказался Лайнел, не сводя глаз с церемонии. — Я имею в виду, что Сандерсы должны уехать вместе с нами в Оксфорд как только мы дадим показания на суде над Деланси, а там мы найдем английского адвоката, который займется управлением наследства Эйлиш. В конце концов, она теперь замужняя дама.

— Разумеется, — тут же согласился Моран. — Как только я получу от мисс Стирлинг подписанные документы на передачу Маор Кладейш в собственность князя Драгомираски, я тут же начну все необходимые процедуры. Формально, мисс О'Лэри... ой, простите, миссис Сандерс, не может вступить во владение имуществом своей семьи до совершеннолетия. Лишь через три года ей исполнится двадцать один год, но я позабочусь о том, чтобы она получала щедрое ежемесячное содержание.

Насколько они знали Оливера, тот вряд ли согласится на то, чтобы его супруга взяла на себя расходы их совместной жизни. *«Еще будет время подумать над этим, — подумал Александр, хмуря брови над уставшими без очков глазами, — хотя я даже не представляю, как они будут жить без дополнительных денег, ведь стипендии Оливера за словарь едва хватает, чтобы глотать пыль в комнате Бейлиол-колледжа...»*

Эйлиш оставила цветы на могиле матери и вышла из склепа, держась за руку Оливера, помогающего ей спуститься. Моран попрощался со всеми и подошел к девушке, чтобы выразить ей соболезнования.

— Значит, Фионнуала — это предок нашей Эйлиш, — задумчиво заметил Лайнел. — В конце концов, Твист оказался прав — в ней действительно есть что-то сверхъестественное. Пара капель крови банши.

Уже второй раз за день Александр предпочел промолчать. Он был уверен, что Рианнон не понравилось бы, если кто-то узнает, что Эйлиш на самом деле не О'Лэри, а Драгомираски. Очень, очень любопытен тот факт, что незаконнорожденная дочь человека, всю жизнь интересовавшегося сверхъестественным, обладает даром психометрии. Возможно, это не последний раз, когда они слышат об этой династии. Будто прочитав его мысли, Лайнел обернулся посмотреть как белые зубцы часовни Маор Кладейш словно наблюдали за ними свысока, выглядывая из-за крон деревьев.

— Странно думать о том, что теперь все это находится в руках венгерского подростка, — сказал, наконец, Лайнел, — который никогда не узнает, что здесь произошло много веков назад.

— Сомневаюсь, что он будет часто здесь бывать, — добавил Август. — Киркёрлинг не самое привлекательное место для человека его возраста, я уже не говорю о его голубой крови. Вероятнее всего, Маор Кладейш останется тем же зачарованным замком, наводящим ужас на местных жителей, хотя призрака там больше нет.

Лайнел долго молчал, явно борясь с желанием спросить что-то, и, наконец, решил:

— Думаешь, мы о нем еще услышим? В этом не было бы ничего удивительного. Мы вращаемся вокруг одних и тех же интересов. Как и нас, так и князя Драгомираски привлекает все таинственное и сверхъестественное, к тому же он часто читает *«Dreaming Spires»*...

— Именно об этом я сейчас и думал, — признался Александр. — Думаю, что да. Этот мир не так велик, как мы думаем.

— Рад это слышать, — промурлыкал Лайнел и добавил своим всегдашним непринужденным тоном: — Я только что вспомнил, что мне надо в Дублин, чтобы решить пару дел. Пожалуй, поеду в дилижансе вместе с Мораном.

— Я с тобой, — предложил Август и взгляд, которым он обменялся с Александром, ясно показывал, что они отлично поняли, что это могут быть за «дела».

Среди могильных плит и кельтских крестов остался только профессор. Он смотрел как Лайнел и Август подошли к остальным, поговорили с Мораном, тот поцеловал руку Эйлиш, обменялся рукопожатием с Оливером, попрощался и пошел к выходу с кладбища. Поколебавшись несколько мгновений, Александр бережно вытащил из кармана сюртука маленький предмет, который втайне от всех перебирал пальцами во время погребения Рианнон.

Это был серебряный медальон, который был на шее миссис О'Лэри, когда она бросилась с утеса. Он осторожно открыл почти отломившуюся крышку и посмотрел на, столь похожее на князя Константина и Эйлиш, лицо. Вода, попавшая в медальон, размыла черты Ласло Драгомираски еще больше, чем близорукость Александра. Но хоть изображение стало нечетким, Александр был рад, что не дал похоронить медальон вместе с Рианнон. Возможно, когда-нибудь Эйлиш будет рада узнать правду, но пока время для этого еще не пришло, особенно учитывая через что ей пришлось пройти за последние несколько недель. Лучше подождать, пока она не

достигнет совершеннолетия, о котором говорил Моран. К тому времени она повзрослеет достаточно для того, чтобы решить, хочет она встретиться со своим братом, который по иронии судьбы стал владельцем ее родного дома, или же предпочтет считать себя последним потомком клана О'Лэри.

А вообще, какое значение все это имеет теперь? Уже не важно какие ветви генеалогического древа когда-то были повреждены, если на их концах рождаются новые цветы. Александр вернул медальон в карман и снова посмотрел на Оливера, который нежно положил руку на плечо Эйлиш и развернул ее к себе. Он сказал ей что-то, чего Куиллс не мог слышать, и затем откинул с ее лица кружевную вуаль, словно они стояли перед алтарем... и будто вуаль была белой, а не черной. Эйлиш улыбнулась и собиралась прикрыть глаза, чтобы получить поцелуй Оливера, как вдруг увидела что-то позади юноши и остановила его. Молодые люди, молча, обернулись и Александр, удивленный их реакцией, повернулся в ту же сторону.

Все жители Киркёрлинга направлялись к усыпальнице О'Лэри в почти благоговейном молчании. По склону шли мужчины, держа шляпы в руках, а женщины склонив голову, словно не смея поднять глаза на девушку, которую целых десять лет считали одержимой дьяволом. Фиона с отцом возглавляли процессию, за ними следовал инспектор Фитцуолтер; старик Кевин, даже на кладбище не расстававшийся со своей скрипкой; все такой же угрюмый Рос Уиверн; Мэри МакКоннал, поддерживающая безутешно рыдающую Мод... Не было только Брианны МакКоннал и семейства Эш, впрочем, Эйлиш было все равно придут они или нет. Она пробежала глазами по обеспокоенным лицам, останавливаясь ненадолго на каждом из них. Некоторые краснели под ее взглядом и отводили глаза, пристыженные своим недавним поведением. Девушка не сказала ни слова, лишь посмотрела на Оливера, который кивнул ей, взяла его под руку и пошла, так и не покрыв лицо вуалью.

Соседи расступились, давая пройти Эйлиш. Она ни с кем не заговорила, не поблагодарила за то, что они пришли попрощаться с ее матерью. Она покинула кладбище с таким достоинством, в котором Александр, с некоторой гордостью, узнал плоть и кровь Рианнон. Киркёрлинг всегда давал девушке лишь непонимание и презрение в самые тяжелые моменты ее жизни, поэтому и она ничего не была ему должна.

И хотя Эйлиш ни разу не произнесла это вслух, все, кто видел ее уходящей с Оливером, знали, что больше никогда ее здесь не увидят.

Эпилог

К счастью, дилижанс оставил их в пяти минутах ходьбы от порта. Лайнел попрощался с Мораном и погрузился в многоцветное людское море, направлявшееся в сторону набережной. Несмотря на то, что было уже почти девять вечера, место было очень оживленным. На каждом углу стояли зажженные фонари, из окон пабов вырывались теплые оранжевые отблески каминов. Дерзкая луна, словно посмеиваясь, прогуливалась по переполненному звездами небу. Бурча себе под нос, молодой человек пробрался между двумя группами моряков, отодвинул в сторону уличного торговца, толкающего тележку с яблоками, и, наконец, нашел то, что искал: судно под названием «Боадицея»[1].

Отдав матросам распоряжения по поводу багажа, она стояла посреди деревянного трапа, ведущего на корабль. Задумавшись или скорее загрузив о чем-то, даже не заметила, как к ней подошел Лайнел, пока он не заговорил.

— Не делайте такое лицо, я уверен, что вы очень скоро вернетесь в Ирландию. Думаю, у вас еще осталось множество дел на острове. И у князя тоже.

Мисс Стирлинг повернулась к нему. На ней было то же пальто из темного бархата, в котором она прибыла в Маор Кладейш, та же шляпа с серо-черными перьями и те же черные ботинки на высоком каблуке.

— Надо же, мистер Леннокс? — она лучезарно улыбнулась. — Даже не знаю почему, но я вовсе не удивлена вашим появлением.

— Какой же я джентльмен, если не разделю с вами последние минуты на острове? — спросил, подходя еще ближе Лайнел. — Особенно после того, что с нами произошло и объединивших нас интимных моментов «связанных, как же иначе, с достойным сожаления актом прелюбодеяния», как сказал наш приятель судья Дрисколл.

Услышав его слова, она рассмеялась. Лайнел самодовольно наблюдал, как проходящие мимо пассажиры «Боадицеи» оборачивались на девушку, а один даже споткнулся об перекладыны трапа.

— Воистину достойным сожаления, — кокетливо согласилась мисс Стирлинг. — Надеюсь, мой поступок не показался вам слишком предосудительным. Полагаю, этот олух-ретроград был готов поверить во что угодно, что представляет женщин в дурном свете, не задавая лишних вопросов. Хотя мне было неприятно участвовать во всем этом.

— Вы прощены. Всегда и до тех пор, когда я буду уверен, что вы будете следовать версии о том, что между нами было, если кто-то спросит об этом.

Она не ответила, но слегка наклонила голову так, что Лайнел увидел в

этом жесте скорее надежду, чем согласие. Они сошли на пристань, чтобы спокойно поговорить и не мешать остальным пассажирам, пока не поступит объявление об отплытии. Лайнел рассказал ей про похороны Рианнон и передал слова Морана о бумажной волоките, связанной с оформлением документов о передаче собственности на Маор Кладейш.

— Так что, как видите, — заключил он, разводя руками, — в итоге все закончилось наилучшим образом для вас. Ваши намерения воплотились в жизнь.

— Я предупреждала об этом, мистер Леннокс. Предупреждала о том, что я приехала в Ирландию не для того, чтобы бороться за то, что желают другие, а чтобы заполучить это... хотя на этот раз все заняло немного больше времени, чем предполагалось.

«*Кажется, мне следует научиться думать точно также*», — подумал Лайнел, не сводя глаз с девушки. Он хотел запомнить каждую черточку ее лица; мазки, которыми художник написал бы ее портрет; картографию Плеяд, украшавших ее щеки, четыре на правой и три слева, черных, как ее глаза и волосы. У него сжалось сердце при мысли о том, что, возможно, это их последняя встреча.

«*Однажды вы все-таки влюбитесь*, — сказал ему когда-то Рос Уиверн, — *и когда это произойдет, вы обнаружите в себе способности творить такие глупости, что сразу вспомните мои слова*».

— Получается, — продолжил он, заставляя себя говорить непринужденно, — вы должны быть благодарны мистеру Деланси. Ничего из этого не случилось бы, не реши он убить мистера Арчера. Жаль только, что его *modus operandi* ((сокр. М.О.) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия» — прим.ред.) оказался слишком жесток.

— Слишком не элегантно, — поправила его мисс Стирлинг. — Я могу вынести жестокость, но не пошлость.

— Чтобы сделали вы на его месте? — улыбнувшись, поинтересовался Лайнел

Мисс Стирлинг задумалась, постукивая указательным пальцем по губам и наблюдая, как последние пассажиры поднимаются на борт «Боадицеи».

— Если бы мне надо было избавиться от одного из них, я воспользовалась бы ядом или даже наркотиком. В общем, каким-нибудь галлюциногенным веществом, действующим на нервную систему и заставляющую забыть кто они и где находятся.

— И чего бы вы этим добились? Оба остались бы живы. Худшее, что могло бы с ними случиться — подвернуть лодыжку, блуждая по Маор

Кладейш.

— Вы сами сказали: «блуждая по Маор Кладейш». И вы прекрасно знаете, что земли, на которых стоит замок, испещрен опасными местами, не говоря уже об утесе. Идеальное убийство существует, просто оно должно быть достаточно элегантным и не выходить из-под вашего контроля. А чтобы никто вас не заподозрил, вам достаточно лишь поместить человека в подходящие для смерти условия.

— Что ж, рад узнать из первых уст как будет действовать Маргарет Элизабет Стирлинг, если возникнет необходимость. К счастью, мы оба знаем, что на самом деле вы невинны, словно нежная голубка. В противном случае, я не принял бы из ваших рук ни чашки чая из страха, что вы покончите со мной в стиле Борджиа.

Девушка еле заметно усмехнулась. В этот момент гудок «Боадицеи» возвестил готовности к отплытию, и у мисс Стирлинг хватило времени лишь наклониться к Лайнелу, опершись на его плечо, и поцеловать его в щеку совсем рядом с губами.

— Думаю, когда мы встретимся вновь, у вас будет ко мне множество вопросов, — прошептала она прямо ему в лицо. — И уверяю вас, что я отвечу на них с превеликим удовольствием.

Ее близость, хоть и мимолетная, оказалась столь упоительной, что Лайнел даже не обратил внимания на боль от давления на рану. Он держал ее руки в своих, пока один из членов экипажа не предупредил, что через минуту трап уберут, и девушке пришлось попрощаться и взойти на борт корабля.

Дым, изрыгаемый трубами парохода черными пятнами, покрыл безупречно голубое небо. Лайнел еще долго стоял у причала, наблюдая, как мисс Стирлинг идет по палубе и, надеясь, что она обернется, чтобы взглянуть на него в последний раз, и чувствовал невероятное разочарование от того, что она и не думала этого делать. *«Она уходит, — с растущим волнением подумал он. — Она уходит, и я не знаю когда смогу вновь ее увидеть».*

Передвижения торговцев яблоками, наемных экипажей и носильщиков, снующих туда-сюда по пристани вслед за пассажирами, вернули Лайнела к действительности. Он развернулся спиной к кораблю и направился туда, где сошел с дилижанса, на котором приехал из Киркёрлинга. Он собирался войти в один из пабов, как вдруг в голове возникла идея, сначала очень неясная, но постепенно приобретающая все более четкие очертания... Лайнел остановился посреди дороги как громом пораженный.

Он дотронулся правой рукой до плеча. Он все еще чувствовал боль и был уверен, что рана снова открылась, пачкая кровью бинты, которые он до сих пор менял каждое утро. Тот жест со стороны мисс Стирлинг показался ему неким предупреждением быть осторожным, чтобы с ним снова не случилось ничего, подобного происшествию в Долине Цариц, о котором он столько раз рассказывал... Но ведь он никогда не говорил ей, что ему попали в плечо, а только то, что пуля попала в грудь, почти растерзав его сердце.

Словно оглушенный, Лайнел сделал несколько шагов, чуть не столкнувшись с попрошайкой, надеявшимся получить от него пару монет. Он попытался воскресить в памяти глаза мисс Стирлинг. Черные словно ночь, такие же черные, как и те, два года назад, в итальянском некрополе Ольмо Белло, миндалевидные, как и те, что смотрели на него через складки накидки перед выстрелом в Египте. Три пары глаз завертелись в воспоминаниях Лайнела, не давая права сделать ошибку отрицания очевидного. Не было никакой случайности в том, что князь Драгомираски отправил свою правую руку в Маор Кладейш и в том, что они знали, когда именно легендарное зеркало Мересаменти появится на свет. Мисс Стирлинг утверждала, что они читали все, что публиковалось в «*Dreaming Spires*». Правильнее было бы сказать, что они узнавали обо всем гораздо раньше, только Лайнел еще не понял, как им удавалось шпионить за их редакцией.

Кровь словно покинула его тело, Лайнел почувствовал, как дрожат ноги, словно он только что сошел с корабля, но это не помешало ему ускорить шаг, а затем и побежать обратно к причалу так, словно за ним гнался сам дьявол.

«Боадицея» медленно покидала порт. Лайнел пробежал глазами дюжины голов, выглядывающих над поручнями, и через несколько секунд нашел то, что искал. Мисс Стирлинг со всем спокойствием мира облокотилась на перила рядом с супружеской парой и лишь слегка улыбнулась, увидев, как смотрит на нее Лайнел. Он понял, что все это время она ждала, пока вложенные ею кусочки головоломки не сложатся в его голове. Несмотря на разделяющее их расстояние, Лайнел увидел, как девушка поднесла указательный палец ко рту и дунула на него, словно это было дуло пистолета. «*Теперь ты знаешь, на что я способна, — без слов говорила она, — и что мои слова об отравлении Арчера были не просто изложением вероятной стратегии*».

Именно поэтому она приняла участие в суде. Поэтому решила защитить Эйлиш. Потому что знала, что если будет доказано, что именно

Деланси был исполнителем убийства, то вряд ли кто-то станет интересоваться не подсыпал ли кто что-нибудь в бокал Арчера, чтобы тот вылез через окно и пошел бродить по ночному саду.

Мужчина почувствовал на лбу капли пота. Не переставая улыбаться, мисс Стирлинг исчезла в недрах судна и «Боадицея» медленно, но верно покинула ирландское побережье, увозя с собой ее тайны и секреты.

Лайнел стоял у кромки воды до тех пор, пока корабль не превратился в темную точку, которую поглотила наступившая ночь. Он посмотрел на небо и убедился, что те же самые звезды светили над их головами в Долине Цариц. Звезды будут там и тогда, когда они встретятся снова и кто знает когда, в какой стране и в какой жизни это произойдет... Но Лайнел ни на секунду не сомневался, что они еще увидятся. Это пообещала сама мисс Стирлинг: все еще остались вопросы, которые Лайнел не собирался оставлять без ответов. Это было лишь началом их истории.

[1] « Боадицея » — Боудикка (Боудика , кельт . *Boudic* (с) а , неточная римская передача Боадицея , лат . *Boadicea* , ум . 61 г .) — жена Прасутага , тигерна зависимого от Рима бриттского племени иценов , проживавшего в районе современного Норфолка на востоке Англии . После смерти мужа римские войска заняли её земли , а император Нерон лишил её титула , что побудило её возглавить антиримское восстание 61 года . Боудикка (Боадицея) — королева воинов .